

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History,
Arheology
and Ethnography
of the Caucasus*

Т. 18
№ 3. 2022

Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра
РАН



ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Т. 18
№ 3. 2022

Махачкала, 2022

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович,
Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камиловна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мусеибли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук
Азербайджана, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной
академии наук Азербайджана, Азербайджан
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахובה Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мираимович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук
Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфрид Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Досымбаева Айман Медеубаевна, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Казахстан
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия

Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspár University, Венгрия
Осмаев Аббаз Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Судейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабайи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Текуева Мадина Анатольевна, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капанова Лейла Шамильевна
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022
© Все авторы, Т. 18. №3. 2022

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS
Issued by decision of the Academic Council
of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005
(formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov

The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation

Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation

Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands

Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan

Nadzhaf A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan

Shain M. Mustafaev, Z. Bunyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan

Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation

Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Editorial board

Ramazan S. Abdulmazhidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Birlant B. Abdulvakhabova, Chechen State University, Russian Federation

Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States

Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation

Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation

Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia

Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia

Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Petersburg, Russian Federation

Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland

Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia

Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia

Aiman M. Dossymbayeva, M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan

Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation

Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France

Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmaev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Buniyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Madina A. Tekueva, H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors
The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022
© All authors, V. 18. № 3, 2022

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
Т. 18. № 3 КАВКАЗА 2022

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

Закарияев З.Ш.	НОВЫЕ НАХОДКИ АРАБСКИХ НАДПИСЕЙ XI–XVIII вв. В СЕЛЕНИЯХ АХТЫНСКОГО РАЙОНА ДАГЕСТАНА	558
Мхитарян Г.Ж.	ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА АСТРАХАНИ ПО МАТЕРИАЛАМ «ФИЗИЧЕСКОЙ» ЭКСПЕДИЦИИ АКАДЕМИИ НАУК 1768–1774 годов	585
Садыков М.Г.	ОСМАНСКИЕ ФИРМАНЫ НА ИМЯ КАЙТАГСКИХ УЦМИЕВ (ПАРИЖСКАЯ КОЛЛЕЦИЯ)	606
Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И.	НОВЫЕ АРАБОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ШАМХАЛА МАХДИ-ХАНА ТАРКОВСКОГО И БИЙБУЛАТА ТАЙМИЕВА	626
Тетуев А.И.	ТРУДОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945)	642
Амирханова М.М.	СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДАГЕСТАНА. 1920–1930-е гг.: ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	664
Кальбизаде Э.Х.	ПРАГМАТИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА И ОТНОШЕНИЯХ С АРМЕНИЕЙ	679
Кирчанов М.В.	«КАВКАЗСКИЕ» НАРРАТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В ГРУЗИИ	694

АРХЕОЛОГИЯ

Амирханов Х.А.	ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ЧОХСКОГО МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ (ПО ДАННЫМ НА 2022 ГОД)	715
Мусебли Н.А.	КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ЛЕЙЛАТЕПИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	729
Таймазов А.И.	МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА АЙНИКАБ 6 В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ	751
Бурков С.Б.	О НАКОНЕЧНИКАХ СТРЕЛ С «БОКОВЫМИ ШИПАМИ» В НОМЕНКЛАТУРЕ ВООРУЖЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II – НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н.Э.	773
Маммаев М.М.	ДВЕ ХУДОЖЕСТВЕННО ОТДЕЛАННЫЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ СТЕЛЫ XIV в. ИЗ ДАГЕСТАНСКОГО СЕЛЕНИЯ КУБАЧИ: К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И АВТОРСТВЕ	793

ЭТНОГРАФИЯ

Сефербеков Р.И., Разаханов С.С., Галбацев С.М.	МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ АВАРЦЕВ ГУМБЕТА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI в.)	805
Капустина Е.Л.	МЯСО ИЗ ДОМА: РЕЖИМЫ И СМЫСЛЫ ДВИЖЕНИЯ МЯСНЫХ ПРОДУКТОВ ИЗ ДАГЕСТАНА В ГОРОДА РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ	823
Евстратов А.Г.	ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В АРМЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО НА ПРИМЕРЕ АССИРИЙЦЕВ	843

ЭКСПЕДИЦИИ

Кочкаров У.Ю., Малашев В.Ю., Ахмаров А.У., Горланов С.С.	АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ИТУМ-КАЛИНСКОМ РАЙОНЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2021 г.	861
---	---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Гезалова Н.Р.	РЕЦЕНЗИЯ на сборник «Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722-1735 гг.): сборник архивных документов» (Махачкала: Мавраевъ, 2020)	873
---------------	--	-----

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
Vol. 18. № 3 OF THE CAUCASUS 2022

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>Z.Sh. Zakariyev</i>	NEW FINDINGS OF ARABIC INSCRIPTIONS OF THE 11–18TH CENTURIES IN THE VILLAGES OF AKHTYNSKY DISTRICT OF DAGESTAN	558
<i>G.Zh. Mkhitarian</i>	ETHNO-CONFESSIONAL PICTURE OF ASTRAKHAN ACCORDING TO MATERIALS OF «PHYSICAL» EXPEDITION OF ACADEMY OF SCIENCES 1768-1774	585
<i>M.G. Sadykov</i>	OTTOMAN FIRMANS ADDRESSED TO KAITAG RULERS (PARIS COLLECTION)	606
<i>Y.M. Idrisov, I.I. Khanmurzaev</i>	NEW ARABIC-LANGUAGE SOURCES ON THE HISTORY OF RELATIONS BETWEEN SHAMKHAL MAHDI KHAN OF TARKY AND BEIBULAT TAYIMIEV	626
<i>A.I. Tetuev</i>	LABOR ACTIVITY IN EVERYDAY LIFE OF PEOPLE OF KABARDINO-BALKARIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)	642
<i>M.M. Amirkhanova</i>	RURAL POPULATION OF DAGESTAN IN 1920-1930S: HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC ASPECT	664
<i>E.H. Kelbizadeh</i>	PRAGMATISM IN IRAN'S FOREIGN POLICY AND RELATIONS WITH ARMENIA	679
<i>M.W. Kyrchanoff</i>	“CAUCASIAN” NARRATIVES OF MODERN POLITICS OF MEMORY IN GEORGIA	694

ARCHEOLOGY

<i>H.A. Amirkhanov</i>	CHRONOLOGY OF CULTURAL DEPOSITS OF THE CHOKH MULTILAYERED SETTLEMENT (ACCORDING TO 2022 DATA)	715
<i>N.A. Museyibli</i>	STONE INDUSTRY OF LEILATEPE CULTURE	729
<i>A.I. Taymazov</i>	AINIKAB 6 SITE OF THE EARLY PALEOLITHIC IN CENTRAL DAGESTAN	751
<i>S.B. Burkov</i>	ARROWHEADS WITH “SIDE SPIKES” IN THE MILITARY EQUIPMENT OF THE NORTH-CAUCASIAN POPULATION IN THE SECOND HALF OF THE II – EARLY I MIL. BC	773
<i>M.M. Mammaev</i>	TWO ARTISTICALLY DECORATED MUSLIM STELES OF THE 14TH CENTURY FROM KUBACHI: ON DATING AND ITS AUTHOR	793

ETHNOGRAPHY

<i>R.I. Seferbekov, S.S. Razakhanov, S.M. Galbatzev</i>	MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN TRADITIONAL BELIEFS OF THE GUMBET AVARS (SECOND HALF OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)	805
<i>E.L. Kapustina</i>	MEAT FROM HOME: MODES AND MEANINGS OF MEAT PRODUCTS FLOW FROM DAGESTAN TO THE CITIES OF THE RUSSIAN ARCTIC	823
<i>A.G. Evstratov</i>	PROBLEMS AND PECULIARITIES OF THE INTEGRATION OF ETHNIC MINORITIES INTO THE ARMENIAN SOCIETY ON THE EXAMPLE OF THE ASSYRIANS	843

EXPEDITIONS

<i>U.Yu. Kochkarov, V.Yu. Malashev, A.U. Akhmarov, S.S. Gorlanov</i>	ARCHEOLOGICAL EXPLORATION IN THE ITUM-KALINSKY REGION OF THE CHECHEN REPUBLIC IN 2021	861
--	---	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>N.R. Gozalova</i>	REVIEW of the book “Western Caspian region as part of the Russian Empire (1722-1735): Collection of archival documents” (Makhachkala: Mavraev, 2020)	873
----------------------	--	-----

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183558-584>

Закарияев Замир Шахбанович

д.и.н., проф. кафедры «Теория и практика перевода»

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия

zzakariyaev@yandex.ru

**НОВЫЕ НАХОДКИ АРАБСКИХ НАДПИСЕЙ XI–XVIII вв.
В СЕЛЕНИЯХ АХТЫНСКОГО РАЙОНА ДАГЕСТАНА**

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых новых находок арабоязычных эпиграфических памятников, обнаруженных автором в Ахтынском районе Дагестана в ходе полевых исследований, имевших целью сплошное изучение богатого эпиграфического наследия. Надписи выявлены в различных населенных пунктах, а также в заброшенных сельских поселениях, расположенных в труднодоступной горной местности. Все публикуемые надписи вводятся в научный оборот впервые. В жанровом отношении представленные в статье эпиграфические памятники состоят из строительных, владельческих, благопожелательных надписей, эпитафий и отрывков из Корана. В хронологическом отношении надписи охватывают период от XI в. до конца XVIII в. Часть надписей имеет дату. Для определения времени составления недатированных надписей применяется, прежде всего, методика датировки по палеографическим особенностям письма. Наиболее ранние надписи выполнены арабским почерком «куфи». Куфические надписи впервые выявлены в высокогорных лезгинских селениях Маза́ и Гдым. Находки куфических надписей в селении Маза подтверждают данные письменных источников о том, что это селение имеет многовековую историю. Таким образом, следует признать реальными сведения о ранней истории селения Маза, которые изложены в дагестанском историческом сочинении Та'рих Маза. Неизвестная прежде куфическая надпись XII–XIII вв., выявленная в древнем селении Хнов, является прекрасным образцом средневековой арабской каллиграфии. Интерес представляет сохранившаяся в святилище селения Луткун эпитафия от 1468–69 г., в которой дата обозначена цифрами, что очень редко встречается в средневековых надписях Дагестана. Высказано предположение, что один из эпонимов святилища был мусульманским деятелем XV в. Надписи XVIII в. из селений Ялак, Ялцуг и Старый Хкем повествуют о строительстве мостов и мавзолея, а владельческие надписи XVIII в. из селений Ялак и Хрюг составлены по случаю строительства частных жилых построек.

Ключевые слова: арабская эпиграфика; Дагестан; Ахтынский район; XI–XVIII вв.; куфические надписи.

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183558-584>



Zamir Sh. Zakariyaev

Dr. Sci. (History), Prof. at Dep. of Theory and Practice of Translation
Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia
zzakariyaev@yandex.ru

NEW FINDINGS OF ARABIC INSCRIPTIONS OF THE 11–18TH CENTURIES IN THE VILLAGES OF AKHTYNSKY DISTRICT OF DAGESTAN

Abstract. The paper analyses some of the recent finds of Arabic-language epigraphic monuments, discovered by the author in Akhtynsky district of Dagestan during the field work, aimed at studying the epigraphic heritage. The inscriptions were revealed in different settlements, including abandoned villages in remote mountainous areas. In terms of genre, the epigraphic monuments under review can be attributed to constructional, possessory, good-wishing inscriptions, epitaphs and excerpts from Quran. Chronologically the inscriptions cover the period from the 11th century up to the end of the 18th century. Some of the inscriptions are dated; to determine the time of writing of undated inscriptions, we applied dating by paleographic features of writing. The earliest inscriptions are written in Arabic “Kufi” script. Kufic inscriptions were first revealed in highland Lezgin villages of Maza and Gdym. The discovery of Kufic inscriptions in the village of Maza confirm the information from written sources that this village has centuries-old history. Therefore, the information about the early history of Maza, which is set out in the historical work Ta’rikh Maza, should be recognized as real. The previously unknown Kufic inscription of the 12–13th centuries, revealed in the ancient village of Khnow, is a fine example of medieval Arabic calligraphy. Of great interest is the epitaph of 1468-69 preserved in the sanctuary of the village Lutkun, where the date is indicated with numbers; this fact is rarely found in medieval inscriptions of Dagestan. Some suggest that one of the eponyms of the sanctuary was a Muslim activist of the 15th century. The inscriptions of the 18th century from the villages of Yalak, Yaltsug and Khkem inform about the construction of bridges and a mausoleum, and the possessory inscriptions of the 18th century from the villages of Yalak and Khrug were made in connection with the construction of private residential buildings.

Keywords: Arabic epigraphy; Dagestan; Akhtynsky district; 11-18th centuries; Kufic inscriptions.

Введение

Целью настоящей статьи является представление результатов изучения лишь некоторых новых находок арабоязычных эпиграфических памятников XI–XVIII вв., обнаруженных автором в горном Ахтынском районе Дагестана. В ходе полевых исследований, направленных на сплошное изучение богатого эпиграфического наследия района, надписи выявлены в разных населенных пунктах, а также в заброшенных сельских поселениях, расположенных в труднодоступной горной местности. Все эти надписи впервые вводятся в научный оборот. В статье представлены эпиграфические памятники разных жанров: строительные, владельческие, благопожелательные надписи, эпитафии и отрывки из Корана. Часть текстов имеет дату. Для определения времени составления недатированных надписей применяется методика датировки по палеографическим особенностям письма.

Несмотря на то, что история изучения эпиграфического наследия Ахтынского района¹ насчитывает более 170 лет², оно все еще недостаточно изучено. В большинстве селений работы по выявлению надписей прежде не проводились. Однако и в тех селениях, эпиграфика которых уже изучалась специалистами, нами обнаружено множество неисследованных памятников. Перевод публикуемых в статье надписей сопровождается научными комментариями. Орфография арабских текстов сохранена.

Селение Фий

Высокогорное селение Фий (лезг. *Фи́я*´, *Фи́я*´р) находится в южной части Ахтынского района, у Главного Кавказского хребта, на высоте около 2050 м над уровнем моря. В старину селение входило в состав особого магала (микрорегиона), включавшего пять высокогорных селений верхней части бассейна реки Ахты-чай (лезг. *Ахцегь-вацI*) – самого крупного притока Самура. В магал входили также селения Хнов, Борч³, Маза и Гдым. Как и другие селения магала, Фий был самоуправляемой сельской общиной, возглавляемой выборными сельскими старшинами – «аксакалами» [1, с. 27]. Однако этот магал не был отдельным союзом сельских общин, как иногда утверждается некоторыми исследователями,

1 До присоединения в 1839 г. Самурского региона Дагестана к Российской империи селения современного Ахтынского района входили в состав трех союзов сельских общин: Ахты-пара, Докуз-пара и Рутульского союза.

2 Научное изучение эпиграфики селений нынешнего Ахтынского района началось еще в середине XIX в. и связано с именами И.А. Бартоломея и Н.В. Ханыкова.

3 Развалины заброшенного селения Борч расположены на территории Рутульского района Дагестана, по соседству с селением Хнов Ахтынского района.

а был составной частью крупного союза сельских общин Ахты-пара во главе с селением Ахты. Ярким подтверждением этого тезиса служит следующий факт. В мечети селения Фий хранится рукопись сочинения *ал-Хисн ал-Хасин* Мухаммада ал-Джазари. Переписка рукописи завершена 30-го зу-л-хиджжа 1180 г. хиджры, что приходится на 28 мая 1767 г. Переписчик – «Мустафа, сын Хабила, сына Мустафы из селения Фий (*карийат Фуй*) области Дагестан (*вилаят Дагистан*), из магала Ахты-пара (*махалл Ахти-пара*)». Как мы видим, житель Фия называет свое селение частью исключительно союза сельских общин (*махалл*) Ахты-пара. В конце XVIII в. союз Ахты-пара объединял, в общей сложности, 17 селений [2, с. 88] и обладал большим влиянием в регионе. В колофоне рукописи из коллекции Национального музея Республики Дагестан имени А. Тахо-Годи, переписанной в месяце *ша'бан* 1172 г. хиджры / марте-апреле 1759 г., магал Ахты-пара наделен эпитетом «глава магалов» (*ра'ис ал-махаллат*).

Селение Фий упоминается в средневековых дагестанских исторических сочинениях *Та'рих Аби Муслим* [3, с. 85] и Махмуда ал-Хиналуки [4, с. 49]. О древности селения Фий и раннем распространении здесь ислама свидетельствуют выявленные нами куфические надписи в стенах сельской Джума-мечети [5, с. 8–12]

В селении Фий нами выявлена еще одна куфическая надпись. В стену жилого дома Т. Кулиева вмонтирована плита размерами 33×23 см с врезной куфической надписью из трех строк (Рис. 1). Надпись начинается с формулы *шахада*, после которой следует краткая традиционная мусульманская формула, характерная для эпиграфики раннего этапа распространения ислама в Дагестане.

(١) لا اله الا الله
(٢) ومحمد رسول
(٣) الله الملك لله

Перевод:

- «1) Нет бога, кроме Аллаха,
- 2) а Мухаммад – посланник
- 3) Аллаха. Владычество принадлежит Аллаху».

Надпись нанесена угловатым стилем «куфи». Стволы букв снабжены клиньями. Обособленный *лам* трактован в виде прямого угла с равными по длине сторонами. Верхняя часть буквы *вав* имеет форму треугольника, а основание буквы горизонтально строке. Нижняя часть *алифов* отогнута вправо, а в одном случае имеет клиновидную форму. Срединный *мим* имеет необычную для подавляющего большинства куфических надписей Дагестана круглую форму. Выразителен строгий угловатый *каф*. Исходя из палеографических особенностей письма, надпись составлена в XI–XII вв. Таким образом, возраст самых ранних из фийских куфических надписей не уступает известным надписям из соседнего Хнова.

Селение Маза

Высокогорное и труднодоступное селение Маза́ (лезг. *Маца́р*) расположено в ущелье реки Маза-чай (лезг. *Мацар-вацI*) – правого притока Ахты-чая, на высоте около 2000 м над уровнем моря. Ныне селение, имеющее многовековую историю, покинуто жителями и находится в развалинах. О некоторых страницах средневековой истории Маза повествуется в арабоязычном историческом сочинении, известном как *Та'рих Маза* (История Маза) [3, с. 109–140]. В этом сочинении селение Маза названо «огромным горным селением». Кроме того, Маза упоминается в средневековом дагестанском историческом сочинении Махмуда ал-Хиналуки [4, с. 49, 51, 54]. Среди суфиев, привлеченных автором этого сочинения в 861/1456–57 г. в качестве свидетелей достоверности родословной курайшитов, живших в Дагестане и Ширване, упоминается *суфи* Ахмад Мази [4, с. 57].

У основания стены заброшенного дома в квартале *Тамбулар мягъле*, установлен вытянутый речной камень размерами 52×20 см с врезной надписью по черком «куфи» (Рис. 2). Камень в кладке установлен в перевернутом виде.

الملك لله واحد القهار

Перевод:

«Владычество принадлежит Аллаху Единому, Всевластному».

Слово «Единый» начертано без определенного артикля. Высеченная на камне мусульманская формула, в основе которой лежит отрывок из аята суры Корана «Прощающий» (40:16), характерна для ранних арабских надписей Дагестана. Палеография надписи указывает на ее составление в пределах XII–XIII вв. О существовании в сел. Маза куфических надписей прежде известно не было. Находки в селении куфических надписей свидетельствуют о том, что селение Маза в XII–XIII вв. уже существовало. Есть все основания полагать, что оно существовало и раньше. Следует признать реальными сведения о ранней истории селения Маза, которые изложены в историческом сочинении *Та'рих Маза*. Исследователь этого исторического источника Т.М. Айтберов относит сообщение сочинения о захвате курайшитами селения Маза к концу X в. [3, с. 111]. Таким образом, сведения как письменных исторических источников, так и находки куфических эпиграфических памятников, дают основание отнести селение Маза к числу древнейших поселений Самурского региона.

К востоку от селения, выше по течению реки Маза-чай, на ровном месте в местности *Хийзин тул* расположено обширное старое кладбище. Оно вытянуто в длину примерно на 1 км⁴. Южный край кладбища круто обрывается к реке. Наиболее древние надмогильные памятники находятся на западной окраине кладбища, ближе к селению. Этот участок кладбища носит название *Куьгъне*

4 По оценке А.Р. Шихсаидова [6, с. 151], кладбище занимает площадь около 5 га. Т.М. Айтберов [7, с. 61] пишет, что участок кладбища, на котором стоят надмогильные стелы XIII–XIV вв., занимает площадь около 3 га.

сурар – «Старые могилы». Возраст памятников, лишь часть которых имеет надписи, «молодеет» в восточном направлении, поэтому среднюю часть кладбища мазинцы называют *Юкьла сурар* – «Средние могилы». Соответственно, самые поздние памятники расположены на восточной окраине кладбища. Этот участок носит название *Цийи сурар* – «Новые могилы».

А.Р. Шихсаидов опубликовал русские переводы нескольких надмогильных памятников с эпитафиями, самая ранняя из которых датируется им примерно XIV в. [6, с. 151]. Нам удалось выявить на кладбище ряд неисследованных прежде эпитафий разных эпох. Здесь впервые обнаружены памятники куфической письменности. В западной части кладбища находится надмогильный памятник 37×21 см из речного камня (Рис. 3). Врезная надпись нанесена почерком «куфи».

(١) هذا
(٢) عبد لر
(٣) حمن

Перевод:

«1) Это

2) 'Абд ар-

3) Рахман ('Абдурахман)».

Письмо имеет типично куфические черты. Начальная буква < ه > в указательном местоимении выведена в форме горизонтального прямоугольника с вертикальной чертой посередине. Буквы *зал* и *дал* имеют острые углы. *Мим* начертан в форме треугольника, а *нун* открыт слева. Имеются точки. Отмеченные палеографические особенности письма дают основания для датировки надписи в пределах XII–XIII вв.

Селение Хнов

Высокогорное селение Хнов (лезг., рут.: *Хин*, *Хинар*, *Хинад*) расположено на правом берегу ущелья реки Ахты-чай, при впадении в нее правого притока Дали-чай, на высоте 1850 м над уровнем моря. Хнов относится к числу наиболее богатых эпиграфикой селений Дагестана. Еще в 70-х гг. XX в. А.Р. Шихсаидов [8] выявил здесь много средневековых надписей, включая куфические тексты от XII в. Новые данные о средневековой эпиграфике Хнова опубликованы нами [9]. Недавно здесь обнаружена еще одна куфическая надпись, о которой прежде не было известно⁵.

В северной стене жилого дома Давудова Мурада в Западном квартале (квартал *Угъларияр*) установлен прямоугольный камень длиной 37 см, высотой 21 см. Внутри прямоугольной рамки высечен врезной текст из четырех строк (Рис. 4). Он состоит из традиционных мусульманских формул и назиданий. Почерк – превосходный каллиграфический «куфи». Окончание надписи не прочтено.

⁵ Автор благодарит уроженца сел. Ахты Ашуралиева Хуснуддина за предоставленное фото надписи.

(١) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
 (٢) لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ مُحَمَّدٌ رَسُولُ اللَّهِ
 (٣) الْمَلِكُ اللَّهُ الْوَاحِدُ الْقَهَّارُ مِنْ
 (٤) كَدِّ مَنْ اللَّهُ أَصْلَحَهُ ...

Перевод:

«1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

2) Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха.

3) Владычество принадлежит Аллаху Единственному, Всевластному. Кто

4) неустанно трудился ради Аллаха, тому Он улучшит ...».

Надпись является прекрасным образцом средневековой арабской каллиграфии. Манера куфического письма надписи не имеет аналогов среди прочих куфических текстов Хнова. Надпись лишена диакритических знаков. Стволы *алифов* и *ламов* увенчаны клиньями. Характерна форма *лама*, который всегда наклонен влево. Лигатуры <لا> представляют собой треугольник с обращенной вверх вершиной, на которую опираются два параллельных ствола. *Нуны* открыты слева. Зубцы *сина* резко теряют в высоте. Срединный *каф* исполнен в виде треугольника на «ножке». Красивый отточенный стиль тщательно выгравированной надписи демонстрирует высокое мастерство резчика-каллиграфа. Надпись составлена в XII–XIII вв.

Селение Гдым

Отдаленное высокогорное селение Гдым (лезг. *Гатум*) расположено всего в нескольких километрах от вершин Главного Кавказского хребта, в ущелье Гдымской речки (лезг. *Гатум-вацI*) – правого притока Ахты-чая. Высота селения над уровнем моря – 2000 м. Эпиграфика Гдыма прежде была совершенно не изучена.

На приусадебном участке Меликова Хаирбека находится надмогильный памятник неправильной формы 103×55×10 см (Рис. 5). Неровная лицевая сторона камня покрыта врезными надписями позднекуфическим почерком. Надписи частично повреждены. Их анализ показал, что это текст коранического аята «*ал-Курси*» из суры «Корова» (2:255). Текст нанесен в необычном порядке. Аят начинается с первой строки прямоугольного поля в центре памятника, а затем продолжается в правой его части, причем снизу вверх. Окончание аята помещено внутри треугольного поля в верхней части камня.

اللَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ الْحَيُّ الْقَيُّومُ لَا تَأْخُذُهُ سَنَةٌ وَلَا نَوْمٌ لَهُ مَا فِي السَّمَاوَاتِ وَمَا فِي الْأَرْضِ
 مَنْ ذَا الَّذِي يَشْفَعُ عِنْدَهُ إِلَّا بِإِذْنِهِ يَعْلَمُ مَا بَيْنَ أَيْدِيهِمْ وَمَا خَلْفَهُمْ وَلَا يُحِيطُونَ بِشَيْءٍ مِنْ عِلْمِهِ إِلَّا بِمَا
 شَاءَ وَسِعَ كُرْسِيُّهُ السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضَ وَلَا يَئُودُهُ حِفْظُهُمَا وَهُوَ الْعَلِيُّ الْعَظِيمُ

Перевод:

«Нет божества, кроме Аллаха, вечно живого, самодовлеющего, властвующего над всеми творениями. Не подвержен Он ни дремоте, ни сну. Принадлежит

Ему то, что на небесах, и то, что на земле. Кто же смеет заступиться пред Ним, если не будет на то соизволения Его? Ведомо Ему то, что было с людьми раньше и что станет после. Люди же постигают из знания Его лишь то, что пожелает Он [ниспослать им]. Подвластны Ему небеса и земля, не в тягость Ему обережение их. Всевышний Он, Превеликий⁶».

По палеографическим особенностям надпись может быть датирована XIII–XIV вв. Это старейшая сохранившаяся надпись селения Гдым. О наличии в селении памятников куфической письменности прежде не было известно. Находка надписи указывает на то, что поселение на этом месте в XIII–XIV вв. уже существовало. Предположительно, на месте памятника раньше было расположено старинное кладбище, которое впоследствии было застроено жилыми домами. Наличие единственной сохранившейся надмогильной стелы с куфическим текстом позволяет отныне с полным основанием считать Гдым селением с многовековой историей.

Селение Луткун

Селение Луткун расположено на левом берегу Самура, в 2 км к западу от райцентра Ахты, на высоте 1120 м над уровнем моря. Раньше селение располагалось выше, на отроге Самурского хребта, но сравнительно недавно жители переселились на ровное место у его подножия. О древности Луткуна убедительно свидетельствуют куфические надписи XI–XIII вв., обнаруженные нами в стенах старой Джума-мечети [11, с. 551–552]. В этой мечети поныне сохранился великолепный резной деревянный столб, который датируется в пределах XI–XII вв. [12, с. 179]. Этим же временем датируются остатки шутовского *михраба* мечети [13, с. 27–29], что хорошо согласуется с датировкой куфических надписей мечети. Одним из элементов уникального орнамента ныне утраченного шутовского *михраба* в Луткуне были расположенные в шахматном порядке свастикообразные геометризованные фигуры и квадратные медальоны с декоративной куфической надписью (слово «Аллах») [13, с. 28]⁷. Помимо Луткуна, шутовые рельефы обнаружены в Дагестане лишь в джума-мечетях селений Каракюре⁸ и Калакорейш⁹.

На кладбище в верхней части села расположено мусульманское святилище, которое известно у местных жителей как *Пир Мусы и Исы*. Согласно местному преданию, Муса и Иса занимались распространением исламских знаний в селении. Внутри святилища имеется надмогильная стела 124×55×7 см из камня скальной породы (Рис. 6). На лицевую поверхность памятника крупным размашистым почерком «сулс» нанесена врезная эпитафия из шести строк. Эпитафия местами повреждена.

6 Здесь и далее Коран цитируется в переводе М.-Н. О. Османова [10].

7 При недавнем ремонте старой Джума-мечети было обнаружено несколько чудом сохранившихся фрагментов шутовых облицовок *михраба*.

8 Лезгинское селение Каракюре расположено в Докузпаринском районе Дагестана, по соседству с Ахтынским районом.

9 Ныне заброшенное даргинское селение Калакорейш находится в Дахадаевском районе Дагестана.

- (١) هذا القبر ...
 (٢) السعيد الشهيد المغفور
 (٣) المرحوم الواصل الى
 (٤) رحمة الله عبد
 (٥) الرحمن بن عيسى
 (٦) غفر الله لهما
 (٧) في تاريخ سنة ٧٣٣ [٨]

Перевод:

«1) Это могила ...

2) счастливого мученика (*аш-шахид*), прощенного [Аллахом],

3) покойного, прибывшего к

4) милости Аллаха 'Абд

5) ар-Рахмана, сына 'Исы,

6) – да простит их обоих Аллах.

7) В дату: [8]73 год».

873 г. *хиджры* начался 30 июля 1468 г. и завершился 19 июля 1469 г.

Полностью сохранились две последние цифры даты. Что касается предыдущей цифры, то сохранился небольшой ее фрагмент – правая нижняя часть. Это сильно наклоненная влево линия. Лишь одна арабская цифра имеет такую характерную черту – цифра $< \wedge >$ (8). Следовательно, датой надписи следует считать 873 г., поскольку в этом случае в дате по *хиджре* других цифр перед цифрой 8 уже не может быть. Отметим, что датировка средневековых арабоязычных надписей цифрами не характерна для эпиграфики Дагестана. Как правило, даты в дагестанских надписях до XVIII в. выполнялись прописью. Манера и особенности письма луткунской эпитафии, например, характерная «шейка» под начальной буквой $< \aleph >$ имеют прямые параллели в надписях из Южного Дагестана, преимущественно, XVII–XVIII вв., в частности, в надписи на надмогильном камне мавзолея *шайха* Ахмада в лезгинском селении Гельхен¹⁰ [14, с. 151]. Мавзолей *шайха* Ахмада ал-Кулхани сооружен в 1622 г. Однако имеются случаи и более раннего использования схожего почерка. Примером может служить строительная надпись в Джума-мечети агульского селения Рича¹¹, датированная 856 г. *хиджры*, что соответствует 1452 г. [15, с. 267]. Таким образом, нет оснований для предположений о позднем происхождении (копировании) луткунской эпитафии.

Судя по всему, луткунская эпитафия 1468-69 г. посвящена сыну одного из двух мусульманских деятелей, с именами которых местное население связывает появление святилища. В таком случае, эпоним святилища по имени Иса следует считать мусульманским деятелем первой половины XV в.

¹⁰ Селение Гельхен расположено в Курахском районе Дагестана.

¹¹ Селение Рича расположено в Агульском районе Дагестана.

Селение Ялак

Высокогорное селение Ялак (лезг. *Ялахъ*) расположено на южных отрогах Самурского хребта на высоте 1650 м над уровнем моря, в ущелье Ялак-кам – левого притока реки Самур, в 18 км к северо-западу от райцентра Ахты. Эпиграфические памятники Ялака впервые исследованы нами.

Во дворе дома Магомедова Шахмагомеда хранится богато декорированная прямоугольная плита 55×38×4 см (Рис. 7). Она оформлена в художественно-композиционном стиле, характерном для ряда аналогичных плит XVIII–XIX вв. из Самурского региона. По бордюру нанесена лента с «вьющимся» растительным орнаментом. Центральное квадратное поле с текстом сопровождаются сложные орнаментальные композиции с изысканным растительным мотивом. Декор плиты органично дополняют два рельефных эпиграфических фриза. Верхний фриз содержит неполный текст аята из суры Корана «Различение» (25:58):

وتوكل على الحي الذي لا يموت وسبح بحمده وكفى

Перевод:

«Уповай же на Вечносущего, Который не умирает, и славь Его, восхваляя».

В нижнем фризе высечены четыре аята из суры Корана «Поэты» (26:88–91).

يوم لا ينفع مال ولا بنون الا من اتى الله بقلب سليم وازلفت الجنة للمتقين وبرزت الجحيم للغاوين

Перевод:

«В день тот, когда не пригодятся ни богатство, ни сыновья, кроме как тем, кто предстанет пред Богом с сердцем чистым [от многобожия и лицемерия]». [В день тот, когда] близок будет рай к благочестивым, [когда] предстанет ад перед сошедшими [с пути прямого]».

Текст центрального поля высечен в высоком рельефе почерком «наسخ» и представляет собой владельческую запись:

(١) اغشرين وحاجي
(٢) ابن شرين بك
(٣) وشرين بك ومحمد كرم بن
(٤) محماد حدا هجر النبي سنة ١١٢٠

Перевод:

«1) Ага-Ширин и Хаджи

2) – сыновья Ширинбека.

3) Ширинбек и Мухаммад-Карим – сыновья

4) Мухаммада ... [Дата по] хиджре пророка: 1120 год».

1120 г. хиджры соответствует 22.03.1708 – 11.03.1709 г.

Это старейшая из датированных арабских надписей, выявленных нами в селении Ялак. Судя по содержанию основного текста, а также форме и декоративному оформлению плиты, она находилась прежде в стене жилого дома, который принадлежал членам ялакского тухума *Мегьревана*. На последнее

обстоятельство указывают приводимые в надписи имена, характерные для мужчин тухума *Мегьревана*р. Эти имена зафиксированы нами в Посемейных списках сел. Ялак от 1850, 1865, 1873 и 1886 гг.

Во дворе дома Магомедрасулова Шамиля хранятся несколько плит с арабскими надписями. На речном прямоугольном камне 36×20×5 см, который мы впервые обнаружили в 2006 г. у дома, принадлежавшего Абдурахманову Абдурахману, имеется врезная строительная надпись из трех строк (Рис. 8). Надпись заключена в рамку. Почерк «наسخ».

(١) قد بنا هذا القنطرة الحقيير الفقير
(٢) الى رحمة الله ابراهيم ابن محرم
(٣) اختى عفا عنهما العافى

Перевод:

«1) Построил (*бана*) этот мост жалкий бедняга, [нуждающийся]

2) в милости Аллаха Ибрахим, сын Мухаррама

3) из Ахты (*Ахти*), – да простит его Прощающий¹²!».

Текст не имеет даты, однако выполнен в почерковом стиле, характерном для южнодагестанских надписей XVIII в. При датировке текста нами были привлечены также данные строительной надписи от 1746 г. в южной стене Джума-мечети селения Хнов [16, с. 76–78]. Согласно этой надписи, мечеть была сооружена под руководством профессионального мастера-строителя (*устад*) Ибрахима, сына Мухаррама из Ахты. В хновской надписи, как и в ялакской, *нисба* мастера также приводится без артикля – *Ахти*. Мы полагаем, что мечеть в Хнове и мост в Ялаке построил один ахтынский мастер. Следовательно, рассматриваемая ялакская надпись была составлена примерно в середине XVIII в.

Селение Старый Хкем

Высокогорное селение Старый (Верхний) Хкем расположено на южных склонах Самурского хребта, на высоте около 1750 м над уровнем моря, в 2,5 км к северо-востоку от райцентра Ахты. Селение находится в развалинах и давно покинуто жителями, которые в 1962 г. переселились вниз и основали на левом берегу Самура новое село под тем же названием. Эпиграфика Старого Хкема прежде не была изучена.

На окраине селения сохранилось святилище (*nir*), известное как святилище (*nir*) Ибрам-Халила¹³ (лезг. *Ибрамхалилан nir*). В его кладке имеется плита с врезной надписью из трех строк в рамке (Рис. 9). Почерк «наسخ».

(١) قد بنى هذه القبة اولا اوست
(٢) صادق في زمان الذى خرب مسكنه
(٣) ليد الاختى مع عمخان الاوارى وسرخى خان الغموقى فى سنة ١١٩٧

12 «Прощающий» (ал-‘Афи) – один из эпитетов Аллаха.

13 Ибрам-Халил – местный вариант имени Ибрахим-Халил.

Перевод:

«1) Этот мавзолей (*ал-кубба*) построил первоначально (*бана аввалан*) мастер (*уста*)

2) Садик во время, когда была разрушена Мискинджа

3) руками ахтынцев (*ал-Ахти*) вместе с ‘Умма-ханом Аварским (*ал-Авари*) и Сурхай-ханом Казикумухским (*ал-Гумуки*)

4) в 1197 году».

1197 г. *хиджры* соответствует 06.12.1782 – 25.11.1783 г.

Дату строительства мавзолея составитель надписи привязал к известному и резонансному историческому событию, имевшему место в том же 1197/1782–83 г. Разрушение селения Мискинджа произошло в ходе военного столкновения селения Ахты, стоявшего во главе союза сельских общин Ахты-пара, и селения Мискинджа, которому оказывал военную помощь соседний союз Докуз-пара. Ахтынцам удалось привлечь на свою сторону воинские контингенты крупных феодальных владений Дагестана – Аварского и Казикумухского ханств. Итогом боевых действий стало разрушение и сожжение Мискинджи. Это событие нашло отражение в ряде арабоязычных записей на полях дагестанских рукописей, а также в надписи на стене мечети лезгинского селения Смугул [11, с. 557–560]. О столкновении и разрушении Мискинджи упоминает также анонимный российский автор сочинения, известного как «Описание Самурского округа», которое было составлено около 1866 г. [11, с. 32]. В 2016 г. в сел. Гельхен Курахского района, в рукописной коллекции местного жителя Ибеева Манафа, нами обнаружен арабоязычный хронограф, в котором имеется запись о разрушении Мискинджи в 1197/1782–83 г. Наряду с ахтынцами, Сурхай-ханом II и ‘Умма-ханом Аварским, участником сожжения Мискинджи запись называет также ‘Али-Султана Дженгутайского (*ал-Джанкути*) – правителя Мехтулинского ханства, которое располагалось на части территории современных Буйнакского и Левашинского районов Дагестана. Эта уникальная запись является единственным свидетельством участия воинов Мехтулинского ханства в разрушении сел. Мискинджа.

Селение Хрюг

Селение Хрюг (лезг. *Хуьруьг*) расположено в 12 км к западу от райцентра Ахты, на левом берегу Самура, у подножия Самурского хребта, на высоте 1200 м над уровнем моря. Здесь нами обнаружены две владельческие надписи, составленные, видимо, по случаю окончания работ по строительству частных жилых домов.

В стену забора дома Рагимова Сиражудина вмонтирована богато декорированная прямоугольная плита 46×25 см (Рис. 10). По краю плиту окаймляет орнаментальная лента с растительным мотивом «вьюнок». Небольшое центральное поле с владельческой надписью сопровождают две симметрично расположенные растительные композиции. Надпись высечена в высоком

рельефе почерком «насах». Дата расположена над центральным полем, на верхнем орнаментальном фризе.

مالك بناء عسكر ١١٧٨

Перевод:

«Владелец (малик) строения (бина) 'Аскар. 1178 г.».

1178 г. *хиджры* соответствует 30.06.1764 – 19.06.1765 г.

Над входом в дом Даудова Магарама в старой части селения (квартал *Сиклер* *ким*) установлена прямоугольная плита 65×50 см с владельческой надписью (Рис. 11). Почерк – превосходный «сулс». Рельефный текст из четырех строк в картушах помещен в прямоугольно-вертикальное поле в центре плиты. Поле обрамлено изящными растительными композициями. По верхнему и нижнему краям плиты высечены орнаментальные фризы с растительным мотивом «вьюнок».

(١) ترك الدنيا مهر الاخرة
(٢) صاحب هذا البيوت ابراهيم
(٣) ابن محمد على المرحوم
(٤) وكاتبه دمدان سنة ١٢١٤

Перевод:

«1) Оставление мирского – награда в потустороннем мире.

2) Владелец (сахиб) этого дома (ал-буйут) Ибрахим,

3) сын покойного Мухаммад-‘Али.

4) А написал это (катибуху) Дамадан в 1214 году».

1214 г. *хиджры* соответствует 04.06.1799 – 24.05.1800 г.

Не исключено, что упомянутый в тексте «покойный Мухаммад-‘Али» был каллиграфом строительной надписи от 1197/1782-83 г. на Джума-мечети селения Смугул [11, с. 558–559].

Селение Ялцуг

Высокогорное селение Ялцуг (лезг. *Ялцугъ*), известное также как «Ялджух», расположено в Муглахском ущелье, на высоте около 1900 м над уровнем моря, в 8 км к югу от райцентра Ахты. Прежде Ялцуг, входивший в состав союза сельских общин Докуз-пара¹⁴, был самым крупным из селений Муглахского ущелья. Ныне селение находится в развалинах и почти полностью покинуто жителями.

Эпиграфические памятники Ялцуга прежде не изучались. К сожалению, старых построек в селении практически не сохранилось. Сохранившейся достопримечательностью селения Ялцуг является красивый родник с аркадой. В левом углу родника друг под другом вставлено несколько длинных плит с арабскими надписями. На среднюю плиту размерами 114×12 см нанесена строительная надпись конца XVIII в. (Рис. 12). Надпись из одной строки помещена

¹⁴ Союз Докуз-пара состоял из девяти высокогорных лезгинских селений ныне восточной части Ахтынского района.

внутри картуша, вытянутого во всю длину камня. С обоих концов картуш замыкается лилиями. Низкий рельеф, великолепный почерк «сулс».

قد عَمَّرَ هذه القنطرة عبد الله بن اوسته قفلان في تاريخ النّبي سنة تسعة ومائتين بعد الالف
واستادها ذوالفقار وموسى كاتبه بيرام

Перевод:

«Отремонтировал ('аммара) этот мост 'Абдаллах, сын мастера (*уста*) Кафлана в дату пророка: тысяча двести девятый год. А мастера (*устадуха*) – Зулфикар и Муса. Написал это (*катибуху*) Байрам».

1209 г. *хиджры* соответствует 28.07.1794 – 17.07.1795 г.

Из текста следует, что плита в стене родника использована вторично, поскольку надпись повествует о ремонте моста. В тексте использован глагол 'аммара, которым в эпиграфике Дагестане обозначали, как правило, ремонтно-восстановительные работы (наряду с глаголом *джаддада*) [15, с. 418]. Очевидно, что плита из пришедшего в негодность моста была вставлена в стену родника при его строительстве. В надписи последовательно указаны заказчик (организатор) ремонта моста в Ялцуге в конце XVIII в. – 'Абдуллах, сын *уста* Кафлана, который, вероятно, оказал материальную поддержку при ремонте, непосредственные мастера-строители (Зулфикар и Муса) и, наконец, резчик-каллиграф надписи – Байрам. Имя последнего высечено сбоку слева от основного текста. Все указанные лица, видимо, были жителями Ялцуга, поскольку в надписи отсутствует указание на их происхождение. В Ялцуге нами обнаружены еще две надписи, выполненные искусным каллиграфом Байрамом. В 1217/1802-03 г. он высек эпитафию стелы на могиле ялцугца *малла* 'Али, сына *малла* Мавлан-кули, а в 1227/1812 г. – эпитафию ялцугца 'Абдала, сына Ага-Киши, сына *хаджжи* Мухаммада.

Заключение

Интенсивные работы по сплошному изучению богатого эпиграфического наследия Ахтынского района продолжают приносить результаты. Надписи выявлены как в различных населенных пунктах, так и в высокогорных заброшенных поселениях. Все эти надписи впервые вводятся в научный оборот. Следует отметить, что выявление неизвестных прежде надписей происходит и в тех селениях, где уже работали эпиграфисты. Обнаружение куфических надписей в селениях Маза и Гдым свидетельствует о том, что эти селения имеют многовековую историю. Таким образом, есть основания полагать, что сведения о ранней истории селения Маза, изложенные в сочинении *Та'рих Маза*, являются реальными. Эпитафия от 1468-69 г., выявленная в сел. Луткун, является весьма редким примером средневековой дагестанской надписи с цифровым обозначением даты, поскольку почти во всех датированных средневековых

надписях Дагестана даты выведены прописью. В селениях Ахтынского района распространенной была практика составления памятных надписей по случаю окончания строительно-ремонтных работ не только мусульманских культовых сооружений, но и прочих общественных и частных построек. Примером могут служить публикуемые надписи XVIII в. из селений Ялак, Ялцуг, Старый Хкем и Хрюг. В селениях Ахтынского района уже были зафиксированы случаи, когда резчики-каллиграфы датированных строительных надписей упоминают в текстах резонансные исторические события, происходившие в это время. Примером может служить новооткрытая надпись 1197/1782-83 г. из Старого Хкема.

Безусловно, Ахтынский район относится к числу наиболее богатых эпиграфикой районов Дагестана. Причем, как в количественном отношении, так и в отношении историко-культурной ценности имеющих здесь арабских надписей. Дальнейшее изучение эпиграфики района может способствовать выявлению новых интересных находок, а в перспективе и составлению полноценного Корпуса эпиграфических памятников Ахтынского района.



Рис. 1. Куфическая надпись XI–XII вв. из с. Фий

Fig. 1. Kufic inscription of the 11th–12th centuries from the village Fiy

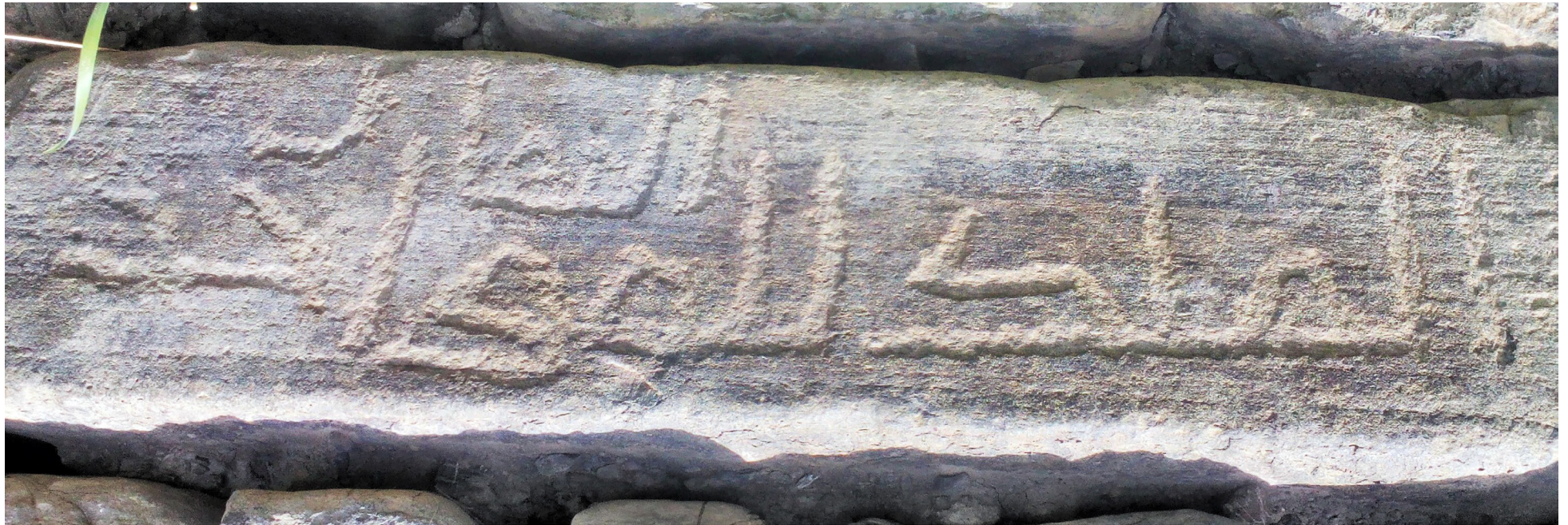


Рис. 2. Куфическая надпись XII–XIII вв. из сел. Маза

Fig. 2. Kufic inscription of the 12th–13th centuries from the village Maza



Рис. 3. Куфическая эпитафия XII–XIII вв. из сел. Маза

Fig. 3. Kufic epitaph of the 12th–13th centuries from the village Maza



Рис. 4. Куфическая надпись XII–XIII вв. из сел Хнов

Fig. 4. Kufic inscription of the 12th–13th centuries from the village Khnov



Рис. 5. Надпись XIII–XIV вв. из сел. Гдым

Fig. 5. Inscription of the 13th-14th centuries from the village Gdym



Рис. 6. Стела с эпитафией 1468-69 г. из сел. Луткун

Fig. 6. Stele with an epitaph of 1468-69 from the village Lutkun



Рис. 7. Плита из сел. Ялак с владельческой надписью и аятами Корана. 1708-09 г.

Fig. 7. Stele from Yalak village with the owner's inscription and Quran. 1708-09

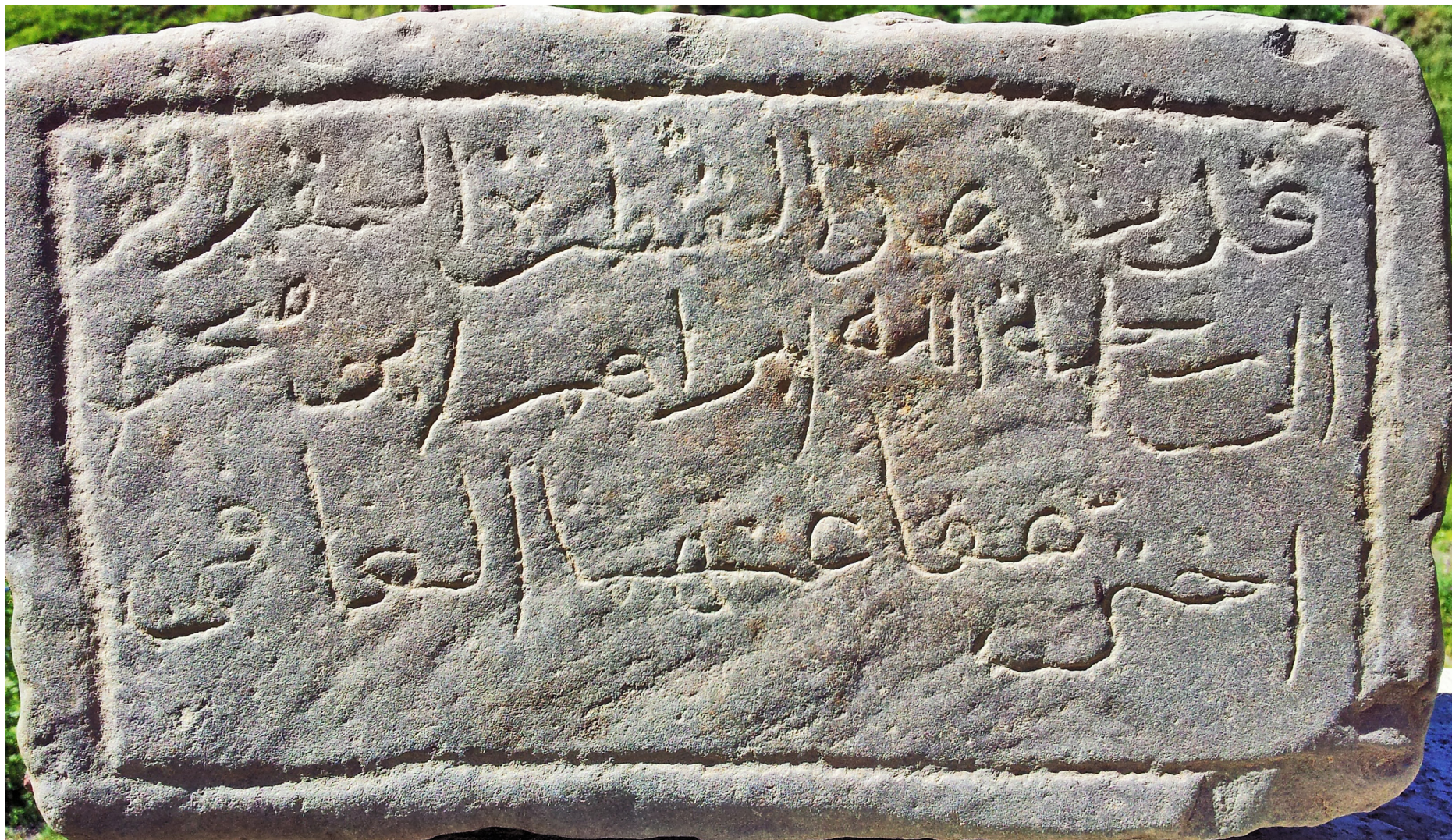


Рис. 8. Надпись середины XVIII в. из сел. Ялак о строительстве моста

Fig. 8. Inscription from the middle of the 18th century from the village Yalak on the construction of the bridge



Рис. 9. Строительно-историческая надпись 1782-83 г. из сел. Старый Хкем

Fig. 9. Construction and historical inscription of 1782-83 from the village Staryi Khkem



Рис. 10. Владельческая надпись 1764-65 г. из сел. Хрюг

Fig. 10. Owner's inscription of 1764-65 from the village Hryug



Рис. 11. Владельческая надпись 1799-1800 г. из сел. Хрюг

Fig. 11. Owner's inscription of 1799-1800 from the village Hryug



Рис. 12. Надпись 1794-95 г. из сел. Ялцуг о ремонте моста

Fig. 12. Inscription of 1794-95 from the village Yaltsug informing about the bridge reconstruction

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы. Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. – М., 1965. С. 25–32.
2. Закарияев З.Ш. Ахтыпара: страницы истории // Дагестанские святыни. – Кн. 1. Сост. и отв. ред. А.Р. Шихсаидов. – Махачкала, 2007. С. 82–102.
3. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М., 1993.
4. Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване XIV–XV вв. Пер. с араб., сост., предисл., коммент. и прил. А.Р. Шихсаидова. – Махачкала, 1997.
5. Закарияев З.Ш. Арабоязычная эпиграфика соборной мечети селения Фий (XII–XIX вв.) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. №1. Махачкала, 2011. С. 8–12.
6. Шихсаидов А.Р. Новые памятники эпиграфики (Материалы к истории поселений) // Древние и средневековые поселения Дагестана (Сборник статей). – Махачкала, 1983. С. 148–159.
7. Айтберов Т.М. К истории Ширвана и Кабалы (сел. Маза в X–XVII вв.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. I. – М., 1986. С. 60–63.
8. Шихсаидов А.Р. Надписи из Хнова // Древности Дагестана (материалы по археологии Дагестана). Т. 5. – Махачкала, 1974. С. 262–276.
9. Закарияев З.Ш. Средневековая эпиграфика селения Хнов (XI–XV вв.): новые данные // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. №3. 2020. С. 502–548.
10. Османов М.-Н. О. Коран: пер. с араб. СПб.: Диля, 2010.
11. Закарияев З.Ш. Арабоязычная эпиграфика мечетей в лезгинских селениях Ахтынского района Дагестана (надписи XI–XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. № 4. С. 542–568.
12. Дебиров П.М. История орнамента Дагестана: Возникновение и развитие основных мотивов. – М., 2001.
13. Дебиров П.М. Архитектурная резьба Дагестана. – М., 1966.
1. *Monuments of customary law of Dagestan XVII-XIX centuries. Archival material [Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVII-XIX vv. Arkhivnye materialy]*. Comp., foreword and comm. by Kh.M. Khashaev. Moscow, 1965:25-32. (In Russ)
2. Zakariaev ZSh. Akhtypara: pages of history [Akhtypara: stranitsy istorii]. In: Shikhsaidov AR. (comp., ed.). *Dagestan shrines. Book 1 [Dagestanskije svyatyni]*. Makhachkala, 2007:82-102. (In Russ)
3. Shikhsaidov AR, Aitberov TM, Orazayev GM-R. *Dagestan historical works [Dagestanskije istoricheskie sochineniya]*. Moscow, 1993. (In Russ)
4. *Mahmud from Khinalug. Events in Dagestan and Shirvan in the XIV-XV centuries [Makhmud iz Khinaluga. Sobytiya v Dagestane i Shirvane XIV-XV vv.]*. Transl. from Arabic, comp., foreword, commentaries and appendix by A.R. Shikhsaidov. Makhachkala, 1997.
5. Zakariaev ZSh. Arabic-language epigraphy of the cathedral mosque of the village of Fiy (XII-XIX centuries) [Araboyazychnaya epigrafika sobornoy mecheti seleniya Fiy (XII-XIX vv.)]. *Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Social and human sciences*. Makhachkala. 2011, 1:8-12. (In Russ)
6. Shikhsaidov AR. New monuments of epigraphy (Materials for the history of settlements) [Novye pamyatniki epigrafiki (Materialy k istorii poseleniy)]. *Ancient and medieval settlements of Dagestan (collected articles) [Drevnie i srednevekovye poseleniya Dagestana (Sbornik statey)]*. Makhachkala, 1983: 148-159. (In Russ)
7. Aitberov TM. On the history of Shirvan and Kabala (Maza village in the 10-17th c.). [K istorii Shirvana i Kabaly (sel. Maza v X-XVII vv.)] *Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East [Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka]*. Part I. Moscow, 1986:60-63. (In Russ)
8. Shikhsaidov AR. Inscriptions from Khnov. [Nadpisi iz Khnova] *Antiquities of Dagestan (materials on the archeology of Dagestan) [Drevnosti Dagestana (materialy po arkheologii Dagestana)]*. Vol. 5. Makhachkala, 1974: 262-276. (In Russ)

14. Закарияев З.Ш. Иранские шахи в арабской эпиграфике Дагестана (по материалам новых находок надписей XVII–XVIII вв.) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. №3 (32), 2010. С. 151–153.

15. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. – М., 1984.

16. Закарияев З.Ш. Арабоязычные надписи XVII–XVIII вв. из селения Хнов о строительстве минаретов и мечети // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. №2. С. 72–82.

9. Zakariaev ZSh. Medieval epigraphy of Khnov village (11th–15th centuries): new data. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(3):502–548. (In Russ)

10. Osmanov M-NO. *Quran*: trans. from Arabic. St. Petersburg: Dilya, 2010. (In Russ)

11. Zakariaev ZSh. Arabic-language epigraphy of mosques in the Lezgi villages of the Akhtynsky district of Dagestan (inscriptions of the 11th–18th centuries) [Araboyazychnaya epigrafika mechetey v lezginskikh seleniyakh Akhtynskogo rayona Dagestana (nadpisi XI–XVIII vv.)]. *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies*. 2021, 13(4):542–568. (In Russ)

12. Debirov PM. *The history of the ornament of Dagestan: The emergence and development of the main motives* [Istoriya ornamenta Dagestana: Vozniknovenie i razvitie osnovnykh motivov]. Moscow, 2001. (In Russ)

13. Debirov PM. *Architectural carving of Dagestan* [Arkhitekturnaya rez'ba Dagestana]. Moscow, 1966. (In Russ)

14. Zakariaev ZSh. Iranian shahs in the Arabic epigraphy of Dagestan (based on new finds of inscriptions of the 17th–18th centuries) [Iranskie shakhi v arabskoy epigrafike Dagestana (po materialam novykh nakhodok nadpisey XVII–XVIII vv.)]. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2010, 3(32):151–153. (In Russ)

15. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan in the 10th–17th centuries as a historical source* [Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X–XVII vv. kak istoricheskiy istochnik]. Moscow, 1984. (In Russ)

16. Zakariaev ZSh. Arabic-language inscriptions of the 17th–18th centuries from the village of Khnov about the construction of minarets and mosques. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2018, 14(2):72–82. (In Russ)

Поступила в редакцию 02.03.2022 г.

Принята к публикации 19.05.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183585-605>



Мхитарян Гоар Жораевна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт Востоковедения НАН РА, Ереван, Армения
goharmkhitaryan7@gmail.com

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА АСТРАХАНИ ПО МАТЕРИАЛАМ «ФИЗИЧЕСКОЙ» ЭКСПЕДИЦИИ АКАДЕМИИ НАУК 1768–1774 годов

Аннотация. Этноконфессиональному облику Астрахани во второй половине XVIII в. посвящен ряд научных публикаций и исследований (А. И. Юхт, М. М. Имашева, Э. В. Кутрышева, А. Л. Рябцев), но проблема полностью не исчерпана. В настоящей работе нами ставится цель воссоздать наиболее полную и объективную картину формирования этнического и конфессионального состава Астрахани во второй половине XVIII в. и жизни её общин по материалам «физической» экспедиции Академии наук в 1768–1774 гг., которая ранее не часто привлекала внимание исследователей. Методологическую основу статьи составили главные принципы исторической науки: объективность, научность и историзм, предполагающие изучение исторических событий и фактов в конкретных исторических условиях. Проведенное исследование показало, что на этноконфессиональные процессы Астрахани в значительной степени повлияли события внешнеполитического и торгово-экономического характера в регионе. Астрахань была центром международной торговли, связывая Европу с Азией, и европейские нравы и инновации быстро проникали в город, который вбирал определенное количество инородного элемента. По сути, материалы «физической» экспедиции второй половины XVIII в. стали одним из основных источников получения новых фактов и накопления этнографического материала по истории астраханских общин. Следовательно, исследования астраханской экспедиции 1768–1774 гг. под руководством академика С. Гмелина представляют огромное значение для изучения этноконфессиональной истории Астрахани и населяющих ее народов, экономических перспектив края, с учетом исторических особенностей региона. Сочинение С. Гмелина «Путешествие по России для исследования трех царств естества» занимает своё достойное место среди первоисточников по истории Юга России второй половины XVIII в.

Ключевые слова: «физическая» экспедиция 1768–1774 гг.; Академия наук; С. Г. Гмелин; Астрахань; татары; армяне; казаки.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183585-605>

Gohar Zh. Mkhitarian

Cand. Sci. (History), Senior Researcher

Institute of Oriental Studies NAS RA, Yerevan, Republic of Armenia

goharmkhitarian7@gmail.com

ETHNO-CONFESSIONAL PICTURE OF ASTRAKHAN ACCORDING TO MATERIALS OF «PHYSICAL» EXPEDITION OF ACADEMY OF SCIENCES 1768-1774

Abstract. A number of scientific publications and researches (A.I. Juht, M.M. Imasheva, E.V. Kugrysheva, A.L. Ryabtsev) are devoted to the ethno-confessional image of Astrakhan in the second half of the 18th century but the problem has not been fully solved. In this paper, we aim to recreate the most complete and objective picture of the formation of the ethnic and confessional composition of Astrakhan in the second half of the 18th century and the life of its communities based on materials of the «physical» expedition of the Academy of Sciences in 1768-1774, which previously did not often attract researchers' attention. The methodological basis of the article was formed by the main principles of historical science: objectivity, scholarship, and historicism, which imply the study of historical events and facts in specific historical conditions. The study showed that the ethno-confessional processes in Astrakhan were greatly influenced by events of foreign policy and trade and economic nature in the region. Astrakhan was the center of international trade, linking Europe with Asia, and European mores and traditions quickly seeped into the city, which absorbed a certain amount of foreign elements. In fact, the materials of the «physical» expedition of the second half of the 18th century were one of the main methods for obtaining new facts and accumulating ethnographic material on the history of Astrakhan communities. Consequently, the research of the Astrakhan expedition of 1768-1774 under the leadership of Academician S. Gmelin is of great significance for studying the ethno-confessional history of Astrakhan and its peoples and the economic prospects of the region with due consideration of the historical peculiarities of the region. And S. Gmelin's work «Traveling through Russia to Investigate the Three Kingdoms of Nature» takes its rightful place among the primary sources on the history of southern Russia in the second half of the XVIII century.

Keywords: «physical» expedition of 1768–1774, Academy of Sciences, S. G. Gmelin, Astrakhan, Tatars, Armenians, Cossacks.

Определенную роль в переосмыслении истории Российской империи сыграли академические экспедиции 1768–1774 гг., инициатором и идейным вдохновителем которых был М.В. Ломоносов. Через несколько лет после его смерти по разработанной им программе и по начертанным маршрутам научные экспедиции были отправлены в отдаленные районы страны под руководством ведущих ученых Академии наук [1]. Поводом для реализации «мирных» намерений Российской империи послужило астрономическое явление – прохождение Венеры перед диском Солнца (май, 1769 г.). Под предлогом исследования столь редкого астрономического явления Российская Академия наук снарядила сразу пять т.н. «физических» или «академических» экспедиций для обследования земель Российской империи и сопредельных стран. Инициатором организации экспедиций выступила императрица Екатерина в своем письменном обращении к председателю Академии наук графу В. Орлову 13-го марта 1767 г. [2, с. 5–6].

Одной из экспедиций руководил Самуил (Самуэль) Готтлиб Георг Гмелин (Gmelin, Samuel Gottlieb Georg) (1745–1774) – выдающийся ученый XVIII в., на долю которого пришлось комплексное исследование территорий Восточного Закавказья (западного побережья Каспийского моря) до провинций Гилян и Мазандаран (в Иране) [3]. Ареал его экспедиции (1768–1774) свидетельствовал о географии геополитических интересов Российского государства в регионе. Он как бы завершал длинную цепь обследований прикаспийских районов Кавказа¹, которые исследовали его предшественники А. Волинский, И. Гербер, Ф. Соймонов, И. Лерхе.

Отчеты экспедиционных работ академик С. Гмелин периодически отсылал в Академию наук, где они были изданы в пяти книгах (в 4-х томах) сначала на немецком (1770–1784 гг.), а затем на русском (1771–1785 гг.) языках под заглавием «Путешествие по России для исследования трех царств естества». Так, вторая часть упомянутого труда содержит описание путешествия от Черкасска до Астрахани, с подробным описанием города Астрахани, Волги, рыболовства, этнополитической, социально-правовой и религиозно-конфессиональной истории Астрахани. В городе экспедиция задерживается на целых шесть месяцев и изучает быт, традиции и обычаи местных жителей – казаков, татар и армян. Рисовальщик Ф. Бауэр составляет панораму Астрахани с северо-западной и юго-восточной сторон, а С. Гмелин – подробное описание².

По сообщениям академика, население Астрахани после пожара составляло 2541 домов [4, с. 162–163]. Речь идет о большом пожаре 1767 г., в результате которого погибло 570 человек, а по некоторым данным пострадали 1300 домов [5, с. 53], так как большинство из них были деревянными [6, с. 31]. Известно, что неблагоприятные климатические условия Астрахани, эпидемии и пожары

1 Рукописи академика С. Гмелина на русском, немецком и латинском языках хранятся в Санкт Петербургском филиале Архива Российской Академии Наук // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 34. «Физическая экспедиция академика Гмелина С.Г. 1768–1774 гг.».

2 «Описание месторасположения г. Астрахани и её окрестностей. На латинск. яз.» // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 34. «Физическая экспедиция академика Гмелина С.Г. 1768–1774 гг.» Д. 19.

регулярно сокращали население города. Ещё в 1692 г. за 5 месяцев бушевания чумы эпидемия унесла жизни 10000 астраханцев и 5000 иностранцев [7, с. 43]. Чума 1728 г. унесла тысячи жизней, вынудив других покинуть город [7, с. 43].

Академик подробно излагает этноконфессиональную историю астраханских татар³ и их переход в российское подданство [8]. Известно, что после завоевания Астраханского ханства (1556 г.) на левом берегу р. Волги был основан русский город в 1558 г. В конце XVI – первой трети XVII в. возникли новые части Астрахани – «города» Белый и Земляной. Вскоре к Земляному городу присоединилась Татарская слобода, населенная юртовскими татарами.

Основными группами татарского населения Астрахани во второй половине XVI – начале XX в. были астраханские (или юртовские) ногайские, средневожские татары-переселенцы (казанские и мишанские), агрыжанские, бухарские и гилянские [9, с. 116]. Исследование проблем этнической идентификации астраханских татар Р. Алиева выявило, что пройдя путь развития с XVI по XIX в., сам термин «юртовские татары» эволюционировал из этнического⁴ в нарицательный, обозначающий служилые слои тюркского населения [10, с. 46]. Астраханские или юртовские татары делились на три подгруппы: служилые, ясачные (ясашные) и емешные.

По данным исследования Р. Алиева, служилыми татар называли, только обозначая их социальный статус, т.к. они не относились ни к табунным головам, ни к мурзам, а ясашными татарами были зависимые от мурз и табунных голов юртовские татары [11, с. 176]. Резюмируя, автор пишет: «...учитывая характер феодальных отношений в XVII–XVIII вв. в юртовской среде, можно сделать предположение, что под ясачными татарами подразумевалось исконное астраханско-татарское население, решившее остаться на данной территории после присоединения Астрахани к Московскому государству» [11, с. 176].

Сообщения академика С. Гмелина свидетельствуют, что юртовским татарам было запрещено заниматься торговлей, и основной род их деятельности составляли земледелие и скотоводство⁵, «хотя некоторые из них под именем других татар, армян и индийцев» торговали [4, с. 175].

Издревле Астрахань была многонациональным торговым городом, где бок о бок жили армяне, греки, грузины, персы, русские, индийцы [12], тюркские народы и другие [13, с. 16–18; 5, с. 52–54]. Первые гостиные дворы состояли при таможенных пунктах, и с течением времени места расположения и названия гостиных дворов становятся постоянными, т. к. торговцы предпочитали занимать склады и торговые помещения в дворах по этническому принципу. Так возникли армянский, русский, гилянский, индийский, бухарский и т. д. дворы [14, с. 145].

3 «Описание астраханских татар и казаков. На латинск. яз.» // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 34. «Физическая экспедиция академика Гмелина С.Г. 1768–1774 гг.». Д. 18.

4 Принято считать, что тюркское население Астрахани, известное под названием «юртовские татары», начиная с XVI в. представляло собой отдельный этнос, противопоставляющийся в источниках ногайцам.

5 «Описание Астраханских татар, их нравов, обычаев и быта. На латинск. яз.» // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 34. «Физическая экспедиция академика Гмелина С.Г. 1768–1774 гг.». Д. 22.

В Астрахани насчитывалось 657 душ агрыжанских, гилянских и бухарских татар, которых С. Гмелин называет «пришельцами». Благодаря последовательной торговой политике Ивана IV в Астрахани появились подворья: Гилянское («кызылбашей», как их называли на Руси) для персидских и Бухарское для среднеазиатских («тезиков») [15, с. 58].

Во второй половине XVII в. в городе появился третий гостиный двор – Агрыжанский. Известно, что торговцы-переселенцы из отдаленных индийских провинций вступали в брак с местными татарками и их потомки назывались «агрыжанские татары» [16, с. 113]. «Агрыжан, – писал С. Гмелин, – есть татарское слово и на российском языке значит выродка, то есть живут в оных такие татары, кои произошли от индийцев, потому что индийцы, поселившись в Астрахани, женились на татарках, прижили с ними детей и сие так размножились, что ими настоящую слободу населить можно было» [4, с. 145].

Индийские купцы относились к богатому слою торговцев, но по численности они значительно уступали армянским купцам. На протяжении всего XVII в. в городе стабильно проживало несколько десятков индийских купцов, некоторые из них жили с семьями [17, с. 105]. Индийский гостиный двор был построен «наподобие каменной ограды, какие около старых монастырей бывают. Уже в начале XIX в. в нём торговали индусы, персы, среднеазиатские купцы товарами, привезенными из Персии, Хивы, Бухары, от Мангышлакской пристани» [14, с. 146].

Как справедливо отмечает исследователь М. Имашева, употребление этнонима «татары» в отношении к жителям Трёх дворов не совсем верно, так как этнически татарами, в современном понимании этого слова, они не были [18, с. 41–42]. Более того, в силу политических и экономических причин, в течение XVII–XVIII вв. татарские слободы Астрахани заселялись преимущественно по конфессиональному признаку, и, тем не менее, именно татары стали доминирующим этническим элементом, создавшим уникальный этнокультурный ландшафт города [19].

В XVIII в. Астрахань становится самым южным форпостом Российского государства и центром русско-иранской (восточной) торговли с многонациональными т. н. «восточными колониями» [20].

Со временем территория Трёх дворов, располагавшаяся на окраине Астрахани и включавшая административные участки города, стала центром формирования астраханской махалли, получившей неофициальное название Татарской слободы [21 с. 277–278].

Бухарская слобода имела равную длину с Агрыжанским двором, там начиналась Гилянская слобода, имеющая одинаковую с бухарской длину и ширину [4, с. 146]. «В Бухарской слободе, – писал С. Гмелин, – их считается триста семьдесят четыре души, в ней находится шейх, шесть мулл, два абыза и шесть дервишей; в Гилянской – сто семьдесят восемь, два попа и три монаха, а в Агрыжанской – сто пять, считая тут же и двух церковных прислужников». По подсчетам, в Бухарском и Гилянском селениях соответственно имелось 65 и 86 дворов, а в

Агрыжанском – 43. Все они были суннитами и в «поведении жития» были совершенно сходны с местными татарами, за исключением занятием торговлей [4, с. 197; 21].

До 1786 г. татары Трех дворов пользовались правами своего самоуправления, подчиняясь специально созданному в Астрахани Азиатскому Магометанскому суду, и платили в казну незначительные пошлины [22, с. 206]. В 1786 г. было создано Кавказское наместничество и, согласно положениям «Городового положения», татары Трех дворов должны были записаться в российское купечество и мещанство. Большинство жителей Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов предпочли записаться в мещанство, что в свою очередь обусловило увеличение налогов, а население дворов попало в ведение Городового магистрата [22, с. 207].

Вторым по величине «другим азиатским народом», живущим в Астрахани, были армяне⁶ [23]. Исторические связи армян с политическими и торговыми центрами Поволжья, такими поселениями, как Сарай-Бату, Сарай-Берке, Золотой Орды, Великой Болгарии [24, с. 13-15], Казанским и Астраханским ханствами [25, с. 44-45], установились еще в Раннем Средневековье. В русских летописях первые упоминания об армянах в Астрахани встречаются в конце XV в. [26, с. 175], затем в XVI в. – сразу после завоевания Астраханского ханства (1556) [27].

Армяне вместе с устремившимися в Астрахань индийцами, иранцами, бухарцами и кавказскими народами вели активную торговлю [28, с. 56]. Источники конца XVI в. упоминают о существовании Армянского гостиного двора (Армянского двора) в городе. Согласно источникам, в начале XVII в. в Астрахани армянские купцы жили и на «Гилянском дворе» [29, с. 85–86]. Естественно, что многие из армянских купцов Астрахани были родом из иранских провинций и вели торговую деятельность с жителями государства Сефевидов, в том числе с армянами, подданными Ирана. Сохранились личные имена армянских купцов, проживавших в районе гилянцев Астрахани в XVII в.: Вардан, Петрос, Мурад, Алексан, Сергей, Ованес, Пирум, Минас, Федор. Они прожили в Астрахани 15–20 и более лет, пополнив ряды местной армянской общины, а некоторые уже здесь родились [30, с. 111, 123]. Однако в начале XVII в. количество армянских семей было еще невелико – не более 11 [31, с. 373].

В середине XVII в. армяне Астрахани получили от российских властей право проживания в районе Садового Бугра [28, с. 57]. В тот же период (1625 г.) армяне были первыми купцами, у которых в городе была торговая площадь, торговые дома и кладбище [31, с. 19], а в 1640 г. начинается строительство армянской церкви [7, с. 35].

В 1667 г. по договору с русским правительством Джульфинская компания получила монополию на торговлю шёлком с Российским государством, где Астрахань стала главным торговым пунктом [32]. Это вызвало увеличение объёма

6 «Описание Астарханских татар и армян. На немец. яз.» // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 34. «Физическая экспедиция академика Гмелина С.Г. 1768–1774 гг.». Д. 21.

торговли Армянского торгового двора и приток в Астрахань служащих Джульфинской компании, часть которых стали постоянными жителями города. Более того, в торговую деятельность компании вовлекались и местные армяне [33, с. 52.] Армянские купцы участвовали как в вывозе товаров из Астрахани на внутренний рынок, так и в привозе туда товаров, закупленных из разных уголков Российской империи. Привезенные в Астрахань товары армянские купцы в основном экспортировали в страны Ближнего Востока [34, с. 119].

Армянский гостиный двор в Астрахани состоял из 74 лавок, где торговали не только армяне, но и все другие «живущие в Астрахани народы, как-то: Татары, Грузины, Персияне, Калмыки и некоторые из Европейцев католического и лютеранского закона». Торговали персидскими хлопчатобумажными и шелковыми тканями, преимущественно оптом [14, с. 146].

В 1717 г. в России была образована епархия Армянской апостольской церкви с епархиальным центром в Астрахани [35; 32, с. 132–159].

Из рассказа С. Гмелина об астраханских армянах видно, что он хорошо знал историю местной армянской общины. Так, С. Гмелин пишет, что армяне называют себя «гай» (на арм. – *гай*) и в результате доброго отношения российских властей они сначала поселились в Казани, а затем перебрались в Астрахань [4, с. 202]. Решение о поселении армян в Астрахани и других населенных пунктах России он объясняет тем, что это более удобное место для ведения торговли.

Изначально армяне заселяли в Астрахани два основных района — так называемые Старую и Новую слободы. Старая слобода находилась в восточной части центрального городского острова, недалеко от того места, где от р. Кутум ответвляется соединяющий ее с Волгой канал. С начала XVIII в. армяне стали также селиться в заканальной части города, получившей у армян название Новой слободы (Нового магала). Постепенно основная масса армянского населения Астрахани сосредоточивается в этой части города. В своем исследовании С. Гмелин приводит информацию об армянском населении Астрахани второй половины XVIII в. По его словам, количество мужчин в городе составляло 1281, из них 91 были католиками [4, с. 202]. А в 1776 г. в Новой слободе проживало уже 60% армянского населения города — 1981 из 3222 [36, с. 80]. Последующие статистические данные показывают, что в течение второй половины XVIII в. количество жителей астраханской армянской колонии выросло с полутора до пяти тысяч, то есть более чем в 3 раза. По количеству жителей армяне занимали в городе третье место (после русских и татар) [36, с. 78].

По данным «физической» экспедиции 1768–1774 гг., армянское население города во второй половине XVIII в. имело особый административно-правовой статус. Армяне Астрахани были наделены большими правами и полномочиями, которые иногда были больше, чем у местных русских. Говоря о правах и обязанностях армян, С. Гмелин сравнивает их с местной татарской общиной. Армянское население было освобождено от всех видов налогов и сборов, вместо этого они платили 1000 рублей в российский магистрат. Во время

визита ученого эта сумма составила 739 рублей. Кроме того, армяне были обязаны предоставлять властям квартиры для различных нужд, так как Астрахань сильно пострадала от пожара [4, с. 203; 37, с. 1019].

Дело в том, что распоряжением Правительствующего Сената от 17 сентября 1746 г. [38, с. 581–583] был учрежден автономный орган самоуправления – Ратгауз или Ратхауз⁷, что привело к судебной автономии астраханских армян. Согласно документу, армянское население Астрахани было разделено на три группы – «статьи», в соответствии с ролью и положением, занимаемыми ими в торговле и ремесле. Каждая из групп выбирала в состав судей своего представителя. Вместе с тем требовалось, чтобы двое из судей были армянами-григорьянами, а один – католиком [39, с. 58].

По решению губернской канцелярии от 11 мая 1748 г. они должны были ежегодно платить 1000 руб., из них 739 руб. «в помощь русскому купечеству» и 261 руб. на благоустройство города. Ратгауз просил убавить налог наполовину, т. е. до 500 руб. и представил в губернскую канцелярию ведомость разверстки этой суммы среди населения колонии. В результате компромисса размер налога был снижен до 739 руб. в год, т. е. суммы, которая передавалась в магистрат [40, с. 70–71].

Во второй половине XVIII в. был издан целый ряд актов русского правительства, подтверждающих привилегированное положение армянских колоний. 4 декабря 1762 г. был опубликован «Манифест о позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России» [41, с. 126–127], а 22 июля 1763 г. последовал «Манифест о выездных иностранцах», в котором оговаривались их права и привилегии при поселении в России [41, с. 313–316]. В течение XVIII в. сформировались известные астраханские купеческие фамилии – Панаевы, Дадашевы, Франгуловы, Калустовы, Сергеевы, Григорьевы, Агамжановы, Мизандронцевы, Агамовы, Алабовы, Агабабовы, Федоровы, Асатуровы, Поповы и другие, которые внесли свой вклад в многовековую историю Астрахани. [42, с. 415].

Указом от 13 января 1765 г. административно-правовые органы армянского и мусульманского населения Астрахани объединялись в один суд, который размещался в одном здании, но армянские и татарские судьи заседали в различных помещениях. Армянский судебный орган назывался Азиатский Армянский (или Армяно-азиатский), а татарский – Азиатский Магометанский. «Для лутчего разсмотрения дел и недсмотрения над ними, – говорилось в указе Астраханской губернской канцелярии от 31 января 1765 г., – определяется... бывший здесь полицеймейстером титулярный советник Андрей Беков, с жалованьем по его чину, ...которое ему и получать от тех иноземцев»⁸.

По сведениям С. Гмелина, третью часть жителей Астрахани составляли казаки [4, с. 220]. Известно, что с момента появления казаков на Руси, «по городам стояли на постоянной службе военные люди, которых называли стрельцами и казаками». В основном именно они были основателями тех городов, где жили

7 Он начал функционировать с января 1747 г.

8 Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 2. Док. 10.

и служили. Городские стрельцы получали название «городовых казаков» и несли военную службу [43, с. 27].

Первые упоминания о казаках на Нижней Волге связаны с военными походами русских в Астрахань в 1554 и 1556 гг. под командованием Ивана IV, а с 1558 г. русские начали заселять Астрахань. Для защиты Волги от набегов «вольных бродячих людей», которые шли сюда «партиями» для добычи, по берегам Волги были учреждены «сторожевые форпосты, которые охранялись казаками Донскими, Волжскими, Царицынскими, Черноморскими, а потом и Астраханскими» [43, с. 11]. До 1737 г. астраханские казаки «служили, но правильного военного устройства не имели», и тогда по приказу Сената было решено образовать из них т.н. трехсотную команду под командованием полковника А.Н. Слободчикова. В эти подразделения брали крещенных калмыков, татар, вольных людей [44, с. 18].

Обширные и малонаселенные территории Нижней Волги требовали защиты более многочисленным воинским контингентом, и по указу Сената от 28-го марта 1750 г. было принято решение о содержании в Астрахани 500 казаков, а «команду переименовать в конный полк» [44, с. 18, 29].

Особенностью астраханского казачества был его полиэтнический состав. Среди казаков были русские, поляки, калмыки, татары, малороссы. Казачество являло пример религиозной терпимости. Хотя подавляющее большинство казаков были православными, среди них встречались и мусульмане, и католики, и даже старообрядцы [45, с. 331].

Среди жителей города были астраханские крестьяне, которые приехали сюда из разных уголков страны, чтобы заняться рыбной ловлей и другими видами деятельности. С. Гмелин не исключал, что среди них могли быть и беглые крестьяне [4, с. 222].

В Астрахани образовались большие группы людей т.н. «безродные» или «люди», которые, по их словам, «не имели родственников», нигде не были прописаны. Часть их подчинялась губернской канцелярии («безродные губернские»), а другие употреблялись в «государевых работах» при садовой конторе, при шелковом заводе и т.д, получая зарплату, равную зарплате солдат [4, с. 223].

Разнообразие русского, тюркского, армянского, персидского и других языков нашло отражение в диалектах жителей и во многих местах города. Многонациональный, многоязычный город отличался религиозным разнообразием и толерантностью, где бок о бок были представлены ислам, христианство, иудаизм. Известно, что первая мечеть в Астрахани была построена еще в 1558 г., а в 1666 г., по сообщениям Эвлии Челеби, в «посаде» (в Земляном «городе») уже существовало 7 действующих мечетей [46, с. 132].

Резюмируя, отметим, что из повествования С. Гмелина становится ясно, что он имел полное представление об этническом облике Астрахани, был достаточно информирован о социально-экономической и правовой истории её многоконфессиональной общины. Хотя академик не указывает, что во время

путешествия он пользовался специальной литературой или источниками, но одновременно жалуется, что его «дорожная библиотека очень мала», а информации в ней недостаточна [47, с. II]. Очевидно, что он был знаком со специальной литературой, записками предыдущих путешественников, государственным делопроизводством (указы Сената, нарративные документы Канцелярии астраханского губернатора).

С другой стороны, как справедливо отмечает российский исследователь А.Г. Хропов, участники «физических экспедиций» XVIII в. не имели возможности пользоваться подробными географическими картами, кроме «Атласа Российского» (СПб., 1745) [48], и часто «обращались к помощи проводников и активно взаимодействовали с местным населением, опрашивая его об объектах, осмотр и обследование которых представляли научный интерес» [49, с. 240].

«Путешествие по России для исследования трех царств естества» – это не любительское сочинение или мемуары путешественника, а в высшей степени логичное произведение с научной структурой и, как справедливо отмечают российские исследователи В. Головнёв и Т. Киссер, «этнография рождалась не в кабинетах, а в путешествиях. При этом самые яркие результаты и прозрения приносили дальние и долгие путешествия на восток» [50, с. 67]. Кроме того, астраханская экспедиция осуществляла, в том числе, и разведывательную деятельность [51, с. 33].

Академические экспедиции 1768–1774 гг. стали одним из самых ярких этапов в развитии географии, ботаники, зоологии, этнографии, климатологии России [52, с. 173] и заложили фундамент в освоение имперского пространства, не только в хозяйственно-экономическом и научном плане, но и в политическом, и в этом деле вклад астраханской экспедиции и его руководителя С. Гмелина огромен.

Исследования, проведённые «физической» экспедицией, относятся к числу наиболее важных источников по истории и культуре народов, населяющих Астрахань. Академичность и беспристрастность описаний их быта, хозяйственного уклада и религиозной жизни относят эти сведения в разряд не просто научных трудов, но и важных первоисточников, большая часть которых находит подтверждение в массе других видов источников.

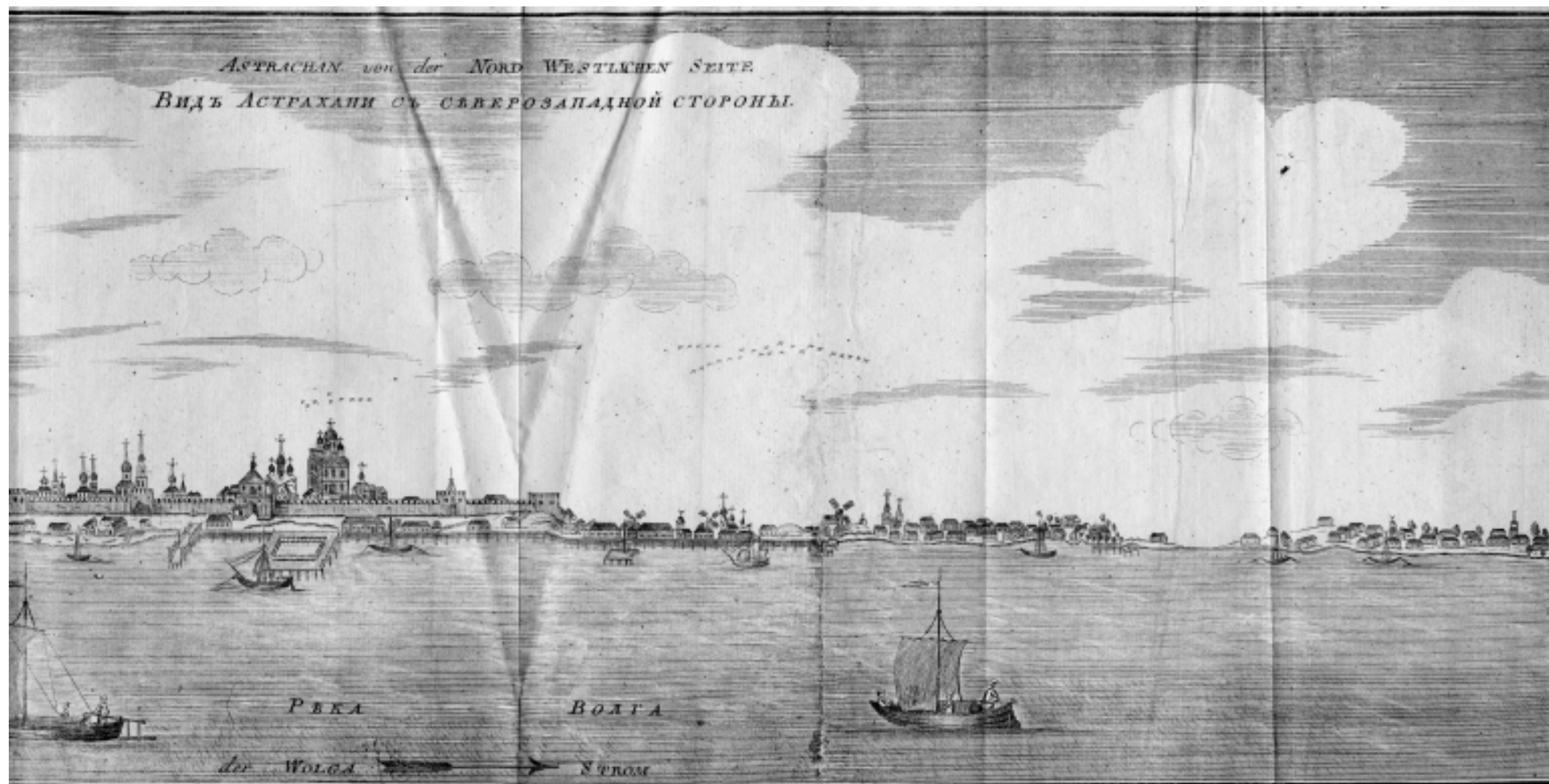


Рис. 1. Вид Астрахани с северо-западной стороны [4, с. 260]

Fig. 1. View of Astrakhan from the northwest [4: 260]



Рис. 2. Вид Астрахани с юго-восточной стороны [4, с. 361]

Fig. 2. View of Astrakhan from the south-eastern side [4: 361]

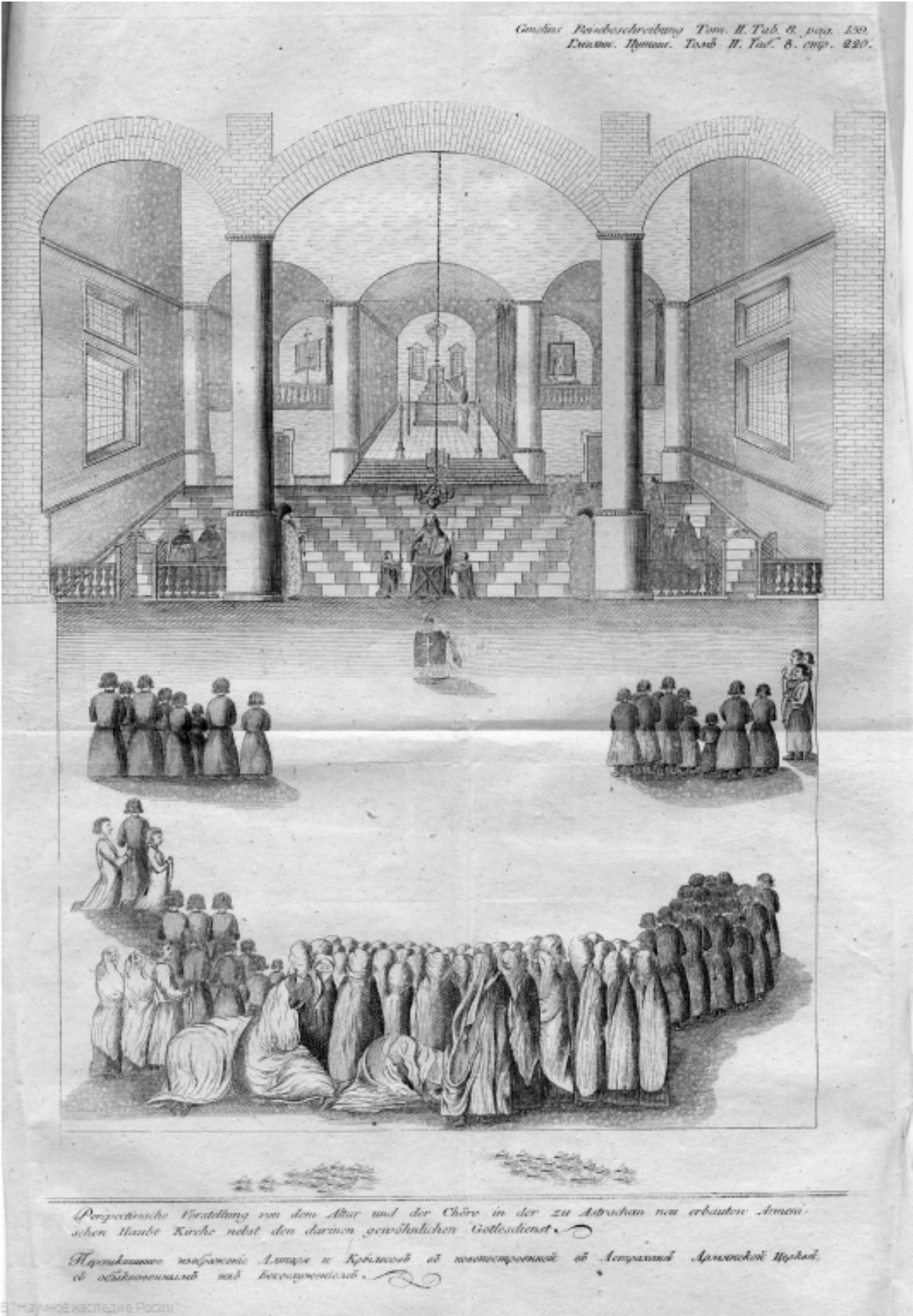


Рис. 3. Богослужение в армянской церкви Астрахани [4, с. 220]

Fig. 3. Worship service in the Armenian church in Astrakhan [4: 220]



Рис. 4. Армянин в традиционном костюме [4, с. 220]

Fig. 4. Armenian in the traditional costume [4: 220]



Рис. 5 Армянка в традиционном костюме [4, с. 221]

Fig. 5. Armenian woman in the traditional costume [4: 221]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киссер Т.С. Об организации «физических» экспедиций 1768–1774 гг. // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 164–170. DOI: 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-164-170
2. Наблюдения явления Венеры в Солнце в российской империи в 1769 году учинением с историческим предуведомлением, сочиненным Степаном Румовским. СПб., При Императорской Академии Наук, 1771. – 165с.
3. Мхитарян Г.Ж. Путешествие С. Гмелина в Восточное Закавказье и северные районы Ирана // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока, Ред. кол. Р. А. Сафрастьян и др. 2018. Т. XXXI, С. 76–87. (на арм. яз.) DOI: 10.52837/18291422-2018.31-76
4. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 2. От Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1777. – 361с.
5. Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. 1. – М.: Университетская типография, 1788. – 292с.
6. Дж. Белл Белевы путешествия чрез Россию в разныя Азиатския земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Ч. 1. [Путь в Персию и Китай], перевёл с французскаго Михайло Попов. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1776. – 251с.
7. Восканян В.К. Из истории основания армянских поселений в России // Вестник общественных наук АН РА. 1960. № 2. С. 26–44 (на арм. яз.).
8. История татар с древнейших времён, в 7-и томах, т. V, Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.) / Главный редактор Р. Хакимов. Казань, 2014. – 1112 с.
9. Сызранов А.В. Татары Астрахани во второй половине XVI–XX в.: страницы этнической истории // Астраханские Петровские чтения: «Россия – Астрахань – Восток: интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской губернии)». Материалы Международной научной конференции (26–28 октября 2017 г.) / Отв. ред. и сост.: А. П. Романова, Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин. Астрахань, «Астраханский университет», 2018. С. 116–119.

REFERENCES

1. Kisser TS. On the organisation of the «physical» expeditions of 1768-1774. *Kunstkamera* 2019; 3(5):164-170 (In Russ.) DOI: 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-164-170
2. *Observations of the Apparition of Venus in the Sun in the Russian Empire in 1769 with a Historical Preface by Stepan Rumovsky [Nablyudeniya iavleniya Venery v Solntse v rossiyskoi imperii v 1769 godu uchineniem s istoricheskim preduvedomleniem, sochinennym Stepanom Rumovskim]*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1771:165. (In Russ.)
3. Mkhitarian G.Zh. S. Gmelin's Journey to Eastern Transcaucasia and Northern Iran. *Countries and Peoples of the Near and Middle East*. Ed. R. A. Safrastyan et al. – Vol. XXXI. 2018:76-87. (In Armenian) DOI: 10.52837/18291422-2018.31-76
4. Gmelin S.G. *A trip across Russia to explore the three kingdoms of nature: Part 2 [Puteshestviye po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv yestestva: Chast 2. Ot Cherkaska do Astrakhani i prebyvanie v sem gorode: s nachala avgusta 1769 po piatoe iyunia 1770 goda.]* Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1777:361. (In Russ.)
5. *New and Complete Geographical Dictionary of the Russian State: Part 1*. Moscow: University printing house, 1788:292. (In Russ.)
6. John Bell. *Bell's travels through Russia to various Asiatic lands, namely, to Ispahan, to Peking, to Derbent and Constantinople. Part. 1. [Journey to Persia and China] [Belevy puteshestviia chrez Rossiiu v raznie Asiatskie zemli, a imenno: v Ispagan, v Pekin, v Derbent i Konstantinopol'. Ch. 1. [Put' v Persiyu i Kitay],* Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1776:251. (In Russ.)
7. Voskanyan VK. From the History of the Establishment of Armenian Settlements in Russia. *Bulletin of Social Sciences of the Academy of Sciences of Armenia* 1960; (2):26-44. (In Armenian).
8. *History of the Tatars from the most ancient times, in 7 volumes. Vol. V: The Tatar people within the Russian state (second half of the XVI-XVIII centuries). [Istoriya tatar s drevneishikh vremen, v 7-i tomakh, t. V, Tatarskiy narod v sostave Rossiyskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI–XVIII vv.)]*. Kazan, 2014:1112. (In Russ.)
9. Syzranov AV. Tatars of Astrakhan in the second half of XVI-XX centuries: pages of ethnic history. *Astrakhan Petrovsky readings: "Russia – Astrakhan – The East: integral in-*

10. Алиев Р.Т. Проблема этнической идентификации юртовских татар // Журнал Фронтирных Исследований. 2016. № 3. С. 39–51.

11. Алиев Р.Т. Проблема этнической идентичности астраханских татар в источниках XVI–XVII вв. // Астраханские Петровские чтения: «Россия – Астрахань – Восток: интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской губернии)». Материалы Международной научной конференции (26–28 октября 2017 г.) / Отв. ред. и сост.: А. П. Романова, Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин. Астрахань, «Астраханский университет», 2018. С. 176–178.

12. Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 135–143.

13. Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовия, рудные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской империи. М.: При Императорском Московском Университете, 1773. – 479с.

14. Имашева М.М. Гостиные дворы Астрахани в конце XVIII – первой половине XIX века как форма предпринимательства персидских купцов // Вектор науки ТГУ. 2015. № 1 (31). С. 145–149.

15. Гусарова Е.В. Астраханские находки: история, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2009. – 492с.

16. Небольсин П.И. Очерки Волжского понизовья. СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1852. – 197с.

17. Магомедов Н.А. Магарамов Ш.А. Индийское купечество в развитии торговых контактов Дербента с Астраханью в XVII в. // Альманах современной науки и образования «Грамота». 2014. № 8 (46). С. 105–108.

18. Имашева М.М. О предпринимательстве татар Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов в конце XVIII – начале XIX вв. // Каспийский регион. Политика, экономика, культура. Астрахань, 2012. №3. С. 40–50.

19. Хабутдинов А., Имашева М., Хабутдинова М. Татарские слободы Казани и

teraction (to the 300th anniversary of the Astrakhan province)”. Materials of the International scientific conference. Ed. and coauthors: Romanova AP, Timofeeva EG, Tyurin AO.; 2017 oct 26-28; Astrakhan. Astrakhan: “Astrakhan University”, 2018: 116–119 (In Russ.)

10. Aliev RT. The problem of ethnic identification of the Yurt Tartars. *Journal of Frontier Studies* 2016; (3):39-51 (In Russ.)

11. Aliev RT. The problem of the ethnic identity of the Astrakhan Tatars in the sources of the XVI–XVII centuries. Astrakhan Petrovsky readings: “Russia – Astrakhan – The East: integral interaction (to the 300th anniversary of the Astrakhan province)”. Materials of the International scientific conference. Ed. and coauthors: Romanova AP, Timofeeva EG, Tyurin AO. 2017 oct 26-28; Astrakhan: “Astrakhan University” 2018: 176-178. (In Russ.)

12. Yukht AI. The Indian colony in Astrakhan. *Questions of History*. 1957; (3):135-143 (In Russ.)

13. *Geographical Lexicon of the Russian State, or Dictionary, describing in alphabetical order rivers, lakes, seas, mountains, towns, fortresses, notable monasteries, castles, winter camps, ore mines and other memorable places of the vast Russian Empire*. Moscow: University printing house, 1773: 479. (In Russ.)

14. Imasheva MM. Astrakhan guest courts at the end of XVIII – first half of XIX as a form of entrepreneurship of persian merchants. *Science Vector of Togliatti State University* 2015; 1(31):145-149. (In Russ.)

15. Gusarova EV. Astrakhan findings: History, architecture, urban planning of Astrakhan in the XVI–XVIII Centuries According to documents from the collections of St. Petersburg [Astrakhanskie nakhodki: istoriya, arkhitektura, gradostroitel'stvo Astrakhani XVI–XVIII vv. Po dokumentam iz sovraniiy Peterburga]. Saint Petersburg, 2009:492. (In Russ.)

16. Nebolsin PI. Studies of the Lower Volga region [Ocherki Volzhskogo ponizov'ya] Saint Petersburg, 1852:197. (In Russ.)

17. Magomedov NA., Magaramov SA. The indian merchants in development of trade contacts between Derbent and Astrakhan in the XVII century [Indiyskoe kupechestvo v razvitii torgovykh kontaktov Derbenta s Astrakhan'yu] *The almanac of contemporary science and education, “Gramota”*. 2014; 8 (46): 105-108. (In Russ.)

18. Imasheva MM. On Entrepreneurship of Tatars of Bukhara, Gilyan and Agryzhan Yards at the End of XVIII – Early XIX Centuries [O predprinimatel'stve tatar Buharskogo, Gilyanskogo i Agryzhanskogo dvorov v konce XVIII

Астрахани во второй половине XVIII — начале XX в.: культура и развитие // Ислам в современном мире. 2020. Том 16. № 2. С. 139-158. DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-2-139-158

20. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. Т. II. Кн. III. М.: Университетская типография, 1785. — 646с.

21. Имашева М.М. Белая «татарская» мечеть г. Астрахани. // Эхо веков. № 3/4, 2017. С. 277–278.

22. Имашева М.М. Астраханское городское общество татар Трех дворов — проблемы этнической, социально-правовой и экономической идентификации в конце XVIII — первой половине XIX вв. // Материалы международной научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII — середина XIX вв.)». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 204–221.

23. Мхитарян Г.Ж. Армянская община Астрахани в «Путешествии» Самуила Гмелина // Армения и Восточно-христианская цивилизация, III Республиканская конференция, посвященная 70-летию со дня рождения известного армениста-кавказоведа Павла Чобаняна (1948–2017 гг.). Ереван, 17–18 мая. 2018. С. 224–233. (на арм. яз.).

24. Хачикян Л.С. Армяне в древней Москве и на путях ведущих в Москву. Ереван, 2009. — 114 с.

25. Хачикян В.А. Образование армянской колонии в Астрахани // Вестник общественных наук. 1983. № 4. С. 44–57.

26. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века / Отв. ред. М. Н. Тихомиров, подготовка издания: Е. П. Борисова, Т. Н. Протасьева, М. В. Щепкина; Институт истории АН СССР. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. — 1949. — 464с.

27. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. — 303 с.

28. Рыбушкин М.С. Записки об Астрахани. М.: Тип. С. Селивановского, 1841. — 221с.

29. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, Изданы под редакцией Н. И. Веселовского, Т. 3. Царствование Михаила Федоровича. Н. И. Веселовский. — СПб.: Лештуковская Паровая Скоропечатная П.О. Яблонского, 1898. — 738 с.

— nachale XIX vv.]. *Kaspijskij region. Politika, ekonomika, kul'tura*. 2012; 3:40-50. (In Russ.)

19. Khabutdinov AYu., Khabutdinova MM., Imasheva MM. Tatar Settlements of Kazan and Astrakhan in the Second Half of the 18th – Early 20th Centuries: Culture And Development. [Tatarskie slobody Kazani I Astrakhani vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX v.: kulura I razvitie]. *Islam in the modern world*. 2020; 16(2):139-158. (In Russ.) DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-2-139-158

20. Chulkov MD. A historical description of Russian commerce. Vol. 2. Book 3. [Istoricheskoe opisanie rossiyskogo kommertsii. T. II. Kn. III.] Moscow: University printing house, 1785:646. (In Russ.)

21. Imasheva MM. The White “Tatar” Mosque of Astrakhan [Belaya «tatarskaya» mechet’ goroda Astrahani]. *Ekho vekov*. 2017; 3-4:117-126. (In Russ.)

22. Imasheva MM. Astrakhan city society of Tatars of Three Courts - problems of ethnic, socio-legal and economic identification at the end of XVIII - first half of XIX centuries [Astrakhanskoe gorodskoe obshhestvo Tatar Trekh dvorov – problemy etnicheskoy, socialno-pravovoy i ekonomicheskoy identifikacii v konce XVIII – pervoy polovine XIX vv.] *Materials of the international scientific conference «Historical Fate of Peoples of Volga and Urals region (XVIII - mid XIX cc.)»*. Kazan. 2015:204-221. (In Russ.)

23. Mkhitarian GZh. The Armenian Community of Astrakhan in Samuel Gmelin’s Journey. *Armenia and Eastern Christian Civilisation, III Republican Conference dedicated to the 70th anniversary of the famous Armenian-Caucasian scholar Pavel Chobanyan (1948-2017); 2018 may 17-18; Yerevan*. Yerevan. 2018:224–233. (In Armenian.)

24. Khachikyan LS. Armenians in ancient Moscow and on the routes leading to Moscow. [Armiane v drevnei Moskve i na putiakh vedushchikh v Moskvu]. Yerevan, 2009:114. (In Russ.)

25. Khachikian VA. Establishment of an Armenian colony in Astrakhan. *Bulletin of Social Sciences of the Academy of Sciences of Armenia* 1983; (4):44-57.

26. *The Complete Collection of Russian Chronicles. T. 25. The Moscow Annalistic Code of the late 15th century [Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 25. Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka]*. / Edited by M. N. Tikhomirov, prepared by E. P. Borisova, T. N. Protasieva, M. V. Shchepkina; Institute of History of the USSR Academy of Sciences. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949:464. (In Russ.)

30. Абрамян А.Г. Краткий очерк истории армянских переселенческих очагов. Т. I. Ереван, 1964. – 305с. (на арм. яз.)

31. Ключаревская летопись. История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань, Астрах. Кирилло-Мефодиев. о-во, 1887. – 89с.

32. Кугрышева Э.В. История армян Астрахани. Астрахань: Изд. «Волга», 2007. – 287с.

33. Хачатурян В.А. Образование армянской колонии в Астрахани // Вестник общественных наук. 1983. № 4. С. 44–57.

34. Юхт А.И. Участие армянского купечества во внутренней торговле России (20–40-е годы XVIII в.) // Историко-филологический журнал. 1979. № 3, С. 112–128.

35. Тимофеева А.А. Религиозные структуры повседневности Астраханских армян // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы IX Всероссийской научной конференции, 27 апреля 2013 г., посвященной 455-летию г. Астрахани. Астрахань, 2013. Ч. II: Работы молодых учёных. С. 44–47.

36. Хачатурян В.А. Население армянской колонии в Астрахани во второй половине XVIII века // Известия АН АрмССР. Общественные науки, 1965. № 7. С. 77–87.

37. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое, 1649–1825 гг. Т. XXVIII. / Под ред. М.М. Сперанского, СПб., Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1349с.

38. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое, 1649–1825 гг. Т. XII. / Под ред. М.М. Сперанского, СПб., Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 962 с.

39. Хачатурян В.А. Административно-правовое положение астраханских армян во второй половине XVIII века // Известия АН АрмССР. Общественные науки, 1963. № 12. С. 57–68.

40. Юхт А.И. Социальная борьба в астраханской армянской колонии (середина XVIII в.) // Известия АН Армянской ССР. Общественные науки. 1979. № 6. С. 69–80.

27. Zaytsev IV. Astrakhan Khanate. [Astrakhanskoe khanstvo]. Moscow: Publishing house Vostochnaya literatura, 2006:303. (In Russ.)

28. Rybushkin MS. Notes on Astrakhan. [Zapiski ob Astrakhani]. Moscow: Tip. S. Se-
livanovskogo, 1841:221. (In Russ.)

29. Monuments of diplomatic and trade relations between Moscow Rus' and Persia. T. 3. The reign of Mikhail Fedorovich. [Pamiatniki diplomaticheskikh i torgovykh snoshenii Moskovskoi Rusi s Persiei. Vol. 3: Tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha]. – Saint Petersburg, 1898:738. (In Russ.)

30. Abrahamyan AG. Short Outline of the History of Armenian Resettlement Centres. [Kratkiy ocherk istorii armianskikh pereselencheskikh ochagov] Vol. 1. Yerevan, 1964:305. (In Armenian).

31. The Klyucharyov chronicle. History about the beginning and resumption of Astrakhan, events that happened there, about its former bishops, and also about voivodes, town governors and governors. [Kliucharevskaia letopis'. Istoriya o nachale i vozobnovlenii Astrakhani, sluchivshikhsia v nei proisshestviyakh, ob arkhieriakh v onoi byvshikh, a takzhe o voevodakh, gradonachal'nikakh i gubernatorakh]. – Astrakhan, 1887:89. (In Russ.)

32. Kugrysheva EV. History of the Armenians of Astrakhan. [Istoria armyan Astrakhani] Astrakhan: Volga Publishing House, 2007:287. (In Russ.)

33. Khachaturyan VA. Formation of an Armenian colony in Astrakhan [Obrazovanie armyanskoy kolonii Astrakhani] Bulletin of Social Sciences. 1983; 4:44–57. (In Russ.)

34. Yukht AI. Participation of Armenian merchants in Russia's domestic trade (20th–40th years of the 18th century) [Uchastie armyanskogo kupechestva vo vnutrenney trgovle Rossii (20–40-e gg. XVIII v)] Historical and Philological Journal. 1979; 3:112–128. (In Russ.)

35. Timofeeva AA. Religious structures of everyday life of Astrakhan Armenians [Religioznye struktury povsednevnosti Astrakhanskikh armyan] Crossroads of History. Current Problems of Historical Science: Proceedings of the IX All-Russian Scientific Conference, April 27, 2013, dedicated to the 455th anniversary of Astrakhan. Astrakhan, 2013:44–47. (In Russ.)

36. Khachaturyan VA. Population of the Armenian colony in Astrakhan in the second half of the 18th century [Naselenie armyanskoy kolonii v Astrakhani vo vtoroy polovine XVIII veka.] Bulletin of the Academy of Sciences of the Armenian SSR Social Sciences. 1965; (7):77–87.

41. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое, 1649-1825 гг. Т. XVI. / Под ред. М.М. Сперанского, СПб., Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1120с.

42. Харченко М.В. Влияние армянской диаспоры на социокультурную жизнь Астрахани // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А.А. Курапова. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2013. Вып. V. С. 414–417.

43. Бирюков И.А. Астраханские казаки (Исторические очерки и рассказы. Географические, экономические и служебные сведения о войске). Астрахань, 1904. – 228 с.

44. Бирюков И.А. История Астраханского казачьего войска. Ч. I: Составные части войска. Учреждение его. Органы войскового управления. Различные войсковые установления и учреждения. Подчинение войска. Войсковые и Наказные Атаманы. Саратов: Астраханское казачье войско, 1911. – 745с.

45. Васильева Е.А. История становления полиэтничного состава населения Астраханского края // Русские древности. Сборник научных трудов. К 75-летию профессора И. Я. Фроянова / Отв. ред., А.Ю. Дворниченко. Труды исторического факультета СПбГУ. – Т. 6. – 2011. – СПб., С. 328–341.

46. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: «Наука». 1979. – 288с.

47. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества, Ч. 1 Путешествие из Санктпетербурга до Черкаска, главного города донских козаков в 1768 и 1769 годах. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1771. – 272с.

48. Атлас российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям с приложенной при том Генеральной картой великой сей империи. [Russischer Atlas. На нем. яз.]. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1745. – 31с.

49. Хропов А.Г. Реконструкция маршрутов участников «физических» экспедиций

37. *Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. First collection, 1649-1825 Vol. XXVIII. [Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii. Sbranie pervoe. 1649- 1825 gg. T. XXV]*, Ed. M. M. Speransky, Saint Petersburg: Printing house of the II department of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1830:1349. (In Russ).

38. *Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. First collection, 1649-1825 Vol. XII. [Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii. Sbranie pervoe. 1649- 1825 gg. T. XII]*, Ed. M. M. Speransky, Saint Petersburg: Printing house of the II department of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1830:962. (In Russ).

39. Khachaturyan VA. Administrative and Legal Status of the Astrakhan Armenians in the Second Half of the 18th Century [Administrativno-pravovoe polozhenie astrakhanskikh armenyan vo vtoroy polovine XVIII veka.] *Bulletin of the Academy of Sciences of the Armenian SSR Social Sciences*. 1963; (12):57-68. (In Russ.)

40. Yukht AI. Social Struggle in the Armenian Colony of Astrakhan (mid-18th century). *Proceedings of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. Social Sciences*. 1979; (6):69-80 (In Russ.)

41. *Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. First collection, 1649-1825 Vol. XVI. [Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii. Sbranie pervoe. 1649- 1825 gg. T. XVI]*, Ed. M. M. Speransky, Saint Petersburg: Printing house of the II department of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1830:1120. (In Russ).

42. Kharchenko MV. Influence of Armenian Diaspora on the socio-cultural life of Astrakhan [Vliyanie armenyanskoй diasporы na sotsiokulturnuyu zhizn Astrakhani] *Astrakhan Local History Readings: collection of articles / edited by A.A. Kurapov*. Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilievich, 2013; (5):414-417. (In Russ.)

43. Biryukov IA. *Astrakhan Cossacks (Historical sketches and stories. Geographical, economic and service information about the army). [Astrakhanskіe kazaki (Istoricheskie ocherki i rasskazy. Geograficheskie, ekonomicheskie i sluzhebnye svedeniya o voiske)]*. Astrakhan, 1904:228. (In Russ.)

44. Biryukov IA. *History of the Astrakhan Cossack Troops. Part I: The components of the army. Its establishment. Bodies of the army administration. Various military establishments and institutions. Subordination of the army. Troops' and Cadet Atamans. [Istoriya Astrakhanskogo kazach'ego voiska. Ch. I: Sostavnye chasti voiska. Uchrezhdenie ego. Organy voiskovogo upravleniya. Razlichnye voiskovye ustanovleniya i uchrezhdeniya. Pod-*

Академии наук 1768–1774 гг. по современным картографическим материалам // Кунсткамера. – 2019. – № 3 (5). С. 239–251. DOI: 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-239-251

50. Головнев А.В., Киссер Т.С. Этнопортрет империи в трудах П.С. Палласа и И.И. Георги // Уральский исторический Вестник. 2015. № 3 (48). С. 59–70.

51. Дюльденко А.А., Гальвас В.А. Астраханский этап экспедиции С. Г. Гмелина

в материалах российских и зарубежных архивов. // Oriental Studies. 2018. Т. 11. № 40 (6). С. 30–35. DOI: 10.22162/2619 0990 2018 40 6 30 35.

52. Феклова Т.Ю. «Послушные указы» Сената: формирование экспедиционного делопроизводства на примере академических экспедиций 1768–1774 гг. // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 171–178. DOI: 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-171-178

chinenie voiska. Voiskovye i Nakaznye Ataman-y. J. Saratov. 1911:745. (In Russ.)

45. Vasil'eva EA. History of the emergence of a multi-ethnic population in the Astrakhan region. In responsible editor Dvornichenko A.Y. *Russian Antiquities. Collection of scientific works. To the 75th anniversary of Professor I.Y. Froyanov [Russkie drevnosti. Sbornik nauchnykh trudov. K 75-letiyu professora I. Y. Froianova]*; Stait Petersburg. 2011(6) :328–341. (In Russ.)

46. Evlyia Chelebi. *The Book of Journeys (Extracts from the Writings of a Seventeenth-Century Turkish Traveller). Issue. 2. The Lands of the North Caucasus, the Volga Region and the Don Region. [Kniga puteshestviya (Izvecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). Vyp. 2. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ia i Podon'ia.]* Moscow: "Nauka ", 1979:288 (In Russ.).

47. Gmelin SG. *A trip across Russia to explore the three kingdoms of nature: Part 3. Journey from St.Petersburg to Cherkask, the main city of the Don Cossacks in 1768 and 1769. [Puteshestvie po Rossii dlia issledovaniya trekh tsarstv estestva. Chast I: Puteshestvie iz Sankt Peterburga do Cherkaska, glavnago goroda donskikh kozakov v 1768 i 1769 godakh].* Saint Petersburg: Under the Imperial Academy of Sciences, 1771:272. (In Russ.).

48. Atlas of Russia which consists of nineteen special maps showing Russian Empire with frontier lands which was composed according to the rules of geography and new observances with General map of this great empire enclosed. [Russischer Atlas. In German]. Saint Petersburg, 1745:31. (In Russ.).

49. Khropov AG. Reconstructing the routes of the participants in the Academy of Sciences' "physical" expeditions of 1768–1774 according to modern cartographic materials. *Kunstkamera. 2019; 3(5):239–251 (In Russ.)* DOI: 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-239-251

50. Golovnev AV., Kisser TS. An Ethnographic portrait of the Empire in the writings of P.S. Pallas and I.I. Georgi. *Ural Historical Bulletin. 2015; 3(48):59–70 (In Russ.).*

51. Duldenko AA., Galvas VA. Astrakhan stage of S. G. Gmelin's expedition In materials of Russian and foreign archives. *Oriental Studies. 2018. 11;40 (6):30–35. DOI: 10.22162/2619 0990 2018 40 6 30 35.*

52. Feklova TYu. "Obedient decrees" of the Senate: the formation of expeditionary record-keeping by the example of academic expeditions 1768–1774. *Kunstkamera. 2019; 3(5):171–178 (In Russ.)* DOI:10.31250/2618-8619-2019-3(5)-171-178

Поступила в редакцию 07.04.2022 г.

Принята к публикации 12.09.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183606-625>

Садыков Мурад Гасретович

младший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

m-rutuli@hotmail.com

ОСМАНСКИЕ ФИРМАНЫ НА ИМЯ КАЙТАГСКИХ УЦМИЕВ (ПАРИЖСКАЯ КОЛЛЕЦИЯ)

Аннотация. Статья посвящена изучению ряда эпистолярных источников на османском языке из коллекции фирманов турецких султанов и визирей на имя кайтагских уцмиев. Микрофильмы этих фирманов получены из Национальной библиотеки Франции, а их копии хранятся в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. По всей вероятности, уцмийская коллекция попала во Францию во второй половине XIX в. Некоторые копии фирманов османских султанов кайтагским уцмиям имеются и в архивах Грузии. Часть из них опубликована грузинскими исследователями с расшифровкой и переводом на грузинский и русский языки. В данной работе представлены снабженные соответствующими комментариями переводы и факсимиле фирманов османских султанов дагестанским правителям второй половины XVIII – первой половины XIX вв., а именно – кайтагским уцмиям Ахмад-хану, Хамзат-хану, Алибек хану и Адиль-хану. Документы имеют высокую научную ценность и проливают свет на политику османов на Кавказе, на исторические события, связанные с освободительной борьбой дагестанских народов, и внешнюю политику дагестанских правителей. Фирманы передают атмосферу исторических событий, содержат оценку военно-политических достижений горцев турецкими правителями. Вместе с тем, из исследованных источников следует, что первоначально османские правители обещали дагестанским горцам значительные привилегии взамен на их покорность Османской империи, но позднее стали призывать их к священной борьбе с иноземными завоевателями, за которую они получают «воздаяние от Всевышнего». Публикация фирманов турецких правителей кайтагским уцмиям XIX в. станет существенным вкладом в источниковую базу по социально-политической истории Северо-Кавказского региона.

Ключевые слова: Дагестан; фирманы султанов Османской империи; кайтагское уцмийство; Надир-шах; русско-турецкие войны.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183606-625>

Murad G. Sadykov

Junior Researcher

Institute of History, Archeology and Ethnography

Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

m-rutuli@hotmail.com

OTTOMAN FIRMANs ADDRESSED TO KAITAG RULERS (PARIS COLLECTION)

Abstract. The paper presents a number of epistolary sources in the Ottoman language from the collection of firmans of Turkish sultans and viziers, addressed to Kaitag utsmeys. Microfilms of these firmans were obtained from the National Library of France, and their copies are now stored in the Collection of Oriental Manuscripts, in the Institute of History, Archeology and Ethnography of the DFRC RAS. The Utsmey collection most probably came to France in the second half of the 19th century. Some copies of the firmans are also stored in the archives of Georgia; partly they were published by Georgian researchers with transcription and translation into Georgian and Russian. Here we present translations and facsimiles of firmans of Turkish sultans, provided with appropriate comments, to the Dagestan rulers of the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries, namely, the Kaitag utsmeys Ahmad Khan, Khamzat Khan, Ali Bek Khan and Adil Khan. The documents are of high scientific value and shed light on the policy of the Ottomans in the Caucasus, on the historical events associated with the liberation struggle of the Dagestan peoples, and on the foreign policy of the Dagestan rulers. Firmans convey the atmosphere of historical events, contain an assessment of the military and political achievements of the mountaineers by the Turkish rulers. At the same time, the studied sources inform that initially the Ottoman rulers promised the Dagestanis significant privileges in exchange for their obedience to the Ottoman Empire, however, later they began to call them to a holy struggle against foreign conquerors, for which they would receive “retribution from the Almighty”. Publication of the firmans may significantly enrich the source base on the socio-political history of the North Caucasus.

Keywords: Dagestan; firmans of Ottoman sultans; Kaitag Utsmyistvo; Nadir Shah; Russo-Turkish wars.

Введение

Одним из важнейших источников по изучению военно-политической истории Дагестана XVII–XVIII вв., несомненно, являются эпистолярные материалы на османском языке, хранящиеся в дагестанских, турецких, грузинских и российских архивах. Именно корреспонденция дагестанских правителей в значительной степени и формирует историографию этого периода истории региона [1, с. 7–9; 2, с. 10–14; 3, 15–18; 4, 19–21]. Особенно это касается событий, происходивших после завоевательных походов Надир-шаха, поскольку в этих письмах содержатся конкретные сведения, проливающие свет на ключевые события, имевшие место на Кавказе в конце XVIII – начале XIX в.

Необходимость ввода эпистолярных источников в качестве первоисточников для изучения истории Дагестана представляется весьма актуальной задачей. Часть указанных эпистолярных материалов на восточных языках успешно вводится в научный оборот дагестанскими и российскими востоковедами. С привлечением многочисленных источников на русском, английском, французском, арабском, турецком и персидском языках ими опубликован ряд исследований. Так, следует отметить, что фирманы персидских шахов дагестанским правителям изучила и ввела в научный оборот известный дагестанский востоковед П.М. Алибекова [5, с. 232–263].

В этой связи большую ценность представляет коллекция фирманов правителей, визирей и наместников Османской империи на имя кайтагских правителей, которые хранятся в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и археографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. До сих пор эти исторические документы на османском языке не переводились и были недоступны для исследователей. Институт располагает только микрофильмами этих фирманов – подлинники хранятся в Национальной библиотеке Франции в Париже.

Заслуга формирования коллекции и ее описания в газете «Кавказ» принадлежит А.П. Берже [5, с. 234]. Благодаря А. Р. Шихсаидову и М. О. Османову в нашем распоряжении имеются микрофильмы фирманов турецких султанов и персидских шахов на имя кайтагских уцмиев. Однако мы прибегли в своей работе и к цифровым копиям исследуемых фирманов на сайте Национальной библиотеки Франции (Gallica), поскольку они более высокого качества.

На переплете собрания дагестанской коллекции фирманов имеется надпись: «Из дома, в котором находилось 65 писем на имя кайтагских уцмиев, (датированных) от 860-1229 гг. по хиджре». На титульном листе отмечено, что общее количество фирманов – 65, их хронологические рамки – от 860/1456 г. до 1229/1814 г. Среди фирманов имеются четыре документа на арабском языке, остальные – на османском и на персидском языках. Документы написаны профессиональным каллиграфическим мелким почерком *насталик*, *тахрири*, *шекасте* и *наسخ* с элементами *сулс*. Несмотря на то, что в нашем распоряжении

фотокопии текстов и установить точные метрические данные фирманов затруднительно, мы можем ориентироваться на отметки 4-сантиметровых линеек, выставленных в некоторых местах документов предшествующими исследователями. В коллекции содержатся фирманы как от самих османских султанов, так и от их наместников: Мустафы III (1717–1774), визиря Сулеймана-паши (1731–1790), Селима III (1761–1807), Махмуда II (1785–1839).

Адресатами фирманов выступали правители Кайтага, традиционно активно участвовавшие в происходивших в регионе военно-политических событиях. Упоминание о Кайтаге (Хайдакъ), как о суверенном государственном образовании с разными вариациями названия, впервые встречается уже в трудах средневековых мусульманских авторов. Кайтаг в них упоминается под следующими названиями: «Хамзин», «Хайзан», «Хайда», «Хайдадж» и «Джидан» [6, с. 73]. Данное государственное образование располагалось в VI/VII–XIX вв. в юго-восточной части Дагестана, между Табасараном, Рутулом и Тарковским шамхальством.

Как известно, в середине VII в. началось распространение ислама на Кавказе. В южном Дагестане этот процесс особенно усилился при наместнике Азербайджана и Армении полководце Марване б. Мухаммаде (737–750 гг.), который в дальнейшем станет халифом и властителем обширных территорий государства Омейядов с 732 по 739 гг. По мнению многих историков, в этот период на Кавказ арабами было совершено как минимум шесть походов, некоторые из них, очевидно, достигли и территорий Кайтагского уцмийства [7, с. 98]. Как сообщают источники, до X в. правитель Кайтага назывался «салифан» (как и правитель Семендера), а начиная примерно с XIV в., правителей Кайтага стали называть уцмиями. Так, по некоторым данным, первым уцмием был Султан Мухаммад-хан, который умер в 1386 г. [6, с. 98].

Исследуемые фирманы османских правителей и их наместников на имя кайтагских уцмиев были отправлены в промежутке между серединой XVIII – началом XIX в. Этот период в истории Дагестана (1785–1812 гг.) был очень тяжелым, как и для всего Кавказа в целом – регион подвергался колониальной экспансии, когда одни завоеватели сменяли других. Воспользовавшись ослаблением мусульманского (суннитского) центра, шиитский Иран пытался установить здесь свою власть. А в начале XVIII в. в борьбу за обладание Кавказом вступила и Российская империя. В этих условиях дагестанские правители были вынуждены вести гибкую и осторожную политику.

Фирманы передают атмосферу исторических событий, содержат оценку турецких правителей военно-политических достижений горцев. Вместе с тем из них следует, что первоначально дагестанским горцам сулили значительные привилегии в обмен на их покорность османской империи. Однако, позднее османские правители стали призывать их к священной борьбе с иноземными завоевателями, за которую обещали «воздаяние от Всевышнего».

Публикуемые ниже переводы фирманов турецких султанов позволят глубже понять социально-политические процессы, происходившие в регионе на

рубеже XVIII–XIX вв. За исключением двух фирманов, написанных на арабском языке, все остальные написаны на османском. Выполненные переводы фирманов предваряются кратким описанием соответствующего периода истории, атрибуцией и источниковедческим анализом документа. В верхнем углу почти каждого фирмана имеется надпись, сделанная от руки, – «соответствует оригиналу» – и это указывает на то, что мы имеем дело с копиями исследуемых документов. Переводы исследуемых фирманов представлены в хронологическом порядке.

**№ 1 – Фирман правителю Кайтага,
уцмию Ахмад-хану от «Османского государства»**

Письмо написано на арабском языке почерком *рика* и располагается на 109-й странице документа. Исходя из даты написания письма, оно адресовано Ахмад-хану, который правил кайтагским уцмийством примерно в 1711-1750 гг. Его можно по праву назвать одним из самых влиятельных правителей на Восточном Кавказе. С именем Ахмад-хана связан целый ряд военно-политических успехов в истории кайтагского уцмийства. За время своего правления он больше проявил себя во внешней политике, нежели во внутренней, приняв активное участие в политических событиях не только Дагестана, но и далеко за его пределами.

В конце письма указана следующая дата: «четверг двадцатого числа месяца джумада ал-ахира 1152 г. по хиджре», что соответствует 24 сентября 1739 г. по григорианскому календарю. Адресант письма не указан, вероятно, это упущение переписчика. Если исходить из датировки письма, то им является султан Османской империи Махмуд I.

Перевод:

«Вся хвала принадлежит Аллаху. Благословение пророку Мухаммаду, последнему (печати) из пророков, его семейству и всем его сподвижникам!

А затем – выражаем большое почтение, уважение, искренние мольбы и искренние приветствия, полные великой и вечной любви султану храбрецов, который является примером для всадников, владельцу копья и острия (твердой руки), восхвалённому твердым духом среди ангелов и людей – нашему дорогому отцу, правителю Кайтага, уцмий-хану. Да сделает Всевышний Аллах его постоянно восхваляемым среди общины ахл ас-сунна ва-л-джамаа¹ и дарует ему триумф и победу над врагами религии ислам, сохранит верующих живыми и здоровыми вместе с войсками и последователями. Аминь, аминь!

Затем. Извещаем Вас о том, что лев войска и сын храброго льва наш брат Гебек-бек и обладатель знаний и доброго нрава наш брат Хаджи Курбан Афанди прибыли к нам в целостности и сохранности. Наши гости по прибытию

¹ Ахл ас-сунна ва-л-джамаа – «люди сунны и согласия общины», сунниты. Самоназвание подавляющего большинства мусульман.

передали письмо от Вас, и по их подтверждению мы узнали и были обрадованы тем, что Вы живы и здоровы, и всему тому, что Вы написали. И мы их отправили 19-го числа месяца джумада ал-ахира вместе со специальным человеком и Вашим старым другом в великое Османское государство. Да будет Вам известно, что мы направили к Вам их письма. Мы предупредили их о том, что требовалось по всем вопросам. С помощью и милостью Всевышнего, несомненно, Вы достигнете своих целей и намерений без каких-либо сомнений. Впредь, по приходу письма к Вам от Османского государства посредством такого надежного человека, как Мухаммад Афанди, да будет известно, что Ваше превосходительство, а также все дагестанские предводители и народ, можете надеяться на помощь и снисхождение Османского государства.

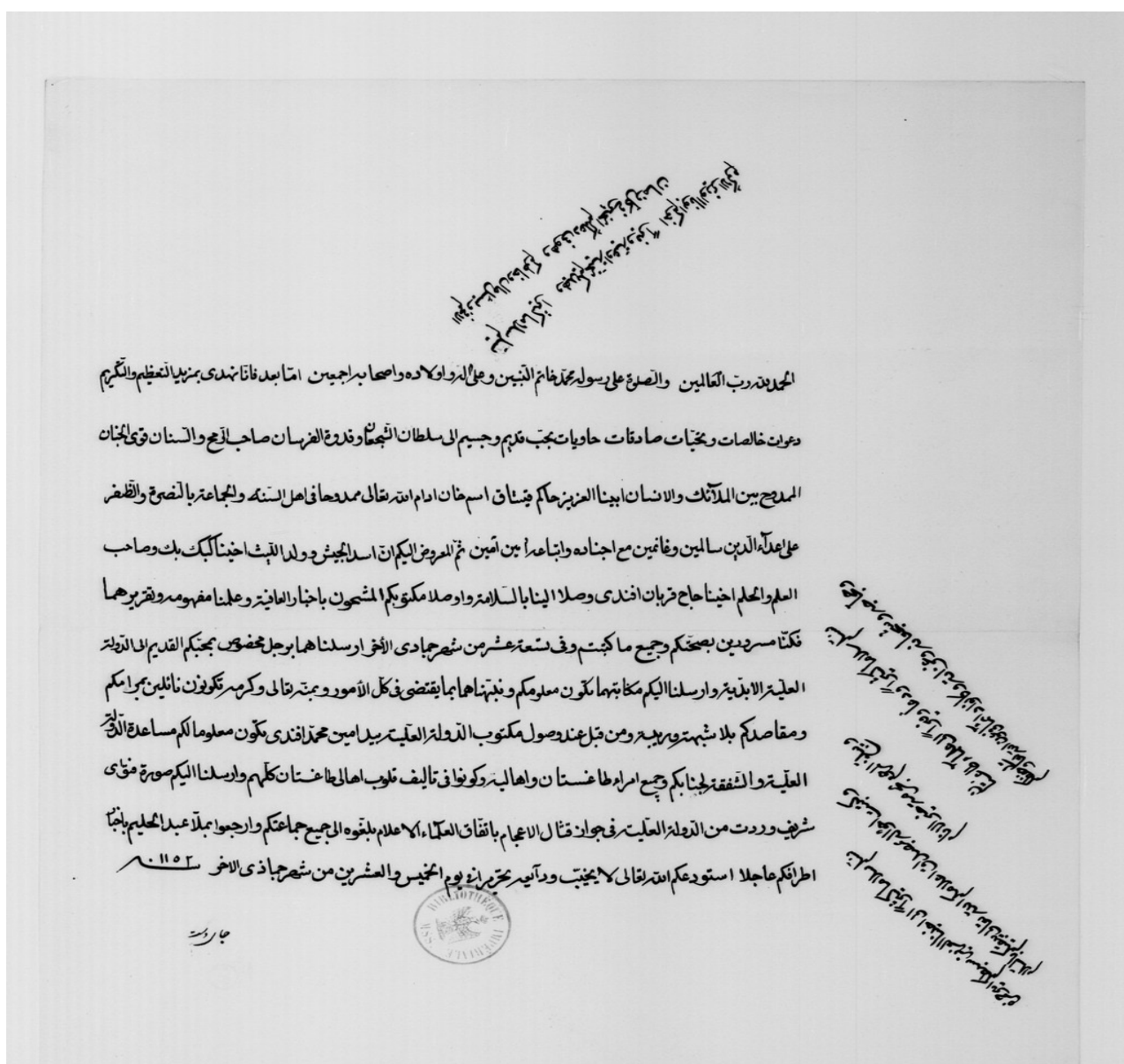


Рисунок 1. Фирман № 1

Fig. 1. Firman № 1

Будьте всегда ближе к народу и будете в сердцах людей. Также мы направили Вам экземпляр фетвы,² изданной в Османском государстве по единодушному мнению авторитетных ученых эпохи по поводу легитимности борьбы с захватчиками с точки зрения ислама. Просим Вас донести эту новость всему народу и в срочном порядке оповестить через Молла Абдулхалима о Вашей точке зрения по данному вопросу. Вверяю вас Всевышнему Аллаху, Создателю и Хранителю всего сущего!

Дата написания: четверг двадцатого числа месяца джумада ал-ахира 1152 г. х. (1739 г.).

Надписи на полях: *«Передаем многократное приветствие нашему дорогому брату, Вашему внуку Амир-Хамзе. Я написал о его положении и дружбе по отношению к Вам. Оставайтесь в здравии и благополучии.*

Также передаем многократное приветствие ученым Дагестана, паломникам, храбрецам и воинам. Всегда вверяем вас Аллаху.

Передает Вам многократное приветствие и обильные слова мольбы Ваш брат, наш отец благородный и почетный визирь. Спрашивает о Вашем положении и состоянии. Он всегда в ваших добрых молитвах.

№ 2 – Фирман правителю Кайтага уцмю Хамзат-хану от Сулеймана-паши³, визиря и наместника Османской империи в провинции Эрзурум и Ахыска (Чилдыр)⁴

Фирман написан на арабском языке почерком насх и расположен на 100-й странице документа. Дата написания письма не указана, но, учитывая контекст изложенных исторических событий, можно предположить, что письмо написано примерно в 1786 г. или в начале 1787 г., так как Хамзат-хан, сын Хан-Мухаммада, правил до 1787 г. В начале документа имеется надпись «запись соответствует оригиналу». Это значит, что мы имеем дело с копией подлинника документа.

Период написания данного фирмана совпадает с началом очередного военного противостояния Российской и Османской империй⁵. В этой связи, турецкий султан, обладая статусом халифа и правителя всех мусульман (суннитов), искал союзников, способных оказать ему поддержку в грядущей войне. Из содержания

2 Фетва – это исламское решение по какому-либо вопросу, выносимое главным духовным лицом или судьей, основываемое на принципах ислама и на прецедентах мусульманской юридической практики.

3 Сулеймана-паша, сын Ибрагима-паши из рода Атабекли Исхак-паша. В 1771 г., получив титул визиря, становится губернатором провинций Ахыска-Чилдыр. Приступив к службе, он вел активную переписку с дагестанскими и азербайджанскими правителями. Скончался в 1790 г., будучи губернатором Ахыска-Чилдыра.

4 Данный документ составлен на арабском языке, но мы решили включить его в группу исследуемых фирманов по причине его очевидной хронологической и содержательной близости.

5 Русско-турецкая война 1787–1791 гг., которая завершилась подписанием Ясского мирного договора.

письма следует, что его адресант, «визирь Османской империи» Сулейман-паша, в сущности, передает в нем полученные им указания турецкого султана. Передача письма и дорогих подарков от султана через приближенного визиря показывает нам высокий статус кайтагского уцмий. В этом фирмане также говорится о подарках и поручениях от султана остальным дагестанским правителям.

Напутствуя всем дагестанским правителям, и в частности уцмью Хамзат-хану, оставаться верными султанскому двору, Сулейман-паша напоминает им: *«И то, что на этот раз было отправлено вам со стороны султана из подарков и пожалований, – это признак увеличения благосклонности государя (хака-на) и знак особого внимания султана, пока вы усердно исполняете религиозные предписания и состоите на службе Великого государства»*.

Перевод:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Хвала тому, кто сделал переписку поводом для создания архитектуры любви и дружбы. Мир и благословение нашему господину и Пророку Мухаммаду (да благословит его Аллах и приветствует), который был послан для усовершенствования благородных нравов, и все наилучшие приветствия его семье и всем сподвижникам. Они – те, которые выполнили требования завета и верности.

А затем, поистине наилучшее приветствие, совершенное почтение со стороны сильно любящего визиря и наместника (вали) Эрзурума и Ахыска⁶ Сулеймана-паши славному, великому обладателю власти и достоинства, повелителю, владыке, обладателю господства и благородных дел, великому из великих, чистейшему среди верующих, победителю и грозе неверных и беззаконников, Вашему превосходительству милостивому властелину. Я имею в виду почтеннейшего уцмий Хамзат-хана, да будет он всегда под защитой Милостивого. О славный и безупречный властитель! Бесподобный, которому нет равных! С тех пор, как возникла между нами полноценная любовь и долговечная искренняя дружба, мы всегда днем и ночью упоминаем Ваши благородные качества. Клянусь Аллахом, благородный повелитель, пишу, когда случай представил возможность для переписки, так как от почтенного султана ислама (да продлит Всевышний Аллах тень власти его до Судного дня, что в Час пробуждения станет милостью для людей) поступили некоторые указания, а также роскошная одежда, определенное количество динаров как подарок и пожалование Вам и остальным дагестанским ханам (правителям) вместе с письмами от почтенного обладателя великодушия с сопровождением Мухаммада (Мехмеда) Салиха Кабуджи-паши ал-Уфи (да будет продлена его слава), который является примером доверия и надежды.

6 Ахыска (тур. Ahıska) – бывшая территория османского государства. В настоящее время находится в пределах Грузии, (в турецкой литературе значится под названием «Ахыска», в грузинской и русской литературе приводится как «Ахалцихе», «Месхетия-Джавахетия»), а также граничит с современной Турцией. На данной территории проживали турки, которые были насильственно депортированы во время Второй Мировой Войны.

И вот, мы отправили это Вам в сопровождении высокопоставленного офицера, и, когда он доедет до Вас, передаст Вам из своих рук то, что было послано с ним специально для Вас.

Уважаемый господин! Поистине, прекрасное падишахское отношение и совершенная благосклонность султана по отношению к Вам на самом деле невозможно описать языком строк, так как Вы и Ваши предшественники славятся

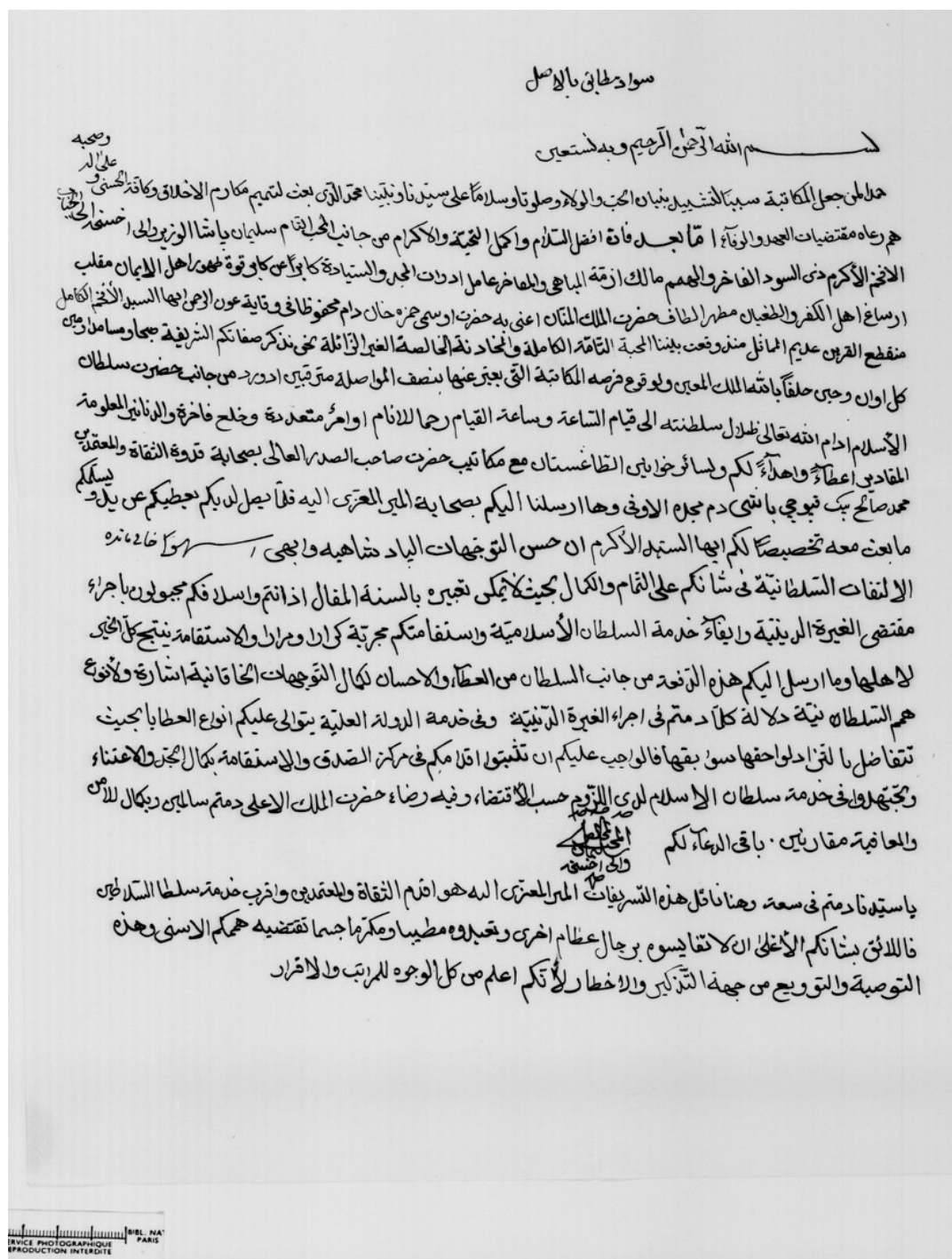


Рисунок 2. Фирман № 2

Fig. 2. Firman № 2

приложением усилий, требуемых религией, и исполнением службы исламскому правителю. И Ваша верность уже испытана не единожды, а многократно. И верность приводит ее обладателя только к добру. И то, что на этот раз было отправлено Вам со стороны султана из подарков и пожалований — это признак увеличения благосклонности государя (хакана) и знак особого внимания султана, пока вы усердно исполняете религиозные предписания и состоите на службе Великого государства. Непрерывно друг за другом следуют разные пожалования Вам, так как Вы превосходите остальных в достоинстве. Таким образом, Вам необходимо утвердить свои стопы на пути верности и праведности с полной славой и заботой. И при необходимости, в зависимости от обстоятельств, проявляйте усердие в службе исламскому султану, и в этом есть довольство великого и почтеннейшего правителя. Оставайтесь в здравии, благополучии и всех Вам благ. И все остальные мольбы для Вас».

Подпись: «наместник (вали) Ахыска Сулейман-паша.

Наш почтенный, будьте в здравии! Вы, хоть и лучше меня, и опытнее, позвольте сделать Вам маленькое напоминание по поводу высокопоставленного офицера, уполномоченного все отправленное передать; он является одним из близких и доверенных людей султана, поэтому старайтесь оказать ему особое уважение и почести, как и подобает Вашей славной репутации».

№ 3 – Фирман правителю Кайтага уцмию Али-беку от имени султана Мустафы III

Фирман был написан в 1204/1790 г. в период, когда шла очередная русско-турецкая война (1787—1791). Блистательная Порта стремилась в ходе этой войны вернуть себе земли, отошедшие к Российской империи после русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Особенно важным для нее было возвращение потерянного в 1783 г. Крыма. В своем фирмане османское правительство сообщало, что видит в кайтагском правителе своего союзника и просило его присоединиться к военной кампании против русских. Как становится известно из письма, ко времени его написания на Кавказе уже находились османские войска во главе с садразамом⁷ Хасан-пашой.

Письмо написано на османском (староанатолийско-тюркском)⁸ языке, почерком рика. Адресатом фирмана указан «хакан Кайтага» и «уцмий-хан»,

7 Первый министр и глава правительства в Османской империи. С 2 января 1790 г. до 30 марта того же года садразамом был Хасан-паша.

8 Османский язык (самоназвание: *lisân-ı Osmânî*, тур. *Osmanlıca*, *Osmanlı Türkçesi*), называемый также староанатолийско-тюркским, староосманским или османско-турецким, государственный язык Османской империи, принадлежит к огузской подгруппе тюркских языков. Несмотря на то, что османский язык был тюркским в своей основе, со временем арабские и персидские слова в некоторых произведениях могли составлять до 80-90% его лексики. Помимо этого, использовались отдельные арабские и персидские грамматические конструкции (например, изафет). Поэтому к середине XIX в. османский язык очень сильно отличался от других турецких диалектов. Использовался арабский алфавит с некоторыми общими модификациями с персидской письменностью, за исключением буквы «каф» с тремя точками сверху, для велярного носового согласного [ŋ], который отчасти сохранился, но письменно не отражается в современном литературном турецком.

однако конкретное имя кайтагского правителя не упоминается. В заглавии документа имеется надпись: «Мустафа султан», однако период написания письма, то есть 1204/1790 г., совпадает с правлением Селима III (1789–1807). Здесь скорее всего имеет место ошибка переписчика. В начале документа имеется надпись «запись соответствует оригиналу». Это значит, что мы имеем дело с копией оригинала документа.

Стоит отметить, что в каталоге фирманов кайтагским уцмьям данное письмо размещено на страницах 15 и 18. Оба они идентичны, за исключением одной дополнительной строки в пользу письма на странице 15. Визуально кажется, что письмо на странице 15 намного больше своего аналога на странице 18, однако при внимательном изучении документов становится ясно, что после разрыва страницы и перехода на 16 страницу, на следующей странице повторяются девять строк. Для лучшего сравнения мы решили приложить к данной статье оба варианта письма.

Что касается даты фирмана, в конце письма указана следующая датировка: середина месяца раби ал-ахир 1204 г. по хиджре (что соответствует 2 января 1790 г.). Исходя из даты написания фирмана, можно предположить, что адресатом фирмана скорее всего был кайтагский уцмий Али-бек сын Амир-Хамзы, который пришел к власти в 1789 г. и правил Кайтагом по 1796 г. [6, с. 380–384].

Перевод:

«Славному владыке и повелителю, защитнику веры и храброму хакану⁹ Кайтага, правителю Дагестана уцмий-хану! Направляется Вам данный указ (фирман) из султанского двора с целью оповестить Вас о том, что в начале весны этого года с Трабзона и ближайших ему районов, а также с восточной стороны Карахисара, будет выдвигаться наша славная османская армия, как подкрепление в сторону Анапы. На данное время в Анапе и Сугудже¹⁰ во главе с моим почтенным визирем Саййидом Хаджи Хусейном-пашой находится определенный контингент наших войск. Они должны двигаться в сторону Кабарды, и наладить дружеские отношения со всеми местными народами. Также необходимо освободить захваченные врагом (московитами) крепости в данном регионе и двигаться дальше в сторону Кизлярской крепости. На данном этапе вам будет поступать от нас дополнительная помощь. Все происходящее в армии от назначений до расходов, все нужды, должны быть сообщены военному визирю (министру) и визирю (министру) экономики, в дальнейшем все это будет под моим контролем и все необходимое будет обеспечено. А что касается наших московских и австрийских врагов, они сговорились и объединили усилия против нас, мусульман, во всем мире. Их злые умыслы и предательство не заканчиваются и раскрываются каждый день. Они намерены везде умалить достоинства мусульман. Мы не

9 Титул правителя, появившийся в северо-восточной Азии у тюркских народов, существовал также и у хазар, и в целом был широко распространен.

10 Город-крепость вблизи Анапы.

должны допустить этого. Учитывая указания Всевышнего мусульманам в священном Коране «... и сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами ...» и призыв таких аятов, мы должны приложить усилия, объединиться и не забывать, что это наш долг.

Также хочу сообщить Вам, что визирь Османской империи Сулейман-паша будет выдвигаться со своим войском весной сего года. По прибытию туда, одна из важнейших задач, поставленных перед Сулейманом-пашой, — это необходимость объединения местных народов, таких как черкесы, адыги, кабардинцы, карачаевцы, абазы и ногайцы. Необходимо учесть, что в первую очередь кабардинский полк должен освободить от оккупантов город Кизляр. Для этого необходимо предпринять штурм Кизлярской крепости. Далее Вы, как доблестный защитник ислама, сообщите нашим общим союзникам: Умма-хану Хунзахскому, Ахмад-хану Дженгутайскому и другим ханам

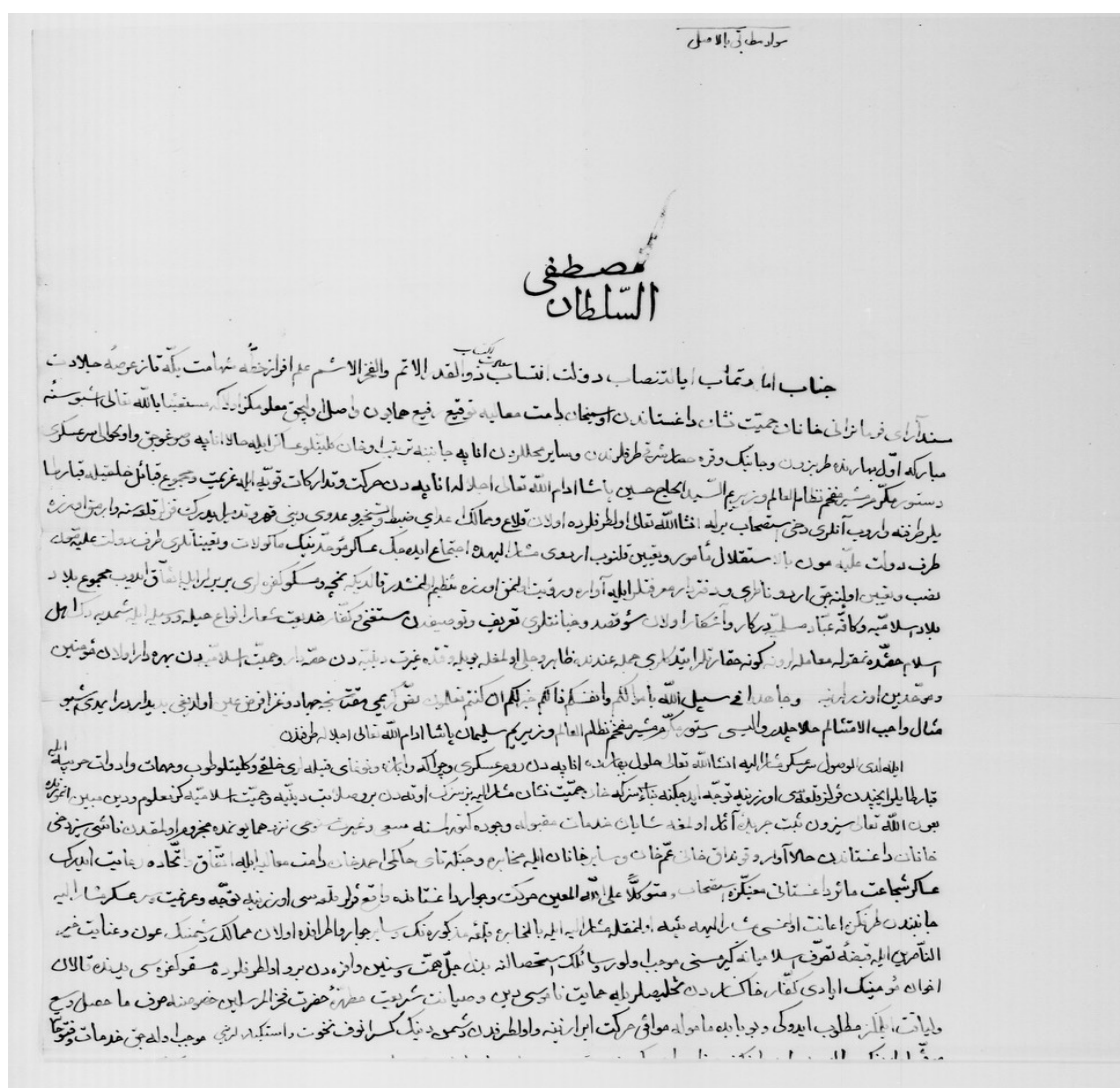


Рисунок 3. Фирман № 3

Fig. 3. Firman № 3

Дагестана, чтобы вместе стали на защиту от московских захватчиков. И тоже выдвигайтесь на Кизляр. Надеюсь, вы накажете врага должным образом, так как мы слышаны о ваших подвигах и героизме во имя ислама и свободы».

Дата написания письма: середина месяца раби ал-ахир 1204 г. по хиджре (2 января 1790 г.). Султанская резиденция в Стамбуле.

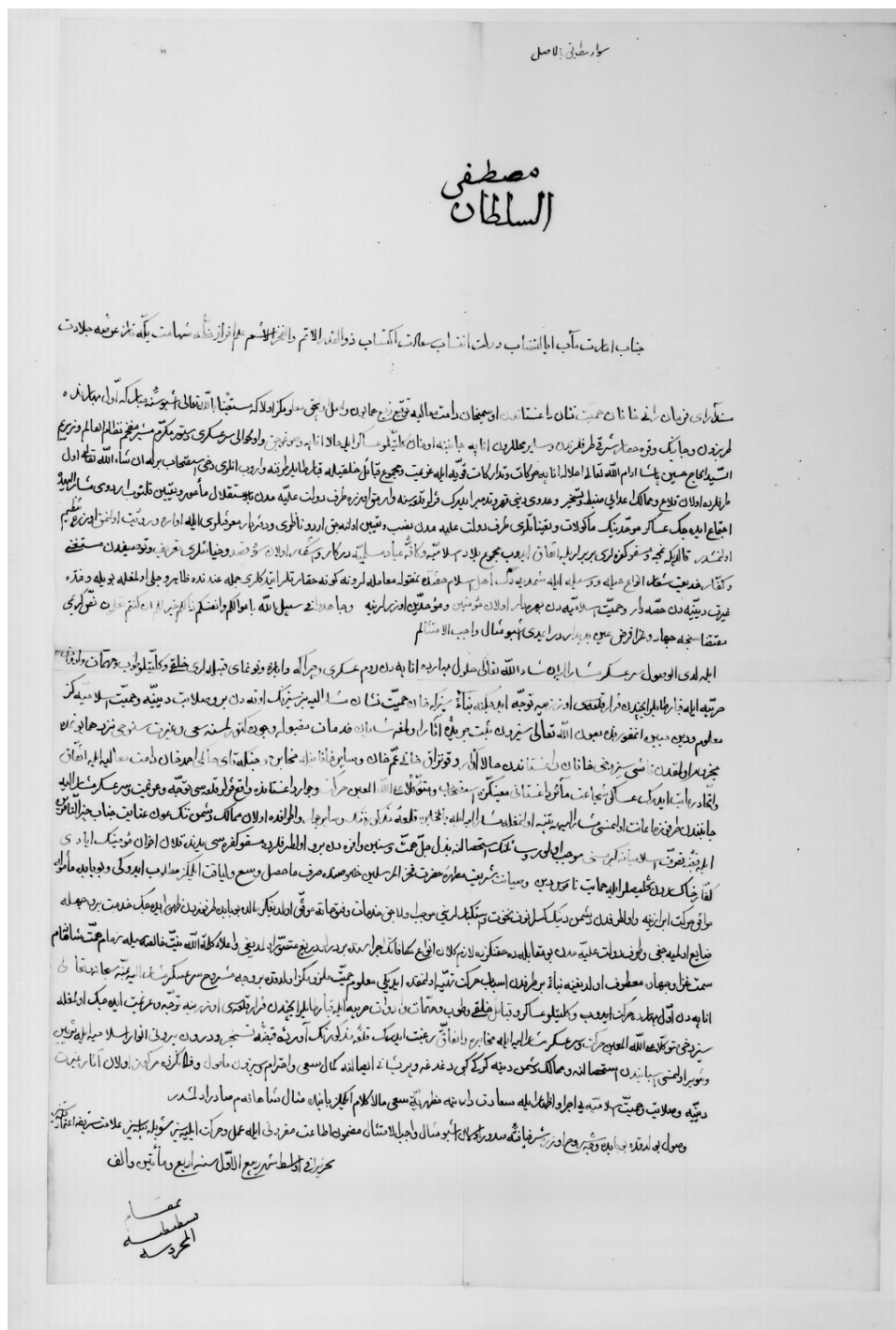


Рисунок 3. Фирман № 3

Fig. 3. Firman № 3 (повтор)

№ 4 – Фирман правителю Кайтага уцмию Али-беку от султана Селима III

Письмо написано на османском языке почерком *рика* и располагается на 11-й странице каталога фирманов. Адресат в лице конкретного правителя в нем не указан, но его можно определить, исходя из даты отправки письма: «середина месяца джумада ал-ахира 1205 г. по хиджре, что соответствует 19 февраля 1791 г. по григорианскому календарю. В соответствии с этим можно утверждать, что получателем данного фирмана является кайтагский уцмий Али-бек, сын Амир-Хамзы, который правил с 1789 г. по 1796 г. Отправителем письма скорее всего выступает султан Османской империи Селим III (или садразам от его имени), на что указывает использование в письме таких выражений, как «мой визирь». К сведению, в письме после перехода на следующую страницу мы видим повтор шести строк с предыдущей страницы. В начале документа имеется надпись «запись соответствует оригиналу». Это значит, что мы имеем дело с переписанной с оригинала копией документа.

Перевод:

«Уважаемый, почтеннейший, славный и достойный великого почета правитель и хакан кайтагских земель и Дагестана, уцмий-хан!

Этот (указ) фирман направляется в Ваш адрес от султанского двора великой державы Османов. Считаю необходимостью оповестить Вас о том, что весной этого года было заранее запланировано масштабное военное движение сухопутным и морским путем в сторону московского противника. Также стоит отметить, что в данное время сроком на девять месяцев Османское государство заключило мир с австрийцами. Как известно, до этого у нас было военное положение. Это было необходимо для нашей внешней политики, чтобы сосредоточиться на одном фронте. Благодаря опыту наших дальновидных послов и политиков, которые участвовали в переговорах от имени нашего государства, удалось заполучить обратно у врага крепости и важные участки земель. С помощью Аллаха это было внесено в пункты мирного соглашения с ними. И когда мы, если позволит Всевышний Аллах, завершим благополучно начатое дело с австрийцами, то немедленно предпримем военный поход с армией, которая сейчас находится недалеко от границ Австрии, число которой свыше 250 тысяч человек. Также имейте в виду, что весной мы организуем военный поход с определенной частью армии на московских неверных. Отомстим и накажем их за дерзость и за вторжение в мусульманские земли.

Уцмий-хан! Мы наслышаны о Вас только с хорошей стороны. Ваша доблесть и храбрость за правое дело у всех на устах. А то, что касается наших планов, в первую очередь необходимо отметить, что вблизи Анапы (Суджук-кале), Кубани и Кабарды необходимо сосредоточить определенные военные гарнизоны. Далее туда прибудет по моему указу мой доблестный визирь и губернатор Эрзурума и Трабзона, выдающийся командующий Хаджи Абдулла-паша.

По его прибытию Вам необходимо встретиться с ним и обсудить между собой подробности нашего военного похода. Далее, придя к единому мнению, с удобной позиции выдвигайтесь на московского врага.

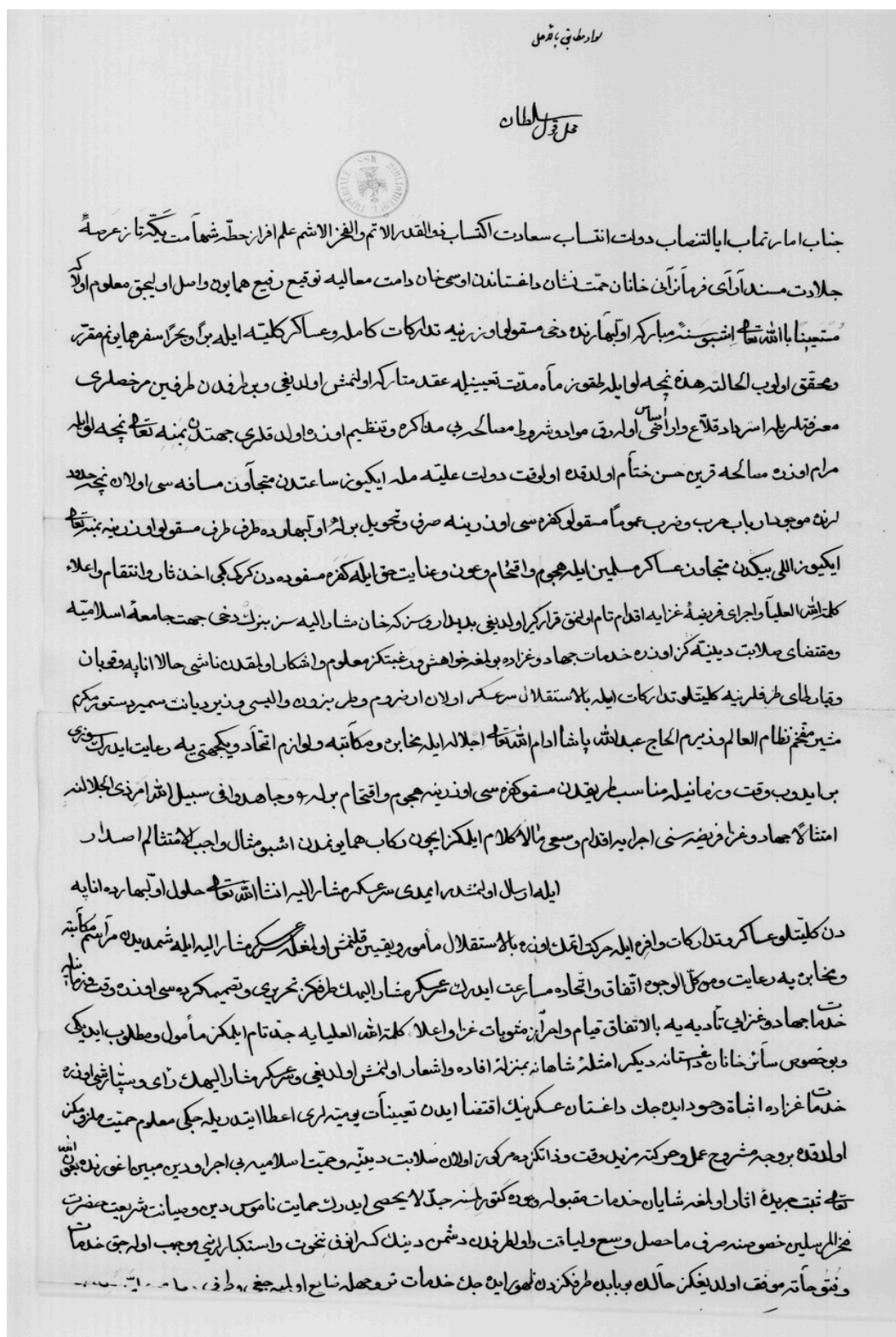
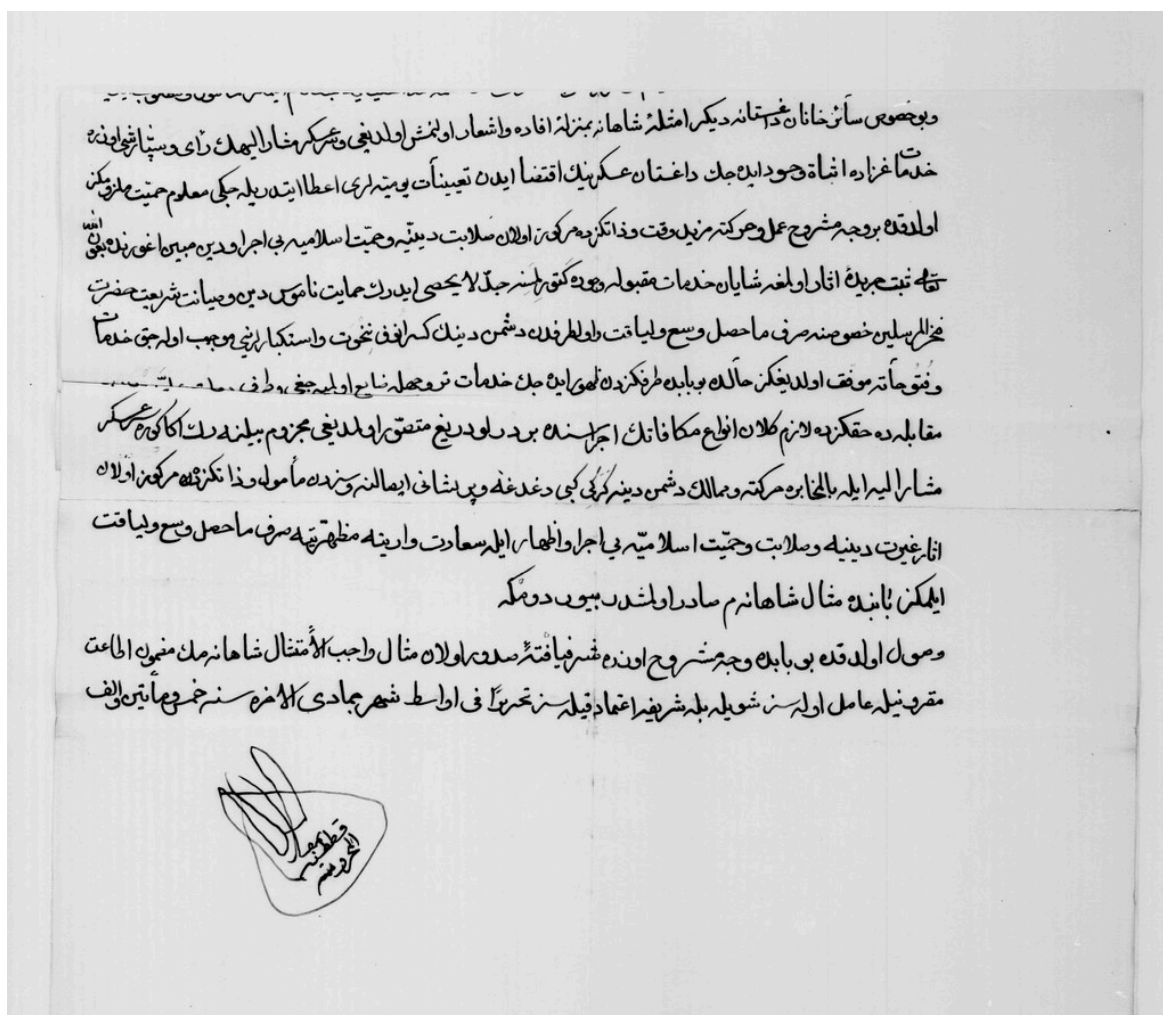


Рисунок 4. Фирман № 4

Fig. 4. Firman № 4

Данный указ был отправлен Вам для того, чтобы Вы надлежащим образом подготовились и следовали моему указу. Стоит напомнить, что вышеупомянутый визирь к началу весны будет выдвигаться в указанное местоположение. К тому времени, надеюсь, Вы будете поддерживать связь и обмениваться письмами между собой. Об этом также проинформированы другие дагестанские ханы, и им поручено помочь армии визиря с провизией, едой и т.д.

Благородный уцмий-хан! Не забывайте, что все это делается с целью возвышения истинной религии ислама, и сделанные Вами на этом пути усердия и трудности не будут напрасны. И мы в свою очередь не оставим Вас без внимания. Как только Вы получите мое письмо (указание), приступайте к его исполнению». Дата написания письма: середина месяца джумада ал-ахира 1205 г. по хиджре (19 февраля 1791 г.). Султанская резиденция в Стамбуле.



№ 5 – Фирман правителю Кайтага уцмию Адиль-хану от султана Османской империи Махмуда II¹¹

Письмо написано на османском языке почерком *рика* и расположено на восьмой странице документа. В отличие от других исследуемых фирманов, в нем упоминается имя адресата, кайтагского уцмий Адиль-хана¹². В конце письма указана следующая дата: «конец месяца шаввал 1229 г. по хиджре», что соответствует 14 октября 1814 г. Что касается отправителя фирмана, то скорее всего им является садразам Ахмед-паша¹³, отправивший его от имени султана Османской империи Мустафы IV.

Перевод:

«Уважаемый, почтеннейший, славный и достойный великого почета правитель и хакан кайтагских земель Дагестана, уцмий Адиль-хан! Да продлит Всевышний его власть. Указ (фирман), подписанный славным султаном, правителю, защитнику веры и храброму хакану Кайтага уцмий-хану.

До нашего султанского двора успешно дошли те, кого вы отправили, ваши уважаемые алимь и посланцы, в лице муфтия Хаджи Юсуфа и шейха Сайида Мирза-заде. Как вы знаете, славный хан, корни наших отношений уходят очень далеко в историю и еще прочнее укрепились братскими узами во времена Ахмад-хана, который после многочисленных сражений, противостояний и битв в Дагестане утвердился и взял под контроль значительную часть Дагестана, в связи с чем со стороны Девлети Алие (Великого Османского государства) Ахмад-хану¹⁴ неоднократно были оказаны большие почести, и он был признан нами, как правитель Дагестана. Вопреки своим обещаниям о мире, когда московские русские с войной пошли на нас и оккупировали приграничные наши земли, Ахмад-хан поддержал нас и оказал нам посильную помощь. Кроме этого, хоть два года назад и было достигнуто мирное соглашение с русскими о том, что они не будут вторгаться на Кавказ, они начали строить военные укрепления на территории Дагестана. Кроме обращений приехавших делегатов по данному поводу, получено письмо об оказании помощи, и мы постараемся сделать все, что в наших силах. Тем более, учитывая тот факт, что там живут мусульмане сунниты. Хоть территория Дагестана и далека от нас, из-за уважения к ученым и правителям Дагестана, которые преданы и верны нам, наше правительство

11 В начале письма имеется надпись «Мустафа султан», однако на период написания письма, то есть в 1814 г., османским государством правил уже Махмуд II.

12 Адиль-хан, сын Устар-хана, был одним из последних кайтагских правителей, который был у власти с 1809 по 1819 гг.

13 Лаз Азиз Ахмед-паша (тур.: Laz Aziz Ahmet Paşa; ум. в 1819) – садразам, великий визирь Османской империи. С началом русско-турецкой войны отправляется в Эдирне для координации войск. После первых побед войска Хаджи Мустафы-аги Ахмед-паша становится великим визирем. После поражения и подписания Бухарестского мирного договора 28 мая 1812 г. был обвинен в некомпетентности и снят с должности.

14 Ахмад-хан, сын Уллубия сын Рустам-хана, – один из влиятельных правителей Кайтагского уцмийства, правил с 1710 по 1749 гг.



Рисунок 5. Фирман № 5

Fig. 5. Firman № 5

всегда доброжелательно по отношению к ним. Кроме этого, были получены письма и просьбы от правителя (вали) Дагестана Сурхай-хана, от правителя ханств Шеки и Ширвана, от правителя джарского вилаята Селима и от правителя железных ворот Баб ал-Абваб Дербента Шейх-Али-хана. Учитывая сложившуюся экономическую и социальную ситуацию, в которой оказались жители Дербента, соседние поселения и народы, утверждаем главнокомандующим Шейх-Али-хана. Над территориями ханств Шеки, Ширвана и джарского вилаята утверждаем главнокомандующим Селим-хана, а главнокомандующим Дагестана утверждаем Сурхай-хана. По этому поводу были изданы соответствующие фирманы и указы. Последним были оказаны почести и были дарованы подарки и кафтаны со стороны османского султана.

Ранее наше государство в моем лице и Россия заключили мирный договор. Учитывая это заявление, мои хаканы и наместники должны оставаться верными данному соглашению и не поддаваться на провокации иных государств. По этому поводу направлены письма с рекомендациями. Надеюсь, вы всегда будете с нами, как в мирное, так и в военное время. Кроме того, считаем, что достигнутый нами мир с Ираном и Россией должен быть сохранен, а если возникнут военные обстоятельства с ними, нападения или защиты, необходимо действовать в рамках законов ислама, а также прислушиваться к словам ученых и моему слову как султана, халифа и повелителя мусульман. Впредь прошу без воздержаний обращаться по любым вопросам и в знак дружбы посылаю вам дорогие подарки: ханский кафтан и определённое число чистого серебра». Дата написания письма: конец месяца шаввал 1229 г. по хиджре (соответствует 14 октября 1814 г.). Султанская резиденция в Стамбуле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдын Мустафа. Кавказ – место столкновения трех сильных держав. Стамбул: Изд. Геккуббе, 2005.
2. Айтберов Т.М. Надир-шах Афшар и дагестанцы в 1741 году. Махачкала: ИД «Ваше дело», 2011. 200 с.
3. Айтберов Т.М. О некоторых важных моментах третьего дагестанского похода Надир-шаха Афшара (1741 год) (по текстам посланий Ибрагима Урадинского) // CAUCASO-CASPICA Труды Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) Университета. Ереван, 2018. С. 53-63.
4. Алкадари Гасан-эфенди. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане / Перевод и примечания Али Гасанова (Алкадари). Махачкала: Издательство «Лотос», 2014. 239 с.
5. Алибекова П.М. Фирманы Надир-шаха Афшара на имя кайтагского уцмий Ахмад-хана (Парижская коллекция) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 2. 2020. С. 232-263.
6. Муртазаев А.О. Кайтаг в VII – первой половине XIX в. Мах-ла, 2015.
7. Шихсаидов А.Р. Ислам и исламская культура на Кавказе. М.: Восточная литература, 2001.

REFERENCES

1. Aydin Mustafa. *The Caucasus – a place of clash of three strong powers*. Istanbul: Gekkubbe, 2005.
2. Aitberov TM. *Nadir Shah Afshar and the Dagestanis in 1741 [Nadir-shakh Afshar i dagestantsy v 1741 godu]*. Makhachkala: Vashe Delo, 2011. (In Russ)
3. Aitberov TM. On some important moments of the third Dagestan campaign of Nadir Shah Afshar (1741) (according to the texts of the messages of Ibrahim Uradinsky) [O nekotorykh vazhnykh momentakh tret'ego dagestanskogo pokhoda Nadir-shakha Afshara (1741 god) (po tekstam poslanii Ibragima Uradinskogo)]. *CAUCASO-CASPICA. Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian-Armenian (Slavonic) University*. Yerevan, 2018:53-63. (In Russ)
4. Alkadari Gasan-efendi. *Asari Dagestan. Historical information about Dagestan [Asari Dagestan. Istoricheskie svedeniya o Dagestane]*. Ali Gasanov (transl., comm.). Makhachkala: Lotos, 2014.
5. Alibekova PM. Firmans of Nadir Shah Afshar to the Kaitag utsmiy Ahmad Khan (Paris collection). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(2): 232-263.
6. Murtazaev AO. *Kaitag in the 7th – the first half of the 19th century [Kaitag v VII – pervoi polovine XIX v]*. Makhachkala, 2015.
7. Shikhsaidov AR. *Islam and Islamic culture in the Caucasus [Islam i islamskaya kul'tura na Kavkaze]*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001.

Поступила в редакцию 03.11.2021 г.

Принята к публикации 18.07.2022.

Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183626-641>



Идрисов Юсуп Магомедович

к.и.н., доцент кафедры историко-правовых дисциплин

Северо-Кавказский филиал Российской правовой академии, Махачкала, Россия

markesob@mail.ru

Ханмурзаев Исмаил Ибрагимович

младший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

xanmurzaev@yandex.ru

НОВЫЕ АРАБОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ШАМХАЛА МАХДИ-ХАНА ТАРКОВСКОГО И БИЙБУЛАТА ТАЙМИЕВА

Аннотация. Целью работы является введение в научный оборот новых документальных источников по истории заключения политического союза между шамхалом Махди-ханом и авторитетным чеченским старшиной Бийбулатом Таймиевым. Разбор содержания анализируемых писем произведён с опорой на текстологический, палеографический и историко-сравнительный методы. В рамках исследования публикуются письма Махди-хана, его племянника Мухаммад-бека и кадия сел. Большие Атаги Абдулкарима. Переписка, реконструируемая авторами на основе вновь обнаруженных пяти писем её участников, показывает сложность и противоречивость взглядов субъектов переговоров на их цели и задачи, а также неоднозначную позицию их активного участника и посредника – кадия Абдулкарима. Кроме того, письма, вошедшие в данную переписку, отражают историко-политические воззрения Махди-хана как составную часть его политической программы по восстановлению былого могущества Тарковского шамхальства. В статье приводятся комментарии и пояснения к именам и названиям, встречающимся в переведенных документах. Кроме того, даётся обстоятельный разбор текста писем с пояснением текущей общественно-политической обстановки в регионе. И что не менее важно показываются внутренние личностные мотивы тех или иных персон, побуждающие к принятию решений. Таким образом, через раскрытие этих мотиваций происходит персонификация истории. Вводимые в оборот документы значительно уточняют детали и механизмы взаимодействия шамхала Махди-хана с Бийбулатом Таймиевым и другими влиятельными фигурами в Чечне. В статье раскрывается и политический контекст исследуемой переписки. В результате исследования мы приобретаем более полную картину событий 1828-1829 гг. на Северо-Восточном Кавказе, предвосхитивших новый виток Кавказской войны.

Ключевые слова: переписка; арабоязычные письма; шамхал Махди-хан; Бийбулат; Абдулкарим; Хан-Мухаммад-бек; Энгельгардт; Шахбаз; Дагестан; Засулакская Кумыкия; Чечня.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183626-641>



Yusup M. Idrisov

Cand. Sci. (History), Assistant Prof. of History and Law

North-Caucasian branch of the Russian Academy of Law, Makhachkala, Russia

markes06@mail.ru

Ismail I. Khanmurzaev

Senior Researcher

Institute of History, Archeology and Ethnography

Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

xanmurzaev@yandex.ru

NEW ARABIC-LANGUAGE SOURCES ON THE HISTORY OF RELATIONS BETWEEN SHAMKHAL MAHDI KHAN OF TARKY AND BEIBULAT TAYIMIEV

Abstract. The paper introduces new documentary sources on the history of conclusion of the political alliance between Shamkhal Mahdi Khan and an authoritative Chechen officer Beibulat Tayimiev. The analysis of the content of the letters was carried out based on textological, paleographic and historical-comparative methods. As part of the study, letters from Mahdi Khan, his nephew Muhammad Bey and Abdulkarim, the qadi of Bolshie Atagi, are reviewed. The correspondence, reconstructed on the basis of the newly discovered five letters of its authors, shows the complexity and inconsistency of the views of the subjects of negotiations on their goals and objectives, as well as the ambiguous position of their active participant and mediator, qadi Abdulkarim. In addition, the letters included in this correspondence reflect the historical and political views of Mahdi Khan as an integral part of his political program to restore the former power of the Tarkovsky Shamkhalate. The paper provides commentaries and explanations for the names and titles found in the translated documents. In addition, a detailed analysis of the text of the letters is given with an explanation of the current socio-political situation in the region; of no less importance is the internal personal motives of certain figures, prompting them to make decisions. Thus, through the disclosure of these motivations, the personification of history takes place. The documents under study significantly clarify the details and mechanisms of interaction between Shamkhal Mahdi Khan and Beibulat Tayimiev and other influential figures in Chechnya. The paper also reveals the political context of the correspondence. As a result of the study, we acquire a more complete picture of the events of 1828-1829 in the North-Eastern Caucasus, anticipating a new development of the Caucasian War.

Keywords: correspondence; Arabic-language letters; Shamkhal Mahdi Khan; Beibulat; Abdulkarim; Khan Mukhammad-bek; Engelhardt; Shakhbaz; Dagestan; Zaslak Kumykia; Chechnya.

Общеизвестна истина, что историческая наука оперирует фактами и опирается на источники, однако практически любой письменный источник субъективен, что неизбежно обуславливает его сопоставления и сверки с аналогичными документальными и иными формами источников, исходящими от представителей другой политической, социальной и национальной группы, часто, к тому же, написанными на ином языке. Долгое время исследователи взаимоотношений шамхала Махди-хана Тарковского и влиятельного чеченского старшины Бийбулата Таймиева¹ опирались в основном на русскоязычные документы (отчёты, письма, мемуары). Однако благодаря обнаружению нами пяти писем шамхала Махди-хана Тарковского, его племянника Хан-Мухаммада, а также посредника шамхала в отношениях с командиром Левого фланга Кавказской линии Г.Р. Энгельгардтом кадия Абдулкарима из Атаги, «возвращен голос» и непосредственным участникам переговорного процесса, что, на наш взгляд, важно для объективного понимания их мотивации, а также механизмов и процессов политической истории начального этапа Кавказской войны.

Оригиналы пяти публикуемых нами арабоязычных писем были выявлены нами в фонде 236 («Начальник Кумыкского округа левого крыла Кавказской линии, укр. Хасав-Юрт») среди русскоязычной переписки Махди-шамхала с различными чиновниками российской военной администрации, сшитой в дело, озаглавленное как «Переписка с командующим войсками на Кавказской линии и Черномории о возобновлении пограничной черты между владениями Шамхала Тарковского и кази-юртовского владельца Темирова». Обозначена на титульном листе и хронология дела: «Начато: 25 апреля 1827 года, окончено: 26 июня 1829 года»². В описи, с которой начинается дело, письма обозначены как «четыре бумаги на азиатском диалекте», однако на проверку «бумаг» оказалось пять.

Оговорим археографические принципы нашей публикации: мы постранично приводим пояснения к именам и названиям, а развёрнутый разбор текста писем нами даётся после перевода пятого (последнего) из них.

№1. Письмо Махди-хана к Хаджи-Идже и Тавмузе и Суза Байбулату³

من السيد الجليل والسلطان النبيل والى قطر قطر، الداغستاني مهديخان
الى فروع اصول شجرة الشجاعة حاجي ايجة وتومرز وسوزه بي بُلْت
وغيرهم من الاتباع السلام عليكم ورحمة الله تعالى وبركاته ورضوانه امين
اما بعد
فلقد وصل الينا كتابكم ورسولكم فرضيت عنكم والتزمت اتمام الامر

1 Варианты: Байбулат, Бей-Булат Таймиев / чеченский: Тайми Биболт.

2 Переписка с командующим войсками на Кавказской линии и Черномории о возобновлении пограничной черты между владениями Шамхала Тарковского и кази-юртовского владельца Темирова // Центральный государственный архив Республики Дагестан (здесь и далее ЦГА РД). Ф. 236. Оп. 2. Д. 4.

3 Не исключено, что речь идет об известном чеченском политическом и военном деятеле конца XVIII – первой трети XIX века Бийбулате Таймиеве.

4 Видимо, ошибка в написании, должно было быть قطر من الاقطار الداغستانية

غير اني ارسلت كاغذا الى عظيم المرتبة ينارال يمانويل مع كاغذكم
 فاذا جاء الامر منه ارسل اليكم ابن اخي شهباز امانة ووثاقة لاجلكم
 وان ينارال يمانويل قد رضى واحب حبا شديدا ان اتم الامر
 واكون واسطة بينهم وبينكم وانا اتم امر المصلحة باحسن حال بحيث
 تستريحون وتكونون امنين فرحين مريحين فاللائق بعد كنت
 وسيطة ووسيلة ان يكون الامر صافيا كافيا بلا خيانة ولا كذب
 وان تجيئوا باماناتكم حين اخبرتكم وانا ارسل مع اخي اخيارا
 من الاحرار
 كنتم في كنف الله تعالى ٢٢٢

Перевод:

«От славного господина и благородного султана, валия дагестанских земель Махди-хана к стволу и ветвям древа храбрости Хаджи Иджа⁵, Тавмурзе и Суза Байбулату и к другим из его последователей.

Мир вам, милость Всевышнего Аллаха, его благословение и довольство! Амин!

Далее.

До нас дошли ваше письмо и посланник. Мы довольны вами и взялись исполнить это дело. Я отправил бумагу к высокосоновному генералу Эммануэлю⁶ с вашим письмом. И когда от него поступит приказ, то я отправлю сына моего брата Шахбаз⁷ [в качестве] аманата и [залога] верности ради вас. Генерал Эммануэль [остался] доволен и очень захотел, чтобы я исполнил это дело. Я буду посредником между ними и между вами и исполню дело о примирении самым лучшим образом, так что вы [будете] ощущать покой и пребывать в безопасности и довольными. Коль скоро я буду посредником и средством, необходимо чтобы дело было чистым, удовлетворительным, без предательства и лжи, и чтобы вы прибыли с вашими аманатами, когда я извещу вас и я отправлю с моим братом самых лучших узденей.

Да пребудьте под защитой Всевышнего Аллаха!»

№ 2. Письмо Махди-хана к ученому, кадию Абдулкариму ал-Атаги (из сел. Атаги)⁸

من الامير المستعين بالملك المعين مهدي خان
 الى العالم النحرير والفاضل البرير القاضي عبد الكريم الاتاغي
 السلام عليكم والرحمة والرضوان والبركة والغفوان

5 Названный Хаджи Иджа упоминается в начале 1840-х гг. в числе лиц, сопровождавших Юсуф-Хаджи Сафарова в его неудавшейся поездке с посланием от Шамиля к турецкому султану в начале 1840 г. [1, с. 334].

6 Речь идет о командующем войсками на Кавказской линии (с 25 июня 1826 г.) Георгии Арсеньевиче Эммануэле (1775–1837) – российском военачальнике, генерале от кавалерии Русской императорской армии.

7 Шахбаз – брат шамхала Махди-хана [2, с. 66]. Известно также о наличии у самого Махди-хана сына с подобным именем [Дело о рассмотрении прав на наследство князя Махтия Шамхала Тарковского // ЦГА РД. Ф. 187. Оп. 2. Д. 2. Л. 131.

8 В русских документах упоминается как «Абдул Карим» и «Кирым-мулла».

اما بعد
 فمعلوم لديك ان دعوى الواقع بيني وبين ابن صفي و كون المدعي به من موروثات ابائنا
 الكرام غير ان الشهداء
 على هذا كثير من ان يحصى وليس مثلك في احاطة وضبط
 حدود املاك ابائنا فمطلوبى منك مجيئك مع من يطلعون
 من هذا الامر المعلوم عندك وارجو انت تعلم ما هو الاحسن
 والاليق في هذه الواقعة ثم تعلم ان ابائنا الكرام
 ياخذون الخرج حتى قرى نصراي وقراچاي وهذا
 ارسلت خادمي المخلص ارسلان علي وينطق بما هو عنده لدى الوصول
 وان ماوراء قيسو وهذا الطرف لي لا غير
 وان امرائه چنكاي
 الوالدون من الجارية
 وتعلم هذا علما يقينا

Перевод:

«От владельца, уповающего на Владыку Помогаящего, Махди-хана к выдающемуся ученому, достойному, благочестивому человеку кадию Абдулкариму ал-Атаги (из с. Атаги)⁹

Мир вам, милость, довольство, благословление и прощение [Аллаха]!

Далее.

Тебе известна тяжба, [ведущаяся] между мной и между сыном Сафи¹⁰. То, по поводу чего ведется спор, является наследством наших благородных отцов. Свидетелей этому так много, что [их] невозможно сосчитать. И нет подобного тебе в знании и в точности определения границ владений наших отцов. Я хочу, чтобы ты явился с теми, кто может поведать [что-либо] по этому делу. Тебе известно, и я надеюсь, ты знаешь, что будет лучше и наиболее подходящим в этом случае [иске].

Далее, ты ведаешь, что наши благородные отцы получали подать вплоть до сел Назрань и Карачая. Это.

Я отправил своего преданного служащего Арсланали, по прибытии, он расскажет тебе то, что у него. То, что [находится] за Койсу¹¹, и эта сторона принадлежит мне и никому кроме меня. Воистину, его владельцы являются моими чанками¹², рожденными от служанки. Ты это знаешь достоверным знанием».

9 Атаги – ныне село в Урус-Мартановском районе Чеченской Республики.

10 Сафи – так в документе написано имя Шефи Темирова.

11 Речь идет о Засулакской Кумыкии.

12 Чанки – дети шамхалов и князей от неравных браков.

№ 3. От владетеля [Хан] Мухаммад-бека¹³ к лучшим и благородным [людям] сел и хуторов Гехи.

من الامير الكريم خان محمد بك الى اخيار واکارم قرى ورساتيق کخ السلام عليكم اما بعد
 فاسئلكم الحضور لدى في قرية اتغه الكبرى
 بالسرعة والاستعجال لا بد ثم لا بد من الوصول بلا سكوت ساعة اقتمر وطيب من قرية غيطه
 ياخوت من قرية مرتان وتترخان من ابناء عاجك وزيد امام مرتان وانزور مع صاحب واحد من
 قرية رشن ودوش مع صاحب واحد من قرية رشن السفلى
 ومدق وطف من قرية کخ واد و غيثوم وجاغه الحاج بالحرمين او اخوه سامع مع كولي وتته
 من قرية غلغاي وايسان كير من قرية كاتروي خان الخاقان الاعظم والدستور الاسعد عمي وصنو
 ابي مهدي خان شمخال قد خلف بالقران العظيم امام رجالكم ان
 يغنيكم بخزائنه وبخزائن الفادشاه الغالب برقم مرادكم اليه ويجعل جل مهماتكم قلادة على عنقه
 ويسترد اماناتكم من ايدي حکماء الروس
 ان عاهدتموه والتجأتم تحت ظل شوكته وارسلني اليكم لاکون رهنا لمن يتوجه الى رؤية وجهه
 وتوثقة امن لكل من يريد حضرة العلية
 وسدته السنية فوا الله العظيم لك اكتب اليكم الا ما خرج من فمه امام رجالكم غنج ودتي وبطل
 والسلام

Перевод:

«От благородного владетеля Хан-Мухаммад-бека к наилучшим и благороднейшим [людям] сел и хуторов (расатик) Гехи. Мир вам!

Далее. Я прошу вас срочно, без промедления даже на один час, приехать ко мне в село Большие Атаги. Необходимо и затем еще раз [повторяю, что] необходимо прибыть Актемиру и Таййибу из селения Гойты; Яхоту из селения Мартан, Татархану из сыновей Ажига (Эджик) и Заиду, имаму Мартана¹⁴, Анзору с одним спутником из селения Рошня; и Душу́ с одним спутником из села Нижнее Рошня¹⁵; Мадаку и Тапе из селения Гехи¹⁶; Аде, Гойсуму, паломнику обеих святынь Джаге или его брату Сами с Кулаем и Тата из селения Галгай¹⁷; Исангири из селения Катрой¹⁸. Величайший хан хаканов – мой дядя, родной брат моего отца шамхал Махди-хан, будет приносить на Коране клятву перед вашими людьми, в том, что обогатит вас своей казной и казной победоносного падишаха, написав ваши пожелания к нему (падишаху). Он (Махди-хан – И.Х.) сделает все ваши желания ожерельем на своей шее и потребует вернуть всех ваших аманатов из рук русских властей, если вы дадите обет и прибегните под сень его могущества.

13 Адресантом данного письма является Мухаммад-хан сын Шахбаза, брата Махди-шамхала, о котором идет речь в первом письме.

14 Селение Урус-Мартан Урус-Мартановского района ЧР, изначально Восточный Мартан [3, с. 67].

15 Селение Рошни-Чу Урус-Мартановского района ЧР.

16 Селение Гехи Урус-Мартановского района ЧР.

17 Селение Галгай-Юрт в долине реки Валерик, разрушенное в 1833 г. и ныне не существующее.

18 Селение ныне Катыр-юрт Урус-Мартановского района ЧР, название которого восходит к тейпу Катарой [3, с. 43, 57].

Он отправил меня к вам, чтобы я был залогом за тех, кто направится, чтобы увидеться с ним, и гарантом безопасности каждого, кто хочет его высокого присутствия и его величественного порога. Клянусь тебе Великим Аллахом, я пишу тебе только то, что вышло из его уст перед вашими людьми Генже¹⁹, Датай и Батал.

И мир!»

№ 4. Письмо Абдулкарима мулле Мустафе Урушу

من ابي عبد الرحمن عبد الكريم الى شهاب الملة والدين
 قطب الاولياء والاصفياء مصطفى السلام عليكم ورحمة الله تعالى وبركاته
 اما بعد فاعلم اني لما ذهبت من عندك الى حضرة الامير الكريم
 مهدي خان ورايت وجهه تكلمناه وتجاوزنا وتباحثنا فعلمت
 ان نيته تملك ديارنا داغستان بمعونة شهادة اهل ديارنا
 فقلت له ان اهل ديارنا لا يشهدون لك بملكية حدود ديار
 داغستان الا باذن حاكمنا ينارال ميور انكلغرت فانه غاضب
 عليك وقال لي قل لشمخال اني اخذت منه اربعة الاف بيت
 ثم سئلت منه تطيب قلب حاكمنا وتحسين ظنه بكتابة الرسالة
 اليه تاليف لقلبه ومكتب هذا المضمون التركي وارسل
 به رسولا معي الى الحاكم ليفصل لديه نيته فلما وصلنا الى حضرة
 بي بولت واخبره بمضمون المكتوب قال بي بولت له ان ظهر
 هذا الامر لدي الحاكم ينقض امره ويعكس قصده فالاحسن
 كتمان هذا منه حتى يتوجه لديه الخيار ويشهدوا فرجع
 الرسول من هناك وبقي المكتوب في يدي فالان كتبت
 اليكم مضمونه ومضمون غيره من كواغذ الامير وارسلت به اليكم
 حامل السلام يخبركم من اخبار الامير التي ظهرت لنا والسلام

Перевод:

«От отца Абдуррахмана, Абдулкарима к стремительному светилу нации и религии, полюсу святых и избранников, Мустафе.

Мир вам и милость Всевышнего Аллаха, и его благословления!

Далее. Знай, что я отправился от тебя к господину, благородному владельцу Махди-хану. И когда свиделся с ним воочию, мы поговорили и обсудили [дело], то я узнал, что его намерением [является] стать владельцем наших земель Дагестана²⁰ при помощи засвидетельствования жителей наших земель. И я сказал ему [тогда], что жители наших земель не засвидетельствуют тебе о границах земель Дагестана, кроме как с разрешения нашего правителя (хаким) генерал-майора Энгельгардта²¹, а он зол на

19 В виду того, что данный антропоним не огласован, возможны следующие варианты его чтения: Гунжу, Гонжа.

20 Под Дагестаном в тот период подразумевается традиционно не только собственно современный Дагестан, но и земли Чечни и Ингушетии.

21 Густав Конрад Робертович (Евстафий Фёдорович) Энгельгардт 3-й (1768–1841) – генерал-майор, комендант крепости Кисловодска, командир Серпуховского уланского полка. В августе 1826 г. по распоряжению А.П. Ермолова Г.Р. Энгельгардт был назначен на должность командира Левого фланга и занимал её до февраля 1830 г.

тебя. И он (Энгельгардт) сказал мне: «Скажи шамхалу, что я взял у него четыре тысячи домов».

Затем я попросил у него успокоить сердце нашего правителя и улучшить его мнение, написав письмо к нему. И он написал это письмо на тюркском [языке] и отправил с ним (этим письмом) посланника со мной к тому правителю, чтобы тот подробно изложил у него (правителя) его (шамхала) намерения.

Когда мы прибыли к Бийбулату, он сообщил ему (Бийбулату) о содержании письма. Бийбулат сказал ему (посланнику), если это дело предстанет перед правителем, то он отменит его дело и даст обратный ход его намерению. Будет лучше сокрыть это от него, пока не отправятся почтенные люди и не засвидетельствуют. И [тогда] посланник вернулся оттуда, а письмо осталось в моих руках. Сейчас я написал вам его содержание, а также содержание иных писем этого владельца. И я отправил с ним к вам этого подателя. Он сообщит вам вести [упомянутого] владельца, которые появились у нас.

И мир».

№ 5. Письмо Абдулкарима к генералу

من كاتب الحروف عبد الكريم الى ينارل بعد اتحاف الادعية اعلام لك بان هذه الكواغذ
المختومة عليها
بخاتم مهدي خان في يدي واحفظها عن الضياع لكي القى اسراره في ايدي الحكماء وقت
احتياجهم
الى الاطلاع واجتهد ان شاء الله تعالى في اعلاء كلمتك على كلمة من يعاندك بكتابة عريضة
سر
الى من هو اعلا درجة في ديوانكم ونجعل عدلك وضبطك السديد في سدة وزرائكم
كالسراج الموقود تبيننا واطهارا بالتحريير بقلمنا المتيقظ عن السهو والسلام

Перевод:

«От пишущего эти буквы Абдулкарима к генералу²².

После вознесения мольб [Аллаху], сообщаю тебе, что бумаги, заверенные печатью Махди-хана, находятся в моих руках. Я храню их от утери, дабы его тайны в целесообразное для огласки время попали в руки властей.

Я приложу все свои усилия, если пожелает Всевышний Аллах, чтобы высказать твоё слово над словами тех, кто будет противодействовать тебе, составляя петиции к тем, кто выше рангом в вашем суде. Мы поставим твою справедливость и твоё благоразумное управление во главе ваших чиновников (вузара'), подобные сверкающему светильнику, с разъяснением и обнаружением нашим пером, бдительным от нерадивости.

И мир!»

22 Из контекста переписки ясно, что адресатом письма являлся Г.Р. Энгельгардт.

Первое письмо вызывает интерес фактологическими совпадениями с попыткой в 1829 г. Махди-шамхала и Бийбулата Таймиева заключить политический союз, подразумевавший принесение чеченскими обществами присяги шамхалу как сюзерену и отправку к ним для непосредственного управления его брата Шахбаза, что подробно обсуждалось в переписке шамхала с генерал-майором Г.Р. Энгельгардтом и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевичем, а также на проведенном весной 1829 г. съезде в Тарках с участием 120 делегатов из Чечни. Известно, что проект Бийбулата Таймиева поддерживали 105 чеченских старшин [4, с. 89].

Бийбулат Таймиев, понимая неизбежность утверждения русской власти в регионе, стремился сохранить определённую автономию местных традиционных политических институтов и, в частности, власть старшин, не допустить их замены русскими приставами, как это уже случилось в равнинной Чечне [5, с. 113]. Выход из складывающейся неблагоприятной ситуации он увидел в заключении политического союза с Тарковским шамхальством, уже имевшим подобную автономию и считавшимся формальным сюзереном чеченских общин. К союзу с шамхалом Махди-ханом Бийболата могло подвигнуть и некоторое падение его политического авторитета в 1826-1828 гг. в самой Чечне, вызванное, по мнению исследователей из Грозного и Ульяновска Р.А. Товсултанова и Л.Н. Галимовой, мирными инициативами генерал-майора Г.Р. Энгельгардта, нашедшими отклик среди населения региона [6, с. 112].

В свою очередь, Махди-хан брал на себя обязательство добиться возвращения их аманатов и заверял чеченских старшин в том, что готов быть «посредником между ними (русскими. – прим. И.Х., Ю.И.) и между вами и исполню дело о примирении самым лучшим образом, так что вы [будете] ощущать покой и пребывать в безопасности и [останетесь] довольными». Как указывал Абдулкарим Атагинский, шамхал стремился «стать владельцем наших земель Дагестана при помощи засвидетельствования жителей наших земель», то есть стать сюзереном Чечни с подачи её старшин. В одном из публикуемых писем его племянник Мухаммад-бек также обещал гехинцам, что шамхал «сделает все ваши желания ожерельем на своей шее и потребует вернуть всех ваших аманатов из рук русских властей, если вы дадите обет и прибегните под сень его могущества». Достаточно откровенен был в этом отношении и сам Махди-хан в письме к Г.Р. Энгельгардту от 26 июня: «По объявлению мне Большой Атаги кадием Абдул Каримом Ваших мыслей я весьма обрадовался относительно дела, которое я имею в чеченской земле в разсуждения принадлежности оной отцам моим, и потому изъясняюсь Вам, что находится в Чечне множество свидетелей по сему предмету и кроме них есть посторонние: прошу принятия справедливых мер»²³.

23 Переписка с командующим войсками на Кавказской линии и Черномории о возобновлении пограничной черты между владениями Шамхала Тарковского и кази-юртовского владельца Темирова // ЦГА РД. Ф. 236. Оп. 2. Д. 4. Л. 186.

Вновь возникший союз между Бийбулатом и Махди-ханом Тарковским в Петербурге вначале восприняли настороженно и потребовали его расторжения [7, с. 119]. Стремясь окончательно разобраться в вопросе шедших переговоров, в мае 1829 г. И.Ф. Паскевич вызвал к себе в Тифлис Бийбулата Таймиева. В ходе переговоров непосредственно с И.Ф. Паскевичем Бийбулату удалось добиться предоставления чеченцам «внутреннего самоуправления». Заключенное соглашение среди прочего содержало статью о том, что уже упоминавшийся выше Шахбаз: «по желанию самих чеченцев назначается комиссаром с тем, чтобы требования, которые могут с ним случиться от российского начальства, были производимы чрез его посредство. Ему же предоставляется право выдавать билеты означенным чеченцам для проезда в наши владения по торговым нуждам» [4, с. 89]. Вскоре Шахбаз, уже находясь в Чечне, начал выдавать её жителям билеты для выезда в русские города для торговли. Однако его деятельность встретила письменный протест и прямое противодействие со стороны князей Турловых, Бековичей-Черкасских, а также пристава кумыкского владения Мусы Хасаева, увидевших в действиях Шахбаза угрозу собственному авторитету в регионе [4, с. 89]²⁴. Противники союза утверждали: «Шамхал обнадеживает их (чеченцев. – прим. Ю.И., И.Х.) обещанием жалования и милости. Он обманывает их, а они обманывают его. По сим причинам уклоняется та самая небольшая часть народа, которая старалась и желала покориться генералу Энгельгардту» [4, с. 89]. Подчеркнём, что авторы протеста невольно признают, что большая часть населения Чечни поддерживала проект Махди и Бийбулата. В связи с этим сложно согласиться с мнением Р.А. Товсултанова и Л.Н. Галимовой о влиянии Г.Р. Энгельгардта на народные массы в Чечне [6, с. 112]. Вместе с тем, у него действительно были сторонники среди чеченцев, одним из которых, судя по содержанию переписки, являлся Абдулкарим Атагинский.

Второе обнаруженное нами письмо представляет собой послание Махди-шамхала к атагинскому кадию Абдулкариму. В письме к нему Махди-шамхал упоминал, что его предки взымали дань (ясак) с назрановцев и карачаевцев. При этом шамхал утверждал, что Абдулкариму это уже известно, как и принадлежность ему земель к северу от реки Койсу (Сулак): «И нет подобного тебе в знании и в точности определения границ владений наших отцов».

Учитывая, что вся исследуемая нами переписка подшита к делу о споре шамхала с казиюртовским²⁵ князем Салим-Султаном Темировым за низовья реки Сулак, начавшихся в 1824 г., видимо именно данный спор и стал причиной её появления. Здесь следует несколько разъяснить его суть. Река Сулак, традиционно служившая рубежной линией между владельцами Засулакской Кумыкии и Тарковского шамхальства, неоднократно меняла собственное русло, в основном в северном направлении. На оказавшиеся к югу от нового

²⁴ Краткое обозрение лезгинских границ и мерах, принятых к удержанию лезгин от набегов // ЦГА РД. Ф. 133. Оп. 4. Д. 1. Л. 57.

²⁵ Казиюрт – кумыкское селение, основанное в XVIII в. эндириевским князем Кази Темировым, отцом, упоминаемого далее в статье Салим-Солтана.

течения реки угодья и заявил права Махди-шамхал. Кроме того, он завёл паромы через реку вблизи сел. Казиярт, на земле, которую князь Салим-Султан Темиров считал своей²⁶. Начался многолетний спор, который затем продолжился и при его сыновьях – шамхалах Сулейман-паше и Абу-Муслим-хане²⁷. В ходе проведенного русскими чиновниками разбирательства было опрошено большое число свидетелей, дававших противоречивые показания. Ведший разбирательство генерал-майор Карл фон Краббе²⁸ отмечал в своей служебной переписке с более высокими инстанциями, что в отличие от Темировых, шамхал не смог представить достаточно надёжных свидетелей – присяжников²⁹. Этим, вероятно, вызвано стремление шамхала заручиться поддержкой влиятельных политических и религиозных авторитетов Дагестана и Чечни, в переписке с которыми, как и в письмах с русскими чиновниками, Махди-хан, обосновывая собственные притязания, неоднократно обращался к событиям XVII в. Так, аргументируя свои права на пойму реки Сулак, а заодно и на всю Засулакскую Кумыкию, Махди-хан подчёркивал неравное происхождение их предка князя Султан-Махмуда (Султан-Мута)³⁰, как чанки его собственным предкам – шамхалам³¹. Да и потомкам Султана-Махмуда Махди-хан отказывал в княжеском титуле, именуя их в письме к Абдулкариму Атагинскому «моими чанками». Здесь следует оговориться, что на самом деле их предок Айдемир сын Солтан-Мута в середине XVII в. также являлся шамхалом. Некоторая тень власти шамхалов над северокумыкскими князьями действительно сохранялась вплоть до начала XIX в. Она, в частности, выражалась в признании формального суверенитета и роли верховного третейского судьи при спорах между княжескими фамилиями [8, с. 937]. Претензии Махди на власть над Засулакской Кумыкией вполне укладываются в проводимую им политическую программу восстановления былого могущества династии шамхалов Тарковских, включавшую, помимо северного, и южное направление (присоединение Дербентского ханства и неоднократные претензии на Кубинское ханство [9, с. 383]). В переписке с атагинским кади-ем Абдулкаримом шамхал утверждает, что тот ведает о том, что предки Махди собирали «подать вплоть до сел Назрань и Карачая». Касательно упоминания сбора ясака вплоть до «сел Назрань», отметим, что шамхал несколько не точен. Русские источники упоминают в XVIII в. о сюзеренитете над проживавшими сравнительно недалеко от Назрани карабулаками политических конкурентов

26 Переписка штаба войск Кавказской линии и Черномории с начальником главного штаба войск на Кавказе о возобновлении пограничной черты между владениями Шамхала Тарковского и землею князей Темировых // ЦГА РД. Ф. 236. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

27 Там же.

28 Краббе, Карл Карлович фон (1781–1854) – генерал-лейтенант, более двадцати лет прослужил при Отдельном Кавказском корпусе.

29 Переписка штаба войск Кавказской линии и Черномории с начальником главного штаба войск на Кавказе о возобновлении пограничной черты между владениями Шамхала Тарковского и землею князей Темировых // ЦГА РД. Ф. 236. Оп. 2. Д. 3. Л. 4. 97 об.

30 Султан-Махмуд (Султан-Мут) – удельный эндириевский князь, родоначальник десяти княжеских фамилий Засулакской Кумыкии.

31 Переписка штаба войск Кавказской линии и Черномории с начальником главного штаба войск на Кавказе о возобновлении пограничной черты между владениями Шамхала Тарковского и землею князей Темировых // ЦГА РД. Ф. 236. Оп. 2. Д. 3. Л. 184.

шамхалов – северокумыкских, в частности, эндиреевских князей [10, с. 107]. Однако, согласно П.Г. Буткову, родной дядя Махди-хана шамхал Муртузали в своей переписке с Екатериной II также притязал на власть над ингушами [11, с. 134]. Относительно же «сёл... Карачая» исследователь из Карачаево-Черкессии профессор Р.М. Бегеулов отмечал, что Карачай является самым западным регионом, где «чётко прослеживается связь с шамхалами» [12, с. 283]. Не случайным видится и сходство фамилии карачаевских князей Крымшамхаловых с титулами шамхал и крым-шамхал (вице-шамхал). Сохранилось также предание, что чегемские (балкарские) владельцы платили подать шамхалу Будаю (погиб в 1567 г.) [12, с. 284]. В свою очередь Абдулкарим доводил до сведения грозненского муллы Мустафы Уруша Курумова о выраженном Махди-ханом в личном с ним разговоре «желании стать владельцем наших земель Дагестана», то есть Чечни³². Как уже отмечалось выше, озвучивая Г.Р. Энгельгардту собственные планы на признание его власти в Чечне, Махди-хан, опять-таки, ссылаясь на времена своих отцов. Таким образом, шамхал активно использовал обращение к прошлому для легитимации собственных притязаний.

В третьем из публикуемых писем, написанном племянником и приближённым Махди-хана Хан-Мухаммад-беком и адресованном гехинцам, он обещал им заступничество своего дяди перед «падишахом», то есть царём и, в частности, возвращение им выданных гехинцами русским аманатов, что являлось одним из механизмов укрепления влияния Махди-хана в Чечне. Отметим, что данное письмо изобилует чеченскими ономастическими единицами (антропонимами и топонимами), а также содержит любопытный титул шамхала Махди «Величайший хан хаканов». Известно, что так, например, титуловали чагатайского хана Дженкши на монетах, чеканившихся в городе Термезе в 737 г. хиджры³³ [13, с. 308].

В свою очередь, Абдулкарим находился в переписке с генералом, имя которого в самом письме (письмо №5) не указано, но, исходя из контекста, им с наибольшей вероятностью мог быть генерал-майор Г.Р. Энгельгардт, фигурирующий в письме Абдулкарима к мулле Мустафе Урушу³⁴ (письмо №4) и являвшийся адресатом письма шамхала, переданного лично кадиём. Абдулкарим сообщал генералу, что хранит письма шамхала «со всеми его печатями ..., дабы его тайны в целесообразное для огласки время попали в руки властей». В письме №4 Абдулкарим также уведомил корреспондента, что по пути в Грозный он вместе с посланником шамхала Арсланали заехал к Бийбулату Таймиеву, который «сказал ему (посланнику), если это дело предстанет перед правителем (то есть Г.Р. Энгельгардтом. – прим. Ю.И., И.Х.), то он отменит его дело и даст обратный ход его намерению. Будет лучше сокрыть это от него, пока не отправятся почтенные люди и засвидетельствуют». Таким образом,

32 Переписка с командующим войсками на Кавказской линии и Черномории о возобновлении пограничной черты между владениями Шамхала Тарковского и кази-юртовского владельца Темирова // ЦГА РД. Ф. 236. Оп. 2. Д. 4. Л. 186 об.

33 1336 г. по григорианскому летоисчислению.

34 Мулла крепости Грозной Мустафа Курумов.

Бийбулат убеждал Абдулкарима не передавать письмо Махди-хана Г.Р. Энгельгардту, дабы оставить его в неведении о сути их переговоров. Однако, как очевидно из этого и последующего писем, кадий посчитал нужным для себя не утаить данное письмо, уведомив, также и об отношении к своей миссии Бийбулата. На позицию кадия Абдулкарима, на наш взгляд, помимо стремления привлечения симпатий русской администрации к собственной личности могла повлиять и миролюбивая политика начальника Левого фланга, разительно отличавшаяся от действий в Чечне А.П. Ермолова, разорившего и его родное селение Большое Атаги [6, с. 111]. В этом же письме Абдулкарим информировал Мустафу Уруша о негативном отношении Г.Р. Энгельгардта к инициативам Махди-хана. Следует дополнить, что в письме к Г.А. Эммануэлю, сам Г.Р. Энгельгардт охарактеризовал шамхала «не таким надёжным, как следовало», объясняя это влиянием на него окружения и, в целом, критично отозвался о его деятельности³⁵.

В переданном Абдулкаримом генерал-майору Г.Р. Энгельгардту письме шамхал сообщал адресату: «Стараясь всегда о благе российского правительства, был отличен, что я и теперь желаю оказать относительно обращения Бибулата (так в документе – Ю.И., И.Х.) и гумбетовских жителей к России...»³⁶. Отметим, что Абдулкарим в письме к Мустафе Урушу утверждал, что это именно он убедил шамхала написать это письмо Энгельгардту, ради его успокоения, после чего тот «написал это письмо на тюркском [языке] и отправил с ним»³⁷.

Несмотря на формальное одобрение при личной встрече в мае 1829 г., на практике И.Ф. Паскевич выступил против одного из основных положений тарковско-чеченских договоренностей – содержания впредь чеченских аманатов не в Грозной, а в Тарках, назвав его «противным обязательству и не соответствующим с порядком»³⁸. В письме к Шахбазу он упрекнул его, что тот пытается вести себя как «владельческий князь, простирающий свои виды на умножение своих подвластных» и советовал ему себя вести как «комиссар великого Вашего государя императора» [4, с. 92]. Была отвергнута И.Ф. Паскевичем и просьба Махди-хана передать под его начало, как генерал-лейтенанту российской службы, от 7 до 10 тысяч русских солдат [7, с. 120].

20 февраля 1830 г. И.Ф. Паскевич получил письменное одобрение своего ответа на просьбу Шахбаза от императора Николая³⁹. Готовясь покинуть должность командира Отдельного кавказского корпуса, И.Ф. Паскевич выражал надежду, что его будущий преемник Г.В. Розен сможет исправить «все неудовольствия, которые происходили между чеченцами и Энгельгардтом», а также сообщал,

35 Переписка с командующим войсками на Кавказской линии и Черномории о возобновлении пограничной черты между владениями Шамхала Тарковского и кази-юртовского владельца Темирова // ЦГА РД. Ф. 236. Оп. 2. Д. 4. Л. 10.

36 Там же. Л. 186.

37 Оригинал данного письма на «тюркском» языке в деле отсутствует.

38 Краткое обозрение лезгинских границ и мерах, принятых к удержанию лезгин от набегов // ЦГА РД. Ф. 133. Оп. 4. Д. 1. Л. 55.

39 Краткое обозрение лезгинских границ и мерах, принятых к удержанию лезгин от набегов // ЦГА РД. Ф. 133. Оп. 4. Д. 1. Л. 66.

что предписал Эммануэлю билеты, выдаваемые Шахбазом, впредь считать законными и ранее задержанных с ними чеченцев отпустить⁴⁰.

Смерть в 1830 г. самого шамхала и начало нового витка Кавказской войны довершило неудачу проекта Бийбулата и Махди-хана. К тому же, у Г.В. Розена, сменившего в должности И.Ф. Паскевича, была иная точка зрения на взаимоотношения с чеченцами и другими горцами. Дипломатическим средствам он предпочитал силовые методы утверждения российской власти в регионе. По образному выражению Р.А. Товсултанова и Л.Н. Галимовой, с приходом нового командира Отдельного Кавказского корпуса завершился недолгий «бархатный» период в российско-чеченских отношениях [6, с. 113].

У Бийбулата и Махди-шамхала были собственные мотивы для заключения союза. Тем не менее, инициированный ими проект интеграции Чечни в состав России на особых автономных условиях можно рассматривать как одно из проявлений «народосберегательной политики», как обозначал С. Бейтуганов сходную по своей сути деятельность их современника – последнего валия Кабарды Кучука Джанхотова [14, с. 189].

Подводя итоги, подчеркнём, вполне допустимо предположить, что значительная часть переписки Махди-шамхала с чеченскими старшинами до сих пор не выявлена и не введена в научный оборот. Важно учитывать, что еще больше передавалось посредниками, то есть Абдулкаримом и Арсланали, устно. Кроме того, шамхал и Бейбулат встречались и лично. И в первую очередь именно в ходе этих встреч и через устные сообщения послов, а не в переписке, и была выработана их общая программа. Тем не менее, публикуемые нами письменные послания Махди-шамхала, Хан Мухаммад-бека и атагинского кадия гармонично вплетаются и органично дополняют реконструируемую по русским источникам (отчётам и переписке военных чиновников) панораму социально-политических процессов в Чечне конца 1820-х гг. Проясняется сам механизм трехсторонних переговоров и в, частности, впервые раскрывается в них роль Абдулкарима ал-Атаги, деятельность которого вышла далеко за рамки обыкновенных для посланников функций.

Вводимая в научный оборот переписка вполне может быть использована при написании специальных исследовательских и обобщающих работ, справочной литературы, а также при составлении учебных спецкурсов по истории Кавказской войны.

40 Краткое обозрение лезгинских границ и мерах, принятых к удержанию лезгин от набегов // ЦГА РД. Ф. 133. Оп. 4. Д. 1. Л. 55.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мусаев М.А. Наиб имамата и советник Шамиля Хаджи Йусуф: биография в контексте критики автобиографии // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 2. 2021. С. 330–351.
2. Алиев К. Шаухалы Тарковские – кумыкская аристократия. Страницы родословной и жизнеописание властителей. Махачкала, 2008. – 203 с.
3. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 3. Предгорная равнина. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1980. – 224 с.
4. Гапуров Ш.А. Россия и Чечня на рубеже 20–30-х гг. XIX в.: в поисках компромисса // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2009. № 2 (11). С. 84–93.
5. История Чечни с древнейших времён до наших дней. Т. III. Грозный: Издат-во АН ЧР, 2013. – 656 с.
6. Товсултанов Р.А., Галимова Л.Н. Бей-Булат Таймией – выдающийся военнополитический деятель Чечни первой трети XIX в. // Самарский научный вестник. 2016. №4 (17). С. 109–113.
7. Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История в Чечни в XIX–XX вв.: М.: Пульс, 2005. – 996 с.
8. Акты кавказской археографической комиссии. Т. II. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
9. Акты кавказской археографической комиссии. Т. VI. Ч. 2. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. 950 с.
10. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М.: Наука, 1988. – 356 с.
11. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год / [соч.] П. Г. Буткова. СПб., 1869. – 601 с.
12. Бегаулов Р.М. К вопросу о взаимоотношениях шамхальства с этнополитическими образованиями Центрального Кавказа (XVI–XVII вв.) // Мат-лы междунар. науч. конф. «Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений» (вторая половина XVI –

REFERENCES

1. Musaev MA. Naib of the Imamate and the advisor of Shamil Haji Yusuf: biography in the context of the critique of autobiography. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(2): 330-351. (In Russ)
2. Aliev K. *Shamkhals of Tarky – Kumyk aristocracy. Genealogical pages and biography of rulers [Shaukhaly Tarkovskie – kumykskaya aristokratiya. Stranitsy rodoslovnoi i zhizneopisanie vlastitelei]*. Makhachkala, 2008. (In Russ)
3. Suleimanov AS. *Toponymy of Checheno-Ingushetia. Part 3. Foothill plain [Toponimiya Checheno-Ingushetii. Ch. 3. Predgornaya ravnina]*. Grozny: Chechen-Ingush book publishing house, 1980.
4. Gapurov ShA. Russia and Chechnya at the turn of the 20-30s of the XIX century: in search of a compromise [Rossiya i Chechnya na rubezhe 20–30-kh gg. KhIKh v.: v poiskakh kompromissa]. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2009, 2(11): 84-93. (In Russ)
5. *The history of Chechnya from ancient times to the present day [Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do nashikh dnei]*. Vol. III. Grozny: Publishing House of the Academy of Sciences of Chechnya. 2013. (In Russ)
6. Tovsultanov RA, Galimova LN. Bei-Bulat Tayimey as an outstanding military-political figure of Chechnya in the first third of the 19th century [Bei-Bulat Taimiei – vydayushchiysya voenno-politicheskii deyatel' Chechni pervoi treti XIX v.]. *Samara Scientific Bulletin*. 2016, 4(17): 109-113. (In Russ)
7. Akhmadov YaZ, Khasmagomadov EK. *History in Chechnya in the 19th–20th centuries [Istoriya v Chechni v XIX–XX vv.]*. Moscow: Puls, 2005. (In Russ)
8. *Acts of the Caucasian Archeographic Commission*. Vol. II. Tiflis, 1868. (In Russ)
9. *Acts of the Caucasian Archeographic Commission*. Vol. VI. Part 2. Tiflis, 1875. (In Russ)
10. *Russian-Dagestan relations in the 18th – early 19th centuries [Russko-dagestanskije ot-nosheniya v 18 – nachale 19 v]*. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ)
11. Materials for the new history of the Cauca-

первая половина XVII вв.)». Махачкала, 2010. – С. 282–287.

13. Петров П.Н. Хронология правления ханов в Чагатайском государстве в 1271–1368 гг. (по материалам нумизматических данных) // Тюркологический сборник, 2007–2008. – С. 294–320.

14. Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов: Очерки истории. Нальчик: Эльбрус, 1993. – 300 с.

sus, from 1722 to 1803 [Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god]. P.G. Butkova (ed.). St. Petersburg, 1869.

12. Begeulov R.M. On the question of the relationship between Shamkhalism and the ethno-political formations of the Central Caucasus (XVI-XVII centuries) [K voprosu o vzaimootnosheniyakh shamkhal'stva s etnopoliticheskimi obrazovaniyami Tsentral'nogo Kavkaza (KhVI-XVII vv.) *Proceedings of the International scientific conference "Endirey ruler Sultan-Mahmud Tarkovsky in the history of Russian-Caucasian relations (second half of the 16th – first half of the 17th centuries)"*. Makhachkala, 2010:282–287. (In Russ).

13. Petrov PN. Chronology of the reign of the khans in the Chagatai state in 1271–1368 (based on numismatic data) [Khronologiya pravleniya khanov v Chagataiskom gosudarstve v 1271–1368 gg. (po materialam numizmaticheskikh dannykh)]. *Turkological collection*, 2007–2008:294–320. (In Russ).

14. Beituganov SN. *Kabarda and Ermolov: studies on history [Kabarda i Ermolov: Ocherki istorii]*. Nalchik: Elbrus, 1993. (In Russ).

Поступила в редакцию 13.12.2021 г.

Принята к публикации 30.05.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183642-663>



Тетуев Алим Инзрелович
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия
alim-tetuev@mail.ru

ТРУДОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945)

Аннотация. В статье на основе анализа историографии по теме выявлены проблемы, требующие изучения, а также определены цели, задачи, методология исследования. Обобщен опыт работы государственных и партийных органов Кабардино-Балкарии по организации трудовой деятельности рабочих, колхозников и служащих в условиях приближения фронта, временной оккупации и периода восстановления народного хозяйства после окончания Великой Отечественной войны (1941-1945). Анализируется численный состав рабочих и служащих, в том числе по возрасту и полу в различных отраслях народного хозяйства Кабардино-Балкарии, а также причины возникшего дефицита трудовых ресурсов в регионе в военные годы. Раскрывается деятельность промышленных предприятий региона по производству продукции мирного и военного назначения. Исследованы формы оплаты труда и налогового обложения рабочих и служащих. Отмечается, что обязательные безвозвратные денежные взносы в Фонд обороны и повышение рыночных цен на колхозных рынках привели к тому, что зарплата рабочих и служащих в республике к концу войны не увеличилась, а, наоборот, сократилась. Выявляется степень участия населения республики в строительстве оборонительных сооружений, сборе теплых вещей и подарков для воинов Красной Армии, создании хлебного фонда Красной армии и Фонда обороны, подписке на Государственные займы. Рассматриваются методы и приемы осуществления трудовой мобилизации гражданского населения в сельскохозяйственное производство в условия приближения фронта. Исследуется производственная деятельность колхозников в условиях новой формы оплаты труда и повышения обязательного минимума трудодней. Определены причины низкой трудовой активности части сельского населения в регионе. Подводятся итоги трудовой и экономической мобилизации населения республики.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Кабардино-Балкария; тыл; рабочие; колхозники; служащие; оплата труда; помощь; фронт.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183642-663>



Alim I. Tetuev

Dr. Sci. (History), Leading Researcher

Institute for Humanitarian Studies

Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS, Nalchik, Russia

alim-tetuev@mail.ru

LABOR ACTIVITY IN EVERYDAY LIFE OF PEOPLE OF KABARDINO-BALKARIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Abstract. The paper reviews the experience of the work of state and authorities of Kabardino-Balkaria in organizing the labor activity of workers, collective farmers and employees in the conditions of the approaching front, temporary occupation and the period of restoration of the national economy after the end of the Great Patriotic War (1941-1945). The author analyses the number of workers and employees, including by age and gender in various sectors of the national economy of Kabardino-Balkaria, as well as the reasons for the shortage of labor resources in the region during the years of war. The activity of industrial enterprises of the region for the production of products for civil and military purposes is revealed. The forms of remuneration and taxation of workers and employees are investigated. We note that mandatory non-refundable cash contributions to the Defense Fund and an increase in market prices on collective farm markets led to the factual decrease of wages among workers and employees of the republic. The degree of participation of the population of the republic in the construction of defensive structures, the collection of warm clothes and gifts for the soldiers of the Red Army, the creation of the grain fund of the Red Army and the Defense Fund, and the subscription to State loans is revealed. The methods and techniques of carrying out the labor mobilization of the civilian population in agricultural production in the conditions of the approaching front are considered. The production activity of collective farmers is studied in the context of a new form of wages and an increase in the mandatory minimum of workdays. The reasons for the low labor activity of a part of the rural population in the region are determined. The results of labor and economic mobilization of the population of the republic are summarized.

Keywords: Great Patriotic War; Kabardino-Balkaria; home front; workers; collective farmers; officials; wages; assistance; front.

Введение

Трудовая деятельность гражданского населения в годы Великой Отечественной войны занимала главное место в его повседневной жизни. Тыл поставлял фронту не только военную, но и продовольственную продукцию. Единство фронта и тыла, безусловно, стало одним из определяющих факторов Победы. В этой связи исследование трудовой деятельности в повседневности гражданского населения страны и ее регионов в годы войны имеет большое научное и практическое значение.

Обоснование научной проблемы

Особый интерес по теме исследования представляет двенадцатитомная История Великой Отечественной войны. В ее десятом томе освещаются проблемы повседневной жизни городских и сельских жителей в условиях войны [1]. Вопросы повседневной трудовой жизни гражданского населения в период Великой Отечественной войны в различных регионах Советского Союза рассматриваются в работах отечественных историков Г.А. Гончаренко, М.С. Зинич, А.Ш. Кабировой, Е.Е. Красноженовой, А.В. Митрофановой [2; 3; 4; 5; 6]. В перечисленных исследованиях анализируется общее и особенное в трудовой мобилизации гражданского населения на примере Татарстана, Нижнего Поволжья.

Определённый интерес для исследуемой темы представляют диссертационные работы М.В. Гонцовой¹, О.Г. Жуковой², А.И. Назарова³, Е.В. Панариной⁴, посвященные реализации социальной политики советского государства в 1941–1945 гг. В них обобщается опыт деятельности государственных и партийных органов по осуществлению социальной политики в регионах в экстремальных условиях войны.

Проблема организации трудовой деятельности в КБАССР в период военного четырёхлетия в той или иной мере затрагивалась в работах ученых Кабардино-Балкарии. Так, в монографии А.Т. Карданова освещаются вопросы подготовки рабочего класса, его социальная и трудовая активность [7].

В исследовании М.Х. Гуговой рассматривается участие женщин в перестройке экономики республики на военный лад и оказании помощи фронту [8].

1 *Гонцова М.В.* Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Нижний Тагил): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 30с.

2 *Жукова О.Г.* Повседневная жизнь советского тыла в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: исторические и социально-культурные аспекты: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. 24с.

3 *Назаров А.И.* Повседневная жизнь молодёжи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Тамбовской области): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010. 23с.

4 *Панарина Е.В.* Реализация социальной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): на материалах Дона и Северного Кавказа: автореф. дисс. ... д-ра. ист. наук. Ставрополь, 2009. 44с.

В работе А.И. Тетуева обобщается опыт работы государственных органов власти, партийных и комсомольских организаций Кабардино-Балкарии по повышению производительности труда рабочих и колхозников. Рассматриваются некоторые вопросы повседневной жизни гражданского населения региона в годы войны [9].

Выявлению особенностей повседневной трудовой жизни советского общества при сталинизме посвящен ряд работ зарубежных исследователей. Показательна в этом плане работа немецкого историка, профессора Ратгерского университета в США Йохена Хелльбека [10].

Значительный вклад в изучение проблемы «истории советской повседневности» внес немецкий историк Альфа Людтке. В его работе исследованы новые подходы в рассмотрении труда, войны и власти, имеющие универсальный характер, в том числе применительно к новейшей истории России [11].

В целом анализ литературы показывает, что, несмотря на упомянутые выше работы, организация трудовой деятельности гражданского населения Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны не стала предметом специального исследования. Практически отсутствуют аналитические работы, раскрывающие влияние различных факторов на трудовую деятельность населения региона в годы войны.

Цель исследования – комплексно изучить роль и место трудовой деятельности в повседневной жизни населения Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. Она предусматривает решение следующих задач: выявить особенности организации труда в промышленности и сельском хозяйстве; раскрыть формы и методы трудовой мобилизации; выявить уровень оплаты труда рабочих, колхозников и служащих; исследовать особенности налогообложения различных категорий гражданского населения.

Научная новизна исследования

На основе архивных документов и других источников, многие из которых введены в научный оборот впервые, проведена реконструкция трудовой деятельности в повседневной жизни населения КБАССР в годы войны.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности, объективности и системности. Кроме того, были использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический методы, а также метод социального анализа.

Итоги исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а также в учреждениях высшего и среднего профессионального образования при изучении курса «Отечественная история». Материалы исследования найдут практическое применение при чтении спецкурсов по повседневной трудовой жизни гражданского населения СССР в период Великой Отечественной войны.

Результаты исследования

С началом Великой Отечественной войны одной из важных проблем государственных органов власти была мобилизация граждан в Рабоче-крестьянскую Красную армию (далее – Красная армия) и укрепление ее тыла. В связи с призывом в Красную Армию в течение 1941 г. общая численность рабочих и служащих в стране сократилась с 31,8 млн человек до 18 млн человек [6, с. 65].

В целях пополнения трудовых ресурсов был издан ряд законодательных документов, которые расширяли права военных и государственных органов власти в регулировании трудовой деятельности граждан в 1941–1945 гг.: указы Президиума Верховного Совета СССР (далее – Президиума ВС СССР) «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений от 26 июня 1940 года, «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г., «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» от 26 декабря 1941 г., «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» от 13 февраля 1942 г., постановления Совета Народных Комиссаров СССР (далее – СНК СССР) «О привлечении в военное время учащихся 7–10 классов к участию в сельскохозяйственных работах» от 2 июля 1941 г., «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство» от 28 июля 1941 г., «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» от 10 августа 1942 г. [12, с. 4, 7–13]⁵ и др. В перечисленных указах и постановлениях устанавливался режим рабочего времени, ответственность за нарушение трудовой дисциплины, определялись различные формы трудовой мобилизации,

Как известно, в начальный период войны КБАССР была тыловым регионом. По переписи населения 1939 г. в республике проживали 359 219 чел., из них – 84 652 человек проживали в городах Нальчик, Прохладный, что составляло 23,6% всего населения республики⁶.

В республике работало 57 промышленных предприятий, 140 колхозов, 11 совхозов, 15 МТС.

В кратчайшие сроки работа всего народного хозяйства республики была перестроена на военный лад. Тысячи уроженцев Кабардино-Балкарии были мобилизованы в Красную Армию, поэтому предприятия, колхозы, совхозы и другие учреждения республики, как и в других регионах страны, испытывали недостаток рабочей силы.

Реализация в жизнь вышеуказанных нормативных документов позволила промышленным и сельскохозяйственным предприятиям Кабардино-Балкарии восполнить нехватку рабочих рук за счет мобилизации женщин, пенсионеров и

5 Великая Отечественная война Статистический сборник: Стат. сб./ Росстат. М. 2015. С. 29-33.

6 Всесоюзная перепись населения 1939 года [Электронный ресурс]. URL:

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_1.php. l (дата обращения: 15.12.2021).

подростков. Так, в 1941 г. более 28% всех работников на Тырныаузском комбинате составляли женщины, в колхозах республики работали 30373 женщины, в том числе трактористами и комбайнерами – 782⁷. На 1 октября 1945 г. в различных отраслях КАССР работали 36 500 чел., в том числе 19 465 женщин, что составляет 57,2 % (см. таб. 1)⁸.

Таблица 1

Численность женщин рабочих и служащих в КАССР на 1 октября 1945 г.

К№ п/п	Отрасли	Число работников на 1 октября 1945 г.		Процент женщин среди работников обоого пола
		всего	в том числе женщин	
1	Промышленность (включая и персонал, занятый в непромышленных организациях)	6400	3201	50,0
	В том числе (рабочие, входящие в состав промышленно-производственного персонала)	3650	1348	36,9
2	Строительно-монтажные работы (включая подсобные предприятия и другие организации),	1344	539	40,1
	в том числе рабочие	575	139	24,2
3	Совхозы и прочие сельскохозяйственные предприятия	2918	1729	59,3
4	Машинно-тракторные станции	1004	138	13,7
5	Прочие сельхозпредприятия	2199	1121	51,0
6	Лесное хозяйство	263	3	1,1
7	Железнодорожный транспорт	2288	1014	44,3
8	Автогужевой и прочий транспорт	1396	348	24,8
9	Погрузочно-разгрузочные работы	585	378	64,6
10	Связь	645	481	74,6
11	Коммунальные предприятия и жилищное хозяйство	341	203	59,5
12	Торговля, заготовки и производственное снабжение	2588	1289	49,8
13	Общественное питание	582	260	44,7
14	Кредитные и страховые учреждения	598	426	71,2
15	Научно-исследовательские учреждения	259	187	74,8
16	Учреждения подготовки кадров	681	401	59,0

⁷ Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (здесь и далее – УЦДНИ АС КБР). Ф. 19. Оп. 4. Д. 10. Л. 8, 23; Ф.1; Оп.1. Д. 289. Л. 16; [13, с. 23, 24].

⁸ Управление Центрального Государственного архива Архивной службы КБР (здесь и далее – УЦГА АС КБР). Ф. 499. Оп. 1. Д. 1545. Л. 4, 5.

17	Начальные и неполные средние и средние школы	2900	2605	89,8
18	Начальное обучение взрослых, дошкольные и др. учреждения	460	286	62,2
19	Политико-просветительские учреждения	164	164	100,0
20	Учреждения искусства и зрелищные предприятия	249	139	55,9
21	Литература, печать и др. издательства	182	113	62
22	Учреждения здравоохранения	2232	1953	87,5
23	Государственные учреждения	1962	998	50,8
24	Тресты, конторы и др. хозрасчетные организации	1125	519	46,2
25	Судебные учреждения и персонал обслуживания населения	117	76	65,0
26	Проектные организации	22	22	100,0
27	Обслуживание сельского хозяйства	43	26	60,9
28	Ветеринария	26	20	77,0
29	Пожарная охрана	226	165	73,1
30	Прочие учреждения	470	218	46,4
31	Общественные организации	108	64	59,3
32	Нераспределенные по отраслям	1261	379	30,1
	Всего	34016	19465	57,2
	Сверх того, членов артелей промысловой кооперации и кооперации инвалидов	1880	638	35,1

Анализ таблицы 1 показывает, что в 1945 г. удельный вес женщин среди рабочих и служащих составлял в политико-просветительских учреждениях и проектных организациях 100%, в начальных, неполных средних и средних школах – 89,8%, учреждениях здравоохранения – 87,5%, ветеринарии – 77,0%, научно-исследовательских учреждениях – 74,8 %, связи – 74,6%, пожарной охране – 73,1%, кредитных и страховых учреждениях – 71,2%.

Всего по народному хозяйству республики численность женщин среди рабочих и служащих составляла 57,2%, что ниже показателей РСФСР на 1,8%. При этом по основным отраслям народного хозяйства (в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве) процентное соотношение соответствуют показателям РСФСР⁹.

В связи с ограниченностью людских ресурсов в республике, государственные и партийные органы Кабардино-Балкарии использовали различные формы трудовой мобилизации, как принудительного характера, так и с материальным стимулированием. Особое внимание уделялось трудоустройству инвалидов Великой Отечественной войны. В результате организаторской работы

9 РСФСР за 50 лет. Статистический сборник. М.: Статистика. 1967. С. 134.

Военного отдела Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) и комиссии по трудоустройству Совнаркома республики по состоянию на 16 июля 1945 г. из 4041 пенсионера-инвалида войны был трудоустроен 3445 (83%), в том числе 104 обучались на курсах для получения новой профессии и одновременно работали¹⁰.

Наряду с этим из эвакуированных в конце 1941 г. в республику 16 470 человек из прифронтовых территорий Москвы, Ленинграда и других городов было трудоустроено в начале 1942 г. 3600 человек¹¹.

В рамках реализации государственной трудовой политики в чрезвычайных военных условиях для восстановления разрушенных в период оккупации предприятий Кабардино-Балкарии (Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината, Баксанской ГЭС, Докшукинского ацетона-бутанолового завода и др.) были мобилизованы 3500 рабочих и инженерно-технических работников, в том числе из Ставропольского края – 1000, Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Харькова – 500¹².

Активное участие в подготовке кадров для народного хозяйства республики приняли училища, курсы по различным специальностям, школы ФЗО. Только в 1943 г. подготовлено 2924 работника массовых профессий¹³.

В результате принятых мер по трудовой мобилизации в основном удалось восполнить нехватку численности рабочих и служащих в республике. Всего в 1945 г. по сравнению с 1942 г. численность рабочих и служащих увеличилась в 3,2 раза (см. табл. 2)¹⁴.

Таблица 2

Число рабочих и служащих в КБАССР в 1942–1945 гг.¹⁵

№ №п/п	Отрасли	Число работников 1942 г., июнь	Число работников 1943 г., август	Число работников 1944 г., март	Число работников 1945 г., декабрь
1	Промышленность	1917	655	4951	6400
2	Строительно-монтажные работы	–	1794	771	1139
3	Капитальный ремонт	–	–	147	205
4	Совхозы и прочие сельскохозяйственные предприятия	665 ¹⁶	630	2912	5807
5	Машинно-тракторные станции	–	–	615	704

10 УЦДНИ. Ф. 1 Оп. 1 Д. 1355. Л. 7.

11 УЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1 Д. 488. Л. 16.

12 УЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1 Д. 893. Л. 17, 18.

13 УЦГА АС КБР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1704. Л. 89.

14 УЦГА Ф. 499. Оп. 1540. Л. 33, 33 об, Л. 89; Оп. 1542. Л. 3, 4; Оп. 1545. Л. 5, 6, 60, 68 об, 70–71.

15 Численность рабочих и служащих за 1941 г. не имеется.

16 Включая работников, обслуживающих сельское хозяйство.

6	Лесное хозяйство	–	134	89	263
7	Железнодорожный транспорт	–		2637	3657 ¹⁷
8	Автогужевой и прочий транспорт	216	227	646	–
9	Связь	–	644	612	645
10	Коммунальные предприятия	1022 ¹⁸	203	284	747
11	Жилищное хозяйство	–	90	264	290
12	Торговля	–	570	837	1216
13	Заготовки и погрузочно-разгрузочные работы	–	517	1186	1791
14	Производственное снабжение		178	120	390
15	Общественное питание	–	204	331	582
16	Кредитные и страховые учреждения	–	253	391	598
17	Научно-исследовательские учреждения	–	167	184	259
18	Учреждения подготовки кадров	102	183	210	681
19	Начальные и неполные средние и средние школы	2969 ¹⁹	1542	2438	3536
20	Начальное обучение взрослых, дошкольные и др. учреждения	–	127	143	
21	Политико-просветительские учреждения		169	186	196
22	Учреждения искусства и зрелищные предприятия	125	134	283	289
23	Литература, печать и др. издательства	–	98	119	182
24	Учреждения здравоохранения	2215	1337	1667	2554
25	Государственные учреждения	1267	2111	2112	1962
26	Тресты, конторы и др. хозрасчетные организации	117	407	290	525

¹⁷ Включая работников на других видах транспорта.

¹⁸ Включая работников жилищного хозяйства, промышленных, строительных и других коммунальных предприятий.

¹⁹ Включая работников и других учреждений наркома просвещения.

27	Судебные учреждения и персонал обслуживания населения	122	124	114	144
28	Проектные организации	–	9	20	22
29	Обслуживание сельского хозяйства	262	149	208	243
30	Ветеринария		28	34	26
31	Жилищное хозяйство и культурно-бытовые учреждения при предприятиях	–	–	233	593
32	Пожарная охрана	105	153	74	226
33	Общественные организации		95	114	108
34	Нераспределенные по отраслям	–	373	490	520
	Всего	11104	13315	25701	36500
	Члены артелей промысловой кооперации и кооперации инвалидов	–	903	1895	1822

Анализ таблицы 2 показывает, что в 1945 г. по сравнению с 1942 г. численность рабочих и служащих увеличилась в совхозах и прочих сельскохозяйственных предприятиях в 8,7 раза, учреждениях подготовки кадров – в 6,6 раза, трестах, конторах и др. хозрасчетных организациях – в 4,4 раза, промышленности – в 3,3 раза, учреждениях искусства и зрелищных предприятиях – в 2,3 раза, пожарной охране – в 2,1 раза, государственных учреждениях – в 1,5 раза, образовании – в 1,1 раза.

Тем не менее численность рабочих и служащих в КБАССР в 1945 г. была ниже в 1,3 раза, чем в 1940 г.²⁰ Первопричиной этому послужило то, что за годы войны в Красную Армию было призвано более 60 тыс. уроженцев Кабардино-Балкарии, из них безвозвратные потери составили 38 580 человек [14].

Кроме того, уменьшение трудовых ресурсов в республике было связано и с депортацией балкарского народа (39 618 человек) 8 марта 1944 г.

Необходимость увеличения количества рабочих и служащих было связано с тем, что в период оккупации (август 1942 – январь 1943 г.) народному хозяйству и гражданам региона был нанесен огромный ущерб. Для восстановления разрушенных зданий, предприятий и социальной инфраструктуры проводилась трудовая мобилизация в республике и из других регионов.

Исследование архивных документов свидетельствует о том, что государственные и партийные органы Кабардино-Балкарии в годы войны особое внимание

20 Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР. Статистический сборник. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. С. 83.

уделяли вопросам повышения производительности труда и качества выпускаемой продукции в сельском хозяйстве и промышленности.

На VIII Пленуме Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), состоявшегося 29-30 января 1942 г., отмечалось: «... В результате перестройки всей работы на военный лад промышленные предприятия г. Нальчика в 1941 г. выпустили промышленной продукции на 54 580 тыс. руб., что на 12,4% выше, чем в 1940 г.»²¹. Предприятия города выполняли заказы фронта, производили гранаты, мины, ранцевые огнеметы, реактивные снаряды, авиафанеру, пищевые концентраты, теплую одежду и другую продукцию.

Помимо этого, на пленуме указывалось, что имеют место случаи нарушения трудовой дисциплины. Так, за 1941 г. допустили прогулы на мясокомбинате – 32, кондитерской фабрике – 8, швейной фабрике №1 – 16 чел., все они были привлечены к судебной ответственности²².

На основании постановления бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) и Совнаркома КБАССР от 5 ноября 1941 г. была проведена трудовая мобилизация более 30 тыс. жителей городов и районов – мужчин в возрасте от 14 до 60, женщин в возрасте от 14 до 40 лет – для строительства оборонительных рубежей. Всего в оборонительных работах в 1941–1942 гг. приняло участие 66 тыс. жителей Кабардино-Балкарии, которые выполнили земляные работы объемом 1 712 000 куб. метров. Среди них было много стахановцев и ударников. По две-три нормы выполняли на строительстве Ц.Г. Кясова, А.О. Саубарова, А.С. Качиев, М.Н. Кантеев, Е.В. Кораблева и многие другие [9, с. 67, 68].

За высокие достижения в труде на строительстве оборонительных рубежей Кабардино-Балкарии были награждены орденами и медалями СССР Ц.Г. Кясова, Р.В. Гриценко, М.Д. Иругова, А.М. Пискунова, А.О. Саубарова, 155 человек – почетными грамотами Президиума Верховного Совета КБАССР, 836 – грамотами 10-го Управления оборонительных работ, 1610 объявлены благодарности, 455 отмечены ценными подарками и премированы деньгами [15, с. 41, 42, 52, 53].

Основную часть доходов рабочих и служащих в годы войны составляла заработная плата, она устанавливалась центральными органами власти. В республиканской промышленности доходы были меньше.

В годы войны заработная плата была повышена в оборонной отрасли, на железнодорожном и водном транспорте, в учреждениях просвещения и здравоохранения. При этом проводилась интенсификация производства: снижение расценок и увеличение норм выработки. Практически нормой были сверхурочные работы, а также увеличение рабочих и сокращение праздничных дней. Начисление зарплаты производилось: по сдельной оплате и повременной по тарифу, а для ИТР и служащих – по должностным окладам. Следует отметить, что в основном средняя начисленная зарплата рабочих и служащих в республике в 1945 г. соответствовала показателям РСФСР. Тем не менее она оставалась ниже в научно-исследовательских учреждениях в 2,9 раза, системе образования – 1,8

21 УЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 478. Л. 21, 22.

22 Там же Л. 23.

раза, автогужевом и прочем транспорте – 1,3 раза, промышленности – 1,2 раза²³.

Сравнительные показатели оплаты труда в годы Великой Отечественной войны приведены в таблице 3.

Таблица 3

Размер среднемесячной начисленной заработной платы рабочих и служащих по отраслям КБАССР в 1942–1945 гг.²⁴ (в руб. по курсу 1941 г.)

№ п/п	Отрасли	РСФСР 1945 г.	КБАССР 1942 г. июнь	КБАССР 1943 г. август	КБАССР 1944 г. апрель	КБАССР 1945 г. сентябрь	КБАССР Абсолютный прирост в 1945 г. (в %) к 1943 г.
1	Промышленность	482	294	315	321	386	122,5
2	Строительно-монтажные работы	445	437	353	361	493	139,6
3	Капитальный ремонт		325	400	372	410	102,5
4	Совхозы и прочие сельскохозяйственные предприятия	23425	361	213	249	381	178,8
5	Машинно-тракторные станции		309	360	330	314	114,6
6	Лесное хозяйство	178		134	251	251	187,3
7	Железнодорожный транспорт	534		571	474	663	116,1
8	Автогужевой и прочий транспорт	425	402	307	273	313	102,0
9	Связь	366		258	391	315	122,0
10	Коммунальные предприятия	313	270	309	226	379	122,6
11	Жилищное хозяйство	313	151	295	263	379	128,4
12	Торговля	267		254	213	265	104,3
13	Заготовки	267		257	241	293	114,0
14	Производственное снабжение	267		291	382	299	102,7
15	Общественное питание	267		209	187	260	124,4
16	Кредитные и страховые учреждения	520		498	536	498	100,0
17	Научно-исследовательские учреждения	669		223	222	225	100,9
18	Учреждения подготовки кадров		221	386	386	395	102,

²³ Великая Отечественная война Статистический сборник: Стат. сб./ Росстат. М. 2015. С. 153; УЦГА. Ф. 499. Оп. 1540. Л. 33, 33 об, Л. 89; Оп. 1542. Л. 3, 4; Оп. 1545. Л. 5, 6, 60, 68, 70–71.

²⁴ Размер среднемесячной начисленной заработной платы рабочих и служащих за 1941 г. не имеются.

²⁵ Во всех отраслях сельского хозяйства.

19	Начальные, неполные и средние школы	46426	266	310	517	456	147,1
20	Начальное обучение взрослых, дошкольные и др. учреждения			267	186	280	104,8
21	Политико-просветительские учреждения			211	219	256	121,3
22	Учреждения искусства и зрелищные предприятия	29427	439	448	531	486	108,4
23	Литература, печать и др. издательства			428	373	488	114,0
24	Учреждения здравоохранения	393	224	364	340	386	106,0
25	Государственные учреждения	52628	339	348	396	429	123,3
26	Тресты, конторы и др. хозрасчетные организации		298	392	446	450	114,8
27	Судебные учреждения и персонал обслуживания населения		218	294	283	391	133,0
28	Проектные организации			1020	660	632	– 62,0
29	Обслуживание сельского хозяйства	234	309	339	260	428	126,2
30	Ветеринария			300	298	342	114,0
31	Жилищное хозяйство и культурно-бытовые учреждения при предприятиях		197	242	242	265	109,5
32	Пожарная охрана		210	214	308	227	106,0
33	Общественные организации			442	344	627	141,8
34	Нераспределенные по отраслям			259	242	270	104,2
	Всего						155,0
	Члены артелей промысловой кооперации и кооперации инвалидов			269		417	

26 В системе образования.

27 В учреждения культуры.

28 Аппарат органов государственного и хозяйственного управления, органов управления кооперативных и общественных организаций.

Анализ таблицы 3 показывает, что в 1945 г. по сравнению с 1943 г. оплата труда в КБАССР выросла в лесном хозяйстве в 1,8 раза, совхозах и прочих сельскохозяйственных предприятиях – 1,7 раза, начальных и неполных средних и средних школах – 1,5 раза, артелях промысловой кооперации и кооперации инвалидов – 1,5 раза, общественных организациях – 1,4 раза.

Однако необходимо подчеркнуть, что с начисленной зарплаты работников удерживали различные налоги. В начале Великой Отечественной войны была установлена 100% временная надбавка к сельскохозяйственному и подоходному налогу с населения. С 1942 г. эта надбавка заменяется специальным военным налогом. Указом Президиума ВС СССР от 29 декабря 1941 г. с первого января 1942 г. был введен военный налог, размер которого был дифференцированным²⁹. Рабочие и служащие и приравненные к ним военный налог платили в твердой сумме с учетом годового заработка; колхозники и единоличники – 150–600 рублей ежегодно, другие граждане, не имеющие самостоятельной прибыли, – 100 рублей ежегодно. От военного налога были освобождены все семьи военнослужащих и инвалиды войны.

Если учесть еще различные обязательные безвозвратные денежные сборы и повышение рыночных цен на колхозных рынках, то заработная плата в стране, в том числе в КБАССР, к концу войны не увеличилась, а, наоборот, сократилась. Кроме того, рабочие, служащие и колхозники вносили денежные взносы в фонд обороны.

Всего жители Кабардино-Балкарии внесли в фонд обороны страны и на займы государству 160580566 руб. и 6176 тонн хлеба. Наряду с этим за годы войны население республики отправило бойцам и командирам Красной Армии 71673 различных предмета теплых вещей, 19 вагонов подарков [16, с. 423].

С началом Великой Отечественной войны сельское хозяйство страны было ориентировано на нужды фронта. В целях повышения производительности труда в сельском хозяйстве было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по Кабардино-Балкарской АССР» от 1 марта 1941 г. [17].

Новая системы оплаты труда была направлена на повышение инициативы колхозников за счет оплаты труда в зависимости от его количества и качества. VI Пленум Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), состоявшийся 8 мая 1941 г., обсудил вопрос «О ходе реализации Терским и Нальчикским райкомами партии ВКП(б) постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 марта 1941 г. «О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по Кабардино-Балкарской АССР». На пленуме отмечалось: «...Во многих колхозах республики новая система оплаты труда дала свои результаты. В колхозе «Ленинцы»

²⁹ Указ Президиума ВС СССР от 29 декабря 1941 г. «О военном налоге». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17032#TFvFnqSHz5eli8JM> (дата обращения: 15.12.2021).

Майского района доярка Ольга Мазанько вместо 2590 литров молока за 1 квартал надоила 4580 литров, она получила авансом в счет дополнительной оплаты 120 литров молока. Доярка Агафья Мирная перевыполнила квартальный план в 1,7 раза и получила авансом 120 литров молока³⁰.

Приближение фронта к территории Северного Кавказа в значительной мере осложнило уборку урожая 1942 г. в республике. Поэтому в соответствии с решением ГКО Военный Совет 9 армии принял постановление «Об уборке урожая 1942 г. на территории 9 армии в Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР» от 29 августа 1942 г.³¹. В нем указывалось: «Обязать СНК Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР провести уборку зерновых культур в срок не позже сентября 1942 г; мобилизовать на выполнение мероприятий по уборке урожая все трудоспособное население районов. Работу по молотье производить круглосуточно, маскируя свет в ночное время; уборку урожая в 30-ти километровой прифронтальной зоне провести силами местного населения и войсковых частей под непосредственным руководством заместителей командиров частей по тылу. ...Уборку производить в пределах своих границ в населенных пунктах. Прикрепить 159 стрелковую дивизию за городом Малгобек и селами Хамидия, Терское, Урожайное, Пришибское, Арик, Акбаш, Терек, Александровское, Плановское...»³¹.

Аналогичное постановление принял Военный Совет 37 армии «О ходе уборки и заготовки урожая 1942 г. по районам Кабардино-Балкарской АССР» от 5 сентября 1942 г., в котором отмечалось неудовлетворительное состояние хода уборочных работ. В постановлении предписывалось: «Обязать Кабардино-Балкарской обком ВКП(б), Совнарком КБАССР, исполкомы райсоветов, управление тыла Красной Армии, зам. командиров дивизии обеспечить проведение уборки и заготовку сельскохозяйственных продуктов в установленные сроки: уборку и обмолот зерновых соответственно не позже 10.09, 20.09.1942 г., уборку картофеля и овощей не позже 10.10.1942 г.»³²

Благодаря принятым мерам, колхозники, пенсионеры учащиеся и студенты с участием отрядов тыловых воинских подразделений 37 и 9 армии в основном обеспечили в указанные сроки уборку урожая сельскохозяйственных культур.

В целях своевременного проведения в колхозах уборочных работ и дальнейшего развития сельскохозяйственного производства, СНК СССР и Центральный Комитет ВКП(б) приняли постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»³³. В нем устанавливалось, что трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин обязательного минимума трудодней, по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами в колхозах на срок

30 УЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 267. Л. 107.

31 УЦДНИ. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 4, Л. 1, 2.

32 УЦДНИ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 4, Л. 10–12.

33 Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17780#ovqWTrSdQNgRMkVW> (дата обращения: 19.12.2021).

до 6 месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза. Кроме того, колхозам предлагалось установить, что трудоспособные колхозники и колхозницы, не выработавшие в течение года обязательный минимум трудодней, должны считаться выбывшими из колхоза, потерявшими права колхозника и лишаться приусадебного участка.

Во исполнение данного постановления в КБАССР на время войны для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы был установлен минимум трудодней в году (до 80 трудодней в горных районах и до 120 в остальных районах)³⁴. При этом были установлены сроки выполнения минимума трудодней для хозяйств горных и плоскостных районов республики. Помимо того, указанным постановлением был определен порядок мобилизации на сельскохозяйственные работы трудоспособного населения городов и сельских местностей, а также общеобразовательных школ, студентов техникумов и вузов.

В результате реализации указанных мер государственные поставки колхозами и совхозами в 1943 г. были выполнены, в том числе по мясу на 307%. По итогам 1943 г. хороших результатов по животноводству добились колхозники Чегемского района. Например, колхоз «Думала» перевыполнил план развития животноводства и выдал на трудодни 200 голов овец. Доярка Таппасханова надоила на фуражную корову 750 литров молока вместо 650 по плану³⁵.

Высоких показателей в земледелии достигла звеньевая бригады № 6 колхоза Аушигер Нальчикского района Мисхожева. Она за свои трудодни получила кукурузы 656 кг, подсолнуха 65 кг, картофеля 410 кг, деньгами 994 руб. Наряду с этим, получила дополнительную оплату за перевыполнение урожайности: кукурузы 1691 кг, подсолнуха 35 кг, была награждена Наркомземом СССР значком «Отличник сельского хозяйства».

Колхозник упомянутого выше колхоза Мисхожев, 68 лет, выработал 386 трудодней и получил кукурузы 1166 кг, подсолнуха 117 кг, картофеля 1172 кг, деньгами 2051 руб. и др.³⁶

Как правило, колхозники республики сдавали излишки сельскохозяйственной продукции государству или продавали на рынке. Так, колхозники Чегемского района продали государству более 42 тонн картофеля³⁷. Однако таковых в годы войны было немного.

Анализ годовых отчетов за 1943 г. в Курпском и Кубинском районах Кабардино-Балкарии показал, что на одного человека выработали трудодней соответственно 175 и 174, каждому из них за один трудодень выдали соответственно деньгами – 2 руб. 99 коп., зерна – 2, 200 кг, картофеля – 0,172 г и деньгами – 1,50 коп., зерна – 0,340 г, картофеля – 0,500 кг, сена – 2 кг прочие – 0,100 кг. Численность колхозников, выработавших в год 300–400 трудодней, составляли 14% и от 50 до 90 – 32%³⁸.

34 УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 3-4.

35 УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 818. Л. 7, 17.

36 УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 818. Л. 29.

37 УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 113. Л. 34.

38 УЦГА АС КБР Ф. Р-334. Оп. 1. Д. 334. Л. 2, 7, 163.

В то же время в 1943 г. в республике более 20% колхозников (12 200 чел.) не выработали обязательного минимума трудодней, 703 из них были осуждено³⁹. Помимо того, за хищение колхозной собственности, осуждено 417 человек, из них 65 членов семей военнослужащих осуждены условно и 89 направлены на принудительный работы⁴⁰. Эти данные свидетельствуют о том, что по разным обстоятельствам не все трудоспособные колхозники принимали посильное участие в работе колхоза.

С другой стороны, такое количество судебных дел свидетельствует как о решительной борьбе с хищениями, так и о том, что многие преступления, особенно совершенные членами семей военнослужащих, были обусловлены трудным материальным положением, в котором они оказались, отсутствием адресной помощи.

Хотя справедливости ради следует отметить, что в тяжёлом положении оказались все колхозники. Объяснялось это многими причинами. Во-первых, сельскому хозяйству в ходе оборонительных боев и в период оккупации был нанесен значительный ущерб. В 1943 г. только начались работы по восстановлению сельскохозяйственного производства, в том числе личных хозяйств сельских жителей. Не хватало техники, квалифицированных кадров, поэтому производительность труда была низкой.

Во-вторых, на материальном положении колхозников сказывались многочисленные налоги. Так, в соответствии с 5-й статьей Указа Президиума ВС СССР от 29.12.1941 г. «О военном налоге» установили ставку военного налога на одного члена хозяйства колхозников и единоличников Кабардино-Балкарской АССР в 200 руб. [9, с. 69] Помимо этого, на основании Указа Президиума ВС СССР от 10 апреля 1942 г. «О местных налогах и сборах» в поселках и в сельских местностях вводились следующие местные налоги: со строений, земельная рента, с владельцев транспортных средств, владельцев скота и розовый сбор на колхозных рынках⁴¹.

Также колхозники и единоличники платили государству натуральный налог в форме обязательных поставок зерна, риса, мяса, молока, шерсти, сыра, яиц, картофеля и других сельскохозяйственных продуктов. О сумме этого налога говорит следующий факт: объем поступлений по местным налогам и сборам в КБАССР в 1944 г. по сравнению 1941 г. увеличился на 2,7 раза⁴². В результате складывалась ситуация, когда полученных за трудодни в колхозе денег не хватало для уплаты налогов и для приобретения облигаций на государственные займы, внесения взносов в Фонд обороны и Фонд Красной Армии, поэтому многие сельчане, чтобы оплатить налоги, предпочитали работать на приусадебном участке, а выращенный урожай продавать на колхозных рынках.

39 УЦДНИ Ф. 1. АС КБР. Оп. 1. Д. 818. Л. 19, 29.

40 УЦДНИ Ф. 1. АС КБР. Оп. 1. Д. 818. Л. 41.

41 Указ Президиума ВС СССР от 10 апреля 1942 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=10743#SMR8nqSXXKcxZtlZ> (дата обращения: 17.12.2021).

42 УЦГА АС КБР. Ф. 696. Оп. 1. Д. 352. Л. 65–70; Д. 355. Л. 24–30.

В-третьих, анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что в колхозах подсчет выполненной работы и начисление положенного количества трудодней проводились с отставанием до двух и более месяцев, отсутствовал надлежащий контроль и учет за соблюдением трудовой дисциплины. В условиях приближающегося фронта боевых действий, а затем оккупации 8 районов республики 20 сентября 1942 г. (остальные 7 районов и г. Нальчик были еще тыловыми территориями) партийные и государственные органы власти попытались наверстать упущенное.

15 октября 1942 г. состоялся IX Пленум Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), обсудивший вопрос «О состоянии партийно-политической работы в республике». В постановлении пленума отмечалось: «... Некоторые районы нашей республики оккупированы врагом. Отдельные партийные организации не поняли усложнившейся военной обстановки, не приняли должных мер по усилению партийно-политической работы. В результате в отдельных районах (Лескенский, Нальчикский) затягивается ход сельскохозяйственных работ: уборка урожая, осенний посев и выполнение госпоставок. Пленум обязал отдел пропаганды и агитации обкома ВКП(б) принять меры по усилению политической работы среди населения временно оккупированных районов республики; Наркомзем, райкомы ВКП(б), райисполкомы в ближайшее время закончить осенний сев, уборку урожая и полностью выплатить все виды госпоставок⁴³. Однако указанное постановление не было выполнено в полном объеме, так как в октябре 1942 г. все территории районов, расположенных на равнине (кроме, горных районов Эльбрусского, Чегемского и Черекского), были оккупированы немецко-румынскими войсками. К тому же партийные и государственные органы власти в период с августа по октябрь были эвакуированы в Тбилиси.

От двух до пяти месяцев в различных районах республики был установлен жесткий оккупационный режим. Фашисты нанесли огромный ущерб народному хозяйству, сожгли и разрушили сотни зданий предприятий, учреждений культур, образования и жилых домов. Расстреляли 1154 человек мирного населения, в том числе 319 военнопленных [18, с. 239]. В условиях оккупации отношение советских граждан к трудовой деятельности изменилось. В основном она сводилась к саботажу попыток оккупантов наладить промышленное и сельскохозяйственное производство. Так, рабочие г. Нальчика на заводах и фабриках проводили работу по срыву восстановления предприятий и выпуска промышленной продукции. К примеру, рабочие типографии имени Революции 1905 года, насильно выгнанные на работу, сорвали намерение гитлеровского военного командования выпустить газету. Рабочие кожевенного завода, маслосырзавода и кондитерской фабрики г. Нальчика саботировали выпуск продукции⁴⁴. Значительная работа по сохранению колхозно-кооперативной собственности была проведена и сельскими жителями. Под различными предлогами они уклонялись от поставок хлеба, мяса, молока, и другого

43 УЦДНИ. Ф. П -1 Оп. 1. Д. 420. Л. 7. 2-4.

44 Социалистическая Кабардино-Балкария, 1943, 19 февраля.

продовольствия немцам, саботировали распоряжения оккупационных властей по проведению различных работ.

Так, заведующий лесопунктом села Каменка доносил немецкому командованию: «...Заготовка дров идет медленно из-за отсутствия рабочей силы. Мне не удалось мобилизовать рабочую силу из сел Кенже, Шалушка и Каменка, так как колхозники саботировали и на работу не выходили»⁴⁵.

После освобождения в январе 1943 г. территории Кабардино-Балкарии от фашистов в республике начались восстановительные работы. Особое внимание уделялось возрождению ведущих промышленных предприятий республики, которые выпускали продукцию для фронта и удовлетворения бытовых потребностей населения: машиностроительного завода № 4, Тырнаузского волфрамо-молибденового комбината, Баксанской ГЭС, Прохладненского мотороремонтного и Докшукиского ацетона-бутанолового заводов.

Восстановленные промышленные предприятия ремонтировали боевую технику, изготавливали боеприпасы, обмундирование, продукты питания. Так, в 1943–1945 гг. рабочие и инженерно-технические работники Прохладненского мотороремонтного завода отремонтировали и вернули на фронт 400 танков Т-34, восстановили 204 танковых мотора, 226 автомобилей и бронетранспортеров, заготовили запасных частей к ним на 2300 тыс. рублей. Швейная фабрика для воинов Красной Армии изготовила около 175 тыс. пар белья и другой продукции на общую сумму 1550 тыс. рублей. За время войны коллектив кондитерской фабрики поставил фронтовикам 25 млн. двухсотграммовых таблеток пищевых концентратов и 5599 тонн кондитерских изделий, мясокомбинат – более 18 тыс. тонн мяса и колбасных изделий, большое количество жиров⁴⁶.

Однако, несмотря на самоотверженный труд рабочих и инженерно-технических работников Кабардино-Балкарии, восстановить промышленность в полном объеме до окончания Великой Отечественной войны не удалось. К концу 1945 г. валовая продукция всей промышленности республики по сравнению с 1941 г. составляла всего 41%. Если в 1941 г. предприятия республики выпускали продукции в неизменных ценах 1926/1927 финансового года на 138549 тыс. рублей, то в 1945 г. они дали продукции только на 56664 тыс. рублей⁴⁷.

Одновременно велась работа по восстановлению колхозов, совхозов, МТС, подготовке механизаторов и других низовых специалистов. Всего за период 1941–1945 гг. Кабардино-Балкария сдала государству 278130 тонн зерна, 47399 тонн подсолнечника, 55275 тонн картофеля, 19512 тонн овощей, 96967 центнеров мяса, 164165 гектолитров молока, 13450 тыс. штук яиц, 9025 центнеров шерсти. Красной Армии передано 27 тыс. коней [18, с. 423]. Вместе с тем валовой сбор основных сельскохозяйственных культур в 1945 г.: по сравнению с 1940 г. оказался ниже по зерновым культурам в 1,4 раза, подсолнечнику – в

45 УЦДНИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 187. Л. 6.

46 УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 194. Л. 5.

47 УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 60.

1,4 раза, картофелю – в 0,1 раза, овощам – в 1,2 раза; по поголовью крупного рогатого скота в 2 раза, в т.ч. коров – в 1,7 раза, поголовью свиней – в 3 раза, овец и коз – в 4,3 раза⁴⁸.

Заключение

Таким образом, на основе анализа архивных документов и других источников представлена повседневная трудовая деятельность населения Кабардино-Балкарии в 1941-1945 гг. Исследование организации труда в промышленности и сельском хозяйстве на территории КБР в годы войны позволило показать на конкретном фактическом материале достижения и упущения, которые трудно оценить однозначно.

В сложных экстремальных условиях была успешно решена проблема дефицита рабочей силы в народном хозяйстве. Выявлена численность рабочих и служащих, в том числе и женщин, занятых в производстве и других сферах.

В условиях военного времени решения государственных и партийных органов осуществлялась принудительными методами материального и морального стимулирования.

Сравнительный анализ среднемесячной заработной платы рабочих и служащих в регионе показал, что она в основном соответствовала российским показателям. Анализ организации труда в сельскохозяйственном производстве позволил раскрыть факторы, неблагоприятно повлиявшие на трудовую активность колхозников.

Исследование системы налогообложения различных категорий населения в экстремальных условиях войны свидетельствует о снижении жизненного уровня в регионе, как и в целом стране. Тем не менее население республики мужественно выдержало все тяготы и лишения войны и внесло весомый вклад для достижения Победы.

48 РСФСР за 50 лет. Статистический сборник. М.: Статистика. 1967. С. 196.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. – Т. 10. Государство, общество и война. – М.: Кучково поле, – 2014. – 864с.
2. Гончаренко Г.А. Трудовая политика советского государства в годы великой отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2001. №1. С. 77–83;
3. Зинич М.С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны – М: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 349с.
4. Кабировова А.Ш. Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). Казань: АЗ, 2015. – 507 с.
5. Красноженова Е.Е. Организация повседневной жизни населения в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4 (33). С. 41–48.
6. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. – М: Наука, –1971. – 575 с.
7. Карданов А.Т. Рабочий класс Кабардино-Балкарии (1938–1980). Нальчик: Эльбрус, 1984. –352с.
8. Гугова М.Х. Труд женщин Кабардино-Балкарии в создании тыла и оказании помощи фронту в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 4–2 (47). С. 66–71.
9. Тетюев А.И. Повседневная жизнь гражданского населения Кабардино-Балкарии в тылу в годы Великой Отечественной войны // Вестник ИГИ КБНЦ РАН. 2019. № 2. С. 61–73
10. Хелльбек Й. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас. 2010. № 4. С. 9–22.
11. Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / Под общ. ред. Журавлева С.В.; Пер. с англ. и нем. – М.: РОССПЭН; Герман. ист. ин-т в Москве, 2010. – 271с
12. Трудовое законодательство военного времени/ Сборник. – 2-е изд. (дополненное). М.: Профиздат, 1943. – 192 с.

REFERENCES

1. *The Great Patriotic War of 1941-1945. In 12 volumes. Vol. 10. State, society and war [Velikaya Otechestvennaya voina 1941-1945 godov V 12 t. T. 10 Gosudarstvo, obshchestvo i voina]*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2014. (In Russ)
2. Goncharenko GA. Labor policy of the Soviet state during the Great Patriotic War. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2001, 1: 77-83. (In Russ)
3. Zinich MS. *Everyday life of people during the Great Patriotic War [Povsednevnyaya zhizn' naroda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny]*. Moscow, 2019. (In Russ)
4. Kabirova AS. *Tatarstan in the years of military trials (1941-1945). [Tatarstan v gody voennykh ispytaniy (1941-1945 gg.)]*. Kazan: AZ. Publ., 2015. (In Russ)
5. Krasnozhenova EE. Organization of everyday life of the population during the Great Patriotic War (based on the materials of the Lower Volga region). *Caspian region: politics, economics, culture*. 2012, 4(33): 41-48. (In Russ)
6. Mitrofanova AV. Working class of the USSR during the Great Patriotic War [Rabochii klass SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny]. Moscow: Nauka, 1971.
7. Kardanov AT. *Working class of Kabardino-Balkaria (1938-1980) [Rabochii klass Kabardino-Balkarii (1938-1980)]*. Nalchik: Elbrus, 1984.
8. Gugova MKh. Labor of women of Kabardino-Balkaria in creating the rear and providing assistance to the front during the Great Patriotic War. *Bulletin of the IGI KBNTS RAS*. 2020, 4-2(47): 66-71.
9. Tetuev AI. Everyday life of the civilian population of Kabardino-Balkaria in the home front during the Great Patriotic War. *Bulletin of the IGI KBNTS RAS*. 2019:61-73. (In Russ)
10. Hellbeck J. Everyday ideology: life under Stalinism [Povsednevnyaya ideologiya: zhizn' pri stalinizme]. *Neprekosnovennyyi zapas*. 2010, 4: 9-22. (In Russ)
11. Lyudtke A. *History of everyday life in Germany: new approaches to the study of labor, war and power [Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniyu truda, voiny i vlasti]* Zhuravleva S.V. (ed.). Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russ)

13. Каменева Г.Н. Патриотическая деятельность женщин Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Миркаль, 2014.
14. Книга Памяти: Российская Федерация. Кабардино-Балкарская Республика. В 6 т. // Ред. коллегия: К. Ф. Дзамихов (председатель) и др.; [Сост. О.Л. Опрышко, А.И. Тетюев, Х.А. Атабиев]. Нальчик: Эльбрус. Т. I. 2014. – 448 с.; Т. II, 2015 – 408 с.; Т. III, 2015 – 424 с.; Т. IV, 2016. – 424 с
15. Кабардино-Балкария. Тыл и фронт 1941–1945: (к 60-летию Великой Победы). – Нальчик: Эль-Фа, –2005. –339 с.
16. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Сборник документов и материалов). – Нальчик: Эльбрус, 1975. –795 с
17. О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по Кабардино-Балкарской АССР/ Постановл. СНК СССР и ЦК ВКП (б) 1-го марта 1941 г. – Нальчик: Каббалкгосиздат, 1941. – 28с.
18. Лики войны: Сб. док. по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Нальчик: Эльбрус, – 1996. – 498 с.
12. *Labor legislation of wartime. Collection. 2nd ed. (extended) [Trudovoe zakonodatel'stvo voennogo vremeni: Sbornik. 2-e izd. (dopolnennoe)]*. Moscow: Profizdat, 1943. (In Russ)
13. Kamenева GN. *Patriotic activity of the women of the North Caucasus during the Great Patriotic War of 1941–1945 [Patrioticheskaya deyatelnost zhenshchin Severnogo Kavkaza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.]*. Moscow: Mirkal, 2014. (In Russ)
14. *Memory Book: Russian Federation. The Republic of Kabardino-Balkaria [Kniga Pamyati: Rossiiskaya Federa-tsiya. Kabardino-Balkarskaya Respublika. V 6 t.]*. In 6 volumes. Dzamikhov K.F. et al (eds.); Opryshko O.L., Tetuev A.I., Atabiev Kh.A. (comp.). Nalchik: Elbrus. Vol. I. 2014; Vol. II, 2015; Vol. III, 2015; Vol. IV, 2016. (In Russ)
15. *Kabardino-Balkaria. Rear and front 1941-1945: (to the 60th anniversary of the Great Victory) [Kabardino-Balkariya. Tyl i front 1941–1945: (k 60-letiyu Velikoi Pobedy)]*. Nalchik: El-Fa, 2005. (In Russ)
16. *Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War 1941-1945 (Collection of documents and materials) [Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941 –1945 gg.]*. Nalchik: Elbrus, 1975. (In Russ)
17. *On additional remuneration of collective farmers for increasing the productivity of agricultural crops and the productivity of animal husbandry in the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic Resolution. SNK USSR and Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on March 1 [O dopolnitel'noi oplate truda kolkhoznikov za povyshenie urozhainosti sel'skokhozyaistvennykh kul'tur i produktivnosti zhivotnovodstva po Kabardino-Balkarskoi ASSR Postanovl. SNK SSSR i TSK VKP(b) 1-go marta 1941 g.]*. Nalchik: Kabbalkgosizdat, 1941. (In Russ)
18. *Faces of War: Collected documents on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941-1945) [Liki voyny: Sb. dok. po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941-1945 gg.)]*. Nalchik: Elbrus, 1996. (In Russ)

Поступила в редакцию 24.01.2022 г.
Принята к публикации 02.03.2022 г.
Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183664-678>

Амирханова Мадина Магомедовна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
madinat63@mail.ru

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДАГЕСТАНА. 1920–1930-е гг.: ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье исследуются демографические процессы в дагестанском селе в один из самых драматичных периодов его истории. Цель статьи – на основе материалов Всесоюзных переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг. изучить численность, возрастно-половой состав, миграции, этническую структуру сельского населения. В процессе отбора и классификации конкретных фактов автор стремился к объективности, опираясь на принцип историзма и используя специальные методы исследования – сравнительно-исторический и логический. Статистический метод и метод обобщающих показателей позволили вычислить среднестатистические показатели естественного и механического движения населения. Научная новизна работы видится в том, что проведен анализ демографической ситуации в дагестанском селе в первое двадцатилетие советской власти, что дало возможность определить положительную динамику воспроизводства населения; показаны изменения в соотношении городского и сельского населения вследствие миграционных процессов, при этом городское население росло более быстрыми темпами, чем сельское; выявлены изменения, наблюдавшиеся в национальном составе республики по переписи 1939 г., в которой многие народности были объединены по признаку языкового родства в группы под общим наименованием «горцы Дагестана». Кроме того, данные переписи продемонстрировали стремление руководства республики искусственно ускорить стихийные процессы консолидации народностей Дагестана, их фактической ассимиляции. Формулируется вывод, что перепись 1926 г. зафиксировала естественный прирост селян. Переписи 1937 и 1939 гг. показали положительный механический прирост селян. Однако основным каналом воспроизводства населения оставался естественный прирост, чему способствовало улучшение социально-экономических условий жизни. Теоретическая и практическая значимость работы определяется расширением научного знания о демографической ситуации в дагестанском селе, население которого во многом определяло тенденции развития региона в исследуемый период. При написании работы использованы официальные документы республиканских советских и партийных органов, материалы обследования Рабоче-крестьянской инспекции ДССР, труды российских обществоведов, историков и экономистов.

Ключевые слова: сельское население; Дагестан; Гражданская война; численность; Всесоюзные переписи; естественный прирост; механический прирост; этническая структура; миграции.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183664-678>

Madina M. Amirkhanova
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
madinat63@mail.ru

RURAL POPULATION OF DAGESTAN IN 1920-1930S: HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC ASPECT

Abstract. The author reviews the demographic processes in the Dagestan village in one of the most dramatic periods of its history. The article aims to study the size, age and sex composition, migration processes, ethnic structure of the rural population based on the materials of the All-Union Census of 1926, 1937 and 1939. During the selection and classification of specific facts, the author strove for objectivity, relying on the principle of historicism, using comparative historical and logical research methods. The statistical method and the method of generalizing indicators made it possible to calculate the average statistical indicators of the natural and mechanical movement of the population. The analysis of the demographic situation in the Dagestan villages in the first twenty years of Soviet power made it possible to determine the positive dynamics of population reproduction; shows changes in the ratio of urban and rural population due to migration processes, while the urban population grew at a faster rate than the rural one; the changes observed in the national composition of the republic according to the 1939 census are revealed, in which many nationalities were united on the basis of linguistic kinship into groups under the common name “highlanders of Dagestan”. In addition, the census data demonstrate the desire of the republic’s leadership to artificially accelerate the spontaneous processes of consolidation of the peoples of Dagestan, their actual assimilation. In conclusion, the 1926 census recorded the natural increase of the villagers. Censuses 1937 and 1939 showed a positive mechanical growth of the villagers. However, natural growth remained the main channel for the reproduction of the population, which was facilitated by the improvement of socio-economic living conditions. The theoretical and practical significance of the work is determined by the expansion of scientific knowledge about the demographic situation in the Dagestan village, the population of which largely determined the development trends of the region during the period under study. When writing the paper, official documents of the republican Soviet and party bodies, survey materials of the Workers’ and Peasants’ Inspectorate of the DASSR, works of Russian social scholars, historians and economists were used.

Keywords: rural population; Dagestan; civil war; population size; All-Union Census; natural growth; mechanical growth; ethnic structure; migration.

Изучение истории любой страны и ее отдельных регионов сегодня представляется невозможным без всестороннего анализа народонаселения. А.Г. Вишневский и И.С. Кон высказали тезис: «Опыт исследования в разных странах свидетельствует: ни анализ сегодняшних, ни прогноз завтрашних демографических тенденций не может претендовать на научность, если нет ясного понимания их исторического генезиса, происходящие на наших глазах огромные демографические сдвиги не могут быть поняты и даже описаны без серьезных и разносторонних сравнительно-исторических исследований» [1, с. 3].

Подчеркивая научную значимость изучения исторической демографии, академик Ю.А. Поляков писал: «современное и перспективное знание демографических проблем, приобретающих сегодня глобальный характер, невозможно без постижения исторических корней, без исторического обоснования» [2, с. 462]. Важно отметить, роль Ю.А. Полякова в возрождении исторической демографии в России, преодолении односторонности и тенденциозности в освещении событий Гражданской войны 1917–1922 гг. Им была разработана методика ретроспективного восстановления динамических рядов движения населения РСФСР и СССР за 1917–1926 гг., позволившая оценить людские потери в Первой мировой и Гражданской войнах [3].

Региональные аспекты во многом все еще остаются белым пятном в комплексе исследовательских разработок по исторической демографии России. Между тем, именно анализ историко-демографического развития регионов позволяет прочувствовать все многообразие исторического процесса [4, с. 51–56].

Демографические процессы в дагестанском селе в известной мере изучены исследователями. Однако они освещались в контексте общей картины демографической ситуации в регионе. В монографическом исследовании А.И. Османова в историко-географических рамках с древнейших времен до конца XX в. рассматриваются проблемы численности, размещения, воспроизводства населения Дагестана. Автор приводит фрагментарные, отрывочные сведения о сельском населении [5]. В монографии М.Я. Мирзабекова данная проблема характеризуется в специальном разделе «Историко-географическая характеристика и население Дагестана». В нем вопросы народонаселения региона освещаются в разрезе город-село [6, с. 27–111]. В статье К.П. Сергеевой нашли освещение такие вопросы, как численность населения Дагестана по Всесоюзным переписям 1926, 1939 годов, этническая структура, половозрастной состав, размещение [7].

Для рассматриваемой проблемы интерес представляют документальные материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан. Они дают возможность судить о состоянии учета естественного движения населения в республике к началу исследуемого периода, о размещении сельского населения по округам. Архивные документы характеризуют изменения в социальном положении горцев, состоянии медицинского обслуживания.

Сельское население региона по Всесоюзной переписи населения 1926 г. (на 17 декабря) составляло 659,1 тыс. человек (89%), городское–85,0 тыс. человек

(11%), по переписи 1939 г. (на 17 января) – 802,8 тыс. человек (78%), и 220,5 человек (22%) [8, с. 6]. В исследуемый период это соотношение определяло динамику демографического развития республики. Следует отметить, что из-за разности учета сведения о численности постоянного населения в Дагестане, особенно по доле селян и горожан, по этим двум переписям в архивных материалах и в статистических сборниках не совпадают.

Несмотря на наличие использованных в статье изданий, в которых приводятся фрагментарные данные о демографических процессах в дагестанском селе, нет исследовательских работ, специально посвященных этой проблеме. Тема многоплановая, осветить все ее аспекты в небольшой работе не представляется возможным. В дальнейшем исследовании нуждаются такие вопросы, как грамотность и занятия, брачность и семья, религия. Желательно сделать хотя бы небольшой экскурс по данной проблеме в один из самых драматичных периодов в истории республики.

Первая мировая и Гражданская войны негативно сказались на общей численности и половозрастном составе населения страны. С осени 1917 г. население страны сократилось к 1920 г. на 7,1 млн человек, к осени 1921 г. – на 10,9 млн, к 1922 г. – на 12,7 млн. Людские потери изменили соотношение полов, особенно в деревне. Среди лиц 1894–1898 гг. рождения соотношение мужчин и женщин составило 1:2, а среди лиц 1899–1903 гг. рождения – уже 1:2,3 [9, с. 317].

Население Дагестана в результате прямых потерь в Гражданской войне 1918–1920 гг., эпидемий тифа и малярии, катастрофической засухи 1920–1921 гг., унесших десятки тысяч жизней, а также оттока части русских, украинцев и еврейского населения, эмиграции части буржуазии, помещиков и духовенства в Турцию к 1922 г. сократилось до 663 тыс. человек. По сравнению с переписью 1897 г. (710,5 тыс. человек), убыль населения составила 47, 5 тыс. человек [6, с. 80].

Присоединение Кизлярского уезда, Хасавюртовского округа и Ачикулакского района, осуществленное в начале 1920-х гг., не оказало существенного влияния на общую численность населения республики, в том числе сельского [10, с. 40].

В 1920-е годы общая численность сельского населения республики выросла незначительно. С 645,0 тыс. человек в 1921 г. она увеличилась до 720,0 человек в 1930 г. (данные на начало года). Ежегодный естественный прирост населения в сельской местности в республике в 1925/26–1929/30 гг. составлял 0,92 тыс. человек. Механического прироста не было вообще. Этот показатель был минусовый – 0,03–0,04 тыс. человек ежегодно [6, с. 86].

Низкие темпы прироста населения в дагестанском селе были следствием неудовлетворительного материального положения горцев, массового распространения оспы, малярии, венерических и других социально-бытовых болезней.

Вместе с тем политическая обстановка в Дагестане с началом революционных событий привела к тому, что на протяжении 5 лет (до 1926 г.) учет естественного движения населения здесь почти полностью прекратился. Существовавшие

при царском правительстве правила учета естественного движения населения были уничтожены, а новые начала, внесенные Кодексом законов об актах гражданского состояния, не получили на местах своего практического осуществления. Окружные подотделы ЗАГСа имелись при всех окружных и районных исполкомах, но деятельность их ограничивалась узкой сферой канцелярского делопроизводства.

Все это приводило к тому, что республика, приступая к реализации широкого плана экономических и просветительских мероприятий, имеющих целью вывести население из условий полудикого и хронически полуголодного существования, не располагала сведениями о численности его, и о том, происходит ли прирост населения, или, наоборот, оно убывает. Косвенные признаки свидетельствовали, что Дагестан в начале 1920-х гг. вступил в период с отрицательными показателями естественного прироста населения. Врачи, предоставлявшие медико-санитарную статистику, констатировали, что сельское население республики явно вымирает, и смертность постоянно превышает рождаемость.

Выход из этого положения был один: необходимо было сделать все, чтобы законы об актах гражданского состояния, изданные 22 октября 1918 г.¹ и обязательные на всей территории Российской Федерации, получили бы силу закона и на территории Дагестана.

К 1924 г. в сельской местности проживало, по не уточненным данным, 800 тыс. чел. При этом население по округам республики распределялось очень неравномерно. Например, в Кизлярском округе на 1 кв. версту приходилось всего 5 человек, в Ачикулакском – еще меньше, всего 3,5, а в Лакском и Даргинском округах плотность населения увеличивалась до 40 и даже 55 человек на 1 кв. версту [11, с. 12].

Сельским хозяйством было выгодно заниматься на плоскости, но населения было меньше, в горах, где пахотной земли было мало, крестьяне жили очень тесно. Причиной малозаселенности плоскости было недостаточное количество питьевой воды. Еще в июне 1923 г. СНК ДАССР обратился в Наркомзем РСФСР с ходатайством об отпуске кредита на сумму 57172 руб. золотом на постройку 76 артезианских колодцев в Хасавюртовском, Кизлярском и Караногайском районах. Их устройство давало возможность орошения 360000 десятин.² Освоение новых земель было, в частности, связано со строительством канала им. Октябрьской революции. Строительство этого канала началось осенью 1921 г. Проводилось оно методом народной стройки, на субботниках по его строительству участвовали жители многих районов Дагестана. 28 мая 1923 г. вода по каналу протяженностью 78 км дошла до Махачкалы [5, с. 262].

Незначительное увеличение плотности населения на равнине произошло к 1939 г. – за счет роста старых городов и переселения во вновь возникшие города (в 1931 г. Хасавюрт стал городом). К 1939 г. в Дагестане насчитывалось 4 города

1 О введении Кодекса законов об актах гражданского состояния // Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф. р-37. Оп. 19. Д. 19. Л. 3.

2 ЦГА РД. Ф.р-168. Оп. 4. Д. 5. Л. 17.

и 4 поселка городского типа. В 1926 г. в старых границах Дагестанской области возникли поселок городского типа Дагестанские огни (1048 чел.) и поселок в окрестностях Махачкалы – Петровск-Кавказский (1152 чел. – ныне часть г. Махачкала) [7, с. 217].

В 1936-1938 гг. были образованы поселки городского типа Ачи-Су (91734 жителя), Избербаш (5224 жителя). Это было связано со строительством новых промышленных предприятий, в частности нефтепромыслов. Всего в городах прибавилось 135 тыс. населения [7, с. 218].

С 1926 г. по 1939 г. средняя плотность сельского населения изменилась в сторону увеличения (с 13,9 человек на 1 кв. м до 15,3 человек) [7, с. 220]. Произошли изменения и в плотности населения по горным и высокогорным районам. Так, в Хасавюртовском районе плотность сельского населения увеличилась в 2 раза, а вместе с городом увеличилась почти в 3 раза, по сравнению с 1926 г. [7, с. 218]. Увеличилась плотность и в Буйнакском районе за счет роста г. Буйнакска.

По национальному составу Дагестан превосходил все области и республики России. Суровые природные условия гор мешали частым контактам одного населенного пункта с другим. Поэтому, даже рядом расположенные аулы, с населением одной национальности, имели разные наречия и диалекты.

Из 78000 русских, проживавших в сельской местности, приблизительно 2/3 приходилось на Кизлярский округ [6]. Остальные распределялись небольшими группами между округами Хасавюртовским, Буйнакским и Ачикулакским районом. В горных же округах русские и другие представители некоренных народностей встречались только единичными семьями. Например, немцы-колонисты (6000 человек) жили преимущественно в Хасавюртовском округе³. Следует отметить, что в самом начале революции, в период аграрного движения среди горцев, почти все поселки с русским и немецким населением в Хасавюртовском и Темирханшуринском округах подверглись полному разрушению. Вследствие чего сельское население, состоявшее из русских и немцев, в этих и горных округах значительно сократилось.

В 1926 г. в стране была проведена Всесоюзная перепись населения. Она была самой демократичной в истории Советской России. Перепись была тщательно подготовлена, проведена и детально разработана, и ее итоги подробно опубликованы. В то же время, нет общепризнанного критического анализа ее результатов, и, чаще всего, ее данными пользовались и пользуются без всяких поправок. Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова, проводившие коррекцию переписи населения 1926 г., наряду с другими Всесоюзными переписями, отметили у целого ряда мусульманских народов, при соотношении численности мужчин и женщин, в частности у некоторых народов Северного Кавказа, искажение возраста женщин и значительные недорегистрации их при переписи [12].

Что касается Дагестана, мы располагаем лишь официальными данными. Общее количество населения республики по переписи составило 788098, в том числе в сельской местности 703064, или 89,2% [13, с. 11] (см. табл. 1). Кроме

3 Сведения о численности сельского населения ДАССР // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 490. Л. 13.

того, переписью были учтены и лица, ушедшие на заработки за пределы республики. Их насчитывалось всего 33697 человек. Наибольшее количество отходников было из округов: Самурский, Лакский, Тляратинский Андийский и Гунибский.

Наиболее плотно населенными являлись округа: Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Лакский, Буйнакский, Кюринский.

Преобладание женского населения над мужским начинается с 15 лет и старше, а до 15 лет преобладает мужское население. По переписи, из общего числа лиц старше 70 лет женщины составляли 59,8% [13, с. 12]. Это свидетельствовало о большей смертности мужчин в годы Гражданской войны. Преобладание женского населения в сельской местности (в частности, в Даргинском и Лакском округах) объяснялось и тем, что перепись производилась в зимнее время. Значительная часть мужчин из сельской местности зимой уходила на заработки в города.

Перепись 1926 г. выявила наличие в Дагестане более тридцати коренных народностей: авары, агулы, андийцы, арчинцы, багулалы, годоберинцы, даргинцы и т.д. Они были разбиты на 7 групп, с отнесением к ним многих подгрупп. Таким образом, по переписи были представлены данные о более 30 коренных народов и этнических группах Дагестана. Как уже отмечалось, общая численность наличного населения республики составила 788098 человек [14, с. 271–273].

Таблица 1. Окончательные итоги населения ДССР по переписи 1926 г.⁴

Table 1. Final results of the DASSR Census of 1926.

№ п\п	Наименование округов и районов	Сельские местности				
		Наличное население			Кроме того, не переписаны временно ушедшие на заработки вне ДССР	Всего населения
		мужчин	Женщин	Обоего пола		
1	Аварский	15,134	16,995	32,12	9	32,138
2	Андийский	22,096	24,212	46,308	2,376	48,684
3	Ачикулакский	10,034	9,289	19,323	234	19,557
4	Буйнакский	25,916	26,484	52,400	91	52,491
5	Гунибский	22,707	26,650	49,357	1,918	51,275
6	Даргинский	36,653	43,730	80,383	538	80,921
7	Дербентский	10,975	9,504	20,479	-	20,479
8	Кайтаго- Табасаранский	29,426	30,349	59,775	223	59,998
9	Кизлярский	35,324	35,324	70,643	-	70,648

4 ЦГА РД. Ф. Р-22. Оп. 23. Д. 1м. Л. 13.

10	Кюринский	38,361	39,922	78,283	1,670	79,953
11	Лакский	14,236	24,968	39,204	7,941	47,145
12	Махачкалинский	15,343	14,431	29,774	-	29,774
13	Самурский	24,450	24,763	49,213	13,963	63,176
14	Тляратинский	3,404	4,371	7,775	4,528	12,303
15	Хасавюртовский	31,856	30,005	61,861	-	61,861
16	Эчединский	3,098	3,054	6,152	206	63,58
		339,013	364,051	703,064	33,697	736,761

Население Дагестана росло в основном за счет естественного прироста, который в пределах дореволюционных границ составил 67055 человек или по 2312 человека в год [14, с. 273]. Следует отметить, что городское население росло более высокими темпами, чем сельское. (см. табл. 2).

К 1926 г. в 4,6 раз увеличилось количество русского населения. Оно произошло за счет присоединения Кизлярского и Хасавюртовского округов, населенных в основном русскими [7, с. 213].

Темпы прироста селян существенно выросли. Ежегодный прирост населения на селе за 12 лет (1927–1939) составил почти 12% [6, с. 75].

Таблица 2. Городское население ДССР по полу по переписи 1926 г.⁵

Table 2. Urban population of the DASSR by sex according to the Census of 1926.

№ п\п	Наименование городов	Количество наличного населения				Обоего пола Абс. число	% к итог по ДССР
		Мужчин		Женщин			
		Абс.	%	Абс.	%		
1	Махач-Кала	16380	51,81	15420	48,19	32000	37,63
2	Петровск-Кавказский	782	50,39	770	49,61	1562	1,83
3	Дербент	11617	50,10	11480	49,70	23097	27,16
4	Дагогни	724	69,08	324	30,92	1048	1,23
5	Буйнакс	6133	56,15	4790	48,85	10923	12,85
6	Кизляр	4625	48,55	4901	51,45	9526	11,20
		44032	51,78	41002	48,22	85034	100,0

Таким образом, в начале 1920-х гг. динамика воспроизводства сельского населения была отрицательной. Это объяснялось рядом факторов: низким уровнем жизни, социальными болезнями, неразвитостью медицинского обслуживания населения и т.д. После установления советской власти ситуация стала меняться в лучшую сторону. Это было обусловлено улучшением социально-экономических условий жизни селян, что способствовало увеличению его численности. Население росло в основном за счет естественного прироста.

Второе десятилетие советской власти характеризовалось определенным механическим приростом сельского населения республики. В 1933 г. он составил

5 ЦГА РД. Ф. Р-22. Оп. 23. Д. 1м. Л. 29.

4,57 тыс. человек, в 1936 г. – 1,71 тыс. человек [6, с. 75]. Благоприятная перемена с механическим приростом населения в дагестанском селе являлась следствием направления туда все большего количества учителей, медработников, специалистов сельского хозяйства и других лиц интеллектуальных профессий, оттоком из города части рабочих промышленных предприятий, работавших по организованному набору.

Несмотря на это, основным каналом воспроизводства сельского населения Дагестана и в 1930-е годы оставался естественный прирост, который неуклонно возрастал. В 1930/31 г. он равнялся 0,92 тыс. человек, в 1933 г. – 15,77 тыс. человек, в 1936 г. – 21,37 тыс. человек [6, с. 76]. Темпы естественного прироста населения дагестанского села не снижались и в последующие годы. Это объяснялось высокой рождаемостью и ориентацией дагестанцев на многодетность, успехами в развитии здравоохранения в республике в 1930-е годы.

Следует отметить, что предметом особого внимания советской власти стали вопросы улучшения социального положения трудящихся, улучшения их медицинского обслуживания, в частности на селе. В 1918 г. был принят целый ряд законодательных актов, закладывающих новые подходы к вопросам социальной политики государства, в том числе законы, принятые ВЦИК: «О страховании от несчастных случаев» и «О страховании на случай болезни» (23 июля 1918 г.), «Положение о социальном обеспечении трудящихся» (18 октября 1918 г.) и другие.

Эти законодательные акты стали применяться в Дагестане после установления здесь советской власти в апреле 1920 г. Одним из первых мероприятий Дагестанского ревкома было его решение от 17 апреля 1920 г. о создании при нем отдела по здравоохранению. 8 мая ревком принял постановление об организации бесплатного лечения трудящихся. С этой целью было решено национализировать аптеки и лечебные учреждения.

Первый съезд городских, окружных и участковых ревкомов, проходивший с 8 по 15 июня в городе Темир-Хан-Шура, решил учредить в каждом округе лечебницу, в первое время на 10 коек. К октябрю 1920 г. в округах Дагестанской области имелись больницы по 10 коек каждая и 5 фельдшерских пунктов, обслуживаемых 2 врачами, 18 помощниками врачей, 1 акушеркой и 8 медсестрами [14, с. 552].

Как следует из доклада народного комиссара здравоохранения ДАССР Рзаева от 25 октября 1921 г., созданная сеть лечебных учреждений в округах расширилась, но еще значительно не соответствовала намеченной наркоматом программе. В то же время, вместо отпущенных Центром 1645 коечных пайков, уполномоченный Наркомата продовольствия Юго-Востока выдал Наркомату здравоохранения Дагестана только 718⁶.

Улучшение культурно-бытовых условий населения с установлением советской власти в известной степени способствовало рассредоточению его по

6 Об обеспеченности больниц коечными пайками // ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 19. Д. 3. Л. 6.

территории республики. Наиболее значительную роль в этом процессе сыграл спрос на рабочую силу при орошении и освоении новых земель в равнинной части Дагестана и приток населения в города. Однако небольшие кустарные промыслы еще удерживали местное население в маленьких горных аулах, расположенных далеко от культурных центров, и плохо связанных с ними из-за отсутствия удобных путей сообщения. Привязанность к прежним местам жизни объяснялась и приспособленностью организма горцев к климатическим условиям гор, а также некоторыми бытовыми привычками.

Миграции с гор на равнину начались сразу же после окончания Гражданской войны. Это переселение было вызвано тягой горцев к культуре, к новой жизни, а также затуханием кустарных промыслов в связи с понижением спроса на изготавливаемую кустарями продукцию.

Миграционные процессы усилились, когда, начиная с 1920-х гг., началось плановое переселение горцев из отдаленных, неудобных для жизни высокогорных аулов, лишенных сельскохозяйственных угодий и элементарных жизненных удобств. [7, с. 224].

Репрессии 1930-х гг. в не оказали влияния на демографическую ситуацию в дагестанском селе, тем не менее, о них следует упомянуть. Из партийной организации республики по неполным данным с начала 1 октября 1937 г. по 1 января 1938 г. было исключено 329 человек. В последующем они под различными предлогами были репрессированы. Преследованию, арестам и высылке подверглись представители мусульманской духовной интеллигенции. В республике с начала 1930 г. по октябрь 1933 г. было арестовано 1212 представителей духовенства [6, с. 77]. Для сравнения: всего в стране в 20–30-е гг. по политическим мотивам было осуждено более 3 млн человек, из них 13,5% (416932) в 20-х годах и 86,5% (2663642) в 30-х годах. Из этого числа в места заключения, ссылку и высылку было направлено в 1921–1940 гг. 2128298 осужденных по политическим мотивам [6, с. 77].

Проведение массовой коллективизации в республике, как и по стране, сопровождалось раскулачиванием. В течение 1930–1932 и 1935–1936 годов было раскулачено и выселено из Дагестана приблизительно 1600 кулацких семей [6, с. 78]. Эти вынужденные переселенцы оказались в Казахской и Киргизской ССР, где в тяжелейших условиях им пришлось вести борьбу за выживание. Семьи, признанные кулацкими, разрушались и изнутри. Во многих районах жены высеяемых кулаков отказывались ехать вместе с мужьями. Значительное число заявлений от жен кулаков поступало в ЗАГСы с просьбой о разводе их с мужьями в надежде на то, что после развода их не выселят [15, с. 199].

Помимо указанных выше «спецпереселенцев» в Дагестане была еще небольшая прослойка населения, выражавшая желание переселиться в соседние республики. Из Рутульского района, в котором на одного трудоспособного приходилось 0,35 га пашни, 25 хозяйств переселились в Кахский район и 51 хозяйство в Закатальский район Азербайджанской ССР. Из Тляратинского района около 400 хозяйств построили себе дома и надворные постройки в Кварельском

районе Грузинской ССР, куда они переселились без согласия местных органов власти [14, с. 334]. Однако местные властные структуры не принимали их на учет, что создавало определенные трудности.

После согласования Дагестаном мероприятий по переселению горцев с руководством этих республик, Союзное правительство поддержало эти предложения. 3 октября 1940 г. оно приняло специальное постановление «О переселении колхозных хозяйств Дагестанской АССР в Азербайджанскую и Грузинскую ССР», которым обязало указанные республики принять переселенцев из малоземельных районов Дагестана [16].

Вопросы народонаселения России двух десятилетий после Революции нашли отражение и в переписях 1937 и 1939 гг. Вторая Всесоюзная перепись населения была проведена 6 января 1937 г. Она была однодневной и проводила учет лишь наличного населения. Итоги переписи не удовлетворили правительство. Возникли трудности с определением роста численности населения страны, которые не совпадали с предварительным прогнозом Госплана СССР, согласно которому численность населения страны к 1937 г. должна было достигнуть примерно 180,7 млн человек [17, с. 337]. Эти прогнозы не могли оправдаться. Потери среди населения оказались слишком велики: голод 1932/1933 гг., репрессии, переселение раскулаченных. Стройки пятилеток не располагали условиями труда и быта, способствующими созданию семей.

Данные переписи вскоре после подведения итогов были объявлены дефектными, ни одна цифра не была опубликована, а многие организаторы переписи были подвергнуты репрессиям. Между тем, данные переписи необходимы для изучения населения страны в 1930-е гг., его численности, национального состава, для исследования демографических процессов, для определения людских потерь вследствие социальных потрясений и войн, в том числе для исчисления потерь советского народа в Великой Отечественной войне.

Общая численность населения по переписи 1937 г. составила 162 млн человек, включая контингенты РККА и НКВД. По сравнению с 1926 г. она увеличилась на 15 млн человек, или в среднем на 1% в год [17, с. 33]. При этом динамика роста населения в различных республиках, районах и областях страны была далеко не одинакова. Национальные республики и области, в том числе Дагестан, отличались большим приростом населения, как за счет естественного прироста, так и за счет притока извне. Численность всего населения республики по переписи составила 1009884 человек, из них сельского – 830213. Прирост к переписи 1926 г. селян составил 117,8% [17, с. 40].

При анализе возрастно-половой структуры населения страны по итогам переписи наблюдаются диспропорции в соотношении полов. Если в 1926 г., когда еще сильно ощущались последствия Первой мировой и Гражданской войн, дисбаланс полов измерялся цифрой в 5 млн в пользу женщин, которые составляли 51,7% всего населения, то в 1937 г. нарушение соотношения полов было куда более резким. Мужчин было меньше, чем женщин уже на 8,5

млн, женщины составляли 52,7% [17, с. 63]. Все это стало следствием потери населения от голода, насильственного переселения раскулаченных и усиливающих репрессий. Это воздействие вместе с демографическим эхом войн первой четверти века наложило отпечаток на соотношение полов почти во всех возрастных группах.

В Дагестане картина полового состава населения выглядела немного иначе. Как уже отмечалось, доля женщин в общем составе населения республики в 1926 г. после войны возросла и составила 51,4%. В 1939 г. женщин в общем составе населения республики насчитывалось уже 51,2% [6, с. 82].

Результаты изменений, произошедших в 1926–1939 гг. в численности и этнической структуре населения республики, нашли отражение в материалах переписи населения 1939 г. Сведения о численности постоянного населения по городу и сельской местности приводятся в архивных материалах Статистического управления Дагестанской АССР. Так, численность всего населения республики составляла 1084653 человек, из них в городах проживали 154126, в селах – 930527 человек⁷ (см. табл. 3).

В переписи 1939 г., разработка материалов которой производилась в центре, многие дагестанские народности были объединены по признаку языкового родства в группы под общим наименованием «горцы Дагестана». Переписчикам было трудно разобраться в невероятно сложной мозаике наименований горских народностей, и поэтому объединение казалось им неизбежным.

В переписи населения 1926 г., материалы которой разрабатывались на местах, наоборот, регистрировались все те названия, которыми именовали себя опрашиваемые. Таким образом, интересный момент особой дробности национального состава населения Дагестана в переписи 1939 г. в значительной мере выпал, а общие данные переписи о национальном составе населения получились несравнимыми с переписью 1926 г.

Организаторы переписи 1939 г. несколько по-иному, сравнительно с переписью 1926 г., подошли к учету малочисленных народов страны. В группе «народности Дагестана» в материалах переписи названы лишь 6 крупных по численности народов республики: авары (аварцы), даргинцы, кумыки, лезгины, лаки (лакцы) и табасаранцы. Остальные сравнительно малочисленные народы были отнесены к другим народностям Дагестана. Резкое уменьшение числа народов, которое зафиксировано в итогах переписи 1939 г. (где отсутствуют сведения о 19 национальностях Дагестана), следует объяснить также стремлением руководителей республики искусственно ускорить стихийные процессы консолидации, фактически – ассимиляции.

7 Сведения о численности постоянного населения по ДАССР // ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 22. Д. 58. Л. 14.

Таблица 3. Численность наличного населения по городам и районам ДАССР по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.⁸

Table 3. De facto population size by cities and regions of the DASSR according to the All-Union Census of 1939.

Наименование городов и районов	Городское население	Сельское население	Всего
А. Города, не входящие в состав района	144057	10069	154126
Б. Районы (всего 34)	196480	734049	930527

Во второе десятилетие советской власти ситуация с механическим приростом сельского населения стала более благоприятной. Однако основным каналом воспроизводства селян оставался естественный прирост, чему способствовало улучшение социально-экономических условий его жизни.

На 1 января 1941 г., т.е. за шесть месяцев до начала войны, в Дагестане (в границах тех лет) проживало 1084653 тыс. человек, из них 930527 тыс. – в сельской местности и 154126 тыс. – в городах⁹. Таким образом, накануне Великой Отечественной войны население республики составляло более миллиона человек. (При этом ещё сохранялось значительное (более чем в 4 раз) преобладание доли сельского населения над городским).

Подводя итоги, следует отметить, что в 1920-е гг. наблюдались низкие темпы прироста селян, которые были обусловлены рядом причин: плохим материальным положением горцев, социальными болезнями, неразвитостью медицинского обслуживания и т.д. Постепенно с улучшением социально-экономических условий жизни наблюдается естественный прирост сельского населения,

1930-е гг. характеризовались определенным механическим приростом сельского населения республики, что объяснялось направлением туда все большего количества лиц интеллектуальных профессий, оттоком из города части рабочих промышленных предприятий, работавших по организованному набору. Вместе с тем основным каналом воспроизводства селян оставался естественный прирост, который не снижался и в последующие годы.

Более точные данные о численности населения Дагестана были получены по материалам Всесоюзных переписей населения 1926, 1937 и 1939 годов, показавшие положительную динамику демографических процессов в дагестанском селе.

⁸ Таблица составлена нами по данным Статуправления ДАССР // ЦГА РД. Р-22. Оп. 22. Д. 68. Л. 3-4.

⁹ Подсчитано автором. ЦГА РД. Ф.р-22. Оп. 23. Д. 1 м. Л. 29.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Вишневский А.Г., Кон И.С. Предисловие // Брачность, рождаемость, семья за три века / Отв. ред. А.Г. Вишневский, и И.С. Кон. М.: Статистика. 1979. 183 с.
2. Историки спорят; Тринадцать бесед / [Под общ. ред. В.С. Лельчука]. М.: Политиздат. 1988. 508 с.
3. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М.: Наука. 1986. 270 с.
4. Черкашина В.Н., Макаренко М.Ю. Южнороссийская семья в конце XIX-первой четверти XX века: историко-демографическое исследование // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. №3. С. 51–56.
5. Османов А.И. Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века. Махачкала: Овчинников, 2011. 447 с.
6. Мирзабеков М.Я. Историческая география Дагестана (60-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.). М.: Парнас, 2012. 393 с.
7. Сергеева К.П. Изменения в составе и размещении населения Дагестана с 1897 по 1965 год // Проблемы развития экономики Дагестана: сборник статей. Вып. 5. Махачкала: (Б.и.), 1967. С. 209–229.
8. Дагестан за 50 лет. Стат. сборник. Дагестанское отделение издательства «Статистика». Махачкала, 1967. 105 с.
9. Население России в XX веке. Исторические очерки. [в 3 т]. М.: РОССПЭН, Т.1 1900–1939. 2000. 462 с.
10. Ибрагимов М.-Р.А. Население (этнодемографический обзор) // Народы Дагестана. М.: Наука, 2002. С. 36–50.
11. Современный Дагестан. По материалам Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции ДССР. Махачкала, 1925. 212 с.
12. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М.: «Информатика». 1988. 187 с.
13. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. по ДАССР. Вып.1. Список населенных пунктов. Махачкала: Дагстатуправление, 1927. 138 с.
14. Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. Книга 2. Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов Дагестана. Махачкала: Динэм, 2007. 621 с.
1. Vishnevsky AG, Kon IS. Foreword [Predislovie]. *Marriage, fertility, family for three centuries [Brachnost', rozhdaemost', sem'ja za tri veka]*. Vishnevsky A.G., Kon I.S. (eds.). Moscow: Statistika, 1979.
2. *Historians argue; Thirteen conversations [Istoriki sporjat; Trinadcat' besed]*. Lelchuk V.S. (ed.). Moscow: Politizdat, 1988.
3. Polyakov YuA. *Soviet country after the end of the Civil War: territory and population [Sovetskaja strana posle okonchanija Grazhdanskoj vojny: territorija i naselenie]*. Moscow: Nauka, 1986.
4. Cherkashina VN, Makarenko MYu. South Russian family at the end of the 19th – first quarter of the 20th century: a historical and demographic study [Juzhnorossijskaja sem'ja v konce XIX-pervoj chetverti XX veka: istoriko-demograficheskoe issledovanie]. *Scientific problems of humanitarian research*. 2012, 3: 51–56.
5. Osmanov AI. *The population of Dagestan from ancient times to the end of the XX century [Naselenie Dagestana s drevnejshih vremen do konca XX veka]*. Makhachkala: Ovchinnikov, 2011.
6. Mirzabekov MYa. *Historical geography of Dagestan (60s of the 19th century – 30s of the 20th century) [Istoricheskaja geografija Dagestana (60-e gody XIX v. – 30-e gody XX v.)]*. Moscow: Parnas, 2012.
7. Sergeeva KP. Changes in the composition and distribution of the population of Dagestan from 1897 to 1965. Problems of development of the economy of Dagestan: a collection of articles [Izmenenija v sostave i razmeshhenii naselenija Dagestana s 1897 po 1965 god] *Problemy razvitiya jekonomiki Dagestana: sbornik statej*. Issue 5. Makhachkala. 1967:209–229.
8. *Dagestan in 50 years. Statistical digest*. Statistics Publ. Makhachkala, 1967.
9. *The population of Russia in the 20th century. Historical essays (in 3 vol.) [Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki]*. Moscow: ROSSPEN, Vol. 1. 1900–1939. 2000.
10. Ibragimov M-RA. Population (ethno-demographic review) [Naselenie (jetnodemograficheskij obzor)] *Peoples of Dagestan [Narody Dagestana]*. Moscow: Nauka, 2002:36–50.
11. *Modern Dagestan. According to the materials of the People's Commissariat of the Work-*

15. Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане: сборник документов и материалов. Составитель Какагасанов Г.И. Махачкала: «Зулумханова», 2007. 268 с.

16. Рамазанова Д.Ш. Обреченные на переселение: кварельский вопрос в решениях властей в советский и постсоветский периоды // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общие и гуманитарные науки. 2011. №2. С. 60–69.

17. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом секретно. Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 154 с.

ers' and Peasants' Inspectorate of the DASSR [Sovremennyj Dagestan. Po materialam Narodnogo komissariata raboche-krest'janskoj inspekcii DSSR]. Makhachkala, 1925.

12. Andreev EM, Darsky LE, Kharkova TL. Demographic history of Russia: 1927-1959 [Demograficheskaja istorija Rossii: 1927-1959]. Moscow: Informatics, 1988.

13. Materials of the All-Union population census of 1926 of the DASSR. Issue 1. List of settlements [Materialy Vsesojuznoj perepisi naselenija 1926 g. po DASSR. Vyp.1. Spisok naselennyh punktov]. Makhachkala: Dagstatupravlenie, 1927.

14. Osmanov AI. Dagestan in the XX century: historical experience of regional development. Book 2. Socio-political life and socio-cultural development of the peoples of Dagestan [Dagestan v XX veke: istoricheskij opyt regional'nogo razvitiya. Kniga 2. Obshhestvenno-politicheskaja zhizn' i sociokul'turnoe razvitie narodov Dagestana]. Makhachkala: Dynham, 2007.

15. Collectivization and anti-collective farm actions in Dagestan: a collection of documents and materials [Kollektivizacija i antikolhoznye vystuplenija v Dagestane: sbornik dokumentov i materialov]. Kakagasanov G.I. (comp.). Makhachkala: Zulumkhanova, 2007.

16. Ramazanova DSh. Doomed to resettlement: the Kvareli issue in the decisions of the authorities in the Soviet and post-Soviet periods [Obrechennye na pereselenie: kvarel'skij vopros v reshenijah vlastej v sovetskij i postsovetskij periody]. News of the Dagestan State Pedagogical University. Social and human sciences. 2011, 2: 60-69.

17. Zhiromskaya VB, Kiselev IN, Polyakov YuA. Half a century classified as secret. All-Union census of the population of 1937 [Polveka pod grifom sekretno. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 goda]. Moscow: Nauka, 1996.

Поступила в редакцию 18.01.2022 г.
Принята к публикации 29.06.2022 г.
Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183679-693>

Кальбизаде Эльнур Хашим

к.и.н., заведующий отделом кавказской политики

Институт кавказоведения НАНА, Баку, Азербайджан

kelbizadeh@gmail.com

ПРАГМАТИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА И ОТНОШЕНИЯХ С АРМЕНИЕЙ

Аннотация. Южный Кавказ стал одним из важных направлений внешней политики Ирана после 1991 года. Иран внимательно интересуется процессами, происходящими в регионе, так как связан со странами региона историческими узами, добрососедскими отношениями и общими интересами безопасности. В первые годы после восстановления независимости странами региона аналитики предсказывали, что Иран сможет наладить более тесные связи с Азербайджаном на Южном Кавказе. Такие прогнозы основывались на том, что Исламская Республика Иран является мусульманским государством и предпочтет идеологический подход во внешней политике. Однако вскоре стало ясно, что внешняя политика оппозиции претерпевает трансформацию. Во внешней политике страны проявились элементы перехода от идеализма к прагматизму. Вопреки ожиданиям, отношения Ирана с христианской Арменией стали развиваться активнее, чем с мусульманским Азербайджаном. В статье рассматривается место прагматизма во внешней политике Ирана в контексте отношений с Арменией. В статье делается вывод, что хотя концептуальные основы внешней политики Ирана определяются принципами идеализма, в отношениях с Арменией они носят прагматичный характер. Исследовав политику Ирана на Кавказе с 90-х гг. XX века, можно прийти к выводу, что политика этих лет была во многом не идеологической, а реалистичной и прагматической. Годы объявления независимости кавказскими государствами, в том числе Арменией, совпали с этапом отхода Ирана от идеологического подхода во внешней политике. В этот период новая региональная внешняя политика Ирана, ввиду протекающих геополитических процессов, исходила исключительно из национальных интересов, и распространение революции уже не было абсолютным приоритетом.

Ключевые слова: прагматизм; идеализм; идеологическое государство; Иран; Армения; Южный Кавказ; политика.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183679-693>

Elnur H. Kelbizadeh

Cand. Sci. (History), Head of Department of Caucasus Policy

Institute of Caucasus Studies of ANAS, Baku, Azerbaijan

kelbizadeh@gmail.com

PRAGMATISM IN IRAN'S FOREIGN POLICY AND RELATIONS WITH ARMENIA

Abstract. The South Caucasus region has been one of the key directions of Iran's foreign policy since 1991. Iran is closely interested in the processes that take place in the region, as it has historical ties, neighborly relations and common security interests. In the first years after the countries of the region regained their independence, analysts predicted that Iran would be able to establish closer ties with Azerbaijan in the South Caucasus. Such predictions were based on the fact that the Islamic Republic of Iran is a Muslim state and prefers an ideological approach to foreign policy. However, it soon became clear that Iran's foreign policy is undergoing a transformation. There are elements of the transition from idealism to pragmatism in the country's foreign policy. Contrary to expectations, Iran's relations with Christian Armenia began to develop better than with Muslim Azerbaijan. The article examines the place of pragmatism in the foreign policy of Iran in the context of relations with Armenia. At the same time, it analyzes the effectiveness of the idealist approach in the foreign policy of Armenia, as a secular state. The article suggests that, although the conceptual foundations of Iran's foreign policy are defined by the principles of idealism, they are pragmatic in their relations with Armenia. If we look at the Iran's policy on the Caucasus since the 1990s, we can conclude that this policy was largely realistic and pragmatic, rather than ideological. In fact, the years when the Caucasus states, including Armenia, regained their independence coincided with Iran's withdrawal from an ideological approach to foreign policy. At that time, Iran's new regional foreign policy was based solely on national interests due to the ongoing geopolitical processes, and the expansion of the revolution was no longer a priority.

Keywords: pragmatism; idealism; ideological state; Iran; Armenia; South Caucasus; policy.

Введение

В современную эпоху Иран, играющий роль регионального силового центра, со своеобразными особенностями геополитики на Ближнем Востоке, Кавказе и в Центральной Азии, наряду со своей богатой культурой, устоявшимися государственными традициями, обширной и горной территорией, богатыми природными ресурсами, известен также и своей глубокой исторической памятью во внешней политике. Армения же, являясь одним из его северных соседей, представляет собой небольшую южнокавказскую республику совершенно другой структуры. В отношении обоих государств к религии достаточно различий. Полностью разнятся также системы верования населения. Преобладающее большинство иранского населения принадлежит к шиитскому течению ислама. После Исламской революции 1979 г. политический строй страны регламентируется шиитским духовенством в рамках шиитской системы права. Население Армении исповедует григорианство – особое национальное течение христианства. Иран, превратившийся в идеологическое государство, после Исламской революции 1979 года выдвинул на передний план идеологические принципы и во внешней политике и закрепил это различными официальными законодательными документами. Внешняя политика Ирана в отношении ближневосточных мусульманских стран не имеет достаточно идеологический характер. Какие же принципы преобладают в южнокавказской политике Ирана, в том числе в отношениях с Арменией: идеологический подход или прагматизм? Как налаживаются ирано-армянские отношения, если за основу принимаются идеологические принципы? Если армянская политика Ирана прагматична, что движет этим?

Концепция и методология

В ходе исследования за основу в качестве теоретического подхода принят прагматизм. Как известно, применение прагматического мышления в исследовании международных отношений усилилось, в основном начиная с 90-х гг. XX в. [1, с. 328–330; 2, с. 7–16; 3, с. 23–25]. Подход прагматистов к международным отношениям в целом исходит из фундаментальных принципов философии прагматизма. Для прагматиков эпистемология — вопрос о том, откуда мы знаем — основана на практике, на опыте. Знание есть действие, а качество знания заключается в его последствиях [4]. В этом отношении прагматический подход также и в международных отношениях акцентирует внимание больше не на содержимом идеологий и политических призывов государств, а на практических итогах их внешнеполитических механизмов.

Для ответа на главный вопрос настоящего исследования проведен контентный анализ внешнеполитических концепций, различных документов,

принятых по внешней политике Ираном и Арменией, далее же проведена проверка результатов контентного анализа на практическом уровне межгосударственных отношений.

Основные институты, определяющие внешнюю политику Ирана

Для понимания степени влияния идеологических принципов на внешнюю политику Исламской Республики Иран, определения моментов замены идеалистического подхода прагматическими принципами, необходимо разъяснить механизмы, определяющие и осуществляющие ее внешнюю политику. Известно, что у ИРИ своеобразная система правления. В стране, управляемой через политические и религиозные структуры, религиозно-клерикальные круги преобладают над политическим управлением [5, с. 55]. Самой высокопоставленной личностью страны является Верховный духовный лидер. В статье 5-ой Конституции страны говорится, что *«Во время отсутствия Имама Замана (мир ему)¹ в Исламской Республике Иран главенство над уммой и управление делами общества возлагается на справедливого, набожного, обладающего широким кругозором, смелого и предусмотрительного, имеющего организаторские способности факиха...»* [6].

В статье 57-й же Конституции ИРИ говорится, что государственные органы власти страны (законодательная, исполнительная и судебная власти) находятся под контролем вelayat-e факиха (Верховного Духовного Лидера – Э.К.). Таким образом, вelayat-e факих является заверителем законности других структур в Исламской Республике, последней инстанцией принятия решений [7, с. 1–20].

Верховный духовный лидер, избранный Меджлисом Хубреган, возглавляет Верховный религиозный совет страны, и считается главнокомандующим Вооруженных сил и Корпуса стражей Исламской Революции. Он контролирует органы специальной службы, обладает правом объявлять войну, назначать руководителей судебной системы, руководителей государственного радио и телевидения. Такой механизм контроля над государственным аппаратом и стратегическим сферами обеспечивает Верховному духовному лидеру право основного и решающего голоса в вопросах внешней политики.

Согласно основному закону Ирана, президент, избранный путем прямых общенациональных выборов, обладает меньшим влиянием и полномочиями, чем Верховный духовный лидер.

Несмотря на то, что право назначать главу Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ), отвечающего за фундаментальные принципы иностранных дел и внешней политики страны, принадлежит Президенту, Совет подчиняется Верховному духовному лидеру. Верховный лидер вправе

1 «Сокрывшийся» 12-ый имам шиитского течения ислама, явление которого ожидается его последователями.

накладывать вето на решения, принятые Советом, или предлагать альтернативные варианты. Помимо ВСНБ, в реализации внешней политики Ирана участвуют и другие государственные и силовые структуры.

Парламент, который ратифицирует (или не ратифицирует) международные договоры и соглашения, играет существенную роль во внешней политике. Решения Меджлиса могут быть оспорены Советом стражей Исламской Революции, представленным шестью консервативно настроенными юристами и шестью религиозными деятелями (назначенными Верховным духовным лидером). Совет имеет право накладывать вето на законы и иные решения парламента.

Другой уполномоченный орган – Консультативный совет – играет ведущую роль в спорах между парламентом и Корпусом стражей Исламской Революции. В последние годы полномочия Консультативного совета значительно расширились.

Еще одним из важных органов в этой сфере считается также Корпус стражей Исламской Революции (КСИР). Корпус активно действует в сфере бизнеса, производства и торговли вооружениями, занимается разведкой, кроме того, поддерживает контакты с иностранными структурами, как ливанская «Хезболла» и некоторые шиитские организации в Ираке. Корпусом руководят люди, весьма далекие от либеральных идей, — это религиозные консерваторы, назначенные на свои посты на основании двух главных критериев – личной преданности Верховному лидеру и организаторских способностей. В таких условиях внешняя политика Ирана часто выглядит весьма противоречиво, поскольку ее организаторы периодически не способны прийти к компромиссу [8, с. 169].

Главные принципы внешней политики Ирана и механизмы их реализации

Согласно Конституции Исламской Республики Иран, внешняя политика страны зиждется на четырех основных принципах:

- отрицании всех форм внешнего господства;
- сохранение независимости и территориальной целостности;
- защита прав всех мусульман без принятия союза с гегемонистскими державами;
- поддержание мирных взаимоотношений со всеми невоюющими государствами.

После Исламской революции 1979 года внешняя политика ИРИ характеризовалась в официальной концепции как «ни Восток, ни Запад, только Исламская Республика». Одной из основ внешней политики Ирана является распространение исламо-шиитской идеологии в мире, в частности в мусульманских странах. В одном из заявлений касательно экспорта исламской революции Лидер революции Аятолла Рухолла Хомейни сказал: «Исламская религия

пришла, чтобы объединить, интегрировать все нации, будь то турки, арабы, аджемы, персы, и создать в мире единую общину под названием «Исламская умма». Мусульмане – великая община, поэтому сверхдержавы и их пособники своими уловками пытаются разлучить братьев-мусульман и сделать их врагами» [9, с. 245].

В преамбуле Конституции Ирана экспорт революции определен как основная доктрина государства, основными задачами объявлены обеспечение продолжительности Исламской революции внутри страны и за ее пределами, и поддержка исламского движения в международных отношениях. В преамбуле Основного Закона говорится: «Опираясь на Исламское содержимое Иранской революции, ее направленность, как движения, на победу угнетенных над угнетателями, Конституция создает необходимые условия для обеспечения продолжения революции в стране и за ее пределами. В частности, в развитии международных отношений Конституция стремится заложить основу для образования единой мировой уммы с другими исламскими и народными движениями, способствовать усилению борьбы за спасение угнетенных народов во всем мире» [10].

Такие призывы, разумеется, носят идеологический характер, и, учитывая 43-летний исторический путь Исламской Республики, реализовать их, по крайней мере, в ближайшей и среднесрочной перспективе, невозможно. Так считают и некоторые иранские исследователи, называя ряд поставленных во внешней политике страны целей утопическими. По мнению Абульфазла Бозчеллоуи, ввиду противоречивости характера и утопичности целей, внешнеполитический курс его страны хоть и достигает временных успехов в краткосрочные периоды, однако, в стратегическом плане всегда сталкивается с неудачами [11, с. 20].

Под экспортом исламской революции здесь подразумевается революция, опирающаяся на основные принципы шиитского течения. Иранский автор Кайхан Барзегар пишет, что революция стала поворотной точкой в усилении роли шиитского фактора в регулировании внешней политики Ирана, воодушевила шиитов выразить свою истинную идентичность и познакомить мир со своей сущностью: «Движущей силой новой инициативы Ирана были шиитские группировки, не допускаемые к политике своих стран суннитскими правящими элитами, воспринимающими Исламскую революцию как Шиитскую» [12].

Турецкие исследователи Серкан Тафлыоглы и Хикмет Эрдогду, касаясь вопроса религии во внешней политике Ирана, единогласны в том, что «в действительности, не Иран служит религии, а наоборот, религия – Ирану» [9, с. 268]. Х. Эрдогду в связи с этим пишет: «Социальные и экономические связи, налаженные Ираном с Индией, несмотря на Кашмирский конфликт, с Арменией, несмотря на оккупацию территории Нагорного Карабаха, и с Советским Союзом, несмотря на оккупацию Афганистана, открыто демонстрируют, что внешняя политика Ирана не имеет религиозный характер, а нацелена

на извлечение собственной выгоды» [9, с. 268]. Другой исследователь Барыш Достер отмечает, что на фоне радикальных призывов, идеологического подхода и религиозной окраски внешней политики Ирана, иранская дипломатия прагматична и способна хорошо использовать сложившуюся ситуацию [13, с. 46].

Внешняя политика Ирана: реалисты, идеалисты, прагматики и реформаторы

В период после 1979 г. в вопросах внешней политики в Исламской Республике Иран было 4 теоретических подхода: реалистический, идеологический, прагматический и реформаторский [14, с. 199]. Реалистический курс был взят сразу после революции премьер-министром временного правительства Мехди Базарганом и продолжался до захвата посольства Соединенных Штатов Америки в Тегеране. В этот период национальные интересы были главным приоритетным направлением внешней политики Исламской Республики Иран, тогда как религиозные интересы были относительно второстепенны. Такой подход привел к разногласиям между Базарганом и Рухоллой Хомейни. Правительство Базаргана стремилось уважать международное право и, воздерживаясь от политики вмешательства, улучшать отношения с другими странами, в частности с США. Временное правительство не имело четкой внешнеполитической стратегии, и этот курс не принимал лозунг Рухоллы Хомейни «Ни Восток, ни Запад». Стремясь наладить отношения с США, временное правительство выступило против захвата посольства США студентами иранских университетов, однако поддержка действий студентов Рухоллой Хомейни вынудила правительство Базаргана уйти в отставку.

Первый президент Ирана Абу аль-Хасан Бениссадр также выступал с примирительно-либеральной позицией и был сторонником более мягкой внешней политики. Он стремился установить дружеские отношения с Соединенными Штатами охотнее, чем Мехди Базарган. Такая позиция в отношении США обернулась обвинениями в предательстве революции и стала причиной его бегства из Ирана.

В 1981-1989 гг. во внешней политике преобладал идеологический (религиозный) подход. Его сторонники считали, что внешняя политика должна основываться на принципах ислама и концепции шиизма. Другими словами, приверженцы такого подхода подразумевали подведение всех решений и действий политиков под идеологические ценности. Таким образом, Исламская Республика Иран пыталась игнорировать укоренившиеся правила международной системы и заменить принятые до сих пор закономерности заявленными ИРИ исламскими нормами. Сторонники идеалистического подхода надеялись, что Иран сможет распространить идею исламской революции на соседние страны региона, следствием чего станут аналогичные революции в этих странах. Иначе говоря, сторонники идеологического подхода выступали за

интервенционистский подход к другим странам региона. Именно вследствие этой политики враждебность между Исламской Республикой Иран и странами Персидского залива достигла своего пика. Указанный период фактически ознаменовался как эпоха серьезных политических противостояний (как в двусторонних отношениях, так и в международных организациях) и вооруженных конфликтов между странами региона Персидского залива.

В 80-е гг. XX в. регион Персидского залива в политическом отношении был разделен на два фронта. На одной стороне стоял Иран, а на другой – Ирак, Саудовская Аравия и Кувейт. В этот период лидеры мусульманских стран региона открыто обвинялись в сотрудничестве с Западом, а Иран поддерживал оппозиционные движения в мусульманских странах. В то время, когда хорошие отношения устанавливались больше с организациями, чем с государствами, и главной целью было объявлено «последнее спасение угнетенных мира», Иран находился в проблемных отношениях не только с мусульманскими странами региона, но и с Западом. В частности, обостряло ситуацию заявление о нелегитимности государства Израиль, вынесение религиозных фетв против граждан разных стран. Это стало причиной отзыва некоторыми европейскими странами своих послов и дипломатических представителей из Ирана. Однако руководство Исламской Республики считало, что изоляция полезна и необходима для полной независимости. Иран, изначально противившийся призывам ООН к прекращению восьмилетней ирано-иракской войны, наконец, в августе 1988 г. подписал договор о прекращении огня, который Хомейни сравнил с «питьем яда». Это соглашение можно было рассматривать как один из первых признаков стремления Ирана наладить отношения с международными организациями и государствами. Примерно через год после прекращения огня, в июне 1989 г. скончался Имам Хомейни. Началась новая эпоха во внешней политике Ирана – Али Хаменеи стал верховным лидером, а бывший председатель парламента Али Акбар Хашеми Рафсанджани был избран президентом [15, с. 263].

Таким образом, начался новый этап во внешней политике Ирана – период прагматического внешнеполитического курса, охвативший 1989-1997 гг. Х. Рафсанджани и приверженцы прагматического политического курса хорошо понимали, что экономические условия в поствоенный период обуславливают проведение экономических реформ. Главным условием же для этого принималась адаптация Исламской Республики Иран к международным реалиям. Так, Иран заявил, что будет уважать международные законы и организации. В период 8-летнего президентства Хашеми Рафсанджани внешняя политика Ирана была построена на геополитических интересах, а идеологический подход имел второстепенное значение.

В годы президентства Мохаммада Хатами (1997–2005) произошел переход от прагматизма к более совершенному реформаторскому прагматизму. Хатами провел ряд внутренних реформ. До этого периода были внесены изменения в ряд вопросов, используемых международной системой в качестве рычага давления на Иран, включая такие вопросы как построение гражданского общества,

свобода слова, верховенство закона и плюрализм. Расширение линии диалога и мирного сосуществования с другими странами, повысило авторитет Ирана на международной арене. Хатами выдвинул концепцию «диалога цивилизаций», которая стала действенным фактором во внешней политике [16, с. 61]. Концепция диалога цивилизаций включала в себя новые оценки политики [17, с. 84]. Такие изменения вызвали необходимость новых подходов в Иране, долгие годы проводившем антиглобалистскую политику. Вместе с тем это также встретило определенное сопротивление консервативной прослойки.

После 2005 г. Иран вернулся к идеологическому подходу во внешней политике. Однако, в отличие от 1981-1989 гг. на этом этапе на первом плане стоял не религиозно-идеологический подход, а национально-идеологический подход. В этот период одним из главных направлений внешней политики Исламской Республики Иран стало расширение сотрудничества со слаборазвитыми регионами мира. Особое место среди них занимали Африка и Южная Америка. Внедрение резкого идеологического курса во внешнюю политику вновь ввергло Исламскую Республику Иран в тиски экономических вихрей.

Именно поэтому Хасан Роухани, пришедший к власти в 2013 г., во внешнеполитических вопросах отдавал предпочтение прагматическому курсу. Действующий президент Ирана Ибрагим Раиси является сторонником консервативного подхода. Однако процессы, протекающие в мире, последствия COVID-19, экономические и социальные потрясения вновь поставили во главу угла вопрос эффективности консервативного подхода.

Сторонники всех четырех вышеперечисленных теорий присутствуют во внешней политике Ирана и сегодня. При этом следует отметить, что, несмотря на изменение теоретических подходов и тактических ходов во внешнеполитическом курсе Исламской Республики Иран, стратегические и концептуальные изменения происходят крайне редко. Стратегические и концептуальные основы внешней политики определяет и контролирует Верховный духовный лидер страны, а теоретические подходы и тактические ходы напрямую зависят от позиции президента, а также процессов, протекающих на международной арене.

Идеалистическое государство и несоответствия в практической политике

Опираясь на выдвинутую Исламской Республикой Иран модель революции, можно предположить, что концептуальные основы внешней политики этой страны должны определяться согласно исламским нормам и Священному Корану. В таком случае отношения с мусульманскими странами должны однозначно составлять приоритет. Христианские государства же должны рассматриваться с призмы отношения Священного Корана к «людям Писания». Такой же подход необходимо демонстрировать и в отношении еврейского государства. Страны же, принявшие атеизм своей официальной идеологией, или

в которых доминируют политеистические религии, согласно этой концепции, должны оказаться на самой низкой ступени. Каков в действительности подход четырех вышеперечисленных внешнеполитических теорий к христианским государствам?

Если принять во внимание взгляды приверженцев реалистического и прагматического подхода, на первом плане должны стоять интересы иранского государства, и должна преобладать не какая-либо религиозная концепция, а вопросы адаптации к условиям международной системы. Сторонники такого подхода рассматривают христианские государства, если можно так сказать, как страны, сотрудничество с которыми возможно и необходимо. Учитывая, что для приверженцев религиозно-идеологического подхода основой является идеология шиитского ислама и его экспорт, позиция в отношении христианских государств несколько иная. Христианские государства, открыто и тайно противодействующие распространению ислама (во многих случаях шиитского течения), считаются врагами. Со странами же, не практикующими такую деятельность, определенное сотрудничество возможно.

Исследования показывают, что какими бы идеологическими и религиозными призывами не выделялся Иран, в действительности во внешней политике ему присуща прагматичность и быстрая адаптация к конъюнктуре [13, с. 46]. Несмотря на то, что Исламская Республика Иран, называет Израиль «Малым Сатаной», а Соединенные Штаты Америки, большинство населения которых составляют протестанты, «Великим Сатаной» [18, с. 26], связи с главным представителем ортодоксального христианства (православия) в современном мире – с Российской Федерацией у Ирана на самом высоком уровне. Политические круги обеих стран продолжают демонстрировать заинтересованность в развитии двусторонних отношений и подтверждать общие геополитические интересы [19, с. 43]. Отношения Исламской Республики Иран с Россией, безусловно, влияют на ее отношения с Арменией. Так, немаловажно влияние России в оказании значительной помощи Армении со стороны Исламской Республики. Примечательно, что отношения Ирана с мусульманской Саудовской Аравией сравнительно слабее, чем с Китаем, поддерживающимся атеизма на государственном уровне.

Прагматизм и Армения в южнокавказской политике Ирана

Во внешней политике Ирана Кавказ был определен как понятие «безопасность». Одной из главных причин формирования интересов Ирана на Кавказе является роль, которую Кавказ сыграл в истории Ирана. Самой большой угрозой в регионе, которая беспокоит определенные круги Ирана, является усиление тюркского присутствия и помимо независимости Азербайджанской Республики, расширение ее связей с тюркским миром. Исследования подтверждают,

что армянская диаспора в этой стране пытается оказать серьезное влияние на формирование политики Исламской Республики Иран на Кавказе. На современном этапе цели внешней политики Ирана на Кавказе можно обобщить следующим образом:

- обеспечение безопасности границ;
- защита территориальной целостности;
- предотвращение угроз национальному единству и внутренней стабильности;
- достижение развития экономических связей со странами региона.

Исследуя политику Ирана на Кавказе с 90-х гг. XX в., можно прийти к выводу, что политика этих лет была во многом не идеологической, а реалистичной и прагматической. Годы объявления независимости кавказскими государствами, в том числе Арменией, совпали с этапом отхода Ирана от идеологического подхода во внешней политике. В этот период, новая региональная внешняя политика Ирана, ввиду протекающих геополитических процессов, исходила исключительно из национальных интересов, и распространение революции уже не было абсолютным приоритетом. Советник одного из бывших президентов Армении Жирайр Липаритян, оценивая региональную внешнюю политику Ирана, говорил: *«Азербайджан и Турция ожидали, что Иран, преобладающее большинство населения которого составляют мусульмане и шииты, поддержит Азербайджан. При этом Иран действовал исходя из своих региональных интересов»* [20].

Единственным христианским соседом Ирана является Армения. Изучение в этой связи взглядов на христианские государства во внешнеполитической концепции Исламской Республики Иран и сравнение взаимоотношений с Арменией позволяет лучше понять характер двусторонних отношений.

Дипломатические связи между Ираном и Арменией были установлены после официального признания Исламской Республикой Иран государственной независимости Республики Армения. 9 февраля 1992 г. в Тегеране между Арменией и Ираном была подписана декларация о создании дипломатических связей [21, с. 127]. В тот же день были заявлены принципы и цели связей между Арменией и Ираном. В апреле 1992 г. было официально открыто иранское посольство в Ереване и в декабре 1992 г. состоялось открытие в Тегеране армянского посольства. Были подписаны свыше 200 документов между двумя странами за 1992-2022 гг.

После распада СССР Исламская Республика Иран во внешнеполитическом курсе начала сближение с Арменией. Иран является важным стратегическим партнером для Армении во внешней политике, в первую очередь для защиты своего положения на международной арене. Существуют политические, экономические факторы и вопрос безопасности, сформировавшие отношения между Республикой Армения и Исламской Республикой Иран. После распада СССР Иран был заинтересован в укреплении своих позиций на Южном Кавказе, Армения, в свою очередь, с целью защиты политического существования в регионе, пыталась получить поддержку Ирана наряду с Россией.

При содействии Ирана Армения использует его порты, железнодорожные и автомагистральные линии как транзит в перевозке своих продуктов, надеется на установление связей с Европой и экспорт ресурсов по линии Армения-Грузия. Предоставляя доступ к морям Армении, Исламская Республика Иран также создает условия для создания отношений Армении со странами Азии, что является очередным фактором для сближения обеих сторон.

Сегодня армянам, проживающим в Иране, предоставляются те же льготы, что и иранским гражданам. Что касается интересов Исламской Республики Иран относительно армянской диаспоры, то надо отметить, что некоторые круги Ирана заинтересованы в их активной деятельности так как здешние армяне имеют торговые связи со странами Запада [22, с. 1084–1088]. Наряду с этим, они сотрудничают со странами Запада в области искусства, культуры, политики, торговли и тем самым создают предпосылки для выхода Ирана на Запад. Иранские армяне как прямо, так и опосредованно влияют на отношения Турции и Ирана. За прошедший период армянская диаспора сыграла важную роль в усилении отношений между двумя государствами в области политики, экономики, культуры и науки.

Анализируя отношения Исламской Республики Иран и Республики Армения за 30 лет, становится очевидным что, если не учитывать некоторые исключения, строгих концептуальных изменений не произошло. Республике Армения нужна Исламская Республика Иран для того заручиться поддержкой мусульманских стран и избавиться от экономических трудностей. Исламская Республика Иран для того, чтобы снять ограничения и санкции западных государств использует Республику Армению и влияние армянского лобби, в то же время расширяет с ней связи для воспрепятствования усилению таких стран, как США и Израиль в Армении.

В 1991–1997 гг. Армения с целью формирования положительного имиджа на международной арене выдвигала на передний план отношения с исламским государством Иран. После приобретения независимости Армения предпринимала попытки установить отношения с Ираном во всех сферах. В итоге было создано плодотворное сотрудничество в сферах энергетики, транспорта, сельского хозяйства, науки, образования, культуры и межрегионального участия. Со времени создания дипломатических связей две страны осуществили ряд программ в разных направлениях. Среди них сооружение в 1996 г. моста через реку Араз, связывающего Армению с Ираном, тепловые электрические станции на переходе Пушкин, которые были сданы в эксплуатацию в 2005 г., строительство автомагистрали Мегри-Шванидзор-Цав-Дараван, завершенное в октябре 2007 г. Открытие первой части газопровода Иран-Армения состоялось в 2007 г. [23, с. 74; 24]. Строительство второй части газопровода завершилось в ноябре 2008 г.

В 1998–2008 гг. геополитические процессы обусловили расширение связей между двумя государствами, отстранение обеих стран от крупномасштабных проектов, осуществляемых в регионе, потребовало выполнения альтернативных

проектов этими государствами, усиление влияния России над Арменией отразились на отношениях Ирана и Армении.

В 2008–2018 гг., в отличие от периодов правления Левона Тер Петросяна и Роберта Кочаряна, отношения не развивались по восходящей линии. В годы правления Сержа Саргсяна самым успешным годом в развитии политических отношений между двумя странами стал 2011 г., 2012 и 2014-е гг. вошли в историю отношений между Республикой Армения и Исламской Республикой Иран как периоды небольших кризисов. Несмотря на все эти перечисленные факторы, в годы правления С. Саргсяна торговый оборот между двумя странами развивался по восходящей линии, был подписан ряд документов о сотрудничестве в области экономики и культуры.

Отношения между двумя государствами после 2018 г., показывает, что пытается представить себя лидером, более поддерживаемым США и европейскими странами, Никол Пашинян изначально выступал с отрицательной и пренебрежительной позицией в отношении Исламской Республики Иран.

Армения и Иран на протяжении многих лет выступают из общих интересов и совместно используют тактические возможности и в отношении Азербайджанской Республики. Отношения между Армянской Республикой и Исламской Республикой Иран развивались в условиях сотрудничества в сферах науки, культуры, спорта, охраны природы, здравоохранения, сельского хозяйства, образования. Армения, находясь в региональной изоляции, получает основную поддержку в научной, гуманитарной, туристической области от Исламской Республики Иран. Несмотря на сложности, связанные с санкциями, направленными на экономику Ирана, а также ввиду интересов Европейского Совета на Южном Кавказе Иран активизирует сотрудничество с Арменией.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы. В первую очередь, становится очевидным, что Иран, будучи теократической республикой по своему государственному устройству, которая с момента своего основания провозгласила государственный строй, основанный на шиитской идеологии ислама, предпочитает в кавказской политике прагматизм. Во внешней политике на южнокавказском направлении все политические силы Ирана (и реалисты, и идеалисты, и прагматики, и реформисты) опираются на принципы прагматизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Adler E. Seizing the middle ground: Constructivism in world politics // *European Journal of International Relations*. 1997. № 3(3). pp. 319-363.
2. Puchala D. J. The pragmatics of international history // *Mershon International Studies Review*. 1995. № 39(1). pp. 1-18.
3. Smith S. Positivism and beyond // *International theory: Positivism and beyond* / Eds. S. Smith, K. Booth, M. Zalewski. –Cambridge, U.K.: Cambridge University Press. 1996. pp. 11–44.
4. Franke U., Hellmann G. American Pragmatism in Foreign Policy Analysis [Internet]. –Oxford Research Encyclopedia of Politics -2022. [дата обращения: 18.01.2022]. Доступ по ссылке: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-356>.
5. Həmidov, S. Yaxın Şərqdə siyasi çevrilişlər və İran // *Strateji təhlil*. 2011. № 3. s. 45-60.
6. Qanun baxımından rəhbərlə tanışlıq [Internet]. –İİR Ali Dini Rəhbərinin İnformasiya Bloku –2010. [дата обращения: 06.12.2021]. Доступ по ссылке: www.leader.ir/az/law.
7. Koç M. İranda devlet yapısı ve temel kurumlar // I. Devrim rehberliği / Ed. M.Koç. Ankara: İRAM. 2017. 20 p.
8. Семедов С.А. Современная геополитическая ситуация на Кавказе. М.: Экон-Информ. 2008. – 236 с.
9. Erdoğan H. Büyük Pers düşüncesinden Zülfikarın yumruğuna İran. İstanbul: İQ Kültür Sanat yayıncılık. 2008. – 815 s.
10. Constitution of IRI [Internet]. –The official site of Islamic Parliament of Iran –2021. [дата обращения: 06.12.2021]. Доступ по ссылке: <https://en.parliran.ir/eng/en/Constitution#preamble>
11. Bozcelloui I. Ə. İran İslam Respublikasının xarici siyasətində ASEAN ölkələrinin yeri: siyasi elmlər üzrə fəlsəfə doktoru dis. avtoreferatı. Bakı, 2012. – 25 s..
12. Barzegar K. The Shia Factor in Iran's Foreign Policy [Internet]. –The site of Institute for Strategic Researches of Iran. –2008. [дата обращения: 01.12.2021]. Доступ по ссылке: www.isrjournals.com/en/iran-foreign-policy/813-the-shia-factor-in-irans-foreign-policy.html.
13. Doster B. Bir Bölgesel Güç Olarak İran'ın Ortadoğu Politikası // Ankara: Ortadoğu Analiz. –Ağustos 2012. № (4) 44. ss. 44-51.
1. Adler E. Seizing the middle ground: Constructivism in world politics. *European Journal of International Relations*. 1997, 3(3): 319-363.
2. Puchala DJ. The pragmatics of international history. *Mershon International Studies Review*. 1995, 39(1): 1-18.
3. Smith S. Positivism and beyond. In Smith S., Booth K., Zalewski M. (eds.). *International theory: Positivism and beyond*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press. 1996: 11-44.
4. Franke U, Hellmann G. American Pragmatism in Foreign Policy Analysis [Online source]. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 2022. Available at: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-356>.
5. Həmidov S. Yaxın Şərqdə siyasi çevrilişlər və İran. *Strateji təhlil*. 2011, 3: 45-60. (In Azerbaijani).
6. Qanun baxımından rəhbərlə tanışlıq [Online source]. İİR Ali Dini Rəhbərinin İnformasiya Bloku. 2010. Available at: www.leader.ir/az/law. (In Azerbaijani).
7. Koç M. İranda devlet yapısı ve temel kurumlar. I. Devrim rehberliği. M.Koç (ed.). Ankara: İRAM, 2017. (In Turkish).
8. Samedov SA. *The current geopolitical situation in the Caucasus [Sovremennaya geopoliticheskaya situatsiya na Kavkaze]*. Moscow: Ekon-inform, 2008.
9. Erdoğan H. *Büyük Pers düşüncesinden Zülfikarın yumruğuna İran*. İstanbul: İQ Kültür Sanat yayıncılık, 2008. (In Turkish).
10. *Constitution of IRI* [Online source]. The official site of Islamic Parliament of Iran, 2021. Available at: <https://en.parliran.ir/eng/en/Constitution#preamble>.
11. Bozcelloui I. Ə. *İran İslam Respublikasının xarici siyasətində ASEAN ölkələrinin yeri: siyasi elmlər üzrə fəlsəfə doktoru dis. avtoreferatı*. Bakı, 2012. (In Azerbaijani).
12. Barzegar K. The Shia Factor in Iran's Foreign Policy [Online source]. *The site of Institute for Strategic Researches of Iran*, 2008. Available at: www.isrjournals.com/en/iran-foreign-policy/813-the-shia-factor-in-irans-foreign-policy.html.
13. Doster B. *Bir Bölgesel Güç Olarak İran'ın Ortadoğu Politikası*. Ankara: Ortadoğu Analiz. Ağustos. 2012, (4)44: 44-51. (In Turkish).

14. Soltani F. Foreign Policy of Iran after Islamic Revolution // *Journal of Politics and Law*, –September 2010. № (3) 2. –pp. 199-206.
15. Keddie N.R. *Modern Iran. Roots and Results of Revolution*. London: Yale University Press, 2006. –408 p.
16. Iran's Foreign Policy From Khatami to Ahmadinejad / Eds. A.Ehteshami, M.Zweiri. -Lebanon: İthaca Press. 2008. – 149 p.
17. Həbibova Z.Z. Mədəniyyətlərarası və sivilizasiyalararası dialoq insan potensialının inkişafı kontekstində: Siyasi elmlər üzrə elmələr doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dis. Bakı, 2017. – 250 s.
18. Hersberg J. The War in Afghanistan and the Iran-Contra Affairs : Missing Links? // *Cold War History*. 2003. Vol. 3. № 3. p. 26.
19. Dunaeva E. Russo-Iranian Political Relations in the First Decade of the Twenty-First Century // *Iranian Studies*. № (46) 3. pp. 443-469.
20. Naimi V. R. An Interview with Jirayr Libaridian: the Roots of Insecurity in Caucasus [Internet]. – Hamshari Diplomatic. – 2003. [дата обращения: 07.11.2021]. Доступ по ссылке: www.hamshahri.net/vejenam/diplo-ma/1382/821 006/page06.htm.
21. Куртов А. Ирано-армянские отношения с точки зрения России [Равабат-е Иран-Эрменистан аз дидгах-е Русија] // Журнал исследования Центральной Азия и Кавказ. 1998. № 22. С. 113–144 (На персидском).
22. Вализаде А., Ализаде III. Армянская Диаспора: возможности и ограничения для Ирана [Диаспорайи Эрмени: форсат-ха вэ тахдидхайе пиш руйи Иран] // Ежеквартальный журнал «Политика». 2015. № 4 (45). С. 1075–1094 (На персидском).
23. Незамабади М. Культурные отношения между Ираном и Арменией: возможности и потенциал [Ревабате фарханги Иран-о Эрменистан:терфитха ва потенсиялха] // Журнал Иранской ассоциации культурных исследований и коммуникации. 2016, № 144. С. 66-87. (На персидском).
24. Галстян А. Политические портреты Армении: Роберт Кочарян: [Internet]. –Yerkramas. -2013, [дата обращения: 01.12.2021]. Доступ по ссылке: URL: www.yerkramas.org/article/51814/politicheskies-portrety-armenii-robert-kocharyan.
14. Soltani F. Foreign Policy of Iran after Islamic Revolution. *Journal of Politics and Law*. 2010, (3)2: 199-206.
15. Keddie NR. *Modern Iran. Roots and Results of Revolution*. London: Yale University Press, 2006.
16. *Iran's Foreign Policy From Khatami to Ahmadinejad*. A. Ehteshami, M. Zweiri (eds.). Lebanon: İthaca Press, 2008.
17. Həbibova Z.Z. *Mədəniyyətlərarası və sivilizasiyalararası dialoq insan potensialının inkişafı kontekstində: Siyasi elmlər üzrə elmələr doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dis*. Bakı, 2017. (In Azerbaijani).
18. Hersberg J. *The War in Afghanistan and the Iran-Contra Affairs: Missing Links? Cold War History*. 2003, 3(3): 26.
19. Dunaeva E. Russo-Iranian Political Relations in the First Decade of the Twenty-First Century. *Iranian Studies*. 46(3): 443-469.
20. Naimi VR. *An Interview with Jirayr Libaridian: the Roots of Insecurity in Caucasus*. Hamshari Diplomatic, 2003. Available from: www.hamshahri.net/vejenam/diplo-ma/1382/821 006/page06.htm.
21. Kurtov A. Iranian-Armenian relations from Russia's point of view [Ravabat-e İran-Ermenistan az didgah-e Rusiya]. *Journal of Central Asia and Caucasus Studies*. 1998, 22: 113-144. (In Persian).
22. Valizadeh A, Alizadeh Sh. Armenian Diaspora: Opportunities and Constraints for Iran [Di-asporyai Ermeni: foursat-ha ve tahdid-haye peş ruyin İran]. *Politics*. 2015, 4(45): 1075–1094. (In Persian).
23. Nezamabadi, M. Cultural relations between Iran and Armenia: opportunities and potential [Revabate farhangi İran-o Ermenistan: terfitha ve potensiyalha]. *Journal of the Iranian Association for Cultural Research and Communication*. 2016, 144: 66-87. (In Persian).
24. Galstyan A. *Political portraits of Armenia: Robert Kocharyan*. *Politicheskies portreti Armenii: Robert Kocaryan* [Online source]. Yerkramas, 2013. Available at: URL: www.yerkramas.org/article/51814/politicheskies-portrety-armenii-robert-kocharyan.

Поступила в редакцию 14.02.2022 г.

Принята к публикации 08.08.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183694-714>



Кирчанов Максим Валерьевич

д.и.н., доцент

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

maksymkyrchanoff@gmail.com

«КАВКАЗСКИЕ» НАРРАТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В ГРУЗИИ

Аннотация. Цель исследования – анализ кавказского измерения в современной грузинской исторической политике памяти. Автор анализирует основные векторы и траектории развития кавказских нарративов в современном мемориальном каноне Грузии. Новизна исследования состоит в анализе практик и стратегий, используемых грузинскими интеллектуалами в рамках функционирования кавказских нарративов как элемента политики памяти. Методологически статья основана на принципах, предложенных в рамках мемориального поворота в современной междисциплинарной историографии. В статье проанализированы: 1) роль политических элит и средств массовой информации в формировании кавказских нарративов в политике памяти, 2) особенности перформативного поворота в исторической политике, 3) абхазские и осетинские нарративы как компоненты кавказской политики памяти в современной Грузии. В статье показан как консолидирующий, так и конфликтогенный потенциал кавказского измерения в грузинской исторической политике. Предполагается, что кавказские нарративы в современном мемориальном каноне имеют преимущественно символическое значение для решения внутренних политических задач, так как реальное влияние Грузии в регионе минимизировано внешними факторами. Результаты исследования позволяют предположить, что кавказские нарративы в грузинской политике памяти стали элементом идеологической легитимации элит и концепта особой роли Грузии на Кавказе.

Ключевые слова: Грузия, историческая политика; политика памяти; кавказские нарративы; осетинские нарративы; абхазские нарративы; мемориальный канон; войны памяти.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183694-714>



Maksym W. Kyrchanoff

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Voronezh State University, Voronezh, Russia

maksymkyrchanoff@gmail.com

“CAUCASIAN” NARRATIVES OF MODERN POLITICS OF MEMORY IN GEORGIA

Abstract. The purpose of this study is to analyze the Caucasian dimension in the modern Georgian historical politics of memory. The author analyzes the main vectors and trajectories of the development of Caucasian narratives in the modern memorial canon of Georgia. The novelty of the study lies in the analysis of the practices and strategies used by Georgian intellectuals within the framework of the functioning of Caucasian narratives in the modern memorial canon of Georgia as an element of the politics of memory. Methodologically, the article is based on the principles proposed in the framework of the memorial turn in modern interdisciplinary historiography. The article analyzes: 1) the role of political elites and the media in the formation of Caucasian narratives in the politics of memory, 2) features of the performative turn in historical politics, 3) Abkhazian and Ossetian narratives as components of the Caucasian politics of memory in modern Georgia. The article shows both the consolidating and conflict potential of the Caucasian dimension in Georgian historical politics. It is assumed that the Caucasian narratives in the modern memorial canon are predominantly symbolic for solving internal political problems, since the real influence of Georgia in the region is minimized by external factors. The results of the study suggest that the Caucasian narratives in the Georgian politics of memory have become an element of the ideological legitimation of the elites and the promotion of the concept of Georgia's special role in the Caucasus.

Keywords: Georgia; historical politics; politics of memory; Caucasian narratives; Ossetian narratives; Abkhazian narratives; memorial canon; wars of memory.

Введение

На современном этапе большинство существующих в мире государств проявляют значительную активность в сфере контроля над исторической памятью своих обществ. Комплекс мер, практик и стратегий, используемых правящими элитами в этом направлении, в историографии обозначается как историческая политика или политика памяти.

Впервые элементы исторической политики, как политически и идеологически выверенной «проработки прошлого» в общественном дискурсе, проявились в ФРГ в середине 1980-х гг. В 1990-е гг. к ресурсам исторической политики обратились страны Центральной и Восточной Европы, где политика памяти привела к созданию специализированных институтов, призванных профессионально заниматься ревизией истории и по ее результатам формировать новые мемориальные каноны, транслируя и институционализируя их при помощи средств массовой информации, что, в отличие от германского случая, вытеснило профессиональные исторические сообщества на второстепенные роли. В 2000–2010-е гг. политика памяти постепенно вошла в число методов, используемых политическими элитами государств постсоветского пространства.

Одной из бывших советских республик, элиты которой предприняли шаги, направленные на выработку собственной версии исторической политики, стала Грузия. Грузинская политика памяти несет в себе все «родовые травмы» этого явления современной интеллектуальной жизни стран Центральной и Восточной Европы. В Грузии созданы специализированные институты (Музей советской оккупации), разного рода общественные фонды, которые при помощи ревизии более ранних версий истории, деконструкции советского наследия формируют новый мемориальный канон, основанный, как и в случае с центральноевропейскими государствами, на последовательной критике коммунизма, что сочетается с попытками утверждения новой версии памяти, в основе которой оказываются либеральные идеи и ценности открытого общества.

В этом контексте грузинская политика памяти актуализирует свои, вероятно, наиболее яркие характеристики. Во-первых, историческая политика тесно смыкается с грузинским национализмом, фактически став еще одним пространством воспроизводства националистических мифологем Великой Грузии, утраченных государственностей, потерянных территорий и постоянного наличия внешней угрозы. Во-вторых, на современном этапе грузинское националистическое воображение не существует только и исключительно в рамках дискурса, воспроизводимого различными поколениями националистов. В-третьих, современный национализм мимикрирует под либеральный дискурс, активно используя концепты «свобода» и «нация» для продвижения националистического воображения не в гражданской, но в этнической форме. Поэтому грузинская историческая политика обладает и значительными

национальными особенностями, важнейшим из которых является участие как политического, так и этнического националистического воображения в попытках формирования нового «мемориального канона».

Методология, историография и особенности источникового корпуса

В плане методологии изучения современной политики памяти в историографии представлены два подхода. Первое направление представлено традиционными нарративно-дискурсивными исследованиями [1]. В рамках такого подхода историческая политика воспринимается как совокупность нарративов, предлагаемых интеллектуалами, вовлечёнными в идеологически и политически мотивированные интерпретации истории. Нарративные стратегии формирования памяти универсальны, так как большинство участников исторической политики конструирует свои представления о прошлом в рамках нарративных пространств [2], представленных широким числом текстов – от школьных учебников [3] до публикаций СМИ, предназначенных для массового читателя как основного потребителя и носителя памяти [4]. В количественном отношении подобные штудии составляют основу современной историографии исторической политики.

В центре второго направления изучения политики памяти ее интерпретации через призму визуального поворота [5]. В рамках этого направления историческая политика воспринимается как совокупность стратегий, реализуемых массовой культурой [6]. Поэтому в качестве основных пространств бытования и функционирования культуры памяти позиционируется кинематограф [7], который ассимилирует различные социальные, политические и исторические памяти [8]. Подобная модель анализа исторической политики позволяет избегать крайностей нарративного подхода и сведения памяти до одного из случаев дискурса. Вместе с тем она чревата редукцией мемориальных культур до визуальных проявлений современного общества потребления.

Поэтому представленная статья в теоретическом плане представляет собой попытку избежать крайностей двух существующих в современной историографии подходов. Методологически представленная статья основана на тех принципах, которые в 2000–2010-е гг. были выработаны в международной и российской историографии в рамках мемориального поворота [9], который актуализировал рост исследовательского интереса к культурам исторической и социальной памяти [10], что привело к изучению как роли интеллектуальных сообществ в историческом воображении, конструировании образов прошлого [11], так и к анализу механизмов действия коллективной амнезии или искусственной актуализации одних моментов в национальной исторической памяти в ущерб другим. Кроме этого, с точки зрения методологии, данная статья

может быть отнесена к интеллектуальной истории или истории идей, так как современная политика памяти немыслима без непосредственного или опосредованного участия в ней представителей академических сообществ, вовлеченных в процессы ревизии истории, деконструкции доминировавших ранее представлений о прошлом и их замене новой версией исторической памяти, оформленной в виде идеологически и политически санкционированного элитами нового «мемориального канона».

Вместе с тем в плане методологии статья не может быть отнесена к исследованиям, следующим в русле «классических» теорий памяти, представленных текстами М. Хольбакса [12], П. Нора [13] и А. Ассманн [14]. Рассматривая «кавказское» в исторической памяти Грузии, автор не считает возможным определять его как один из «*points de repère*» в терминологии М. Хольбакса в силу того, что анализируемые нарративы санкционированы не социально, но преимущественно мотивированы идеологически. Автор, анализируя кавказские нарративы в современной грузинской мемориальной культуре, не относит их к числу «*lieux de mémoire*» в терминологии П. Нора, так как последние соотносятся с наследием, представленным памятниками, праздниками, торжествами и даже событиями, символически важными для той или иной идентичности. «Кавказское» в интерпретации автора статьи в современной грузинской политике памяти лишено той символичности и сакральности, которой «места памяти» наделяет П. Нора, так как его присутствие в политическом дискурсе носит преимущественно прикладной характер, будучи связанным с актуализацией интересов элит. В анализе кавказских нарративов грузинской памяти автор не следует за концепцией, предложенной А. Ассманн, так как стратегии развития коллективной мемориальной культуры Грузии не соотносятся с фактически идеальными моделями, описанными немецкой исследовательницей и, поэтому основаны не на диалоге и примирении, а на постоянной актуализации памяти как травматического опыта.

В современной междисциплинарной историографии, сложившейся в результате мемориального поворота и ревизии ранее доминировавших представлений, историки несколько иначе расставили исследовательские акценты. Поэтому критическое восприятие классической историографии памяти является проявлением исторического ревизионизма, если мы под ним понимаем принятие ревизии в исторических исследованиях как «жизненной основы исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться... Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении... без историков-ревизионистов, которые проводили исследования новых источников и задавали новые и острые вопросы, мы бы так и погрязли в тех или иных стереотипах» [15]. Поэтому без ревизии концептов «памяти» ее изучение было бы основано на воспроизводстве анализа нарративных стратегий конструирования коллективной идентичности, исключив перемены в историографии.

Эти историографические новации выразились в том, что наряду с нарративно-дискурсивными практиками интеллектуалов, направленными на формирование представлений о прошлом, важным объектом изучения оказалась мнемоническая культура, представленная коллективной памятью. Поэтому, с одной стороны, сложился новый тип историографической культуры, в рамках которой понятия «историческая политика» и «политика памяти» фактически используются как синонимы, а дефиниции «культуры памяти», «мемориальная культура» и «мемориальный канон» фактически описывают частные (национальные) случаи манипуляции с историей в политических целях. С другой, в современной историографии не представляется возможным отказаться при анализе исторической политики от концепта «нарратив», понимаемым автором статьи в рамках того восприятия, предложенного в исследованиях современного американского исследователя Дж. Верча [16]. В целом, соглашаясь с возможностью применения и сравнительного анализа нарративов для изучения различных форм национальных памятей, автор полагает, что на актуальном этапе не только стратегии нарративизации начинают играть второстепенную роль в сравнении с визуальными формами актуализации памяти [17].

Если проблемы исторической политики в целом и ее отдельные национальные формы в Восточной и Центральной Европе получили определенное изучение в российской историографии [18], то вопросы политики памяти в современной Грузии [19] и на Кавказе относятся к числу тем изученных незначительно [20], чему способствует как языковой барьер, недоступность большинства оригинальных источников историкам в России, так и определенная периферийность грузинской версии «проработки прошлого» в сравнении с аналогичными европейскими сюжетами, которые чаще оказываются в сфере внимания отечественных историков. В целом, «кавказское» [21] в исследованиях политики памяти в Грузии [22] пребывает в тени других аспектов [23] грузинской исторической политики, которые в современной историографии изучаются в большей степени [24].

В современной российской историографии понятие «историческая политика» иногда может неверно соотноситься с академической историографией, что существенно влияет на субъективный выбор источников в каждом отдельном случае изучения политики памяти. Анализируя политику памяти в современном грузинском контексте в рамках кавказских нарративов, автор исходит из того, что историческая политика и историография не могут быть тождественными понятиями. Тексты, формирующие историографию представленной статьи, могут быть локализованы в рамках академического дискурса, будучи исключенными из политики памяти, так как последняя представляет собой продвижение идеологически мотивированного представления о прошлом. Источниковый корпус, наоборот, представлен неакадемическими текстами, ограниченными в данном случае публикациями «ზარდი თავისუფლება», грузинской версии

«Радио Свобода», которые отражают основные особенности манипуляции с историей в политических целях. Специфика историографического и источникового корпуса статьи еще раз подчеркивает принципиальное отличие и отсутствие идентичности между исторической политикой и академической историографией.

Цель, задачи, хронологические рамки статьи

В центре авторского внимания будут проблемы политики памяти в Грузии, ограниченные в представленной статье кавказскими нарративами в историческом и политическом воображении интеллектуалов и элит, которые фактически оказались участниками «войн памяти» – культурного и историографического конфликта с национальными историографиями России в целом и северокавказских республик в частности.

Грузинская, российская и национальные историографические традиции республик РФ Северного Кавказа различно воспринимают «кавказское», ассимилируя его в собственных историографических культурах и адаптируя под конкретные идеологические задачи. Если в российской историографии «кавказское» редуцируется до истории имперского строительства, в национальных регионах – до российского завоевания и сопротивления ему, то в грузинском случае «кавказские» нарративы в одинаковой степени призваны актуализировать опасность, исходящую от «имперской» России, так и визуализировать виктимизацию народов, ею завоеванных.

Поэтому целью статьи является анализ функционирования «кавказских» нарративов и образов в современной грузинской политике памяти, а задачами – изучение стратегий, при помощи которых формируются кавказские образы в историческом воображении Грузии и анализ тактик, содействующих их интеграции в современный мемориальный канон. Хронологически статья ограничена функционированием только кавказских нарративов в период президентства С. Зурабишвили (с 2018 г.).

Подобные хронологические и тематические ограничения представленной статьи, сфокусированной только на кавказском пласте актуальной исторической политики Грузии, мотивированы тем, что системообразующие аспекты грузинской политики памяти, включая образы государственной традиции [25], восприятие России и Европы [26], особенности конструирования советской оккупации [27], институциональные формы политики памяти [28], проявления националистического воображения [29], участие интеллектуалов и политических элит [30] в формировании коллективной памяти и трансформации мнемонических пространств [31] неоднократно пребывали в центре авторского внимания в предшествующих публикациях.

**«Традиционная» политика памяти в Грузии:
политические элиты и средства массовой информации в фор-
мировании «кавказского» в «мемориальном каноне»**

Грузинская историческая политика в механизмах своей реализации имеет много общего с аналогичными европейскими явлениями. По мнению политического аналитика Маки Хуцишвили, «в Центральной и Восточной Европе, в странах бывшего коммунистического блока и постсоветских странах политике памяти придается большое значение... что выдвигает на первый план основные элементы коллективной памяти... в коллективной памяти большое значение придается событиям: как положительным, так и отрицательным»¹. Аналогичная логика влияет и на отбор для интеграции в канон памяти событий и в грузинской политике памяти. Среди таких системообразующих компонентов памяти, одновременно положительных и отрицательных, особую роль играют «кавказские» нарративы, которые в зависимости от ситуации могут содействовать как виктимизации, так и глорификации Грузии.

Грузинская историческая политика использует разные стратегии актуализации кавказских нарративов в мемориальном каноне, но в сравнении с другими образами их роль на современном этапе не столь заметна. Джимшер Рехвиашвили, грузинский политический эксперт, комментируя особенности исторической грузинской политики, полагает, что до 2012 г. «правительство Грузии проводило политику памяти, которая была энергичной и во многих случаях чрезмерно радикальной»², но радикализм ограничивался пересмотром коммунистического наследия, декоммунизацией и развитием в общественных пространствах нарратива о «советской оккупация», что в значительной степени маргинализировало «кавказское» в формировании нового мемориального канона. Двумя основными тенденциями привлечения внимания к кавказскому пласту в исторической памяти является нарративизация и визуализация.

Нарративизация исторической памяти, которая нередко сводится к банальным констатациям уникальности кавказской исторической и культурной мозаики³, проявляется в продвижении тех нарративов, актуализирующих «кавказское», которое соотносится с современной политической и идеологической конъюнктурой. Акторы «кавказской» исторической политики в Грузии разнообразны. Несмотря на то, что в XIX–XX вв. «историки внесли весомый вклад в развитие национализма и заложили его моральный и интеллектуальный фундамент в своих странах» [32, р. 60], в начале XXI в. монополия профессиональных историков была подорвана политиками, которых прошлое интересовало

1 ხუციშვილი მ. რატომ არ გვაქვს მეხსიერების პოლიტიკა საბჭოთა ტერორთან მიმართებაში. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://batumelebi.netgazeti.ge/news/317226/>

2 რეხვიშვილი ჯ. რას ნიშნავს სტალინის დაბრუნება საჯარო სივრცეში? Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/31669142.html>

3 ნოზაძე ჰ. კავკასიური მოზაიკა და ყარაბაღის ომის კავშირების როლი ქსელი. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/30895457.html>

почти исключительно в его прикладном и политическом значении в качестве одно из механизмов легитимации их собственной власти.

Среди форматоров современного мемориального канона в грузинской политике памяти в отношении Кавказа особая роль принадлежит президенту страны Саломе Зурабишвили. Например, 16 декабря 2018 г. в своей инаугурационной речи она актуализировала особую роль Сакартвело на Кавказе, подчеркивая, что регион был сферой политических интересов Грузии в прошлом, так как «царь Иракли боролся за развитие и единство страны, создав современную грузинскую армию, заложив основы европейского государства... но планы царя Иракли, связанные с созданием современного государства, установлением новых стандартов, постановкой страны на европейский путь, рухнули. Развитие нашей страны остановилось... Грузии заблокировали создание независимого, единого, сильного государства. Это было связано со многими причинами, в том числе с умыслом противника»⁴. Таким образом, Кавказ в грузинской исторической политике памяти превращается в коллективное «место памяти», которое одновременно актуализирует как особую миссию Грузии, так и ее виктимизацию, что в одинаковой степени важно для современного политически мотивированного использования истории в публичных пространствах.

Вместе с тем, С. Зурабишвили, актуализируя «кавказские» мотивы в современном мемориальном каноне Грузии, не только указывает на то, что «мирный и стабильный Кавказ нужен не только региону, но и всему миру». Этот нарратив связан с попыткой ревизии как сложившейся политической ситуации в регионе, так и восприятия «кавказского» в исторической памяти, так как, по мнению президента Грузии, страна «должна укрепить свои позиции на Кавказе, вернувшись к нашей исторической роли в этом регионе и взяв на себя эту ответственность»⁵. Продвижение именно таких нарративов актуализирует то, что политика памяти в большей степени соотносится с политической борьбой, а достижения историографии используются лишь в той степени, в которой они могут содействовать легитимации правящих элит и их версий исторического прошлого.

Поэтому, вероятно, прав современный грузинский историк З. Андроникашвили, который подчеркивает, что «именно политика памяти определяет, кого помнит государство, а кого нет»⁶. Трансплантируя это допущение в современный кавказский пласт исторической политики, мы вынуждены констатировать, что «кавказское» в актуальном националистическом воображении и, как результат, в национальной памяти не в состоянии конкурировать с другими нарративами, идеологическое и политическое содержание которых более

4 ზურაბიშვილი ს. საინაუგურაციო სიტყვა (სრული ტექსტი). Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/29659012.html>

5 ზურაბიშვილი ს. ჯარის იდეოლოგიური და პოლიტიკური ნიშნით დაყოფა სრულიად მიუღებელია. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/29658990.html>

6 რეხვიაშვილი ჯ. რას ნიშნავს სტალინის დაბრუნება საჯარო სივრცეში? Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/31669142.html>

очевидно, так как они поставлены на реализацию потребностей элит, связанных с консолидацией общества.

В рамках политики памяти, участниками которой становятся лидеры Грузии, «кавказское» прочитывается крайне утилитарно, подчиняясь, например, идее европейской интеграции и толерантности, так как именно с пребыванием Сакартвело в рамках кавказского культурного и политического пространства связывается с тем, что грузины «обязательно войдут в Европу со своими ценностями, идентичностью, культурой. Грузины могут помочь миру древней, богатой, уникальной культурой, основанной на христианстве. Грузинская цивилизация может смело утвердить свое место в мире... Наша идентичность исторически проявляется в толерантности. Традиция мирного сосуществования с людьми разного происхождения и верований сохранялась веками... Мы должны укреплять эту традицию, чтобы подавать пример. Нам необходимо повышать осведомленность о грузинской культуре и самобытности на международной арене»⁷. Продвигая подобные нарративы в рамках политики памяти, элиты, вероятно, полагают, что «современные политические и идеологические сражения могут быть выиграны благодаря подчеркиванию определенных и замалчиванию других моментов истории» [33, р. 531], примером чего являются ритуальные, политически и идеологически мотивированные упоминания прошлого. Таким образом, кавказские нарративы в современной политике памяти подчинены решению нескольких задач, включая не только актуализацию особого места Грузии в контексте Кавказа.

Политические элиты Грузии, вовлеченные в формирование мемориального канона как формы функционирования памяти [34], воспринимают страну как популяризатора своей особой версии кавказской культурной модели, что ставит под сомнение права других государств региона, в первую очередь – России, быть «кавказскими» и экспортировать кавказские образы, которые в рамках грузинской исторической политике воспринимаются как искаженные и авторитарные. После кризиса и падения коммунизма, по мнению украинского историка Я. Грыцака, не только «историки оказались вовлеченными в поиск новых парадигм для написания истории» [35, р. 231], но и политики осознали потенциал исторического воображения для упрочения собственной власти, что, например, в Грузии выразилось в идеологически мотивированных интерпретациях прошлого, включая «кавказские» нарративы. Эта идея «кавказского» в исторической политике Грузии другими интеллектуалами воспринимается в несколько иной перспективе. Например, Корнели Какаchia пытается подвергнуть мемориальный канон ревизии, деконструируя в нем именно «кавказское», как тормозящее политические и экономические изменения, полагая, что «Кавказ – несостоявшийся регион и в реальности у него нет перспективы стать политическим регионом. На этом фоне Грузия в последнее время пытается “убежать” с Кавказа, то есть “убежать” стратегически, а это значит, мы

⁷ ზურაბიშვილი ს. საინფორმაციო სიტყვა (სრული ტექსტი). Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/29659012.html>

пытаемся, по сути, стратегически покончить с постсоветским пространством, а также с Южным Кавказом»⁸.

В этом контексте историческая политика в Грузии одновременно актуализирует ее постколониальную направленность, а также попытки части сторонников радикальной эпистемологии переформатировать память через деконструкцию некоторых ключевых понятий, включая «Кавказ» и «кавказское», унаследованных грузинскими интеллектуалами от российских и советских форматоров пространства, которые вообразили Кавказ в качестве периферийного и фронтирного региона, что существенно влияло на восприятие статуса Грузии, снижая ее историческую роль в регионе и редуцируя до одного из элементов пространства, конструированного извне.

Перформативный поворот в актуализации «кавказского» в грузинской исторической политике

Не менее важными акторами подобной «проработки прошлого» являются в одинаковой степени грузинские средства массовой информации и музеи, которые, став активными участниками исторической политики, вовлечены как в ревизию, так и реинтерпретацию прошлого с целью формирования такого его образа, который в одинаковой степени консолидировал бы общество и удовлетворял запросы элит как заказчика компромиссного «мемориального канона» в частности и исторической памяти в целом. Что касается «кавказского» в политике памяти, то оно представлено относительно широко, присутствуя не только в форме нарративов, но и визуальных образов, так как другие концепции актуализации исторической памяти, например – монументализация⁹, к кавказским нарративам оказались малоприменимы.

Кризис и падение коммунизма «представляло собой дезинтеграцию официальной коллективной памяти и артикуляцию ее многочисленных неофициальных нарративов» [36, р. 180], которые в случае с Грузией актуализировали различные измерения прошлого, включая восприятие «кавказского» как элемента коллективной памяти. Визуализация «кавказского» в мемориальном каноне призвано подчеркнуть его особенности в картвельских культурных и исторических контекстах¹⁰. Формой визуализации «кавказского» в мемориальном каноне Грузии стали попытки умеренной этнографизации моды¹¹, продвижения этнических мотивов в индустриях общества потребления. В этом контексте

8 კაჭკაჭიშვილი თ. საქართველოს რეგიონალური იდენტობა, საფრთხეები და ნატოსა და ევროკავშირის გაცხადებული პოლიტიკა. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/saqartvelos-regionuli-identoba/28977026.html>

9 რეხვიაშვილი ჯ. როგორ ემხოზიან ძეგლები საქართველოში. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/rogor-emkhobian-dzeglebi-sakartveloshi/30667942.html>

10 ქევანიშვილი ე., ბეგიაშვილი თ. საქართველო და კავკასია ადოლფ დირის ფოტოებში. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/31298187.html>

11 ქევანიშვილი ე., კაპანაძე გ., ბეგიაშვილი თ., გოგუა გ. სვანური სამკაულის ახალი სივრცე. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/svanuri-samkauli/28819163.html>

логично предположить, что одной из особенностей политики памяти в Грузии стала ее большая перформативность в сравнении с исторической политикой в Восточной и Центральной Европе. Именно поэтому грузинские участники «проработки прошлого» склонны применять визуальные методы.

В визуализации «кавказского» пласта в политике памяти Грузии активное участие принимают и такие «традиционные» участники «проработки прошлого» как музеи, несмотря на то, что их авторитет в формировании мемориального канона поставлен под сомнение средствами массовой информации. В 2021 г. Литературный Музей выступил в качестве инициатора выставки фотографий Адольфа Дира¹², ставшей фактически попыткой визуализировать исторические формы культурного и этнографического разнообразия Грузии и ее место на Кавказе. Решению аналогичных задач был подчинен и фестиваль «ერთიანი კავკასია» (ertiani k'avk'asia) или «Единый Кавказ», проведенный в 2019 г.¹³. Фестиваль стал еще одной формой «проработки прошлого», направленной на форматирование мемориального канона путем большей визуализации «кавказского» измерения как идеи пребывания Сакартвело в едином культурном пространстве с другими группами региона в грузинской исторической памяти.

В аналогичной логике в Грузии выдержаны и другие публичные акции, призванные актуализировать «кавказское» в исторической памяти, что, например, относится к акциям 2019 г. на территории монастыря Гареджи, которые прошли под лозунгами «გარეჯი საქართველო და კავკასია ჩვენი სახლია» («gareji sakartvelo da k'avk'asia chveni sakhlia»¹⁴), то есть «Гареджи – это Грузия, а Кавказ – наш дом». Подобные публичные акции в рамках политики памяти в современной Грузии направлены на решение политических задач, так как участники мероприятий на территории Гареджи¹⁵ были в большей степени озабочены не визуализацией роли монастыря в грузинском историческом контексте, а интеграцией образов, связанных с монастырем, в националистический дискурс.

По мнению польского историка Р. Трабы, «когда “пишется” коллективная память, она отражает определенную политическую и общественную конъюнктуру, а не только повествует о давно минувших событиях» [37, с. 52]. В случае с грузинской исторической политикой кавказские нарративы не столько отражали события прошлого, сколько реагировали на идеологический запрос политических элит. «Кавказские» нарративы в грузинской политике памяти актуализируются при помощи публичных акций, организаторами которых

12 ქვეანიშვილი ე. კავკასიის გამქრალი მრავალფეროვნება ადოლფ დირის ფოტოებში. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/k'avk'asiis-gamkrali-mravalperovneba-adolp-dirris-pot'oebshi/31290765.html>

13 გელაშვილი ნ. “ეს არის ფესტივალის იდეა, რომ ჩვენ რაღაც სამშვიდობო ღოზუნგები კი არ ვაპრცელოთ სცენიდან, არამედ ეს მოხდეს უმტკივნეულოდ, თავისთავად”. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/elene-babak'ishvili-pest'ivalze-one-caucasus/30109812.html>

14 დავით გარეჯის მოვლენებთან დაკავშირებით პეტიცია გავრცელდა. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/29967285.html>

15 დავით გარეჯის ტერიტორიაზე მიმდინარე აქციის მონაწილეები ჩიხიტურისკენ მსვლელობას ეგმავენ. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/29967021.html>

выступают активисты, вовлеченные в реализацию исторической политики. В марте 2019 г. в Тбилиси перед посольством Исламской Республики Иран прошел митинг, участники которого выступили против утверждения иранских политиков и деятелей культуры, что 200 лет назад Кавказ в целом и Грузия в частности были частью иранского политического пространства. Комментируя «мемориальный» грузино-иранский конфликт 2019 г., Димитри Лорткипанидзе, современный политический эксперт, подчеркивал, что «когда такое заявление делает высокопоставленный деятель, президент теократического государства, это – призыв к собственному народу наступать, так как иранское государство сделает все возможное для содействия экспансии»¹⁶. В этом контексте политика памяти актуализирует подчиненную роль истории в решении политических задач, когда интерпретации фактов прошлого фактически оказываются частью государственного механизма, направленного на продвижение интерпретаций истории, которые в большей степени соотносятся с предпочтениями политических элит.

***«Собственный» Кавказ Сакартвело:
абхазские и осетинские нарративы
между национализмом «компаниями примирения»***

В рамках современной грузинской политики памяти особое внимание уделяется проблемам «собственного» утраченного Кавказа, редуцируемого до Абхазии и Южной Осетии, которые в официальном идеологическом дискурсе определяются как «ოკუპირებული ტერიტორიები» (ok'up'irebuli t'erit'oriebi), т.е. «оккупированные территории». Функционирование именно этих нарративов в современной исторической политике подчинено решению преимущественно политических задач, что содействует инструментализации истории, актуализации ее сервилистских ролей в отношении элит, что существенно влияет на эрозию общей исторической культуры, так как превращает исторические исследования в часть государственного механизма.

Доминирование такого подхода в современной Грузии существенно затрудняет, замедляет или вообще делает невозможной «проработку прошлого» в формах, сопоставимых с послевоенными западноевропейскими интеллектуальными практиками, которые привели к признанию вины и осознанию многосторонней ответственности за формирование нового мемориального канона, который в одинаковой степени учитывал бы нарративы различных участников «мемориальной культуры». Поэтому попытки некоторых интеллектуалов запустить механизм «ბოდიშის კამპანია» («bodishis k'amp'ania»), т.е. «компаний

16 ლორთქიფანიძე დ. ირანის საელჩოსთან საქართველოს დამცირება გავაპროტესტეთ. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/29849722.html>

примирения»¹⁷ в отношении абхазов или осетин остаются маргинальными и неудачными, а дефиниция «გაუცხოებული საზოგადოება» («gautskhoebuli sazogadoeba») или «отчужденное общество»¹⁸ остается одной из системообразующих характеристик отношений между грузинами и их кавказскими соседями.

Подобные «кавказские» нарративы имеют почти исключительно символическое значение для современной грузинской политики памяти, так как, по мнению современного политического комментатора Зураба Бендианишвили, «от Грузии ничего не зависит»¹⁹ на современном Кавказе. Поэтому грузинским интеллектуалам остается только рефлексировать об исторической роли Грузии на Кавказе, что в значительной степени мифологизирует «кавказское» в актуальной грузинской культуре памяти. Поэтому в рамках современного грузинского исторического воображения сформировался особый дискурс, призванный при помощи формирующих его нарративов описывать абхазские и южноосетинские образы.

Пространство современной Южной Осетии в грузинской исторической памяти описывается двумя терминами – «ცხინვალის რეგიონი» (tskhinvalis regioni) или Цхинвальский регион и «სამხრეთ ოსეთი» (samkhret oseti) или «Южная Осетия», хотя в рамках мемориального канона доминирует точка зрения, что «этот термин был придуман непосредственно предателями или врагами Грузии»²⁰. Несмотря на то, что, по мнению немецкой исследовательницы культуры памяти Ю. Шеррер, «сама природа плюралистических обществ предполагает формирование в них различных и даже противоречащих друг другу толкований прошлого» [38], грузинский социум в отношении «кавказских» нарративов, наоборот, не проявил склонности к фрагментации, предпочтя консолидироваться вокруг восприятия «собственного Кавказа» на основе национализма. Образы Южной Осетии и Абхазии занимают стабильное место в современном «мемориальном каноне», став общим местом и политическим ритуалом декларирования территориальной целостности для грузинской исторической памяти, в связи с чем в грузинском информационном дискурсе доминирует восприятие этих кавказских регионов как пространства для «ежедневного плебисцита», так как «ни один грузинский политик не посмеет сказать, что возвращение Абхазии и «Южной Осетии» не имеет смысла, давайте забудем эти территории»²¹, что свидетельствует о значительной степени политизации и идеологизации интерпретаций этих нарративов в исторической памяти Грузии.

17 გვახარია გ. კავკასია - შერიგების სირთულე. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/citeli-zona/27949827.html>

18 ხარაძე ნ. ისტორიის დევნას ახალი შეცდომები არ უნდა მოჰყვებ. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/mekhsierebis-politika-da-gautskhoeba/28118557.html>

19 გელაშვილი ნ. “მტერი თავისი ქმედებებით ცდილობს, რომ საქართველოს მოსახლეობამ მომავლის რწმენა დაკარგოს...”. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/mt'eri-tavisi-kmedebibit-tsdilobs-rom-sakartvelos-mosakhleobam-momavlis-rts'mena-dak'argos-/30378801.html>

20 ნოზაძე მ. რატომ იყენებენ პოლიტიკოსები ტერმინს „სამხრეთ ოსეთი“. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://for.ge/view/25221/ratom-iyeneben-politikosebi-termins-samxreT-oseTi.html>

21 რატომ შეიძლება გადაიქცეს საქართველო დიდ “იუჟნაია ოსეთიად”. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://for.ge/view/31016/ratom-SeiZleba-gadaiqces-saqarTvelo-did-iuJnaia-oseTiad.html>

Подобная точка зрения доминирует, но периодически интеллектуалы пытаются пересмотреть основные ее положения, что, например, в 2021 г. сделал известный грузинский историк Заал Андрионикашвили. По его мнению, «кавказские» нарративы сохранились в исторической памяти, но модель ее функционирования, в рамках которой они заметны, с самого начала развивалась как селективная. Комментируя 30-летие начала конфликта в Южной Осетии, З. Андрионикашвили 5 января 2021 г. подчеркивал, что «в этот день 30 лет назад началась Цхинвальская война. Эта дата исчезла из грузинской исторической памяти. Это неудивительно: существует два основных режима наррации о грузинской истории: героический и военный. Событие, которое не в одну из них не укладывается, обречено на забывание»²². Развивая интерпретацию З. Андрионикашвили, логично предположить, что такая идеологически и политически мотивированная форма амнезии содействует как вытеснению из памяти нации одних событий, стимулируя мифологизацию других.

В рамках современной грузинской политики памяти Южная Осетия и Абхазия воображаются как исторически картвельские регионы, интегрированные в исторические процессы на территории Грузии в целом. Ответственность за обострение межэтнических отношений в рамках современного мемориального канона грузинской идентичности возлагается на Россию. Поэтому участники исторической политики настаивают на том, что «в начале 1990-х годов Российская Федерация использовала подготовленную при советской власти почву, основной методологией которой было разжигание межнациональной розни в созданных Советским Союзом автономных районах Грузии, а также формирование местной сепаратистской элиты»²³. В этом контексте становится заметной сервиллистская функция политики памяти в механизме легитимации стратегии, избранной правящими элитами.

Этноцентричные прочтения «кавказского» в политике памяти и попытки их ревизии

В грузинской политике памяти доминирует восприятие Южной Осетии, основанное на отрицании ее существования в качестве отдельного субъекта истории. Поэтому, грузинские средства массовой информации как активные участники исторической политики, настаивают, что «Южной Осетии в природе не существует... этот этнический термин был чужд крупнейшим кавказоведам»²⁴. Грузинская модель исторической политики функционирует в рамках конфронтационной модели. Именно поэтому такая логика элит вынуждает конструировать «историю и память, прежде всего, как арену политической борьбы с

²² ანდრონიკაშვილი ზ. ცხინვალის ომი - 30 წლის შემდეგ. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/31034619.html>

²³ ოკუპირებული ტერიტორიები. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <http://shidakartli.gov.ge/ge/pages/index/47>

²⁴ ნოზაძე მ. რატომ იყენებენ პოლიტიკოსები ტერმინს „სამხრეთ ოსეთი“. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://for.ge/view/25221/ratom-iyeneben-politikosebi-termins-samxreT-oseTi.html>

внешним и внутренним противником» [39]. В рамках подобной модели исторической памяти доминируют иные географические дефиниции, которые в мемориальном грузинском каноне обозначают регион как «შიდა ქართლი» (shida kartli) или «Шида Картли» и «ჩრდილო ქართლი» (chrdilo kartli) или «Северная Картли». Генезис и утверждение именно такой традиции наименования территорий, соотносимых в рамках официальной точки зрения почти исключительно с картвельским пространством, привел к тому, что в политике памяти «кавказские» нарративы оказались интегрированы в язык вражды.

Именно поэтому в обществе утвердилось представление о том, что «единственный способ справиться с пожеланиями абхазов и осетин – это сила, а не, например, переговоры или референдум»²⁵. В условиях доминирования именно такого восприятия истории этнических групп Кавказа южноосетинские нарративы в современной грузинской исторической памяти [40] активно используются для продвижения образа Грузии как жертвы [41], что виктимизирует грузинскую историю в целом: «существовавший “замороженный конфликт” сменился полномасштабной военной агрессией и оккупацией Российской Федерацией в августе 2008 года.. в результате войны было сожжено и полностью разрушено около пятидесяти грузинских сел в Цхинвальском районе... правительство Грузии потеряло контроль над этими районами, включая Ахалгорский район. До 130 000 человек, в основном этнические грузины, были выселены из своих домов и подвергнуты этническим чисткам»²⁶.

Подобные нарративные стратегии содействуют мифологизации истории. Поэтому представители профессионального исторического сообщества склонны «обвинять общество в инфантилизме, в забвении истории, в то время как отсутствие памяти и неразвитость институтов в совокупности ослабляют государство»²⁷. В такой ситуации мемориальный канон оказывается чрезвычайно ограниченным и неполным, что актуализирует одни моменты исторической памяти, маргинализируя другие. Нарративы насилия и жертвенности прочно укоренились в грузинском мемориальном каноне.

В связи с этим З. Андроникашвили подчеркивает, что не только у грузин, но и их кавказских соседей, абхазов и осетин, «была (и есть) общая интеллектуальная и ценностная база, но они используют эти ценности и аргументы друг против друга. Это – история угнетения меньшинств, но она не изучена даже на уровне устных историй, и никого это не волнует»²⁸. Таким образом, З. Андроникашвили фактически ставит под сомнение доминирующий в современной грузинской исторической политике мемориальный канон, указывая как на

25 ანდრონიკაშვილი ზ. ჩვენ და აფხაზები. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/blog-zaal-andronikashvili-chven-da-apkhazebi/26642248.html>

26 ოკუპირებული ტერიტორიები. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <http://shidakartli.gov.ge/ge/pages/index/47>

27 გელაშვილი ნ. საბჭოთა ოკუპაციის კვლევა არ ჯდება საზოგადოების ტრავმულ ნარატივში. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/davit-jishk'ariani-ok'up'atsiis-ist'oriasa-da-ats'mq'oze/29789250.html>

28 ანდრონიკაშვილი ზ. ცხინვალის ომი - 30 წლის შემდეგ. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <https://www.radiotavisupleba.ge/a/31034619.html>

необходимость, так и на продуктивность его ревизии в направлении фрагментации и признания одновременного сосуществования множественных параллельных исторических памятей.

Выводы

В актуальной грузинской политике памяти логика развития и функционирования «кавказского» подчинена решению идеологических задач, связанных с противостоянием грузинской и российской исторической памяти. Анализируемые образы показывают, что они используются в одинаковой степени для формирования и продвижения образа Грузии как жертвы, а России – угрозы и агрессора. В этой ситуации и примечателен тот политический язык, в который облекаются «кавказские» нарративы. Формально они продвигаются в рамках либерального дискурса, который фактически превратился в сферу доминирования националистического воображения.

Подобная мимикрия национализма под либерализм, с одной стороны, актуализирует значительный адаптивный потенциал националистического воображения, его способность формировать различные версии коллективной памяти, не ограничивая себя традиционными стратегиями воображения собственной идентичности и продвижения образов Другого. С другой стороны, такие интеллектуальные маневры грузинского общества указывают на его второстепенные роли и выполнение преимущественно сервилистских задач, связанных как с обслуживанием, так и с поддержанием возникшего мемориального канона, соотносящегося с идеологической конъюнктурой, потребностями и запросами правящих элит.

«Кавказские» нарративы являются важными символическими составляющими формирования и закрепления «мемориального канона» Грузии, политические элиты которой, утратившие контроль над частью исторически грузинских земель, будучи не в состоянии реинтегрировать их пространственно и территориально в состав грузинской государственности, ограничиваются конструированием «кавказских» нарративов в современные стратегии «проработки прошлого», в рамках которых они редуцируются до общих мест и своеобразных политических ритуалов современной грузинской идентичности.

Таким образом, политика памяти в Грузии в ее актуальных формах нуждается в дальнейшем изучении. Вероятно, представляется необходимыми дальнейшие исследования, направленные на анализ различных форм коллективной памяти, четкое разграничение мемориального пространства, выявление основных акторов исторической политики и их отделение от традиции академической междисциплинарной историографии. Вместе с тем, проблемы интеграции ученых в политику памяти и влияние средств массовой информации на программу академических штудий, а также направления визуализации памяти в рамках общества потребления также нуждаются в дальнейших исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Švaříčková Slabáko R. *Family Memory: Practices, Transmissions and Uses in a Global Perspective*. L. – NY.: Routledge, 2021. 245 p.
2. *Memory Cultures: Memory, Subjectivity and Recognition* / ed. S. Leydesdorff. L. – NY.: Routledge, 2017. 240 p.
3. Radstone S. *Memory, History, Nation: Contested Pasts*. L. – NY.: Routledge, 2017. 282 p.
4. Skultans V. *The Testimony of Lives: narrative and memory in post-soviet Latvia*. L. – NY.: Routledge, 1997. 217 p.
5. Wagner A., Marusek S. *Flags, Color, and the Legal Narrative: Public Memory, Identity, and Critique*. Berlin: Springer, 2021. 745 p.
6. Кирчанов М.В. Фантастический кинематограф как одна из форм локализации военных образов в американской массовой культуре // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 5. С. 77 – 86.
7. Kyrchanoff M.W. Historical grand narratives of the Seven Kingdoms of Westeros: from invention to deconstruction of a traditional Medieval historiography // *Journal of Frontier Studies*. 2018. No 1. P. 17–46.
8. Kyrchanoff M.W. Inventing nostalgia for the “golden age” of the national Middle Ages and fear of the future: nationalism, memory and phobias of medievalism and futurism in Japanese mass culture // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2020. № 4. P. 112–151.
9. Simine S. Memory Boom, Memory Wars and Memory Crises // *Mediating Memory in the Museum: Trauma, Empathy, Nostalgia*. Palgrave Macmillan Memory Studies / ed. S. Simine. L.: Palgrave Macmillan UK, 2013. P. 14 – 19. doi:10.1057/9781137352644_3
10. Шапинская Е.Н. Образы прошлого в культуре постмодернизма: репрезентация или пастиш? // *Культура и искусство*. 2012. № 3. С. 58–63.
11. Шнирельман В.А. Социальная память и образы прошлого // *Новое прошлое / The New Past*. 2016. № 1. С. 100–129.
12. Halbwachs M. *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Félix Alcan, 1925.
13. Nora P. *Rethinking France: Les Lieux de mémoire*. Vol. 4: *Histories and Memories*. Chicago: University of Chicago Press, 2010.
14. Assmann A. *From Collective Violence to a Common Future: Four Models for Dealing with*
1. Švaříčková Slabáko R. *Family Memory: Practices, Transmissions and Uses in a Global Perspective*. L. – NY.: Routledge, 2021. 245 p.
2. *Memory Cultures: Memory, Subjectivity and Recognition* / ed. S. Leydesdorff. L. – NY.: Routledge, 2017. 240 p.
3. Radstone S. *Memory, History, Nation: Contested Pasts*. L. – NY.: Routledge, 2017. 282 p.
4. Skultans V. *The Testimony of Lives: narrative and memory in post-soviet Latvia*. L. – NY.: Routledge, 1997. 217 p.
5. Wagner A., Marusek S. *Flags, Color, and the Legal Narrative: Public Memory, Identity, and Critique*. Berlin: Springer, 2021. 745 p.
6. Kirchanov MV. Fantasticheskiy kinematograf kak odna iz form lokalizatsii voyennykh obrazov v amerikanskoy massovoy kul'ture [SciFi films as the form of localization of military images in American mass culture]. *Gumanitarnyi vektor [Humanitarian vector]*. 2021;16(5): 77-86. (In Russ)
7. Kyrchanoff MW. Historical grand narratives of the Seven Kingdoms of Westeros: from invention to deconstruction of a traditional Medieval historiography. *Journal of Frontier Studies*. 2018;1:17- 46.
8. Kyrchanoff M.W. Inventing nostalgia for the “golden age” of the national Middle Ages and fear of the future: nationalism, memory and phobias of medievalism and futurism in Japanese mass culture. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2020; 4:112-151.
9. Simine S. Memory Boom, Memory Wars and Memory Crises. *Mediating Memory in the Museum: Trauma, Empathy, Nostalgia*. Palgrave Macmillan Memory Studies / ed. S. Simine. L.: Palgrave Macmillan UK, 2013:14 – 19. doi:10.1057/9781137352644_3
10. Shapinskaya EN. Images of the past in the culture of postmodernism: representation or pastiche? [Obrazy proshlogo v kul'ture postmodernizma: reprezentatsiya ili pastish?]. *Kul'tura i iskusstvo [Culture and Art]*. 2012;3:58-63. (In Russ)
11. Shnirel'man V.A. Sotsial'naya pamyat' i obrazy proshlogo [Social memory and images of the past]. *Novoye proshloye / The New Past*. 2016;1:100-129. (In Russ)
12. Halbwachs M. *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Félix Alcan, 1925.

a Traumatic Past // Conflict, Memory Transfers and the Reshaping of Europe / ed. H. Gonçalves da Silva. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 8 – 23.

15. McPherson J. Revisionist Historians // Perspectives on History. 2003. Vol. 41. No 6. P. 1.

16. Верч Дж. Ответы на замечания участников дискуссии по поводу книги «Как нации помнят: нарративный подход» // Историческая экспертиза. 2021. №3(28). С. 90–95.

17. Кирчанов М.В. Когда нации вспоминают: что, где и как. Заметки культурного антрополога на полях книги Джеймса Верча «How Nations Remember: A Narrative Approach» // Историческая экспертиза. 2021. № 3(28). С. 50–63.

18. Семенов И.С. Политика памяти в Европе и европейская политика памяти: нарративы и ориентиры // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2020. № 36. С. 23–31.

19. Кирчанов М.В. «Политика прошлого» в современной Грузии, или как СМИ и публичные политики формируют коллективные представления о прошлом // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 374–395.

20. Кирчанов М.В. Историческая политика в национальных республиках Кавказа: коммеморативные практики как изобретенные традиции // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 1. С. 219–236. DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-219-236

21. Kirchanov M. The Caucasian and the Russian In contemporary Georgian nationalism // Central Asia and the Caucasus. 2013. Vol. 14. No 4. P. 101–109.

22. Кирчанов М.В. «Цхинвальский регион» и «Автономная Республика Абхазия» как «места памяти» и изобретенные традиции в современном грузинском политическом воображении (2018–2019) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. № 3. С. 327–333.

23. Нечаев Д.Н., Леонова О.В. Мемориальная культура и политическая мифология: политика памяти в сфере государственного управления России и государств постсоветского пространства // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 1. С. 12–21.

24. Маркедонов С.М. Праздники и памятные даты постсоветского Закавказья: исто-

13. Nora P. *Rethinking France: Les Lieux de mémoire. Vol. 4: Histories and Memories*. Chicago: University of Chicago Press, 2010.

14. Assmann A. From Collective Violence to a Common Future: Four Models for Dealing with a Traumatic Past. *Conflict, Memory Transfers and the Reshaping of Europe* / ed. H. Gonçalves da Silva. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010:8–23.

15. McPherson J. Revisionist Historians. *Perspectives on History*. 2003; 41(6):1.

16. Wertsch J. Responses to panellists' comments on How Nations Remember: A Narrative Approach [Otveti na zamechaniya uchastnikov diskussii po povodu knigi «Kak natsii pomnyat: narrativnyy podkhod»]. *Istoricheskaya ekspertiza [Historical Expertise]*. 2021; 3:90–95. (In Russ)

17. Kirchanov MV. When nations remember: what, where and how. Notes by a Cultural Anthropologist on the Margins of James Wertsch's How Nations Remember: A Narrative Approach [Kogda natsii vspominayut: chto, gde i kak. Zаметки kul'turnogo antropologa na polyakh knigi Dzheymsa Vercha «How Nations Remember: A Narrative Approach»]. *Istoricheskaya ekspertiza [Historical Expertise]*. 2021; 3:50–63. (In Russ)

18. Semenenko IS. The Politics of Memory in Europe and the European Politics of Memory: Narratives and Landmarks [Politika pamyati v Yevrope i yevropeyskaya politika pamyati: narrativy i oriientiry]. *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy [Diary of the Altai School of Political Studies]*. 2020;36:23–31. (In Russ)

19. Kirchanov MV. “Politics of the past” in modern Georgia, or how the media and public politicians form collective ideas about the past [“Politika proshlogo” v sovremennoy Gruzii, ili kak SMI i publichnyye politiki formiruyut kollektivnyye predstavleniya o proshlom]. *Dialog so vremenem [Dialogue with past]*. 2016;56:374–395. (In Russ)

20. Kirchanov MV. Historical policy in the national republics of the Caucasus: commemorative practices as invented traditions [Istoricheskaya politika v natsional'nykh respublikakh Kavkaza: kommemorativnyye praktiki kak izobretennyye traditsii]. *Elektronnyi zhurnal “Kavkazologiya” [Electronic journal “Caucasus”]*. 2020;1:219–236. DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-219-236

21. Kirchanov M. The Caucasian and the Russian In contemporary Georgian nationalism. *Central Asia and the Caucasus*. 2013;14(4):101–109.

22. Kirchanov MV. “Tskhinvali region” and “Au-

рия и политика // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3. С. 273–285.

25. Кирчанов М.В. Образы Грузинской Демократической Республики в современной идентичности Грузии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 42. С. 90–92.

26. Кирчанов М.В. Концепт «советская оккупация» в современном грузинском национализме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 51. С. 72–75.

27. Kyrchanoff M.W. Caucasian prisoners, or how Georgian intellectuals invent traditions and (re)produce meanings // Journal of Frontier Studies. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 72–114.

28. Кирчанов М.В. Грузинские интеллектуалы: профиль сообщества // Российский журнал исследований национализма. 2020. № 1. С. 58–102.

29. Кирчанов М.В. Дихотомия «Европа – Россия» как изобретенная традиция современного грузинского национализма // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 1. С. 35–54.

30. Кирчанов М.В. Интеллектуальная критика церкви в современной Грузии как конфликт элит // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 1. С. 113–146.

31. Кирчанов М.В. Телесность в стране Руставели: злоключения и путешествия грузинского тела между романтическим картвельским национализмом и потреблением массовой культуры // Corpus Mundi. 2021. Т. 2. № 1 (5). С. 14–67.

32. Smith A.D. Nationalism and the Historians // International Journal of Comparative Sociology. 1992. Vol. 33. No 1–2. P. 60.

33. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 10. No 4.

34. Abashidze Z., Sundua S., Karaia T. National narration and Politics of Memory in post-socialist Georgia // Slovak Journal of Political Sciences. 2017. Vol. 17. No 2. P. 222 – 240.

35. Hrytsak Y. On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine // Ab Imperio. 2004. No 1. P. 231.

tonomous Republic of Abkhazia” as “places of memory” and invented traditions in the modern Georgian political imagination (2018-2019) [“Tskhinval’skiy region” i “Avtonomnaya Respublika Abkhaziya” kak “mesta pamyati” i izobretennyye traditsii v sovremennom gruzinskom politicheskom voobrazhenii (2018-2019)]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya [Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships]. 2020; 4(3):327-333. (In Russ)

23. Nechaev DN., Leonova OV. Memorial Culture and Political Mythology: The Politics of Memory in the Sphere of Public Administration in Russia and the States of the Post-Soviet Space [Memorial’naya kul’tura i politicheskaya mifologiya: politika pamyati v sfere gosudarstvennogo upravleniya Rossii i gosudarstv postsovetского prostranstva]. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya [Bulletin of the Volga Institute of Management]. 2021; 21(1):12-21. (In Russ)

24. Markedonov SM. Holidays and memorable dates of the post-Soviet Transcaucasia: history and politics [Prazdniki i pamyatnyye daty postsovetского Zakavkaz’ya: istoriya i politika]. Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul’ture [Emergency reserve. Debate about politics and culture]. 2015; 3:273-285. (In Russ)

25. Kirchanov MV. Images of the Georgian Democratic Republic in the modern identity of Georgia [Obrazy Gruzinskoй Demokraticheskoй Respubliki v sovremennoy identichnosti Gruzii]. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014; 42: 90-92. (In Russ)

26. Kirchanov MV. The concept of “Soviet occupation” in modern Georgian nationalism [Koncept “sovetskaya okkupatsiya” v sovremennom gruzinskom natsionalizme]. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2015; 51: 72-75. (In Russ)

27. Kyrchanoff MW. Caucasian prisoners, or how Georgian intellectuals invent traditions and (re)produce meanings. Journal of Frontier Studies. 2020; 5(3): 72-114.

28. Kirchanov MV. Georgian Intellectuals: Community Profile [Gruzinskiye intellektualy: profil’ soobshchestva]. Russian Journal of Nationalism Studies. 2020; 1: 58-102.

29. Kirchanov MV. Dichotomy “Europe - Russia” as an invented tradition of modern Georgian

36. Outhwaite W., Ray L. Modernity, Memory and Postcommunism // *Social Theory and Postcommunism*. L. – NY.: Blackwell Publishing Ltd, 2005.

37. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // *Pro et Contra*. 2009. Май – август. С. 52.

38. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 90.

39. Миллер А. Россия: власть и история // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 11.

40. Karaia T. Memory Strategies in Contemporary Georgia // *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*. 2017. No 4. P. 5 – 22.

41. Jonesa S.F., Toria M. Rethinking Memory Sites and Symbolic Realms of Georgian National Identity // *Caucasus Survey*. 2021. Vol. 9. No 3. P. 211–219.

nationalism [Dikhotomiya “Yevropa – Rossiya” kak izobretennaya traditsiya sovremennogo gruzinskogo natsionalizma]. *International Analytics*. 2021; 12(1): 35-54. (In Russ)

30. Kirchanov MV. Intellectual Criticism of the Church in Modern Georgia as a Conflict of Elites [Intellektual’naya kritika tserkvi v sovremennoy Gruzii kak konflikt elit]. *Questions of Elitology*. 2021; 2(1): 113-146. (In Russ)

31. Kirchanov MV. Corporality in the Land of Rustaveli: Misadventures and Journeys of the Georgian Body Between Romantic Kartvelian Nationalism and the Consumption of Mass Culture [Telesnost’ v strane Pustaveli: zloklyucheniya i puteshestviya gruzinskogo tela mezhdru romanticheskim kartvel’skim natsionalizmom i potrebleniyem massovoy kul’tury]. *Corpus Mundi*. 2021; 2(1): 14-67. (In Russ)

32. Smith AD. Nationalism and the Historians. *International Journal of Comparative Sociology*. 1992;33(1 – 2):58-80.

33. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004;10(4):531-560.

34. Abashidze Z., Sundua S., Karaia T. National narration and Politics of Memory in post-socialist Georgia. *Slovak Journal of Political Sciences*. 2017;17(2):222-240.

35. Hrytsak Y. On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine. *Ab Imperio*. 2004;1:229-254.

36. Outhwaite W., Ray L. Modernity, Memory and Postcommunism. *Social Theory and Postcommunism*. L. – NY.: Blackwell Publishing Ltd, 2005:176-197.

37. Traba R. Pol’skiye spory ob istorii v XXI veke [Polish disputes about history in the XXI century]. *Pro et Contra*. 2009;3-4:43-64.

38. Scherrer J. Germaniya i Frantsiya: prоработка proshlogo [Germany and France: working through the past]. *Pro et Contra*. 2009;3-4: 89-108.

39. Miller A. Rossiya: vlast’ i istoriya [Russia: power and history]. *Pro et Contra*. 2009;3-4:6-23.

40. Karaia T. Memory Strategies in Contemporary Georgia. *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*. 2017; 4: 5-22.

41. Jonesa SF., Toria M. Rethinking Memory Sites and Symbolic Realms of Georgian National Identity. *Caucasus Survey*. 2021; 9(3):211-219.

Поступила в редакцию 06.04.2022 г.

Принята к публикации 11.05.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183715-728>

Амирханов Хизри Амирханович
д.и.н., профессор, академик РАН
Институт археологии РАН, Москва, Россия
amirkhanov@rambler.ru

ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ЧОХСКОГО МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ (ПО ДАННЫМ НА 2022 ГОД)

Аннотация. В статье впервые публикуются результаты радиоуглеродного датирования культурных отложений многослойного чохского поселения в Центральном Дагестане (Северный Кавказ; Российская Федерация). Чохское поселение содержит культурные слои неолита и бронзового века. На протяжении многих десятилетий оно остается ключевым памятником для характеристики мезолитической и неолитической культуры обитателей горной части Северо-Восточного Кавказа. До последнего времени представления о возрасте культурных слоев Чохского поселения основывались исключительно на обобщениях и интерпретациях, имеющих отношение к данным относительной археологической хронологии. В последние годы для культурных слоев памятника получено суммарно 23 радиоуглеродных датировки. Из них 15 датировок сделаны в Лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН и Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США) (IGAN); еще 8 – в Киевской радиоуглеродной лаборатории (Ki). Наибольшее количество (16) соотносится с бронзовым веком, две указывают на неолитический возраст и четыре связаны со слоями мезолита. Полученные даты наполняют конкретным содержанием хронологическую схему, которая применялась раньше для памятника и имела смысл больше периодизационный, чем хронологический. Получение радиоуглеродных дат позволит по-новому рассмотреть ряд проблем мезолита и неолита Северо-Восточного Кавказа, конкретизировать их постановку и найти обоснованные решения. Одной из главных в этом смысле будет проблема времени перехода на Северо-Восточном Кавказе от присваивающего к производящему хозяйству. По приводимым в данной работе данным, одомашнивание животных и культивирование злаков в рассматриваемом регионе приходится на время не позднее рубежа 7-6 тысячелетий до н.э. Это хорошо укладывается в общий контекст культурного развития в голоцене всего Восточного Кавказа в целом, включая всю южную часть этого региона.

Ключевые слова: Чохское поселение; мезолит; неолит; бронзовый век; абсолютная хронология; даты C14

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183715-728>



Hizri A. Amirkhanov
Dr. Sci., Prof., Acad. of RAS
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
amirkhanov@rambler.ru

CHRONOLOGY OF CULTURAL DEPOSITS OF THE CHOKH MULTILAYERED SETTLEMENT (ACCORDING TO 2022 DATA)

Abstract. For the first time, we present the results of radiocarbon dating of cultural deposits of the multilayered Chokh settlement of Central Dagestan (North Caucasus, Russian Federation). The Chokh settlement consists of cultural layers of Neolithic and Bronze Ages. For many decades, it has remained a key site for characterizing the Mesolithic and Neolithic culture of the inhabitants of the mountainous part of the North-Eastern Caucasus. Until recently, ideas about the age of the cultural layers of the Chokh settlement were based solely on generalizations and interpretations related to data of relative archaeological chronology. In recent years, a total of 23 radiocarbon dates have been obtained for the cultural layers of the site. Of them, 15 were conducted in the Laboratory of Radiocarbon Dating and Electron Microscopy of the Institute of Geography of RAS and the Center for Applied Isotope Studies at the University of Georgia, USA; another 8 – in the Kiev Radiocarbon Laboratory. Most of them (16) correspond to the Bronze Age, two indicate the Neolithic age and four are associated with the Mesolithic layers. The obtained dates fill the chronological scheme with specific content, which was used earlier for the site and had more periodization than chronological meaning. Obtaining radiocarbon dates will provide a new look on a number of problems of the Mesolithic and Neolithic of the North-Eastern Caucasus, specify their formulation and find reasonable solutions. One of the main problems in this sense will be the time of transition in the North-Eastern Caucasus from an appropriating to a producing economy. According to the data presented in this paper, the domestication of animals and the cultivation of cereals in the region under consideration occurred no later than at the turn of the 7th-6th millennium BC. This fits well into the general context of cultural development in the Holocene of the entire Eastern Caucasus as a whole, including the entire southern part of this region.

Keywords: Chokh settlement; Mesolithic; Neolithic; Bronze Age; absolute chronology; radiocarbon dating.

Введение

Чохское поселение – многослойный памятник, культурные отложения которого заключают в себе слои мезолита, неолита и бронзового века [1]. Первоначально культурная последовательность слоев по версии первого исследователя памятника В.Г. Котовича включала в себя разные стадии верхнего палеолита и мезолита [2]. Наличие в верхних культурных отложениях фрагментов керамики на начальной стадии раскопок (в середине 50-х годов прошлого века) не принималось в расчет. Эти находки рассматривались как следы посещения стоянки людьми, оставившими Чохский могильник бронзового века, расположенный неподалеку отсюда. Считалось, что эта категория вещей относится ко времени, когда формирование культурных слоев завершилось. Если же какие-то из них обнаруживались в верхнем слое археологической стратиграфии, то это рассматривалось как результат нарушений, связанных с современной деятельностью человека и/или активностью роющих животных.

Указанная трактовка была отвергнута автором после ограниченных раскопок, осуществленных на памятнике в 1980 г. Шурф, заложенный на не раскопанной ранее площади памятника, позволил установить, что находки керамики для верхнего культурного слоя так же органичны, как и кремневые изделия. Это подтвердили исследования на относительно большой площади, которые проводились в 1981–1982 годах.

Полевые исследования Чохского поселения возобновились в 2021 г., после перерыва, длившегося сорок лет. Причиной для начала новых работ послужила необходимость в корректировке прежних представлений автора о генезисе культурных отложений памятника. Особенно это касается вопросов тафономии слоев неолита и бронзового веков, а также проблемы прерывистости или непрерывности процесса накопления верхней части литологической толщи памятника. На какие-то из этих вопросов можно было получить ответ, переосмыслив уже имеющиеся факты. Это было отчасти сделано в одной из вышедших недавно публикаций [3]. Другой круг вопросов, в частности, проблема датировок культурных слоев, требовал, как и полвека назад, данных по абсолютному возрасту различных уровней стратиграфической колонки памятника. Существенный пробел, касающийся хронологии Чоха, отчасти позволяют восполнить данные, приводимые в данной работе. Эти материалы получены в Киевской радиоуглеродной лаборатории (руководитель – М.М. Ковалюх) и, надо отметить особо, в Лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН (руководитель – Э.П. Зазовская) в сотрудничестве с Центром прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США).

Материалы и результаты

В 50-е и 60-е годы прошлого века осуществление радиоуглеродной датировки образцов из Чоха, видимо, было трудно осуществимо. Потом образовался продолжительный перерыв в изучении памятника, когда интерес к данной проблематике не проявлялся. И только несколько лет тому назад автором были переданы восемь образцов из Чоха на определение абсолютного возраста в Киевскую радиоуглеродную лабораторию. В качестве материала использованы пять фрагментов разнотипной керамики. Все эти образцы происходят из литологически единого слоя С, который в археологическом отношении состоит из нескольких (не менее четырех) культурных горизонтов неолита и бронзового века. Выделение последних в процессе раскопок в качестве отдельных уровней обитания было затруднено из-за существенной постпозиционной трансформации культурных отложений (смешанность материала) и по причине несовершенства методики полевых исследований в середине прошлого века. В те годы не была распространена практика выделения в единой литологической толще памятников каменного века дифференцированных тонких культурных слоев, фиксируемых с использованием микростратиграфического метода.

Как бы то ни было, первые результаты абсолютного датирования культурных отложений слоя С Чоха, о которых идет речь, выглядели так, как они представлены в приводимой ниже таблице 1.

Таблица 1.

Результаты радиоуглеродного датирования слоя С.

Киевская радиоуглеродная лаборатория

№	Лаб. индекс	Слой	Материал	C ¹⁴ ВР	C ¹⁴ ВС cal
1	Ki-13196	С	Керамика	3820 ± 110	1δ 2460-2130 2δ 2600-1900
2	Ki-13197	С	Керамика	4280 ± 270	1δ 3350-2500 2δ 3700-2100
3	Ki-13198	С	Керамика	3870 ± 120	1δ 2490-2190 2δ 2700-1950
4	Ki-13199	С	Керамика	7200 ± 210	1δ 6250-5800 2δ 6450-5650
5	Ki-13200	С	Керамика	3760 ± 70	1δ 2290-2110 2δ 2410-1950

6	Ki-13035	С	Кость	3720 ± 70	1δ 2210-2020
					2δ 2340-1910
7	Ki-13036	С	Кость	3360 ± 60	1δ 1700-1580
					2δ 1750-1510
8	Ki-13037	С	Кость	4230 ± 60	1δ 2820-2690
					2δ 2930-2620

Даты, полученные в Киевской радиоуглеродной лаборатории, первоначально не могли не вызвать у автора некоторого скепсиса из-за их сильной временной разнесенности. В момент их получения у автора еще не существовало понимания того, что верхи культурных отложений поселения в микростратиграфическом отношении представляют собой образование более сложное, чем состоящее только из двух культурных подразделений – слоя неолита С и горизонта бронзового века С1.

Обобщая совокупность рассматриваемых дат, можно отметить, что они распределяются на группы, тяготеющие, примерно, к рубежу 7–6 тысячелетия до н.э., началу 3 тысячелетия до н.э. и середине – началу 2 тысячелетия до н.э. В самом общем виде даты фиксируют залегание в данном слое артефактов неолитического времени и эпохи бронзы в таком состоянии, когда стратиграфически они не всегда четко дифференцированы. В общем виде этот факт был понятен нам и до получения рассматриваемых датировок. И, если последние хоть в какой-то мере конкретизируют указанную картину, то в том смысле, что обнаруживаемые здесь артефакты неолита могут относиться к одной из полученных дат, которая резко отличается от других значений, относящихся к бронзовому веку. Речь идет о дате Ki-13199 со значениями в калиброванном виде 1δ – 6250–5800 cal до н.э. и 2δ – 6450–5650 cal до н.э. В усредненном виде это будет соответствовать рубежу 7–6 тысячелетия до н.э.

Перейдем далее к радиоуглеродным определениям, осуществленным в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США). Автором было передано руководителю указанного Центра коллективного пользования Э.П. Зазовской 13 образцов кости и костного угля из слоев С, D, E. Помимо этого два образца (IGAN_{AMS} 6313; IGAN_{AMS} 6444) были переданы А.В. Борисовым. В детализованном виде результаты радиоуглеродного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2.
Результаты радиоуглеродного датирования образцов, проведенного в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США)

№	IGANAMS	Слой	Материал	Coll., %	C/N _{at}	δ ¹⁵ N, ‰	δ ¹³ C, ‰	¹⁴ C, BP (1σ)	cal BP, BC
1	8115	C	коллаген	13,14	3,16	4,30	-18,77	3135±20	68.3 (1 sigma) cal BP 3277 - 3280 0.027 3347 - 3387 0.973 95.4 (2 sigma) cal BP 3262 - 3290 0.146 3331 - 3400 0.827 3430 - 3441 0.028 Median Probability: 3365 68.3 (1 sigma) cal BC 1438 - 1398 0.973 1331 - 1328 0.027 95.4 (2 sigma) cal BC 1492 - 1481 0.028 1451 - 1382 0.827 1341 - 1313 0.146 Median Probability: -1416
2	6444	C	коллаген	-	-	-	-	3320±25	68.3 (1 sigma) cal BP 3484-3487 0.041 3493-3533 0.518 3552-3582 0.441 95.4 (2 sigma) cal BP 3476-3614 0.995 3627-3630 0.005 Median Probability BP - 3544
3	8114	C	коллаген	12,78	3,17	4,31	-18,06	3280±20	68.3 (1 sigma) cal BP 3455 - 3493 0.803 3534 - 3549 0.197 95.4 (2 sigma) cal BP 3452 - 3516 0.701 3522 - 3561 0.299 Median Probability: 3487 68.3 (1 sigma) cal BC 1600- 1585 0.197 1544- 1506 0.803 95.4 (2 sigma) cal BC 1612- 1573 0.299 1567- 1503 0.701 Median Probability: -1538

4	8437	C	коллаген	3,66	3,21	7,50	-19,89	3285±20	68.3 (1 sigma) cal BP 3457 - 3493 0.712 3505 - 3508 0.027 3533 - 3550 0.261 95.4 (2 sigma) cal BP 3454 - 3517 0.647 3521 - 3561 0.353 Median Probability: 3495 68.3 (1 sigma) cal BC 1601- 1584 0.261 1559- 1556 0.027 1544- 1508 0.712 95.4 (2 sigma) cal BC 1612- 1572 0.353 1568- 1505 0.647 Median Probability: -1546
5	8440	C	коллаген	3,67	3,00	4,99	-20,95	3290±30	68.3 (1 sigma) cal BP 3464 - 3495 0.455 3503 - 3510 0.081 3525 - 3559 0.465 95.4 (2 sigma) cal BP 3450 - 3571 1.000 Median Probability: 3508 68.3 (1 sigma) cal BC 1610- 1576 0.465 1561- 1554 0.081 1546- 1515 0.455 95.4 (2 sigma) cal BC 1622- 1501 1.000 Median Probability: -1559
6	8439	C	коллаген	3,20	3,01	5,00	-20,01	3300±30	68.3 (1 sigma) cal BP 3469 - 3473 0.061 3480 - 3498 0.238 3500 - 3514 0.171 3523 - 3561 0.531 95.4 (2 sigma) cal BP 3451 - 3575 1.000 Median Probability: 3517 68.3 (1 sigma) cal BC 1612 - 1574 0.531 1565 - 1551 0.171 1549 - 1531 0.238 1524 - 1520 0.061 95.4 (2 sigma) cal BC 1626- 1502 1.000 Median Probability: -1568
7	8116	C	коллаген	6,12	3,12	4,33	-16,44	3310±25	68.3 (1 sigma) cal BP 3486 - 3516 0.409 3522 - 3561 0.591 95.4 (2 sigma) cal BP 3459 - 3572 1.000 Median Probability: 3523 68.3 (1 sigma) cal BC 1612 - 1573 0.591 1567 - 1537 0.409 95.4 (2 sigma) cal BC 1623- 1510 1.000 Median Probability: -1574

8	8436	C	костный уголь	-	-	-	-	3360±20	68.3 (1 sigma) cal BP 3563 - 3594 0.487 3599 - 3636 0.513 95.4 (2 sigma) cal BP 3493 - 3505 0.032 3508 - 3533 0.072 3550 - 3554 0.005 3556 - 3641 0.793 3664 - 3687 0.098 Median Probability: 3596 68.3 (1 sigma) cal BC 1687- 1650 0.513 1645- 1614 0.487 95.4 (2 sigma) cal BC 1738- 1715 0.098 1692- 1607 0.793 1605- 1601 0.005 1584- 1559 0.072 1556- 1544 0.032 Median Probability: -1647
9	8442	D	костный уголь	-	-	-	-	4330±25	68.3 (1 sigma) cal BP 4848 - 4881 0.701 4935 - 4957 0.299 95.4 (2 sigma) cal BP 4845 - 4961 1.000 Median Probability: 4882 68.3 (1 sigma) cal BC 3008- 2986 0.299 2932- 2899 0.701 95.4 (2 sigma) cal BC 3012- 2896 1.000 Median Probability: -2933
10	8111	C	костный уголь	-	-	-	-	7140±50	Median Probability: cal BC - 6013
11	8441	D	коллаген	11,32	3,20	5,25	-19,08	10120±30	68.3 (1 sigma) cal BP 11650 - 11664 0.099 11700 - 11816 0.901 95.4 (2 sigma) cal BP 11407 - 11427 0.015 11502 - 11531 0.035 11544 - 11546 0.001 11606 - 11876 0.948 Median Probability: 11741 68.3 (1 sigma) cal BC 9867- 9751 0.901 9715- 9701 0.099 95.4 (2 sigma) cal BC 9927- 9657 0.948 9597- 9595 0.001 9582- 9553 0.035 9478- 9458 0.015 Median Probability: -9792

12	8112	D	коллаген	9,87	3,21	4,43	-18,63	10410±30	68.3 (1 sigma) cal BP 12107 - 12114 0.022 12175 - 12235 0.296 12252 - 12307 0.280 12323 - 12357 0.163 12375 - 12391 0.061 12437 - 12476 0.178 95.4 (2 sigma) cal BP 12098 - 12407 0.808 12420 - 12485 0.165 12550 - 12583 0.027 Median Probability: 12290 68.3 (1 sigma) cal BC 10527- 10488 0.178 10442- 10426 0.061 10408- 10374 0.163 10358- 10303 0.280 10286- 10226 0.296 10165- 10158 0.022 95.4 (2 sigma) cal BC 10634- 10601 0.027 10536- 10471 0.165 10458- 10149 0.808 Median Probability:-10341
13	8443	E	коллаген	7,03	3,23	5,61	-18,77	10470±30	68.3 (1 sigma) cal BP 12335 - 12341 0.032 12469 - 12494 0.221 12538 - 12606 0.747 95.4 (2 sigma) cal BP 12194 - 12229 0.067 12267 - 12304 0.076 12325 - 12353 0.066 12452 - 12512 0.212 12523 - 12617 0.579 Median Probability: 12546 68.3 (1 sigma) cal BC 10657- 10589 0.747 10545- 10520 0.221 10392- 10386 0.032 95.4 (2 sigma) cal BC 10668- 10574 0.579 10563- 10503 0.212 10404- 10376 0.066 10355- 10318 0.076 10280- 10245 0.067 Median Probability:-10597
14	6313	E	древесный уголь	-	-	-	-	1130±30	68.3 (1 sigma) cal BP 12830-12950 1.000 95.4 (2 sigma) cal BP 12784-13010 1.000 Median Probability: 12893
15	8438	C	коллаген	-	-	-	-	>50 000	

В несколько упрощенном и удобном для восприятия виде данные, содержащиеся в табл. 2, представлены ниже.

Таблица 3 (упрощенная).

Радиоуглеродные даты Чохского поселения.

ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Центр прикладных изотопных исследований Университета Джорджи (США)

№	Лаб. Индекс IGANAM S	Слой	Материал	Дата C 14 BP uncal.	Дата median pro- bability BP cal.	Дата усредненная между 68,3 (1 сигма) и 95,4 (2 сигма). BC cal.
1	8115	C	коллаген	3135±20	3365	1416
2	6444	C	коллаген	3320±25	3544	1522
3	8114	C	коллаген	3280±20	3787	1538
4	8437	C	коллаген	3285±20	3495	1546
5	8440	C	коллаген	3290±30	3508	1559
6	8439	C	коллаген	3300±30	3517	1568
7	8116	C	коллаген	3310±25	3523	1574
8	8436	C	костный уголь	3360±20	3596	1647
9	8442	D	костный уголь	4330±25	4882	2933
10	8111	C	костный уголь	7140±50	7962	6013
11	8441	D	коллаген	10120±30	11741	9792
12	8112	D	коллаген	10410 ±30	12290	10341
13	8443	E	коллаген	10470±30	12546	10597
14	6313	E	древесный уголь	11030 ±30	12893	10872
15	8438	C	коллаген	>50 000	-	-

Обсуждение

Данные, приведенные выше в табличной форме, требуют определенных комментариев. Остановимся вначале на результатах киевской лаборатории. Здесь отмечается, прежде всего, достаточно большой разброс значений дат. Видно также заметное расхождение дат в зависимости от материала, используемого для датирования – кость или керамика. Из данной серии дат близкими к датам ЦКП Института географии РАН (ИГ РАН) оказываются те, которые получены по кости.

Даты, полученные в киевской лаборатории по керамике для материалов бронзового века Чоха, дают следующие значения: $C^{14} 4280 \pm 270 - C^{14} 3760 \pm 70$ или, усредненно, 2272 – 2190 BC. Даты по кости из того же слоя располагаются в пределах $C^{14} 3360 \pm 60 - C^{14} 4230 \pm 60$. В калиброванном виде это соответствует (усредненно) 1642 BC – 2765 BC cal.

В датах, полученных в ЦКБ ИГ РАН, обращает на себя внимание сосредоточение значений, относящихся к бронзовому веку, в более узком хронологическом диапазоне. Последние располагаются в рамках $C^{14} 3135 \pm 20 - C^{14} 3310 \pm 25$, то есть, усредненно, 1416 BC – 1574 BC cal. Примечательно, что эти значения совпадают с датировками Верхнегунибского поселения средней бронзы [4, с. 217]. И не удивительно, было бы странно, если бы во время функционирования названного поселения соседнее с Гунибским Кегерское плато, на котором расположено Чохское поселение, с его благодатными природными условиями, оставалось бы не освоенным людьми.

В целом даты ЦКБ ИГ РАН соответствуют стратиграфической позиции образцов. Необъяснимых инверсий или «отскоков» не отмечается. Интерпретации требуют только две даты. В серии ЦКП ИГ РАН совершенно неожиданной является дата в $>50\ 000$ л.н. (8438 $IGAN_{AMS}$), полученная по зубу лошади, обнаруженному в слое С. Автор был убежден, что эта находка является позднейшей, может быть, даже современной примесью к археологическому содержанию неолитического слоя. Непонятным при этом было отсутствие здесь каких-либо других костей скелета лошади, кроме этого единственного зуба. Объяснением могло бы быть то, что данный предмет является манупортом, т.е. предметом, принесённым на стоянку с какого-нибудь древнего памятника, расположенного по соседству. Памятники такой древности поблизости не известны, хотя возможность их обнаружения в будущем не исключена. Во всяком случае, геологические отложения, соответствующие по возрасту среднему палеолиту, в окрестностях памятника имеются. Существует для них и пока единственная радиоуглеродная дата. Для слоя погребенной почвы, выявленной поблизости от Чохского поселения в обнажении левого борта р. Бакдакули, была получена дата 40195 ± 265 (6314 $IGAN_{AMS}$). Тем не менее, остаются серьезные сомнения в древности находки, о которой идет речь. Основания для сомнений дает и тот факт, что кости лошади обнаружены в слое эпохи бронзы Верхнегунибского поселения, о котором упоминалось выше. И там они тоже представлены единичными разрозненными костями – всего четыре фрагмента костей в слое 1. В слоях 2 и 3 того же поселения кости лошади не обнаружены вовсе.

Второй случай, требующий разъяснения – это явно омоложенная дата $IGANAM\ S\ 8442$ со значением $4330 \pm 25\ C^{14}\ BP\ uncal.$ для мезолитического слоя D. Здесь дата получена по обугленному осколку кости. Такие как этот изолированные фрагменты обожженных костей обнаруживаются обычно в ходах мелких грызунов. Определить подобные ходы и вычленить отдельно их содержимое по литологическому составу бывает трудно и даже невозможно, когда заполнение кротовины и слой, в которой она выполнена, не различаются

между собой. Видимо, из такого хода грызуна и происходил образец, о котором идет речь.

Общим в рассматриваемых группах дат двух лабораторий является то, что в обеих даты делятся на две группы, заметно разнесенные друг от друга по времени. Одна из них – существенно более ранняя, другая – настолько же поздняя. Это видно с большей очевидностью в данных ЦКП ИГ РАН. Это и понятно – вместе с другими здесь представлены материалы мезолитических слоев. В группе же дат киевской лаборатории образцы из мезолитических слоев отсутствуют. Если рассматривать сравнимые в стратиграфическом отношении (т.е., относящиеся к слоям С и С1) материалы, изученные в обеих лабораториях, то и тут будет справедливым вывод о разделении данной совокупности дат по их древности на две группы. Один из самых показательных моментов при этом заключается в том, что в каждой из них имеется по одной дате, практически совпадающих друг с другом по значениям и соответствующих неолитическому времени. Одна из этих дат получена в киевской лаборатории по керамике, а вторая – в лаборатории ЦКП ИГ РАН по кости. Первая, как указано выше, соответствует значению (усредненному по сумме показателей 1δ и 2δ) 6052 BC cal., а вторая в таком же усредненном виде – 6013 BC cal.

Заключение

Для культурных слоев Чохского поселения в настоящее время имеются 23 радиоуглеродные даты. Из них 15 получены в ЦКП «Лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Центра прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США) и 8 – в Киевской радиоуглеродной лаборатории.

Совокупность дат позволяет приблизиться к решению проблем, связанных с абсолютной хронологией и периодизацией мезолита и неолита Северо-Восточного Кавказа. Опираясь на имеющиеся сейчас данные, можно сделать несколько более или менее обоснованных заключений. Во-первых, можно утверждать, что хронологические рамки мезолита на Северо-Восточном Кавказе ограничены снизу поздним Дриасом и сверху – примерно, началом Атлантикума. В абсолютных значениях возраста по данным Чоха этот период занимает время протяженностью более четырех тысячелетий – примерно, со второй трети 11 тысячелетия до н.э. (BC cal) до рубежа 7–6 тысячелетия до н.э. (BC cal).

Если говорить о неолитическом слое С и горизонте бронзового века С1, плохо дифференцируемого на большей части площади памятника в стратиграфическом отношении, то даты здесь распределяются на три хронологические группы. Первая относится к рубежу 7–6 тысячелетий до н.э.; вторая – близка к начальной части 3-го тысячелетия до н.э. и третья связана с серединой 2-го тысячелетия до н.э.

Результаты датирования культурного слоя С показывают, что при исследовании памятника автором была недооценена степень пертурбации этого слоя и интенсивности смешения в нем неолитических артефактов с материалом бронзового века. В свое время автору стоило немалых усилий доказательство принадлежности верхней части культурных отложений Чоха неолиту. Теперь выясняется, что следовало делать не меньший акцент и на материалах бронзового века, тем более, что он выделялся мною в качестве отдельной единицы культурной стратиграфии памятника (гор. С1).

Начало неолита в рассматриваемом регионе отмечено становлением производящего хозяйства, возникновением керамики и техники отжима в первичной обработке кремня. Как отмечено выше, эти кардинальные изменения в культуре происходят на рассматриваемой территории по данным радиоуглеродных дат на рубеже 7–6 тысячелетий до н.э. (BC cal).

Между верхним мезолитическим и залегающим над ним непосредственно неолитическим слоем Чоха присутствует отчетливая культурная непрерывность, устанавливаемая по особенностям типологии и технологии кремневой индустрии. Но при этом хронологическая непрерывность между указанными слоями по имеющимся на сегодня данным не фиксируется.

Очень интересно, что время смены мезолита неолитом (становление производящего хозяйства, появление керамики и всего «неолитического пакета») в Чохе происходит синхронно с аналогичными процессами в восточной части Южного Кавказа. Для подобных сравнений показательна пещера Дамджила в Западном Азербайджане, для мезолитического и неолитического слоев которой имеются серии радиоуглеродных дат [5].

Благодарность. Автор благодарен РНФ за финансовую поддержку данного исследования, осуществлённого в рамках реализации проекта № РНФ № 22-28-00088 «Культура Восточного Кавказа в раннем голоцене: археологический аспект».

Приношу также искреннюю благодарность Э.П. Зазовской – руководителю ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Н.Н. Корнелюху – руководителю Киевской радиоуглеродной лаборатории, осуществившим радиоуглеродное датирование образцов Чоха.

Acknowledgements. The author expresses his deepest gratitude to the Russian Scientific Foundation for the financial support of this research, conducted within the framework of the RSF project № 22-28-00088 “Culture of the East Caucasus in the Early Holocene: Archeological Aspect”.

I would also like to sincerely thank E.P. Zazovskay – head of the Laboratory for Radiocarbon Dating and Electronic Microscopy at the Institute of Geography of RAS, and N.N. Kornelyuh – head of the Kiev Radiocarbon Laboratory, who conducted the carbon dating of Chokh samples.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите Горного Дагестана. М., 1987. 225 с.
2. Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. 225 с.
3. Амирханов Х.А. Формирование, тафonomia и проблема датировки неолитического слоя Чохского поселения: взгляд полвека спустя // История, археология, этнография Кавказа. 2021 г., № 3, с. 638-657.
4. Котович В.М. Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1976, 217 с.
5. Nishiaki Y., Zeynalov A., Akashi Ch., Shimogama K., Guliyev F. The Mesolithic-Neolithic interface in the Southern Caucasus: 2016–2017 excavations at Damjili Cave, West Azerbaijan//Archaeological Research in Asia. Volume 19, September 2019.

REFERENCES

1. Amirkhanov HA. The Chokh settlement. Human and his culture in the Mesolithic and Neolithic of Gorny Dagestan [Chokhskoye poseleniye. Chelovek i yego kul'tura v mezolite i neolite Gornogo Dagestana]. Moscow, 1987.
2. Kotovich VG. Stone Age of Dagestan [Kamennyy vek Dagestana]. Makhachkala, 1964.
3. Amirkhanov KhA. Formation, taphonomy and dating of the Neolithic layer of the Chokh settlement: data revision. History, archeology, ethnography of the Caucasus. 2021, 17(3): 638-657.
4. Kotovich VM. Verkhnegunibskoe settlement [Verkhnegunibskoye poseleniye]. Makhachkala, 1976.
5. Nishiaki Y, Zeynalov A, Akashi Ch, Shimogama K, Guliyev F. The Mesolithic-Neolithic interface in the Southern Caucasus: 2016–2017 excavations at Damjili Cave, West Azerbaijan. Archaeological Research in Asia. Volume 19, September 2019.

Поступила в редакцию 09.08.2022 г.

Принята к публикации 08.09.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183729-750>

Музейбли Наджаф Алескер оглу

д.и.н., профессор, зав. отделом

Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА, Баку, Азербайджан

necef_museibli@mail.ru

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ЛЕЙЛАТЕПИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Своеобразная каменная индустрия является одной из характерных черт лейлатепинской культуры периода позднего халколита (конец V – первая пол. IV тыс. до н.э.). Эта археологическая культура изучена, в первую очередь, на основе памятников, выявленных на территории Азербайджана. Обширная коллекция изделий из камня была получена в ходе масштабных раскопок на таких поселениях лейлатепинской культуры, как Лейлатепе, Беюк Кесик I, Пойлу II, Галаери. Небольшие по масштабам полевые исследования, произведенные на поселениях Агылы Дерё, Селахан и некоторых других, также относящихся к изучаемой культуре, дали практически аналогичные каменные материалы. Определения функционального назначения выявленных каменных изделий с памятников этой культуры позволяют прийти к выводу, что носители этой археологической культуры вели оседлый образ жизни, занимаясь, в основном, земледелием и скотоводством. В результате раскопок было выявлено множество орудий, изготовленных из различных пород камня и характерных для раннеземледельческого хозяйства – это, в частности, зернотерки, терочники, вкладыши серпов и т.д. Исследования свидетельствуют о преобладании кремневых изделий над обсидиановыми на всех памятниках культуры, за исключением поселения Галаери. Из указанных памятников лейлатепинской культуры выявлены и другие орудия и изделия из камня – детали гончарного круга, навершие булавы, скипетры, гири и др. Каменная индустрия лейлатепинской культуры тесно связаны с историческими традициями Восточной Анатолии и Северной Месопотамии. В то же время, в памятниках майкопской культуры обнаружены близкие аналоги некоторых специфических каменных изделий лейлатепинской культуры.

Ключевые слова: лейлатепинская культура; зернотерки; терочники; обсидиан; кремнь; вкладыши серпов; скребки; предметы из камня.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183729-750>



Najaf A. Museibli

Dr. Sci. (History), Professor

Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology ANAS, Baku, Azerbaijan

necef_museibli@mail.ru

STONE INDUSTRY OF LEILATEPE CULTURE

Abstract. One of the characteristic features of the Leilatepe culture of the Chalcolithic period (end of the 5th millennium BC – first half of the 4th millennium BC) is its unique stone industry. This archeological culture has been studied mainly on the basis of sites in the territory of Azerbaijan. Extensive excavations in Leilatepe, Beyuk Kesik I, Poylu II, Galayeri settlements belonging to the Leilatepe culture revealed numerous stone tools. Similar tools were also discovered as a result of short-term excavations carried out in residential areas of Agili Dere, Selakhan, and some others belonging to this culture. The discovered stone tools and their functional purpose gives us reasons to conclude that the bearers of this culture lived a sedentary life and were mainly engaged in agriculture and cattle breeding. Thus, during the excavations a large number of quern stones, graters, sickle teeth, etc., typical for early farming, made of different types of stones, were found. The explorations showed the prevalence of flint tools over obsidian products in all other sites belonging to the Leilatepe culture, except for the Galayeri settlement. Alongside with them, other tools and products made of stone – details of a potter's wheel, mace heads, scepters, balance weights, etc. – were found in the sites of the abovementioned Leilatepe culture. The stone industry of the Leilatepe culture is closely related to the traditions of Eastern Anatolia and Northern Mesopotamia. At the same time, similarities of some specific stone samples of Leilatepe culture were found in the sites of Maikop culture.

Keywords: Leilatepe culture; quern stones; graters; obsidian; flint; sickle teeth; scrapers; stone artifacts.

Введение

Раннеземледельческий период в древней истории Южного Кавказа, охватывающий эпохи неолита и халколита, характеризуется, с одной стороны, тесными связями с более прогрессивными культурами Ближнего Востока, а с другой стороны, интенсивным развитием местного производства. Лейлатепинская культура, сформировавшаяся в конце V – нач. IV тыс. до н.э. в результате последовательной миграции племен из Восточной Анатолии и Северной Месопотамии на Южный Кавказ, отличалась высоким уровнем развития производственных технологий в контексте всего региона.

Раскопки поселений лейлатепинской культуры, расположенных в Карабахском районе (Лейлатепе), в западных регионах Азербайджанской Республики (Беюк Кесик I, Пойлу II, Селахан, Агылы дере и др.), в Габалинском районе (Галаери) Азербайджана, дали огромный материал для изучения халколита Южного Кавказа. Именно благодаря проведённым на этих памятниках обширным археологическим исследованиям была выявлена богатейшая коллекция каменных изделий лейлатепинской культуры, позволившая выделить их характерные черты. Коллекция каменных артефактов представлена орудиями труда и различными предметами.

Каменный ассамбляж памятников изучаемой культуры, носители которой занимались, главным образом, земледелием и скотоводством, формирует ясное представление об уровне развития хозяйственной деятельности и о ее связях с памятниками халколита Передней Азии. Каменный инвентарь состоит из орудий и изделий различного назначения, изготовленных из различных пород камня.

Материалы и обсуждения

Орудия для размола. Зернотерки, выявленные на эпонимном памятнике лейлатепинской культуры поселении Лейлатепе, имеют овальную и удлинённо-овальную формы (рис. 1, 1). Они отличаются своеобразным оформлением – края их рабочей поверхности оббиты крупными фасетками [1, с. 68]. На других памятниках лейлатепинской культуры зернотерки такого типа не выявлены.

Терочники и песты изготавливались из удлинённых речных камней. Использовались оба, а в некоторых случаях лишь один конец орудий. На поселении Лейлатепе количество таких орудий ограничено [1, с. 68–69].

Сосуды из камня имеют различные формы (рис. 1, 2). На двух из них в центре имеется значительное углубление, а третье имеет форму плоской чаши [1, с. 69]. Можно предположить, что такие каменные чаши использовались в качестве ступ.

В поселениях Беюк Кесик I и Пойлу II выявлены нижние и верхние зернотерки [2]. Вероятнее всего, крупные по размеру зернотерки использовались стационарно и укреплялись по краям мелкими камнями. Рабочая поверхность нижних крупных зернотерок в результате длительного использования углублена и приняла ладьевидную форму (рис. 1, 4). Верхние камни зернотерок с ровной поверхностью имеют поперечный срез прямоугольной формы. Длина таких зернотерок достигает 27–28 см.

На поселении Галаери обнаружено больше зернотерок, чем на других поселениях лейлатепинской культуры [3, р. 70]. Изготовленные из пористых камней серого цвета они имеют удлинённую, овальную, а порой и округлую формы. В некоторых случаях были выявлены крупные зернотерки, у которых середина рабочей поверхности сильно углубилась от длительного использования и приобрела ладьевидную форму. На рабочей поверхности некоторых зернотерок имеются углубления диаметром 3–5 см, которые не связаны с дополнительными функциями этих орудий. Они характерны для лейлатепинской культуры и выявлены также на поселении Беюк Кесик (рис. 1, 3) и на Натухаевском поселении Северного Кавказа, относящегося к майкопской культуре [5, s. 174; 4].

Терочники и песты также относятся к орудиям для размола (рис. 1, 6–7). У пестов, удобных для удерживания в руке и изготовленных из удлинённых речных камней, обычно оба конца были рабочими. В отличие от них, у терочников использовалась только одна сторона. Это объясняется тем, что в процессе использования рабочий конец терочника быстро стирался, а второй сохранялся в удобном для удерживания состоянии. Крайне редко встречаются песты с отшлифованной поверхностью. Максимальная длина пестов составляет 21–22 см.

Один из интересных пестов выявлен на поселении Пойлу II (рис. 1, 5). Одна сторона данного орудия, изготовленного из речного камня, толще другой. На утолщённой стороне камень обломан; сохранившаяся высота составляет 19 см, толщина в узкой части равна 5–6 см, а в утолщённой – 7–10 см. Вся поверхность этого орудия в процессе утилизации оказалась полностью выровнена и заполирована. В результате использования по всей длине поверхности камня образовалось шесть выраженных участков. Края узкого конца в ходе эксплуатации выровнены, как у ударного орудия, но сам конец не имеет подобных следов износа. На поверхности утолщенной части орудия в одном месте имеется бугорок. Он также относится к используемой части орудия и его поверхность имеет следы эксплуатации. Нельзя исключать использование этого предмета в качестве антропоморфного ритуального объекта [5, s. 172].

Топоры. Орудия данного типа представлены в незначительном количестве. На поселении Пойлу II выявлено всего несколько таких орудий или их фрагментов. Все выявленные топоры клиновидные. Один из них, по сравнению с другими, более крупный. Его ширина и сохранившаяся высота равны 10 см, толщина – 3,5 см. На рабочем конце этого топора имеются сколы. Из-за того,

что топор выявлен не в целом состоянии, определить его изначальную высоту не представляется возможным. Поверхность топора, изготовленного из речного камня, слегка отшлифована.

Один из обнаруженных топоров вызывает особый интерес (рис. 2, 1). Этот клиновидный топор, выявленный в Пойлу II на глубине 40 см, изготовлен с большим мастерством из плотного тёмно-зелёного камня. В процессе его оформления на краях образовались ребристые пересечения, а в верхней части – ровная площадка. На утончающемся рабочем конце топора наблюдаются мелкие сколы. Вся поверхность топора хорошо отполирована. Незначительное количество сколов на рабочем конце топора, говорит о том, что его редко использовали для выполнения грубых рабочих операций. Высота топора 8,5 см, ширина в верхней части 3,5 см, в нижней – 5 см, максимальная толщина орудия 2,5 см. В целом, постоянное интенсивное использование орудий этого типа в производственной деятельности не предусматривалось [5, s. 173].

Топор или клиновидное орудие такого типа, но более маленького размера, было выявлено на поселении Галаери на глубине 2,7 м. Вся поверхность этого орудия, изготовленного из плотного, темно-зелёного камня, была выровнена и отшлифована (рис. 2, 2).

Другие орудия из камня. Среди интересных каменных находок следует отметить несколько конусовидных орудий, изготовленных из пористого камня (рис. 2, 3–4). У них одна сторона плоская, другая – выпуклая. В центральной части сделано сквозное отверстие. Больше всего такие орудия обнаружены на поселении Галаери [3, fig. 10, 3, 4]. По форме они напоминают пряслица, но значительно больше по размерам. Не исключено, что это детали гончарного круга [2]. Их диаметр составляет 17–18 см. Основания для данного вывода дают и этнографические параллели. Так, по этнографическим наблюдениям, у некоторых гончарных кругов, приводимых в движение ногой, основные элементы состоят из полушаровидных нижних и верхних колес. Но эти колеса изготавливались из дерева [6, с. 33].

Среди каменных орудий труда с поселения Галаери один экземпляр особенно интересен (рис. 3, 1). У этого орудия, изготовленного из плоского речного камня удлинённой формы, с одной стороны в верхней части сделано углубление. Близкая аналогия этого орудия известна с поселения Беюк Кесик I (рис. 3, 2). Аналоги им известны из слоя XI-A поселения Тепе Гавра (рис. 3, 3, 4). По мнению А. Тоблера, после закрепления обсидиановой пластины в углублениях этих камней при помощи битума, они использовались как режущие орудия [7, p. 202, pl. CLXXVI]. Орудия этого типа, выявленные на поселениях лейлатепинской культуры, не имеют аналогов на Кавказе.

На поселение Галаери на глубине 2,8 м выявлены два оселка. Первый оселок (рис. 4, 1) изготовлен из небольшого темно-зелёного камня мелкозернистой породы. Он имеет удлиненную, дугообразную форму с прямоугольным сечением на основной части и с округлым сечением у утонченного конца. Поверхность точильного бруска гладкая, заполированная. Следы обработки в виде тонких,

параллельных линий, перекрывающих друг друга, обнаруживаются на широких, плоских гранях изделия, а также на скругленном, дугообразном конце. Размеры оселка: длина – 14 см, ширина – 3 см, толщина – 1,8 см.

Второй небольшой оселок изготовлен из речной темно-зелёной плоской удлиненной гальки. На одном конце имеет сквозное биконическое отверстие для подвешивания. Противоположный конец оселка более широкий. Вся поверхность гладкая. Длина оселка составляет 4,7 см, ширина – 2 см, толщина – 4 см (рис. 4, 2).

Аналогичные оселки известны из памятников майкопской культуры, в частности, из Большого Майкопского кургана (длина 14 см) и из кургана № 13 (длина 11 см) некрополя Усть-Джегута. По мнению С.Н. Кореневского, «оселки» майкопской культуры не имели практического назначения, а, возможно, выполняли функцию, близкую по назначению к скипетрам, используемым в погребальных ритуалах [8, с. 218, 235, рис. 44, 7; 9, с. 106, рис. 12, 11].

Скипетры. На памятниках лейлатепинской культуры обнаружено два каменных скипетра. Первый был обнаружен в 2006 г. в погребении № 1 Союгбулагского могильника (рис. 4, 3). Он имеет круглое сечение, конец скипетра оформлен в виде конской головы [10].

Второй скипетр выявлен на поселении Пойлу II [11]. Он изготовлен из удлиненного камня с прямоугольным сечением, конец скипетра оформлен в виде изображения животного – коня или собаки (рис. 4, 4).

Близкая аналогия лейлатепинским скипетрам выявлена в кургане III Се Гирдан около оз. Урмия. Обнаруженный здесь каменный скипетр изображает льва [12, р. 117].

Выявленные в V–III тыс. до н.э. на памятниках юго-восточной Европы зооморфные каменные скипетры трактуются в научной литературе именно, как символы власти [13, с. 253; 14, с. 57–76; 15, с. 159–160]. Скипетры, обнаруженные на памятниках лейлатепинской культуры, типологически отличаются от скипетров, происходящих из синхронных памятников Европы. Европейские скипетры более крупные по размерам и утолщенные, а лейлатепинские, напротив, более мелкие и утонченные. В функциональном плане лейлатепинские скипетры, очевидно, также выступали символом власти и подчеркивали существовавшие иерархические отношения в обществе.

Различные предметы из камня. Выявленные в Лейлатепе так называемые «кубовидные» камни привлекают внимание своей структурой и обработкой. Такие орудия изготовлены из плотного или пористого камня сероватого или беловатого цветов. На всей площади этих орудий имеются следы их обработки. Исследователи отмечали, что функциональное назначение этих камней остается неизвестным и в предшествующий и последующий кура-араксский периоды они отсутствуют [1, с. 69]. Впоследствии, при раскопках поселения Беюк Кесик была обнаружена точная аналогия этого орудия. Аналог такого специфического орудия известен только с Натухаевского поселения майкопской культуры [4]. На рабочих участках этих орудий сохранились следы слабых ударов, в виде

округлых вмятин, вследствие чего эти орудия условно можно назвать накопальной. Их применяли в небольших ударных операциях.

На памятниках лейлатепинской культуры обнаружено также два каменных наконечника булав. Наконечник, выявленный на поселении Беюк Кесик I, изготовлено из речного камня серого цвета. Изделие (рис. 5, 1) имеет форму сплюсненно-го эллипсоида, заглаженную поверхность. В центре имеется сквозное биконическое отверстие, сделанное двусторонним сверлением, в котором сохранились остатки битума, использовавшегося для крепления деревянной рукояти. На краях наконечника имеются мелкие сколы – видимо, это орудие частично использовалось в ударных целях. Диаметр изделия по широкой стороне равен 6,5 см, по короткой – 5,3 см, толщина – 3,3 см.

Ещё одно наконечник булавы, точнее – его фрагмент, найдено на поселении Агылы Дерё (рис. 5, 2). Оно имеет грушевидную форму и изготовлено из тёмно-серого камня. Обнаружена лишь половина орудия, сломанного вдоль всей длины. Посередине изделия имеется сквозное отверстие. Широкое по краям отверстие к центру сужается. В центре сохранилась выпуклая часть. В целом по всей длине отверстия сохранились округлой формы выпуклости, как следствие процесса сверления. Все это свидетельствует о том, что булава не была закреплена к древку, и позволяет предположить, что орудие было сломано в процессе производства. Поверхность булавы, в том числе и оба края отверстия, были хорошо выровнены. Высота булавы равна 7,5 см, максимальный диаметр составляет 6 см.

В одной из хозяйственных ям на поселении Пойлу II был выявлен ладьевидной формы речной камень (рис. 5, 3). Длина его 12,5 см, ширина ок. 5,5 см, толщина 3,5–2 см. Этот предмет постепенно утончается по направлению от одного конца к другому. Вся поверхность камня выровнена и заполирована. На внутренней стороне утолщённого конца на небольшом участке сохранились следы ударов.

Два овально-плоских каменных предмета были выявлены на поселении Пойлу II. Установить их точную функциональную принадлежность трудно. Не исключено, что их могли использовать как утяжелители (рис. 5, 4-5).

Вызывают интерес ещё два каменных предмета, неизвестные на других памятниках периода халколита Южного Кавказа. Один из них выявлен на поселении Галаери (рис. 6, 1). Поверхность предмета, изготовленного из тёмно-серого речного камня, очень аккуратно выровнена и отполирована. Он имеет форму овально вытянутого эллипсоида, длина его 6,5 см, ширина 5,2 см, а толщина 3,8 см. Основание верхней куполообразной части предмета окаймляет тонкий, выпуклый поясок, сделанный точением. В центре основание слегка уплощено. Ещё один широкий (7 мм), чуть выпуклый, поясок охватывает окружность камня в месте наибольшего расширения.

Второй подобный предмет (рис. 6, 2) был обнаружен археологом А. Агаларзаде на многослойном поселении Худутепе (Джалилабадский район), содержащем и слой лейлатепинской культуры. Цвет этого уплощенно-округлого камня

варьирует от тёмно-серого до светло-серого и коричневого. Диаметр изделия составляет 5–5,2 см, толщина – 3,5 см. На поверхности верхней куполообразной части камня в ходе обработки точением и полированием образовались различные следы – спиралевидные окружности и зигзаговидные линии. Нижняя часть орудия плоская. Полностью округлый камень имеет небольшой выступ в нижней части. Тонкая, чуть выпуклая линия проходит внутри канатовидной полосы шириной 6–7 мм, окаймляющей всю боковую поверхность камня в месте наибольшего расширения. Сверху и снизу от этой линии вдоль всей окружности орудия проходят еще два пояска шириной в 6–8 мм.

Аналоги этим камням и несколько иного вида предметы (круглые, квадратные, овальные и др.) известны с памятников халколита и бронзы Ближнего Востока и Европы. Исследователи считают, что они использовались как гири [7, р. 205; 16, р. 34–36; 17, р. 112–114]. Не исключено, что указанные каменные предметы из Галаери и Худутепе также использовались как гири. Следует отметить, что эти находки типологически идентичны некоторым гилям из синхронных лейлатепинской культуре слоев XI-XI-A Тепе Гавра.

Орудия из обсидиана и кремня. На поселении Лейлатепе подавляющее большинство обсидиановых орудий представлено ножевидными пластинами. Их режущие края подправлены ретушью, на них прослеживаются следы использования. Были обнаружены различные типы орудий: скребки, резцы, скобели, различные нуклеусы. Наряду с ними были выявлены, изготовленные из обсидиана, в том числе серебристого цвета, многофункциональные орудия: резец-стамеска, ножи-скребки, долота и т.д. (рис. 7, 1–3). Орудий из обсидиана (рис. 7, 4–8) намного меньше орудий из кремня.

Хотя изделия из обсидиана на поселении Беюк Кесик I составляют меньшинство среди выявленных орудий, типологически они весьма многообразны. Здесь встречены боковые и концевые скребки, скобели, резцы, долота, струга и другие типы орудий. Были найдены редкие для позднего халколита четыре наконечника стрел из прозрачного обсидиана [2].

Подавляющее большинство режущих орудий поселения Беюк Кесик I представлены ножевидными пластинами и вкладышами серпов (рис. 7, 9–13). Они изготовлены из кремня, как правило, с односторонней ретушью. Эти вкладыши крепились с помощью битума к деревянной основе серпа. Следы битума сохранились на многих из них. В некоторых случаях были выявлены вкладыши серпов с остатками битума. Интересна находка на поселении Беюк Кесик I (кв. 7Е, гл. 135 см) целого серпа с кремневыми вкладышами. Хотя деревянная основа серпа была сгнившей, расположение кремневых вкладышей *in situ* позволило полностью реконструировать форму самого серпа. Сохранившаяся длина этого дуговидного серпа составляла 23,5 см, ширина 4 см. Судя по форме и расположению сохранившихся вкладышей, этот серп можно отнести к серпам аликемектепинского типа [18, с. 87].

Большее количество орудий из кремня по сравнению с обсидиановыми наблюдается и на поселении Пойлу II. Здесь также обсидиановые орудия

типологически весьма разнообразны, обозначая сферы их применения. Интересно, что на поселении Пойлу II, хотя и в небольшом количестве (2 экз.), были обнаружены режущие орудия более архаичных форм из обсидиана, которые сохранили черты производственных традиций неолита VII–VI тыс. до н.э.

Для оформления орудий использовался кремнь серого, жёлтого, темно-зеленого и коричневого оттенков. На поселении Пойлу II в хозяйственной яме № 2 были обнаружены сотни сколов кремневого производства, а также нуклеусы (рис. 8, 1–3). Кроме этого, были обнаружены два вкладыша серпа, 69 экз. пластин, отколотых от ядра, ретушер на речной гальке, два обсидиановых скобеля и фрагменты кремня, более непригодные для использования в качестве орудий. Видимо, данная яма на заключительном этапе использовалась для утилизации производственных отходов из близлежащей мастерской, фиксируя, тем самым, производство кремневых непосредственно на территории поселения.

Изготовленные из кремня режущие орудия представлены ножевидными пластинами и вкладышами серпов. Они, как правило, трёх или четырёхгранные (подтреугольные и ромбические в сечении) и имеют удлинённую подпрямоугольную форму. Ретушированы один, а порой и оба лезвия орудий. На некоторых вкладышах серпов сохранились следы битума. В редких случаях выявлены орудия, обработанные повторной ретушью. Встречаются также пластины без ретуши. В небольшом количестве найдены кремневые отщепы, частично обработанные ретушью.

Значительное преобладание количества кремневых изделий над остальными на поселениях Беюк Кесик I и Пойлу II, по нашему мнению, можно объяснить следующими факторами. Прежде всего, следует отметить, что жители указанных поселений генетически были тесно связаны с Ближним Востоком. Залежи обсидиана имеются в центре Анатолии в бассейне оз. Аджигель, в восточной Анатолии в бассейне оз. Ван. В других ближневосточных регионах, в том числе на территории Ирака и Ирана, залежей обсидиана нет [18, с. 25]. Видимо, проживавшие вдали от обсидиановых источников племена Месопотамии периода позднего халколита при изготовлении орудий отдавали предпочтение кремню [19, с. 77].

Режущие орудия многослойного поселения Тель Хазна, датируемого периодами Убейда, Урука и раннединастическим временем, также изготовлены из кремня. Можно сказать, что все выявленные режущие орудия использовались в качестве вкладышей для составных серпов. Предполагается, что часть этих орудий могла применяться при исполнении определенных ритуальных обрядов [20, с. 106–107; 21, с. 36]. В слое VII восточно-анатолийского памятника Арслантепе, связанном в культурно-хронологическом плане с лейлатепинской культурой, всего 20% всех режущих каменных орудий изготовлены из обсидиана [22, р. 105].

Племена, перебравшиеся в период позднего халколита из Северной Месопотамии и Восточной Анатолии на Южный Кавказ и создавшие здесь

лейлатепинскую культуру, по традиции и здесь отдавали предпочтение орудиям из кремня [19, с. 77–78]. С другой стороны, обитатели таких поселений как Лейлатепе, Беюк Кесик I, Пойлу II, являясь мигрантами, были слабо осведомлены о местных природных ресурсах, в том числе и об обсидиановых залежах. Они получали обсидиан не прямо с месторождения, а у местных племён путём обмена в виде готовых обсидиановых орудий, либо в виде готового сырья для их изготовления. Отсутствие на поселениях производственных отходов из обсидиана, использование каждого выявленного отщепы для производства орудия, также подтверждает данное предположение. Видимо жители данных поселений использовали обсидиановые орудия крайне экономично [2, р. 79].

На поселениях эпохи халколита Муганской равнины (юго-восточный регион Азербайджанской Республики), находящихся в относительном удалении от обсидиановых залежей Малого Кавказа, большая часть режущих орудий сделана из кремня. Обсидиановые орудия здесь встречаются крайне редко [23, s. 62]. Такая ситуация с каменными орудиями этих поселений связана с тем, что они, с одной стороны, связаны с ближневосточными традициями, с другой стороны, они расположены вдали от регионов с залежами обсидиана.

Поселение Галаери по обилию и разнообразию сырьевой базы и каменных орудий отличается от других памятников лейлатепинской культуры [3, р. 219]. Выявленные здесь орудия из обсидиана по количеству несколько превышают кремневые. Обнаруженные здесь различные нуклеусы, многочисленные отщепы и ретушеры свидетельствуют об изготовлении орудий непосредственно на поселении. Хотя в очень редких случаях и встречаются обсидиановые пластины тёмно-коричневого оттенка, подавляющее большинство орудий изготовлены из чёрного и, в гораздо меньшей степени, из прозрачного обсидиана. Не исключено, что обсидиановые изделия поселения Галаери имеют восточноанатолийское происхождение.

Обсидиановые изделия с типологически-функциональной точки зрения очень разнообразны. За редким исключением, подавляющая часть орудий изготовлена из пластин. Часть выявленных пластин являются многофункциональными, остальные пластины использовались как ножи или боковые скребла, оформленные на продольных рабочих краях.

Часть изготовленных из отщепов орудий составляют скребки. Это в основном боковые скребки и один экземпляр круглой формы. Предполагается, что один из скребков со сломанной боковой стороной представляет наконечник стрелы. Круглый скребок имеет утолщённую форму, пирамидально-обработанную поверхность с вертикально расположенной ретушью на сторонах.

По сравнению с другими памятниками, на поселении Галаери изделия из серебристого обсидиана более многочисленны (рис. 8, 4–7). Большая часть многофункциональных орудий изготовлена именно из серебристого обсидиана. В тоже время из данного сырья были изготовлены орудия различного типа: скребки, ножи, стамески, скобели, сверла и другие, а также несколько микролитов. Наряду с этим, выявление нуклеусов серебристого обсидиана показывает,

что все перечисленные орудия изготавливались непосредственно на самом поселении. Плоские нуклеусы, микролиты и другие орудия, обнаруженные на поселении, характерны для периода мезолита и раннего неолита.

Одна из пластин представляла полифункциональное орудие (рис. 8, 5). Один край этой трёхгранной пластины использовался как нож. Более утолщённый другой край был обработан дорсальной ретушью и превращён в скребок. На стороне, выполнявшей функции скребка, ближе к концу была сделана выемка. На другом конце этой же стороны был оформлен бур.

На поселении Галаери кремневые изделия по численности занимают второе место. Кремнистые породы различных оттенков (серый, светло-зеленый, коричневый, кофейный, темно-коричневый) использовались для изготовления орудий самого разнообразного функционального назначения [3, р. 219]. В основе своей выявленные орудия пластинчатые, однофункциональные, использовались как вкладыши серпов или как составные элементы других наборных орудий. Следы битума на их поверхности, а также сработанные и заполированные рабочие зоны этих орудий, надёжно обосновывают такой вывод. Определённую часть режущих орудий составляют изделия, изготовленные из фельзита – тёмно-серого или чёрного цвета пластинчатые орудия. В типологически-функциональном смысле большинство их можно отнести к ножевидным пластинам и вкладышам серпов.

Заключение

Как видно из приведённого анализа, каменные орудия памятников лейлатепинской культуры в контексте периода позднего халколита Кавказа отличаются определённым своеобразием. Оно проявляется как в выборе сырья для изготовления орудий, так и в типологических особенностях. В тоже время, в ареале лейлатепинской культуры в зависимости от функции и традиций производства наборы каменных орудия различаются на отдельных памятниках или на группах памятников. Исследования показывают, что каменная индустрия памятников лейлатепинской культуры в определённой степени связана с Восточной Анатолией и Северной Месопотамией. С этой точки зрения интерес вызывает изготовление орудий из серебристого обсидиана. Эта традиция на Южном Кавказе не фиксируется ни до, ни после лейлатепинской культуры. Вероятнее всего, истоки этой традиции связаны с халколитом Восточной Анатолии.

Коллекция каменных орудий поселения Галаери отличается большим разнообразием по сравнению с другими памятниками лейлатепинской культуры. Особенно это касается зернотерок и вторичного использования некоторых из них. Исследование этого памятника показало, что зернотерки с выемками на поверхности, относящиеся к периоду халколита Южного Кавказа, характерны именно для лейлатепинской культуры. Режущие орудия с функционально-типологической точки зрения также различны. Обращает на себя внимание

обилие изделий из серебристого обсидиана на поселении Галаери. Наиболее многочисленны полифункциональные орудия, изготовленные из данной разновидности вулканического стекла.

В целом, типологические особенности каменных орудий, различные виды зернотерок, кремневые и обсидиановые вкладыши для составных серпов, выявленные на лейлатепинских памятниках, свидетельствуют об оседло-земледельческом характере этой археологической культуры. В то же время, рассматриваемый каменный инвентарь является одним из основных инструментов для исследования хозяйственной жизни населения региона в конце V – первой пол. IV тыс. до н.э., а также для более правильного определения ареала распространения лейлатепинской культуры в общей системе халколита Передней Азии и Южного Кавказа.

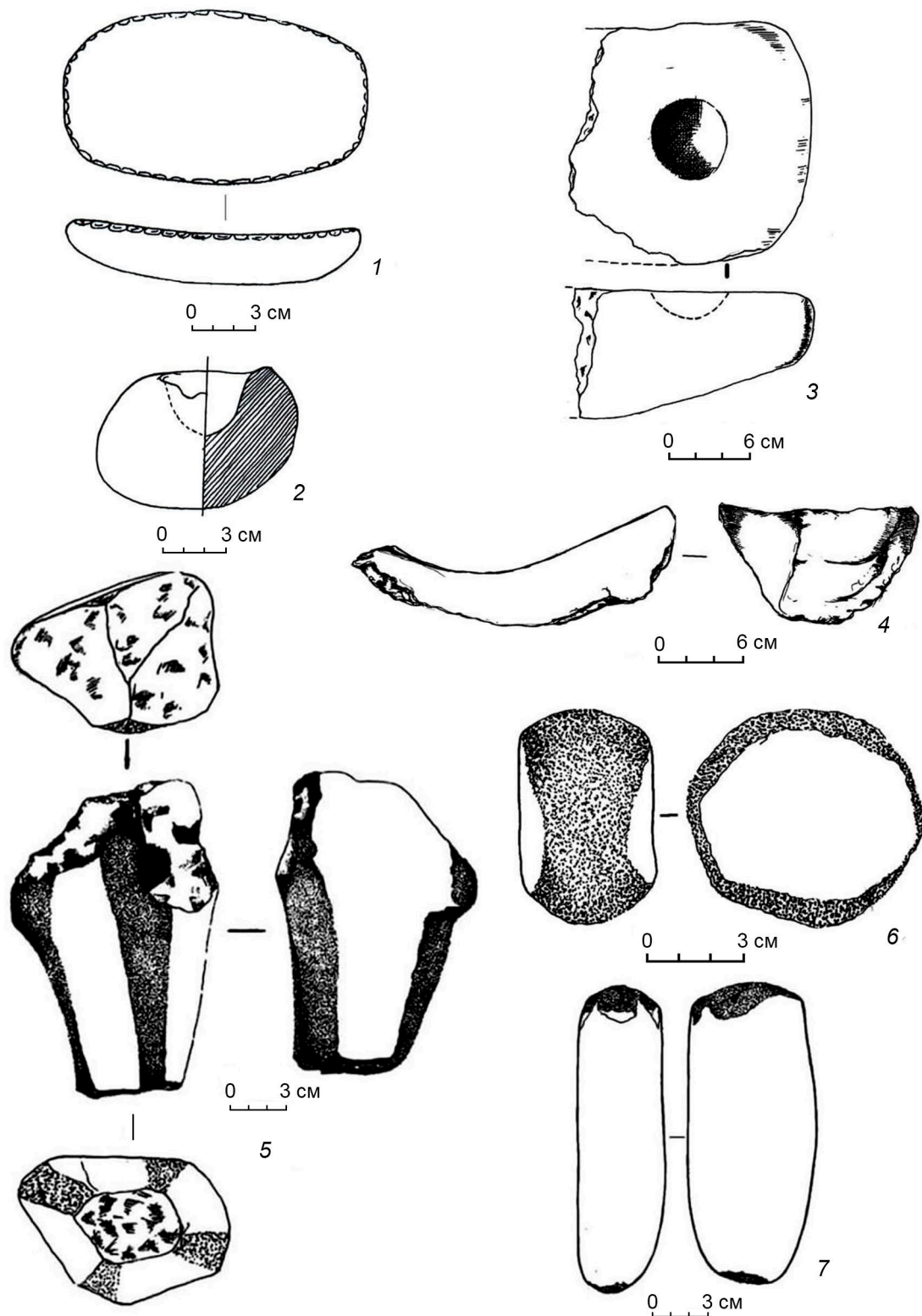


Рис. 1. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
Орудия для размола. 1, 2 – Лейлатепе; 3 – Бейюк Кесик; 4-7 – Пойлу

Fig. 1. Stone industry of Leilatepe culture. Stone tools for grinding.
1, 2 – Leilatepe; 3 – Beyuk Kesik; 4-7 – Poylu

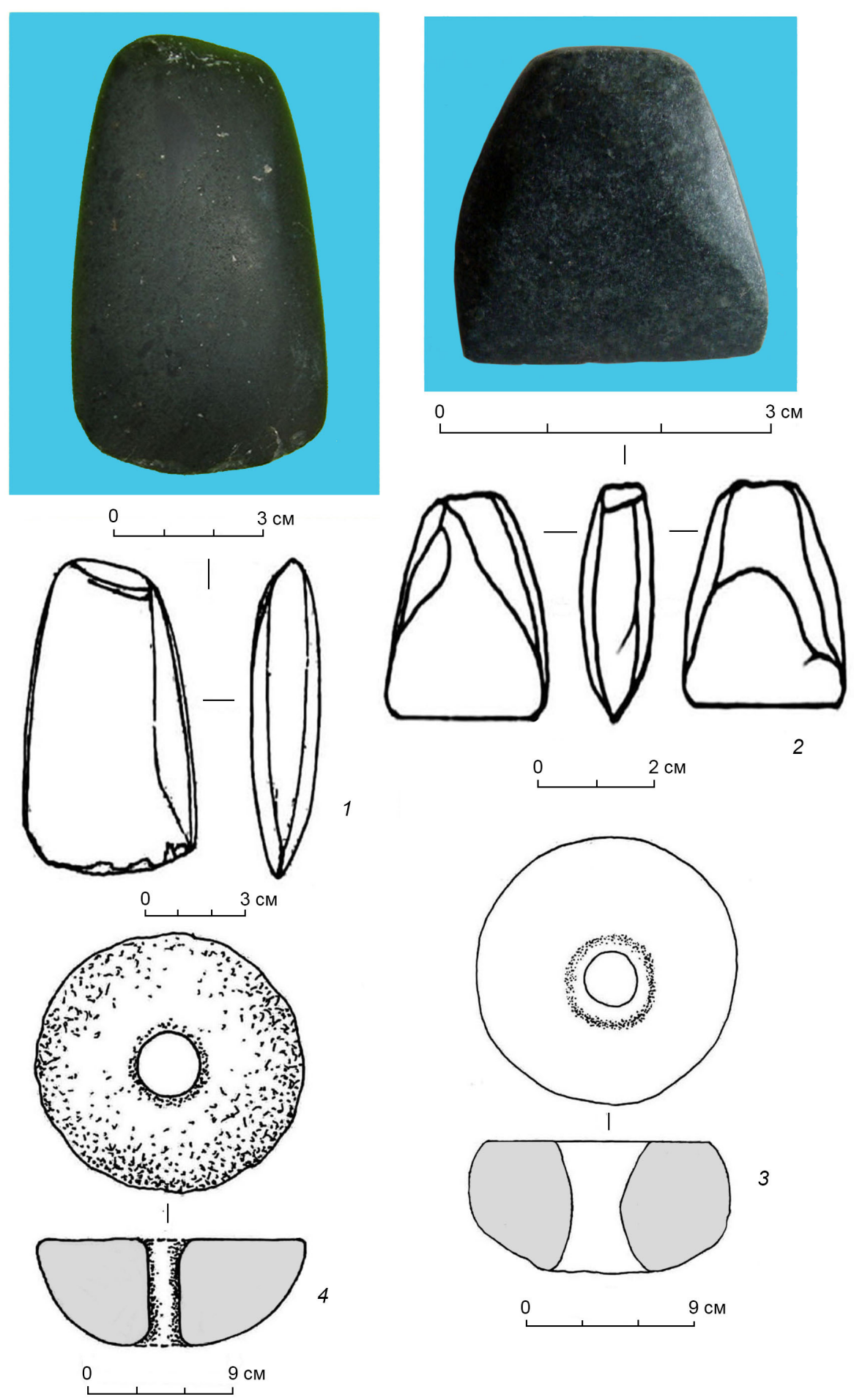


Рис. 2. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
Топоры (1, 2) и детали гончарного круга (?) (3, 4). 1 – Пойлу; 2, 3 – Галаери; 4 – Бёук Кесик

Fig. 2. Stone industry of Leilatepe culture. Axes (1, 2) and details of the potter's wheel (?).
1 – Poylu; 2, 3 – Galayeri; 4 – Beyuk Kesik

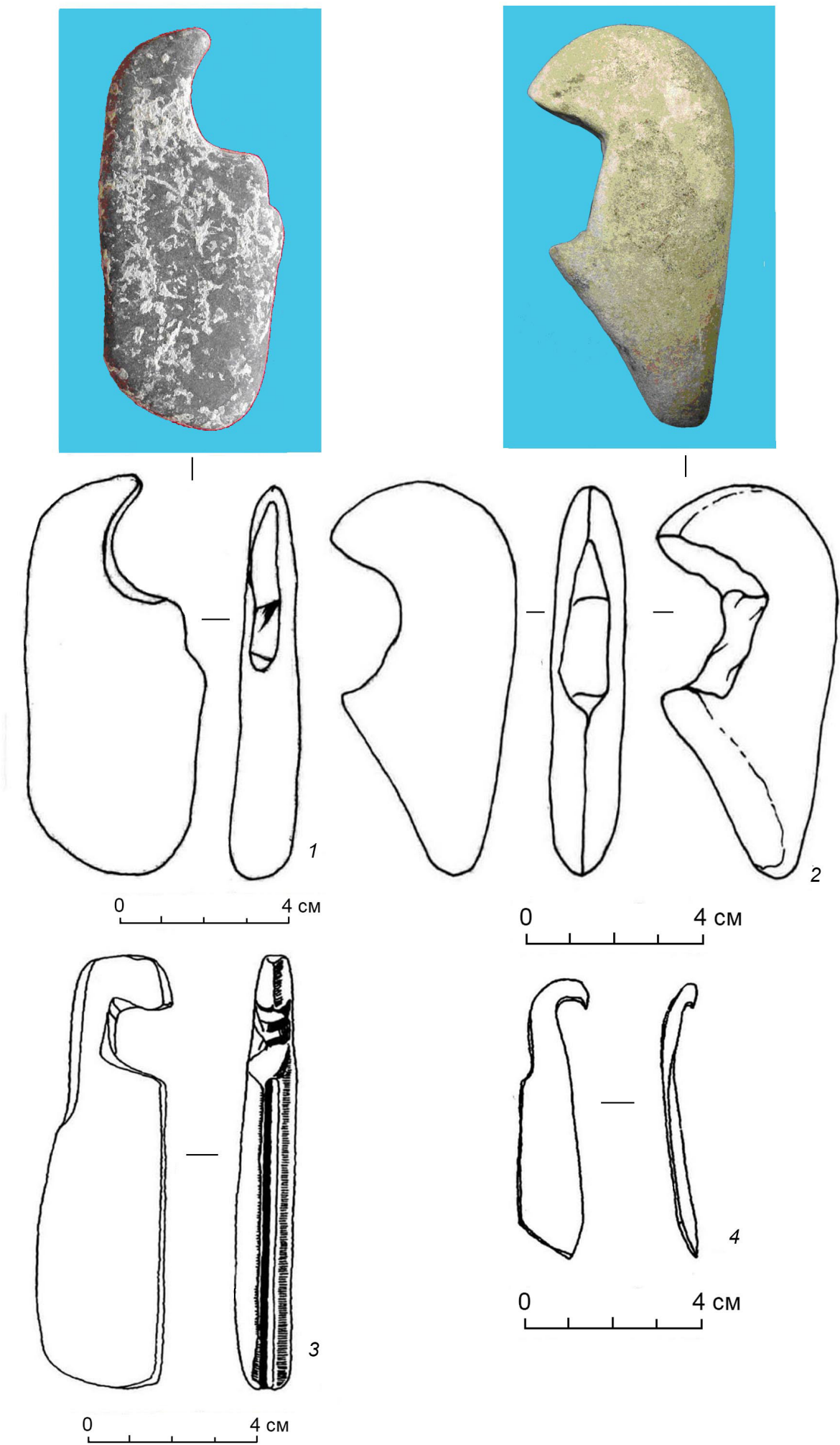


Рис. 3. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
1 – Галаери; 2 – Беюк Кесик; 3, 4 – Тепе Гавра

Fig. 3. Stone industry of Leilatepe culture.
1 – Galayeri; 2 – Beyuk Kesik; 3, 4 – Tepe Gawra

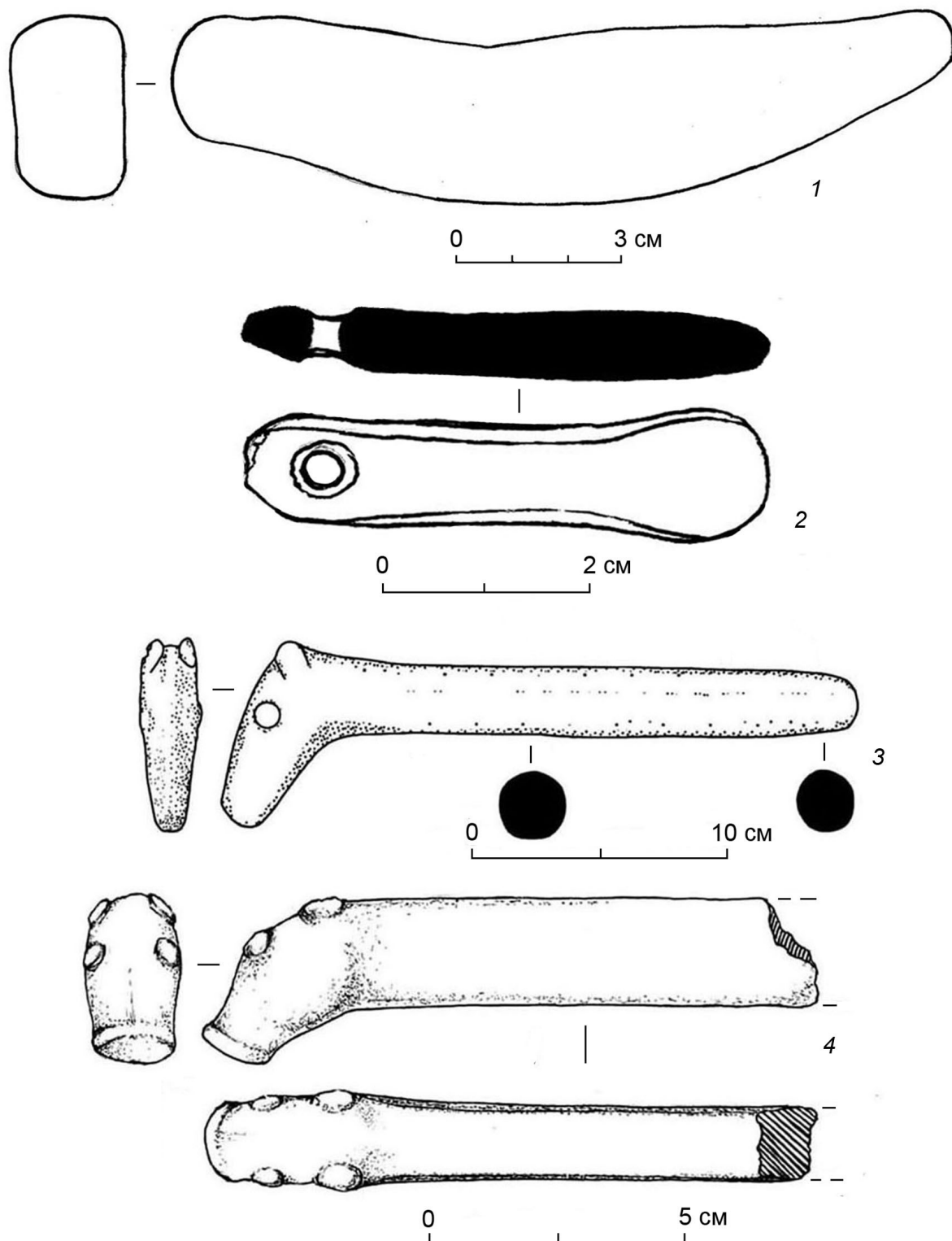


Рис. 4. Каменная индустрия лейлатепинской культуры. Оселки и скипетры.
1, 2 – Галаери; 3 – Союгбулагский курган № 1 (2006); 4 – Пойлу

Fig. 4. Stone industry of Leilatepe culture. Whetstones and scepters.
1, 2 – Galayeri; 3 – Soyugbulag kurgan No. 1 (2006); 4 – Poylu

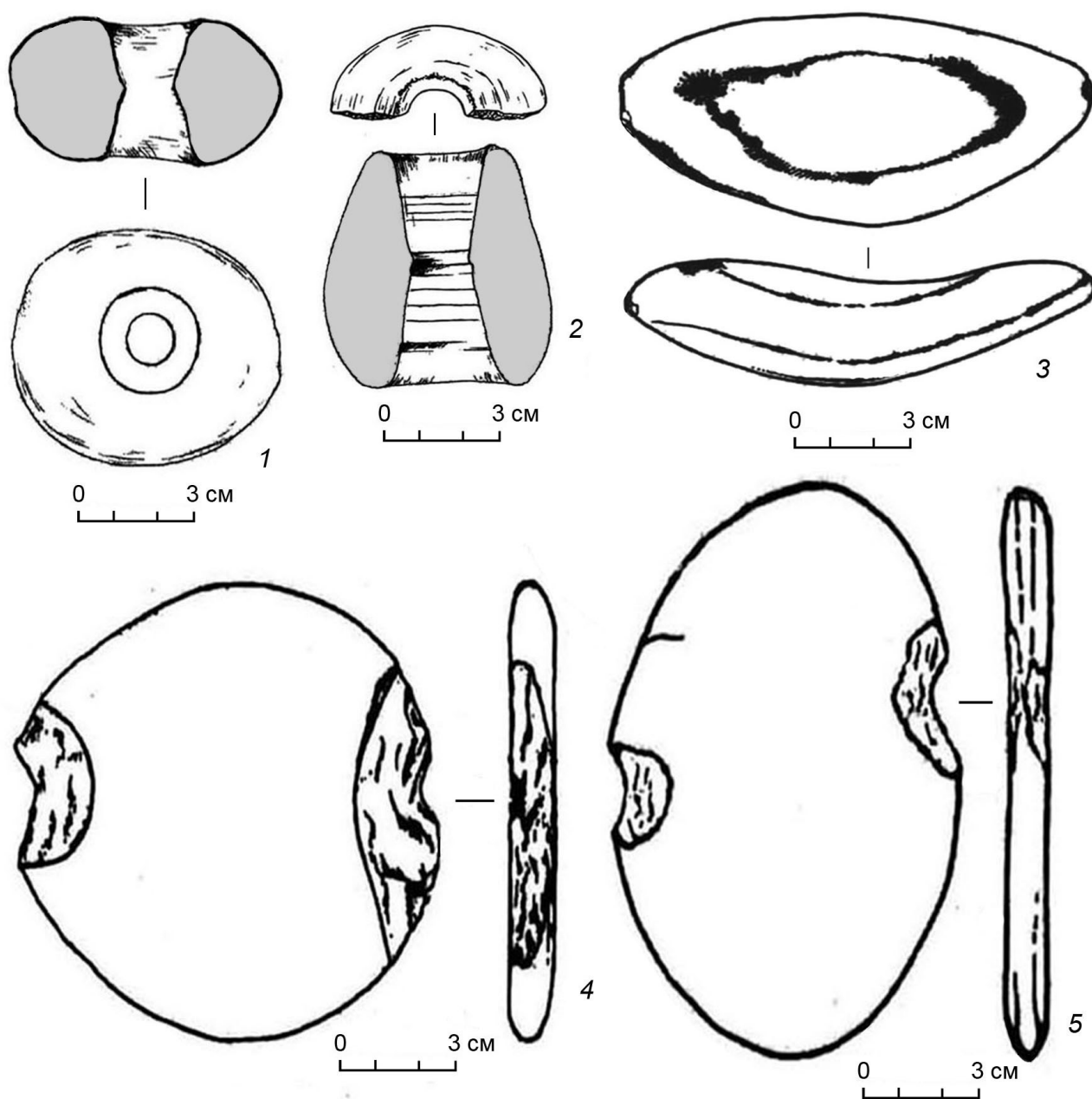


Рис. 5. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
1 – Беюк Кесик; 2 – Агылы дере; 3-5 – Пойлу

Fig. 5. Stone industry of Leilatepe culture.
1 – Beyuk Kesik; 2 – Agily dere; 3-5 – Poylu

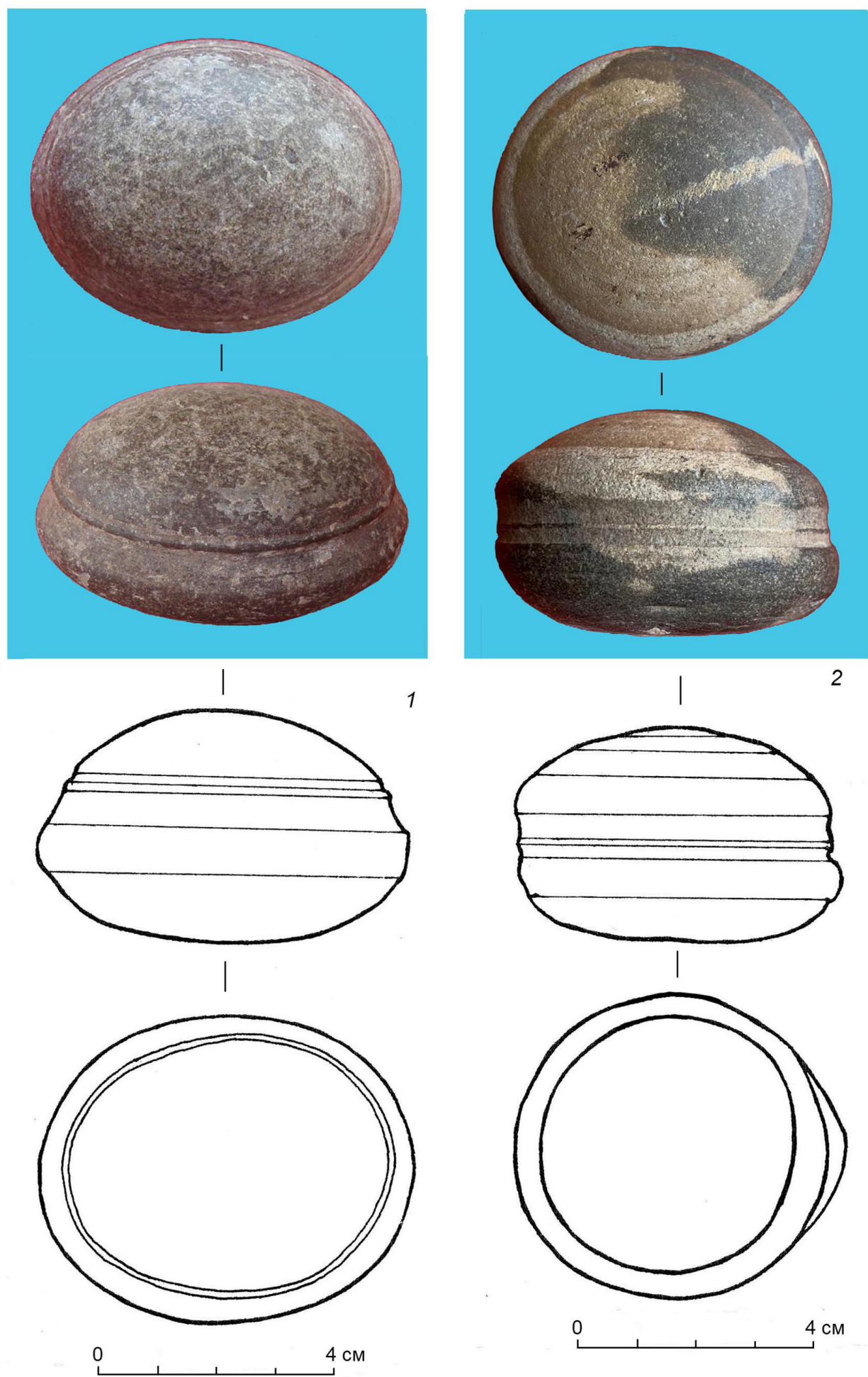


Рис. 6. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
Гири. 1 – Галаери; 2 – Худутепе

Fig. 6. Stone industry of Leilatepe culture.
1 – Galayeri; 2 – Khudutepe

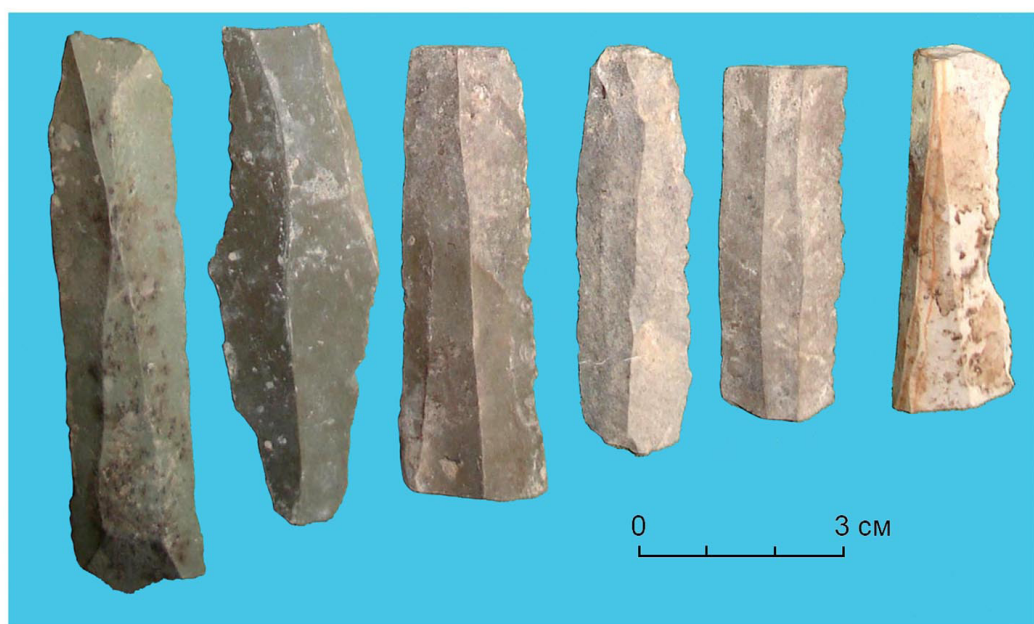
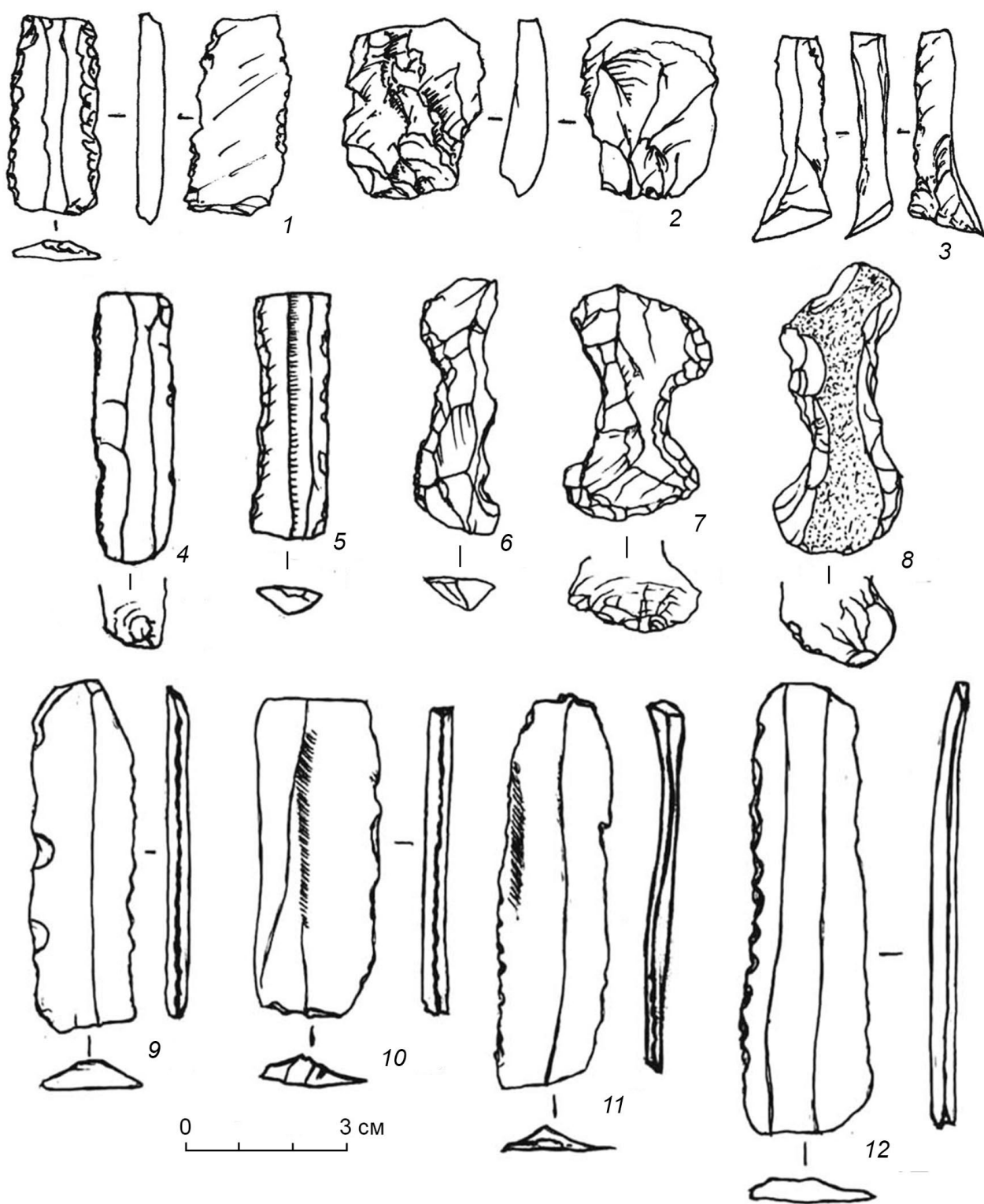


Рис. 7. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
1-8 – Лейлатепе; 9-13 – Бююк Кесик. 1 – скребок, 2 – резец-стамеска,
3 – нож-скребок, 4-5 – вкладыши серпов, 6-8 – скобели;
9-13 – ножевидные пластины. 1-3 – обсидиан; 4-13 – кремень

Fig. 7. Stone industry of Leilatepe culture.
1-8 – Leilatepe; 9-13 – Beyuk Kesik. 1 – scraper, 2 – cutter-chisel,
3 – knife-scraper, 4-5 – sickle inserts, 6-8 – shaving knife;
9-13 – knife-shaped plates. 1-3 – obsidian; 4-13 – flint

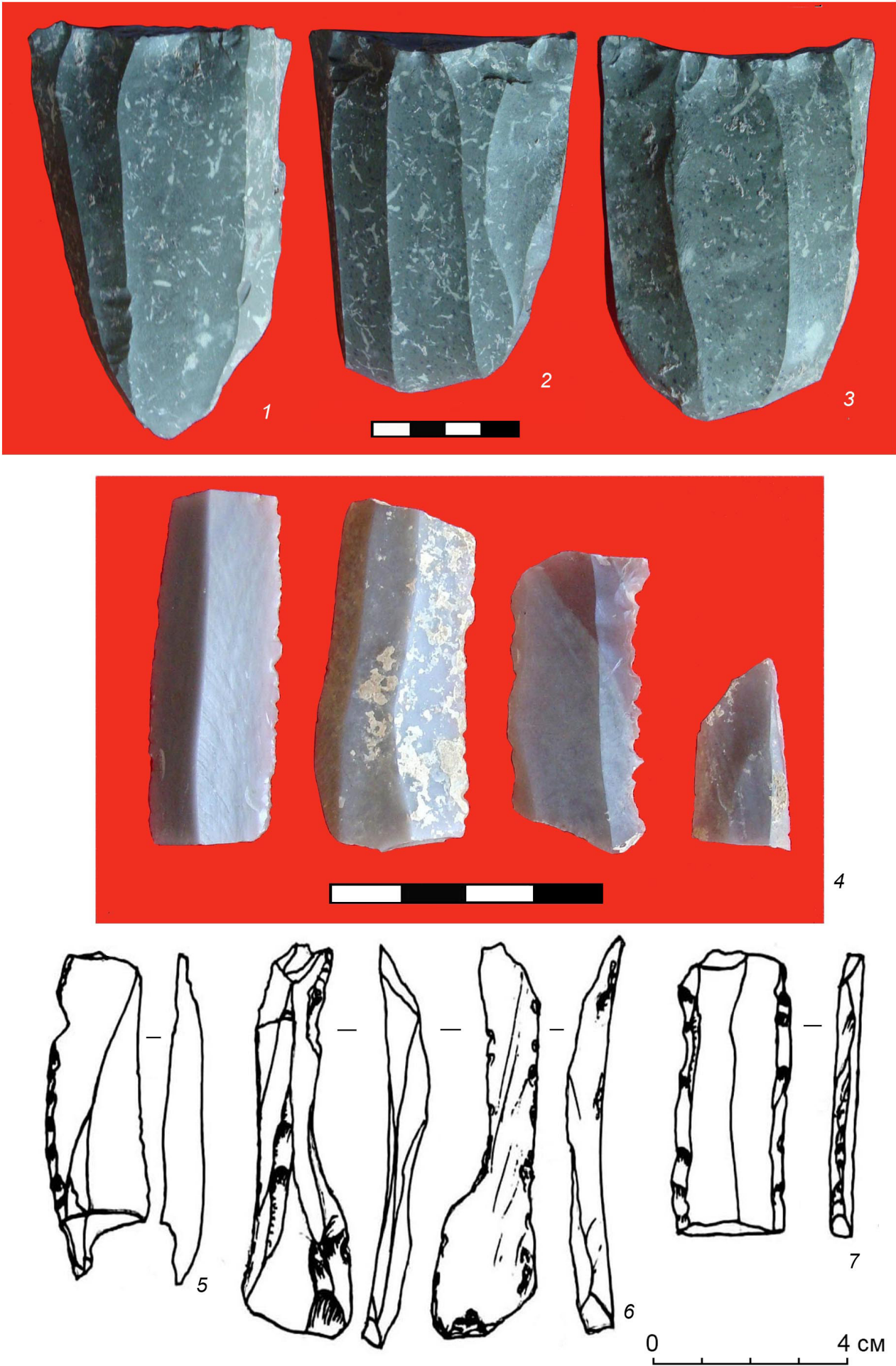


Рис. 8. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
1-3 – кремневые нуклеусы (Пойлу II); 4-7 – орудия из серебристого обсидиана (Галаери)

Fig. 8. Stone industry of Leilatepe culture.
1-3 – Flint nuclei (Poylu II); 4-7 – silver obsidian tools (Galayeri)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Алиев Н., Нариманов И. Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку: «Агридаг», 2001. 144 с.
2. Museibli N. Chalcolithic settlement Beyuk Kesik. Baku: "Nafta-Press", 2007. 216 p
3. Museibli N. The Galayeri settlement: Late Chalcolithic traditions of Eastern Anatolia and the Caucasus // TÜBA-AR 25/2019. Pp. 63-76 Ankara, 2019.
4. Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. Исследования поселения Майкопской культуры у ст. Натухаевской // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Магас: «Пилигрим», 2010. С. 374–377.
5. Müseyibli N.Ə. Leylatəpə mədəniyyəti. Bakı: "Elm və təhsil", 2020. 576 s.
6. Агамалиева С.М. Гончарство Азербайджана. Баку: «ЭЛМ», 1987. 136 с.
7. Tobler A.J. Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia: The University Museum. University of Pennsylvania Press, 1950. 442 p.
8. Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: «Наука», 1981. 320 с.
9. Корневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М.: «Тauc», 2008. С. 71–122.
10. Лионне Б., Алмамедов К., Буке Л., Курсье А., Желилов Б., Хусейнов Ф., Лут С., Махарадзе З., Рейнард С. Могильник эпохи позднего энеолита Союз Булаг в Азербайджане // Российская археология. 2011. № 1. С. 48–61.
11. Əsədov V. CQBKG (SCPX) boru marşrutunun 389.220-ci km-də yerləşən II Poylu yaşayış yerinin qazıntısı haqqında geniş elmi hesabat. Bakı, 2018. 264 s.
12. Muscarella O.W. The Chronology and Culture of Se Girdan: Phase III // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 9. № 1, 2. 2003. Pp. 117–131.
13. Манзура И.В. Владеющие скипетрами // Stratum plus. 2000. № 2. С. 237–295.
14. Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднеэпогов-
1. Aliev N, Narimanov I. *Culture of Northern Azerbaijan in the Late Eneolithic* [Kul'tura Severnogo Azerbaydzhana v epokhu pozdnego eneolita]. Baku: Agridag, 2001.
2. Museibli N. *Chalcolithic settlement Beyuk Kesik*. Baku: "Nafta-Press", 2007.
3. Museibli N. The Galayeri settlement: Late Chalcolithic traditions of Eastern Anatolia and the Caucasus. *TÜBA-AR*. 25/2019. Ankara, 2019: 63-76.
4. Shishlov AV, Kolpakova AV, Fedorenko NV. Studies of the Maikop culture settlement near Natukhaevsk [Issledovaniya poseleniya Maykopskoy kul'tury u st. Natukhaevskoy] *Problems of chronology and periodization of archaeological monuments of the cultures of the North Caucasus. XXVI "Krupnov Readings" on the archaeology of the North Caucasus*. Magas: Piligrim, 2010: 374-377.
5. Müseyibli N.A. *Leilatepe culture*. Baku: Science and Education, 2020.
6. Agamaliyeva SM. *Pottery of Azerbaijan* [Goncharstvo Azerbaydzhana]. Baku: Elm, 1987.
7. Tobler AJ. *Excavations at Tepe Gawra*. Vol. II. Philadelphia: The University Museum. University of Pennsylvania Press, 1950.
8. Munchayev RM, Merpert NY. *Early agricultural settlements of Northern Mesopotamia* [Rannezemledeľcheskie poseleniya Severnoy Mesopotamii]. Moscow: Nauka, 1981.
9. Korenevsky SN. Modern problems of studying the Maikop culture [Sovremennye problemy izucheniya maykopskoy kul'tury] *Archaeology of the Caucasus and the Middle East. Collection for the 80th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor R.M. Munchayev*. Moscow: Taus, 2008:71-122.
10. Lyonne B, Almammadov K, Bouquet L, Coursier A, Jalilov B, Huseynov F, Lut S, Makharadze Z, Reinard S. Late Eneolithic burial ground Soyug Bulag in Azerbaijan [Mogil'nik epokhi pozdnego eneolita Soyug Bulag v Azerbaydzhanе]. *Rossiyskaya Arheologia*. 2011, 1: 48-61.
11. Asadov V. *An extensive scientific report on the excavation of the Poylu II settlement located at 389.220 km of the SCPX pipeline route*. Baku: 2018.
12. Muscarella OW. The Chronology and Culture of Se Girdan: Phase III. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 9. № 1, 2. 2003: 117-131.
13. Manzura IV. Scepter Wielders [Vlodayushchie skipetrami]. *Stratum plus*. 2000, 2: 237-295.

ская и новоданиловская культуры энеолита Азово-черноморского региона. Луганск: «Шлях», 2001. 152 с.

15. Кореневский С.Н. Феномен власти и его символы на долгом пути к государственности (теория и практика исследования) // *Stratum plus*. 2011. № 2. С. 143–166.

16. Rahmstorf L. In search of the earliest balance weights, scales and weighing systems from the East Mediterranean, the Near and Middle East // *Weights in context. Proceedings of the international colloquium*. Roma, 22-24 November 2004. Ed. by Alberti M.E., Ascalone E., Peyronel L. Istituto Italiano di Numismatica: Roma, 2006. Pp. 9–44.

17. Ialongo N., Rahmstorf L. The identification of balance weights in pre-literate Bronze Age Europe: Typology, chronology, distribution and metrology // *Weights and Marketplaces from the Bronze Age to the Early Modern Period. Proceedings of Two Workshops Funded by the European Research Council (ERC)*. Ed. by Lorenz Rahmstorf and Edward Stratford. Wachholtz Verlag Kiel/Hamburg – Murmann Publishers 2019. Gottingen: 2019. Pp. 105–126.

18. Аразова Р.Б. Каменные орудия труда ранних земледельческо-скотоводческих племен западного Азербайджана. Баку: «Элм», 1986. 164 с.

19. Мусебли Н.А. Миграции из Передней Азии на Кавказ в позднем халколите (первая половина IV тыс. до н.э.) // *Stratum plus*. № 2. 2020. С. 71–82.

20. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М: «Наука», 1975, 415 с.

21. Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Телль Хазна I: раскопки 2001 года // *Российская археология*. 2002. № 4. С. 20–39.

22. Balossi Restelli F. The External relations of Arslantepe in the first half of the 4th millennium BCE // *Arslantepe. Proceedings of the I international archaeoloci simposium*. Edited by Neslihan Durak-Marcella Frangipane. İnönü University Press. Malatya: 2019. Pp. 105–117.

23. Mahmudov F.R. Əlikömək təpəsində arxeoloji qazıntıların ilkin yekunları // *Daş dövrü və Azərbaycanada eneolit*. Bakı: ADU, 1984. S. 53–74.

14. Telegin DY, Nechitailo AL, Potekhina ID, Panchenko YV. *Srednestog and Novodanilovsk cultures of the Eneolithic period of the Azov-Black Sea region [Srednestogovskaya i novodanilovskaya kul'tury eneolita Azovo-chernomorskogo regiona]*. Lugansk: Slyakh, 2001.

15. Korenevsky SN. The phenomenon of power and its symbols on the long way to statehood (theory and practice of research) [Fenomen vlasti i ego simvolov na dolgom puti k gosudarstvennosti (teoriya i praktika issledovaniya)]. *Stratum plus*. 2011, 2: 143-166.

16. Rahmstorf L. In search of the earliest balance weights, scales and weighing systems from the East Mediterranean, the Near and Middle East. *Weights in context. Proceedings of the international colloquium*. Roma, 22-24 November 2004. Alberti M.E., Ascalone E., Peyronel L. (ed.). Istituto Italiano di Numismatica: Roma, 2006: 9-44.

17. Ialongo N, Rahmstorf L. The identification of balance weights in pre-literate Bronze Age Europe: Typology, chronology, distribution and metrology. *Weights and Marketplaces from the Bronze Age to the Early Modern Period*. Proceedings of Two Workshops Funded by the European Research Council (ERC). Ed. by Lorenz Rahmstorf and Edward Stratford. Wachholtz Verlag Kiel/Hamburg – Murmann Publishers 2019. Gottingen: 2019: 105-126.

18. Arazova RB. *Stone labor tools of the early agricultural and cattle-breeding tribes of Western Azerbaijan [Kamennye orudiya truda rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh plemen zapadnogo Azerbaydzhana]*. Baku: Elm, 1986.

19. Museibli NA. Migration from Western Asia to the Caucasus in the Late Chalcolithic (first half of the 4th millennium BC) [Migratsii iz Peredney Azii na Kavkaz v pozdnem khalkolite (pervaya polovina IV tys. do n.e.)]. *Stratum plus*. 2020, 2: 71-82.

20. Munchayev RM. *Caucasus at the dawn of the Bronze Age [Kavkaz na zare bronzovogo veka]*. Moscow: Nauka, 1975.

21. Munchayev RM, Merpert NY. Tell Khazna I: excavations of 2001 [Tell' Khazna I: raskopki 2001 goda]. *Rossiyskaya Arheologia*. 2002, 4: 20-39.

22. Balossi Restelli F. The External relations of Arslantepe in the first half of the 4th millennium BCE. *Arslantepe. Proceedings of the I international archaeoloci simposium*. Ed. by Neslihan Durak-Marcella Frangipane. İnönü University Press. Malatya: 2019:105-117.

23. Mahmudov FR. Preliminary results of archaeological excavations in Alikomek Tepe. *Stone Age and Eneolithic period in Azerbaijan*. Baku: ASU, 1984: 53-74.

Поступила в редакцию 30.07.2022 г.

Принята к публикации 14.08.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183751-772>

Таймазов Артур Исрапилович

к.и.н., старший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

taymazov_artur@mail.ru

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА АЙНИКАБ 6 В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ

Аннотация. Заселение древнейшими людьми – носителями культуры олдована – территории Центрального Дагестана произошло не позднее 2 млн л.н. Многочисленные археологические находки, полученные из разных памятников, свидетельствуют о том, что люди продолжали жить на этой территории до конца раннего плейстоцена в течении более 1 млн лет. Что происходило на этой территории позже? Какие индустрии были представлены здесь в среднем плейстоцене? Эти вопросы остаются нерешенными до сих пор. Это связано, в первую очередь, с отсутствием хорошо изученных археологических памятников с количественно представительными коллекциями и надежными естественнонаучными датировками. Вплоть до начала XXI в. сведения о палеолитической культуре среднего плейстоцена рассматриваемого региона основывались на редких находках, собранных в конце 50-х гг. прошлого столетия на древних террасах реки Усиша. В 2006 и 2011 гг. в Акушинской котловине в окрестностях сел. Айникабмахи в отложениях 145 и 100-метровой террас р. Усиша были открыты новые пункты находок среднего плейстоцена: Айникаб 3, Айникаб 4, Айникаб 5 и Айникаб 6. Статья посвящена характеристике каменного инвентаря из местонахождения раннего палеолита Айникаб 6. Анализируемые материалы происходят из обнажения галечников 145-метровой террасы р. Усиша и в осыпях под галечником. Согласно геолого-геоморфологическим данным возраст аллювия 145-метровой террасы оценивается в рамках бакинского горизонта региональной стратиграфической схемы Каспия (ок. 800–500 тыс. лет назад). Коллекция включает единичные одноплощадочные нуклеусы, крупные и мелкие орудия из отщепов и обломков кремневого сырья, дебитаж. Орудийный набор представлен чопперами различных типов, плоским пиком, скреблами, ножами, скребками. В каменном инвентаре также присутствуют архаичные рубила и поперечнолезвийный грубый бифас. Наличие в каменном инвентаре рубил указывает на принадлежность индустрии памятника к ашельской стадии раннего палеолита.

Ключевые слова: ранний палеолит; ашель; средний плейстоцен; Айникаб 6; Центральный Дагестан; Северо-Восточный Кавказ.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183751-772>

Artur I. Taymazov

Cand. Sci. (History), Senior Researcher

Institute of History, Archeology and Ethnography

Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

taymazov_artur@mail.ru

AINIKAB 6 SITE OF THE EARLY PALEOLITHIC IN CENTRAL DAGESTAN

Abstract. The ancient people – carriers of Oldowan culture – settled the territories of Central Dagestan no later than 2 million years ago. Numerous archeological finds, uncovered from different sites, suggest that humans lived here for more than 1 million years up until the end of the Early Pleistocene. What processes took place on this territory later? What industries were here in the Middle Pleistocene? These questions remain unanswered. This is mainly due to the lack of well-studied archaeological sites with quantitatively representative collections and reliable natural-scientific dating. Until the beginning of the 21st century information about the Paleolithic culture of the Middle Pleistocene of the region under consideration was based on rare finds collected in the late 50s of the last century on the ancient terraces of the Usisha River. In 2006 and 2011 in the Akushinsky hollow in the vicinity of the village of Ainikabmakhi in deposits of 145 and 100-meter terraces of the Usisha River, new sites of the Middle Pleistocene were discovered: Ainikab 3, Ainikab 4, Ainikab 5 and Ainikab 6. The article considers the characteristics of the stone inventory from Ainikab 6 of the Early Paleolithic. The analyzed material comes from the outcrop of pebbles of the 145-meter terrace of the Usisha River and in screes under it. According to geological and geomorphological data, the age of the alluvium of the 145-meter terrace is estimated within the framework of the Baku horizon of the Caspian regional stratigraphic scheme (circa 800–500 thousand years ago). The collection includes single-platform cores, large and small tools made from flakes and fragments of flint raw materials, debitage. The tool set is represented by various types of bifaces, a flat peak, side-scrapers, knives, scrapers. The stone inventory also contains archaic axes and a rough cross-bladed biface. The presence of axes in the stone inventory indicates that the industry of the site belongs to the Acheulean stage of the Early Paleolithic.

Keywords: Early Paleolithic; Acheulean; Middle Pleistocene; Ainikab 6; Central Dagestan; North-East Caucasus.

Введение

Еще 20 лет назад Северо-Восточный Кавказ оставался одной из наименее изученных областей на Кавказе в плане раннего палеолита. Сведения о древнейшем палеолите указанного региона основывались на редких находках, собранных на поверхности третьей древнекаспийской (Q2b+hz) террасы в урочище Чумус-иниц в Приморском Дагестане [1]. Археологические пункты со стратифицированными каменными изделиями раннего палеолита на рассматриваемой территории не были известны. Такая ситуация сохранялась до начала XXI в.

С начала 2000-х гг. начинается новый этап в изучении палеолита Дагестана. С этого времени в разных частях региона было открыто несколько десятков местонахождений каменного века, в том числе стратифицированные многослойные палеолитические стоянки [2–3]. Важнейшие открытия были сделаны в горной части Дагестана на территории Акушинской котловины. Здесь на небольшом участке рядом с селом Айникабмахи Х.А. Амирхановым было зафиксировано 10 пунктов раннего палеолита, в том числе памятники самой начальной эпохи истории человечества – олдована [4–6], датирующиеся временем не позднее 2 млн л.н. [7–12]. Выявленные археологические памятники были связаны с рыхлыми отложениями, слагающими кровлю водораздела рек Акуша и Усиша, а также с галечниками 145 и 100-метровой террас р. Усиша.

К настоящему времени относительно лучше изучены стоянки эпохи олдована: Айникаб 1, Мухкай 1, Мухкай 2. Местонахождения на высоких речных террасах р. Усиша (Айникаб 3–6) известны только по результатам разведочных работ, материалы из этих пунктов опубликованы частично [13; 7]. Следует отметить, что материалы из указанных местонахождений имеют важное значение для определения технико-типологического содержания культуры внутригорной зоны Дагестана в среднем плейстоцене и последовательности развития раннепалеолитических индустрий на указанной территории. Наличие системы террас предоставляет хорошую возможность для датировки археологического материала, обнаруживаемого в стратифицированном виде, и позволяет вычленять отдельные культурно-хронологические группы каменных изделий.

Геолого-геоморфологические условия расположения местонахождения Айникаб 6

Согласно геолого-геоморфологическому районированию территории Дагестана местоположение памятника Айникаб 6 относится к внутригорной зоне. Эта область более известна в геологической литературе под названием «Известняковый Дагестан». Для нее характерно широкое развитие мощных толщ

карбонатных пород верхнеюрского и мелового возраста. Коренные породы здесь представлены известняками, песчаниками и сланцами. Эти породы отличаются различной устойчивостью к эрозии, что обусловило формирование здесь контрастного рельефа.

Район, где непосредственно расположен изучаемый памятник, представляет собой крупную межгорную котловину, ограниченную с востока, юга и запада высокими отрогами (2100–2400 м) известнякового хребта Лес, а с севера – хребтом Ганцейшале (рис. 1). Котловина вытянута с северо-запада на юго-восток на 20 км. Ширина ее в поперечнике составляет до 12 км. Основную форму рельефа Акушинской котловины образуют долины двух рек – Акуша и Усиша, текущих с юга на север. К северу от сел. Акуша реки сливаются и далее текут на северо-запад в направлении Казикумухского Койсу – одной из крупных рек бассейна р. Сулак. Долины рек Акуша и Усиша сильно расчленяют поверхность котловины; абсолютные высотные отметки здесь колеблются в пределах 1300–1650 м. Они глубоко прорезают мощный чехол коренных мезозойских известняков и песчаников, образуя водораздельную гряду, возвышающуюся над всей котловиной на высоту 220–230 м. С рыхлыми отложениями водораздела связаны стоянки эпохи олдована Айникаб 1–2, Мухкай 1–2, Гегалашур 1–3. Мощность рыхлых отложений на некоторых участках водораздела достигает до 80 м.

Ниже по склону от водораздела, на уровнях 145, 100, 50 и 25 м над современными руслами рек, прослеживаются уступы более низких террас, изрезанных поперечными балками (рис. 2). Наличие системы высоких речных террас в указанном районе было зафиксировано еще советскими геологами в ходе работ по изучению геологического строения и геоморфологических характеристик данного региона, осуществленных в 20–30-е гг. XX в. [14–15]. В ходе полевых исследований ими сделаны описания геологических отложений этих террас и наблюдения над обнажениями водораздельного хребта, к которому приурочены большинство известных ныне раннепалеолитических памятников. По системе главных рек района Д.В. Дробышевым отмечены три серии древних террас с высотными отметками над современной гидрографической сетью в 180–215 м, 100–110 и серия террас ниже 50 м. В отношении участка, с которым связаны изучаемые нами пункты, им отмечалось следующее: «Ключки террасы вышележащих галечников выступают по срединной линии водораздела упомянутых рек: меридиональный ряд вершинок с высотными отметками на карте 758 саж., 725 саж., 702 саж., представляют собой остатки этой террасы» [15, с. 25].

Местонахождение Айникаб 6 расположено в 650–700 м к юго-востоку от сел. Айникабмахи. Оно приурочено к останцу 145-метровой террасы р. Усиша. Описываемый останец протягивается с юго-запада на северо-восток (рис. 3). С западной и восточной стороны он изрезан глубокими поперечными балками. С северной и северо-восточной стороны останца в уступе террасы обнажаются галечники высотой до 1 м и длиной до 50 м (рис. 4–6). Поверхность описываемого останца плоская.

Местонахождение Айникаб 6 было обнаружено А.И. Таймазовым в 2011 г. В ходе обследования местности на южной окраине сел. Айникабмахи на одном из останцев 145-метровой террасы в осыпи под естественным обнажением галечников террасы автором были найдены 3 кремневых изделия: рубило и 2 скребла на первичных отщепах [13, с. 135–138]. Повторные обследования памятника проводились в 2012 и 2019 гг. [16]. Кроме автора статьи в осмотре данного пункта находок в разные годы принимали участие Х.А. Амирханов, Д.В. Ожерельев, А.Б. Селезнев, М.Н. Мещерин, Д.И. Стулова. В результате этих работ из обнажения и в осыпях под ним были получены обработанные каменные изделия раннепалеолитического облика.

Каменная индустрия местонахождения Айникаб 6

Общая коллекция изделий раннего палеолита из местонахождения Айникаб 6 составляет 49 предметов. Все находки из местного кремня различных оттенков серого цвета. Сохранность находок хорошая, выраженные признаки окатанности отсутствуют. На некоторых изделиях встречается молочная патина. Патина непокрывающая и неглубокая, в виде отдельных пятен и точек.

Несмотря на свою немногочисленность, коллекция из местонахождения структурирована; она включает изделия, относящиеся к первичному расщеплению, законченные орудия и дебитаж. Состав полученной коллекции выглядит следующим образом (Табл. 1).

Таблица 1. Типологический состав находок из местонахождения Айникаб 6
Table 1. Typological composition of finds from the Ainikab 6 site

Наименование	2011	2012	2019	Всего
Нуклеусы одноплощадочные			2	2
Чопперы		1	1	2
Рубила	1	1		2
Грубый поперечнолезвийный бифас			1	1
Пик			1	1
Скребла	2		3	5
Скребки			2	2
Ножи			2	2
Отщепы		7	20	27
Обломки и желваки со сколами			5	5
Всего	3	9	37	49

Нуклеусы и отщепы. Группа первичного расщепления представлена *нуклеусами и сколами*. Нуклеусов в рассматриваемой коллекции 2. Оба они

относятся к одноплощадочным. Один из нуклеусов относительно крупный: высота его – 7,6 см, ширина – 9,3 см, толщина – 11,5 см. Заготовкой послужил обломок желвака. Желвачные поверхности выступают боковыми сторонами изделия. Ударная площадка плоская широкая, представляет собой плоскость естественного излома заготовки. Ударная площадка образует прямой угол с плоскостями расщепления. Снятия осуществлялись в двух смежных плоскостях: по торцевой стороне и правому боковому краю. Основной целью расщепления, судя по негативам сколов, было производство мелких и средних отщепов. На тыльной стороне нуклеуса наблюдаются негативы разнонаправленных сколов.

Второй нуклеус значительно меньше по размерам. Высота его – 7 см, ширина – 4,5 см, толщина – 4,5 см. Для расщепления использован также обломок желвака. Ударная площадка и боковые стороны нуклеуса покрыты желвачной коркой. Площадка скошенная, наклонена в сторону правого края. Она образует прямой угол с плоскостью раскалывания. Рабочая плоскость расположена между двумя естественными поверхностями желвака, имеющими корку. На ней имеются негативы однонаправленных снятий, закончившихся заломом. Тыльная сторона нуклеуса и основание представляют собой плоскости естественного излома.

Отщепы разные по форме, нестандартизованные и, в основном, мелкие. Вероятно, являются, отходами расщепления и оббивки орудий. 25 из 27 отщепов имеют размеры менее 5 см в поперечнике. Два отщепа по размерам относятся к средним (5–10 см). Сохранившиеся ударные площадки имеют 20 отщепов. Из них более половины (12 экз.) гладкие и, в основном, широкие. У 6 сколов площадка имеет корку, 2 отщепа имеют точечную площадку.

В рассматриваемой коллекции большинство отщепов являются вторичными. Огранка дорсалов, в основном, продольная (11 экз.) и дорсально-гладкая (6 экз.). Четыре отщепа являются полупервичными, в том числе два – продольно-краевыми, два – поперечно-краевыми. У двух отщепов огранка спинки бессистемная. Три отщепа являются первичными, в том числе два с коркой.

Орудия. Группа орудий представлена выразительными находками. В составе орудий имеются как крупные изделия, так и изделия небольших размеров. Большинство орудий изготовлено на отщепах – 10 экз. В качестве заготовки для 6-ти орудий послужили желваки и их обломки. В типологическом отношении орудия подразделяются на несколько групп (Табл. 1.).

Чопперы представлены 2 экземплярами. Оба они изготовлены на крупных отщепах. Рассмотрим их подробнее.

Чоппер с прямым узким лезвием двусторонний (рис. 7, 2) имеет трапециевидную форму с более широким и массивным основанием (пяткой) и противопоставленным ему относительно узким рабочим краем. Лезвие получено, в основном, односторонней продольной оббивкой и незначительной подправкой со второй стороны. Оббивка мелкая, краевая. Ширина лезвия равна 6 см, в профиле оно слабоизвилистое. Правый боковой край изделия усечен широким

вертикальным сколом, который ограничивает ширину лезвия. На обушке также имеются негативы поперечных сколов, создающих почти плоскую поверхность, удобную для захвата рукой. Размеры орудия: высота – 7,8 см; ширина – 9,5 см, толщина – 4 см.

Чоппер со скошенным узким лезвием двусторонний (рис. 7, 1) изготовлен на широком массивном коротком отщепе. Лезвие оформлено на узком крае отщепе двусторонней продольной оббивкой. Оббивка мелкая краевая. Лезвие скошенное, ширина ее равна 4,2 см. Пятка орудия также расположена наклонно относительно продольной оси орудия и не подработана. За исключением рабочей части изделия признаки обработки на остальных краях отсутствуют. Размеры орудия: высота – 12 см, ширина – 5,4 см, толщина – 3 см.

Пик плоский (рис. 7, 3) изготовлен, вероятно, на крупном отщепе. Орудие имеет треугольную форму на конце и округлый обушок. Рабочая часть изделия получена интенсивной крутой оббивкой боковых краев заготовки, которые образуют острый конец при схождении. Обработка правого края орудия доведена до середины края. Левый край оббит в концевой части примерно на треть. Нижняя сторона орудия плоская, вероятно, представляет собой вентральную сторону крупного отщепе. Лицевая сторона отщепе также плоская, имеет негативы разнонаправленных снятий.

Размеры орудия: высота – 12 см, ширина – 9,5 см, толщина – 4,7 см.

Рубила, найденные на местонахождении Айникаб 6, являются древнейшими для Северного Кавказа. Они представлены двумя экземплярами. Подробное описание этих предметов выполнено Х.А. Амирхановым [7, с. 185–186], поэтому не видим необходимости их еще раз описывать. Отметим лишь наиболее существенные характеристики этих изделий.

По технико-морфологическим характеристикам рассматриваемые изделия близки друг другу. Особенность их состоит в том, что в качестве заготовок для них использовались обломки и желваки, а не крупные отщепы.

Первый из этих двух предметов (рис. 8, 2) массивный, имеет подтреугольную форму в плане и плоско-выпуклое поперечное сечение. Он имеет следующие размеры: длина – 10 см, ширина – 7 см, толщина – 4,5 см. Вторичная обработка орудия нацелена на отделку его заостренного конца и оформление обушка (пятки). Обращает на себя внимание способ оформления пятки. Он был получен путем обрубания конца заготовки. Этот технический прием применялся регулярно при изготовлении чоппера – ведущей формы орудия на памятниках олдована Акушинской котловины.

Второе изделие (рис. 8, 1) имеет очертания, которые близки к овалу, и двояковыпуклое поперечное сечение. Оно изготовлено на небольшом обломке кремня с применением техники бифасиальной оббивки и крупной ретуши. Вторичная обработка – формирующая, затрагивает все элементы орудия, за исключением пятки. Последний элемент покрыт желвачной коркой. Небольшие участки краев, не требовавшие подработки, остались не затронутым оббивкой. Как отмечает Х.А. Амирханов, «... для выработки формы орудия оббивка осуществляется

не только в направлении от края к центру заготовки, но и от выпуклой грани плоскости изделия в сторону краев. Этот прием типичен для индустрии памятников олдована Центрального Дагестана при оформлении ребра трехгранных пиков. В данном случае эта обработка также формирует грань, но она служит приданию нужного сечения (двояковыпуклое) данному предмету» [7, с. 185]. Длина орудия составляет 8,9 см, ширина – 7,8 см, толщина – 4 см.

Еще одно изделие (рис. 9) в коллекции местонахождения может быть отнесено к группе орудий с бифасиальной обработкой. Оно имеет очертания, которые близки овалу. Заготовкой для орудия также использован обломок кремня. Боковые края орудия обработаны в технике двусторонней оббивки. Снятия производились от краев к центру. В отличие вышеописанных ручных рубил оббивка здесь не образует острый конец. Орудие имеет поперечное лезвие, полученное односторонней продольной мелкой оббивкой и ретушью. Описываемое изделие может быть определено как поперечнолезвийный грубый бифас.

Скребла образуют выразительную группу из 5 находок. Четыре из них изготовлены на не крупных отщепах (рис. 10, 1, 3-4), один – на обломке кремня (рис. 10, 2). Орудия имеют подчетыреугольные очертания в плане. Почти у всех экземпляров обработка касается только лезвийного края орудия. Одно орудие имеет усеченные боковые края, что указывает, возможно, на начало стандартизации орудий. Размеры орудий: 8×8,5×3,2 см; 7,3×6×2,2 см; 7×5,5×2,2 см; 6×6,6×2,6 см; 6,8×5×3,5 см.

Ножи с обушком представлены двумя находками. По характеру обушка они относятся к двум типам. Один из них имеет обушок, покрытый коркой, второй – грань.

Нож с естественным обушком (рис. 11, 3) изготовлен на среднем отщепе подтреугольной формы. Ударная площадка отщепа гладкая, широкая. На его спинке имеются негативы продольных снятий. Правый продольный край отщепа прямой в плане и естественно острый. На большей части протяженности этот край имеет выщерблины с двух сторон. Дистальная часть этого края обработана мелкой и средней односторонней ретушью. Левый продольный край отщепа относительно массивный и имеет корку. На дистальном конце он усечен вертикальной ретушью. Таким образом, описываемое изделие имеет острый режущий край и противопоставленный ему обушок. По всем имеющимся характеристикам его можно отнести к категории ножей.

Размеры орудия: высота – 8,6 см, ширина – 5,2 см, толщина – 1,8 см.

Нож с обушком на грани (рис. 11, 2) также изготовлен на среднем отщепе подтреугольной формы. Ударная площадка отщепа гладкая, на спинке прослеживаются негативы продольных снятий, закончившихся заломом. В результате того, что предшествующие сколы заканчивались заломом в медиальной части дорсальной поверхности отщепа сохранился участок с коркой. Правый продольный край отщепа был утончен снятием, выполненным от левого более массивного края. Далее он был обработан дорсальной ретушью в дистальной части скола. В медиальной части вторичная обработка переходит

на вентральную сторону скола. Таким образом, на правом крае отщепа наблюдается целенаправленная обработка, направленная на заострение края. Противоположный левый продольный край отщепа относительно массивный и был усечен ударом от площадки. Описываемое изделие по всем характеристикам близко к первому и может быть отнесено категории ножей. Размеры: высота – 7,2 см, ширина – 5 см, толщина – 2,5 см.

Скребки в рассматриваемой коллекции имеются в двух экземплярах. Один из них изготовлен на первичном отщепе (рис. 11, 1), второй – на полупервичном. Рабочие части орудий получены мелкой краевой ретушью на продольных краях заготовки. На остальных краях отщепов обработка отсутствует. Размеры орудий: 5,3×5,8×1,4 см; 4×2,5×1 см.

Проблема датировки археологических находок и их культурная атрибуция

Датировка археологических находок, происходящих из галечно-гравийных отложений террас р. Усиша, основывается исключительно на обобщениях и интерпретациях палеогеографических данных [6–7]. Целенаправленные стационарные исследования на местонахождениях не проводились. Крайне важным для установления возраста террас р. Усиша являются имеющиеся представления о развитии рельефа Кавказа. Согласно им, на Кавказе «аллювиально-флювиогляциальные отложения террас соответствуют эпохам наступления ледников, а не их таяния» [17, с. 6]. Соответственно, «таяние ледников Кавказа в межледниковья, как и в других горных странах, совпадало с эпохами врезания долин» [17, с. 6]; «...межледниковья сопровождались интенсивным углублением долин» [18, с. 238].

Базовым уровнем, с которого начался врез рек Акуша (юго-запад котловины) и Усиша (северо-восток котловины) явилась древняя поверхность выравнивания, охарактеризованная крупнейшим специалистом в области четвертичной геологии Кавказа Л.А. Варданянцем как «платообразные поверхности Леваши, Акуша и т.д., протягивающиеся на десятки километров...» [19, с. 53].

Как показали результаты комплексных естественнонаучных (палеомагнитных, палинологических, палеофаунистических) исследований, полученных при изучении стоянок эпохи олдована Айникаб 1, Мухкай 1 и Мухкай 2, рыхлые отложения водораздела, с которыми связаны указанные памятники, датируются ранним плейстоценом, причем возраст нижней части отложений определен не позднее 2 млн л.н., а верхи относятся к концу раннего плейстоцена (ок. 0,8 млн л.н.) [7; 9–10].

Отложения водораздела срезаются реками Акуша и Усиша и заведомо древнее времени формирования их долин. Наличие данных о возрасте кровли водораздела рек Акуша и Усиша служат надежным репером для определения времени начала формирования долин названных рек и времени возникнове-

ния первого террасового уступа. Исходя из того, что верхний уровень последнего совпадает с поверхностью выравнивания, начало формирования первого речного вреза, как считает Х.А. Амирханов, должно относиться ко времени, «следующему непосредственно за оледенением Гюнц альпийской схемы» [7, с. 16]. Учитывая датировку верхней части толщи водораздела концом раннего плейстоцена, этот процесс должен был происходить около 800 тыс. лет назад. Соответственно, врез долины, результатом которого было формирование 145-метровой террасы, протекал в межледниковье гюнц-миндель. Он завершился ко времени начала оледенения миндель. В этой системе отсчета 100-метровая терраса должна была образоваться к началу рисского оледенения.

Приведенные аргументы позволяют определить возраст археологических находок, происходящих из аллювия 145-метровой террасы, в рамках бакинского горизонта региональной стратиграфической схемы Каспия (800–500 тыс. лет назад).

Важнейший вопрос изучения каменного инвентаря любого памятника – определение его культурной атрибуции. Коллекция из местонахождения Айникаб 6 хотя и немногочисленна, но содержит диагностичные предметы, которые позволяют делать выводы культурно-исторического характера. В самом общем виде каменная индустрия памятника предстает следующим образом. Первичное расщепление сырья на местонахождении характеризуется простейшими приемами получения заготовок. Нуклеусы в рассматриваемой индустрии малочисленны и представлены одноплощадочным типом со смежным расположением рабочих поверхностей. В качестве ударной площадки служили естественные поверхности, покрытые коркой, или плоскости естественного разлома желвака, образующие отрицательный или прямой угол с плоскостью расщепления. Специальная подготовка ударной площадки на нуклеусах не наблюдается.

Типы площадок и огранки дорсалов отщепов полностью соответствуют характеру вышеописанных ядрищ. Среди отщепов абсолютно преобладают сколы с однонаправленными снятиями на спинке – продольные и дорсально-гладкие. Отщепы с ортогональными снятиями на спинке и бессистемные характерны в меньшей степени. Часть отщепов имеют желвачную корку также на дистальном конце, что свидетельствует о том, что раскалывание их производилось с плитчатого или уплощенного желвака. Длина таких сколов обычно равна толщине заготовки, с которой они расщеплялись. Большинство отщепов имеют плоские конусы ударов, хотя имеются экземпляры с рельефными бугорками.

Изделия с вторичной обработкой представлены различными категориями. Среди них имеются как макроорудия, так и изделия небольших размеров. В качестве заготовок для орудий преимущественно использовались отщепы и, в меньшей степени, кремневые желваки и их обломки. Наблюдается избирательность не только к отщепам как виду заготовки, но и к отдельным его типам. Для изготовления орудий выбирались отщепы средних и крупных размеров. Последние служили заготовками для чопперов и плоских пиков.

Переход к использованию крупного отщепка как заготовки для систематического изготовления соответствующих им по размерам массивных орудий считается одним из важнейших критериев, отличающих ранний ашель Африки от предшествующего олдована (или началом трансформации одной индустрии в другую) [20–21]. На памятниках раннего палеолита Акушинской котловины появление крупного отщепка и регулярное его использование в качестве заготовки для крупных орудий фиксируется еще с конца раннего плейстоцена [22]. Эта технологическая традиция сохраняется также и в каменной индустрии памятников 145-метровой террасы.

По типологическому составу орудий инвентарь местонахождения Айникаб 6 близок к материалам памятников олдована Айникаб 1, Мухкай 1, Мухкай 2 и др. Набор известных типов орудий здесь включает чопперы с различными модификациями лезвия, плоский пик, скребла на отщепах, ножи на некрупных отщепах. Однако, имеются и существенные отличия в сравнении с материалами названных памятников. В инвентаре Айникаб 6 присутствуют рубила – диагностичный тип изделия для ашеля. На вероятность обнаружения на уровне 145-метровой террасы р. Усиша орудий с бифасиальной обработкой, в том числе рубил, указывал еще в самом начале исследований памятников раннего палеолита Акушинской котловины Х.А. Амирханов [4, с. 122; 5, с. 65]. Основанием для такого рода допущений послужило обнаружение проторубила в верхней части толщи стоянки Мухкай 1, в отложениях, датированных концом раннего плейстоцена. Раскопки на широкой площади, проведенные на стоянках Мухкай 1 и Мухкай 2 в 2018–2019 гг., предоставили убедительные доказательства, свидетельствующие о возникновении элементов бифасиальной техники и проторубил в конце раннего плейстоцена (0,99–0,8 млн л.н.) [22–23]. Присутствие рубила в каменном инвентаре местонахождения Айникаб 6 указывает на принадлежность индустрии памятника ашелю.

Сделанное заключение косвенно подтверждается материалами синхронных памятников Приморского Дагестана (Дарвагчай 1 и др.), которые залегают непосредственно в отложениях бакинской террасы Каспийского моря. В инвентаре указанных памятников содержатся значительное количество бифасиальных орудий, в том числе выразительные рубила [3]. Присутствие на разных памятниках в отложениях, соответствующих по времени бакинскому горизонту региональной стратиграфической схемы Каспия, ручных рубил является отражением общих культурно-исторических процессов, протекавших на Северо-Восточном Кавказе в первой половине – середине среднего плейстоцена. Эти процессы знаменуют собой начало новой эпохи на Северо-Восточном Кавказе – ашеля.



Рис. 1. Расположение местонахождения Айникаб 6 на карте Дагестана и в Акушинской котловине (показано стрелкой), вид с ССВ

Fig. 1. Location of the Ainikab 6 site on the map of Dagestan and in the Akushinsky hollow (indicated by the arrow), view from NNE



Рис. 2. Акушинская котловина. Общий вид с ССВ. Цветными линиями выделены высокие террасовые уровни р. Усиша

Fig. 2. Akushinsky hollow. General view from NNE. High terraced levels of the river Usisha are indicated with colored lines



Рис. 3. Местонахождение Айникаб 6 (показано красной стрелкой). Вид со стоянки Айникаб 1

Fig. 3. Location of Ainikab 6 (indicated by the red arrow). View from the Ainikab 1 site, from the W

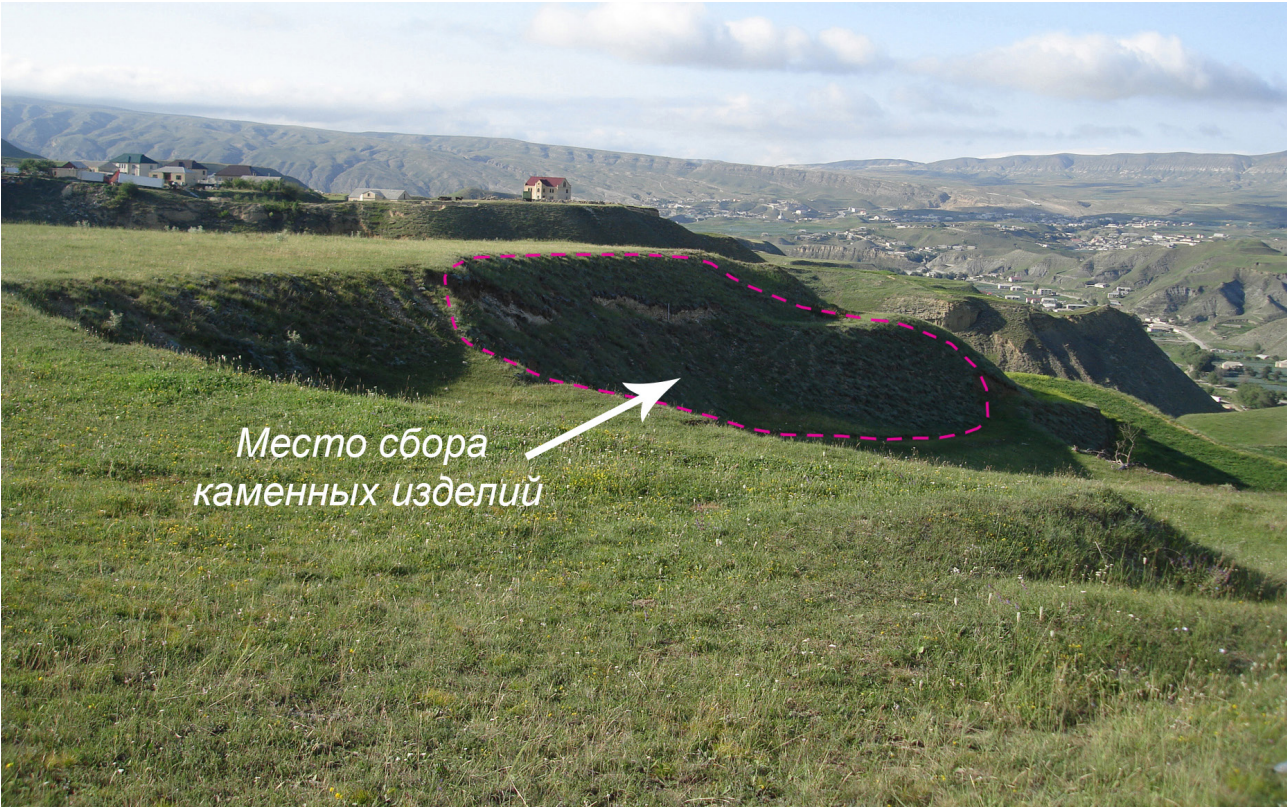


Рис. 4. Местонахождение Айникаб 6. Вид с ЮВ. Пунктирной линией обозначено место концентрации археологических находок

Fig. 4. Location of Ainikab 6. View from SE. The dotted line indicates the concentration of archeological finds



Рис. 5. Местонахождение Айникаб 6. Вид с В

Fig. 5. Location of Ainikab 6. View from E



Рис. 6. Местонахождение Айникаб 6.
Участок обнажения галечников террасы с образцами кремневых изделий

Fig 6. Ainikab 6. Terrace pebble outcrop with samples of flint artifacts



Рис. 7. Местонахождение Айникаб 6. Кремневые орудия: 1-2 – чопперы; 3 – плоский пик

Fig. 7. Ainikab 6. Flint tools: 1-2 – choppers; 3 – flat peak

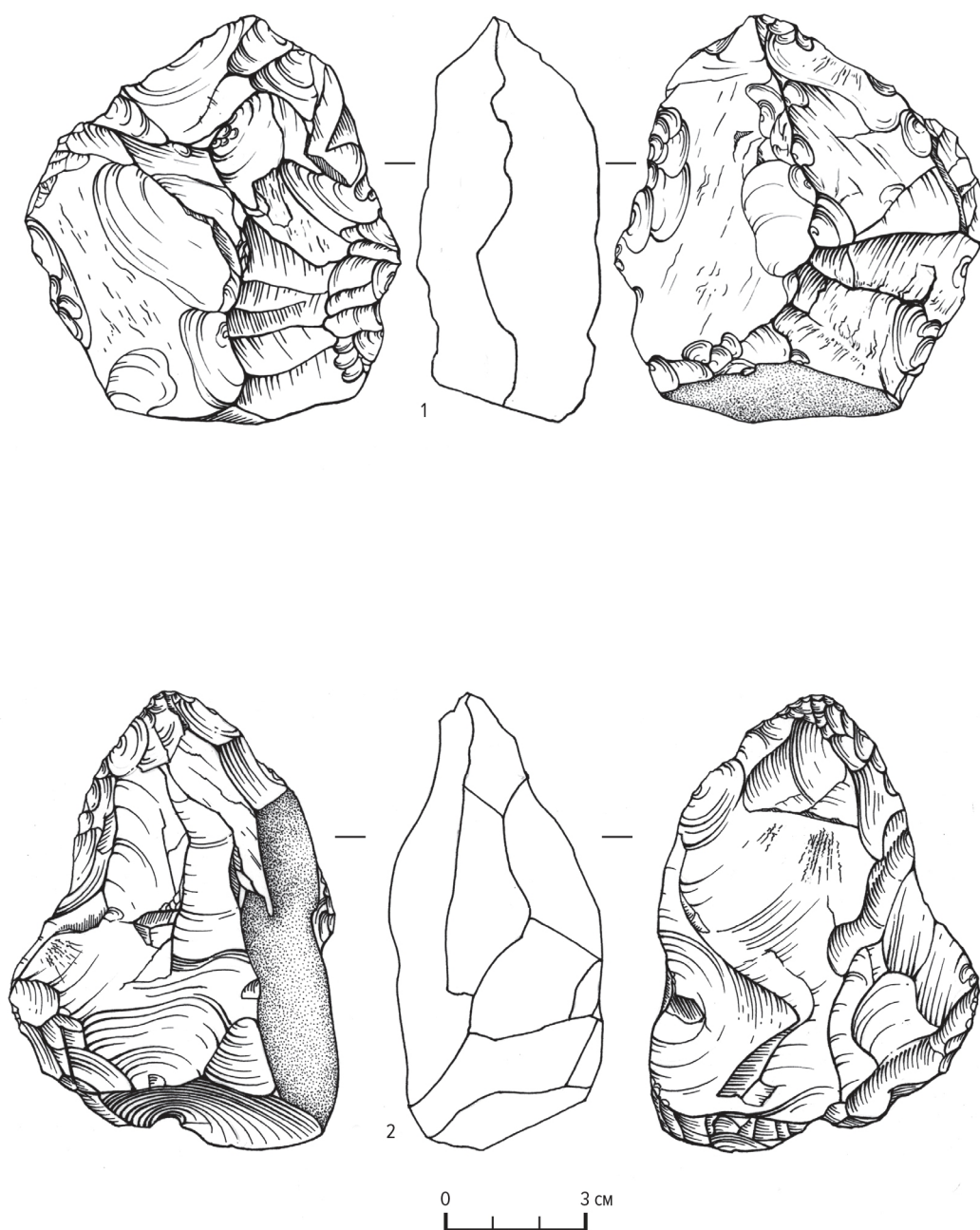


Рис. 8. Местонахождение Айникаб 6. Рубила из кремня

Fig. 8. Ainikab 6. Flint bifaces

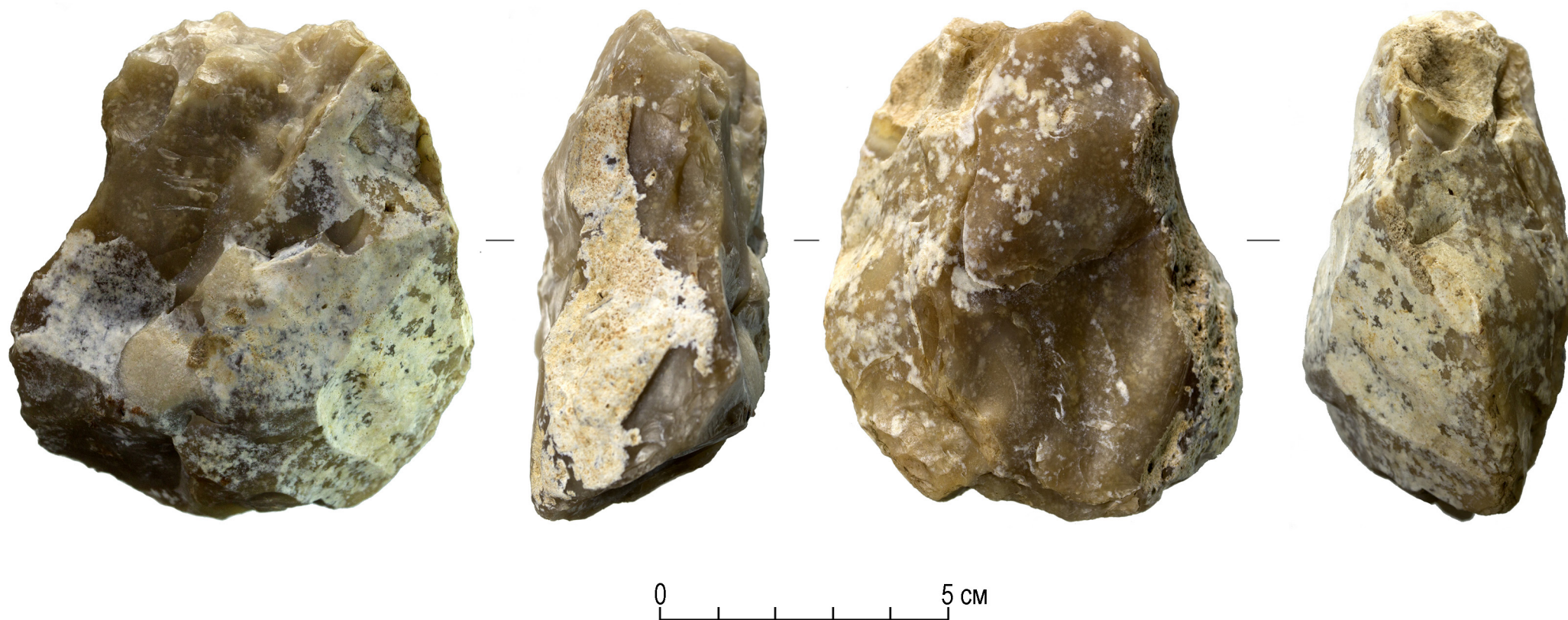


Рис. 9. Местонахождение Айникаб 6. Грубый поперечнолезвийный бифас из кремня

Fig. 9. Ainikab 6. Rough transversal flint biface

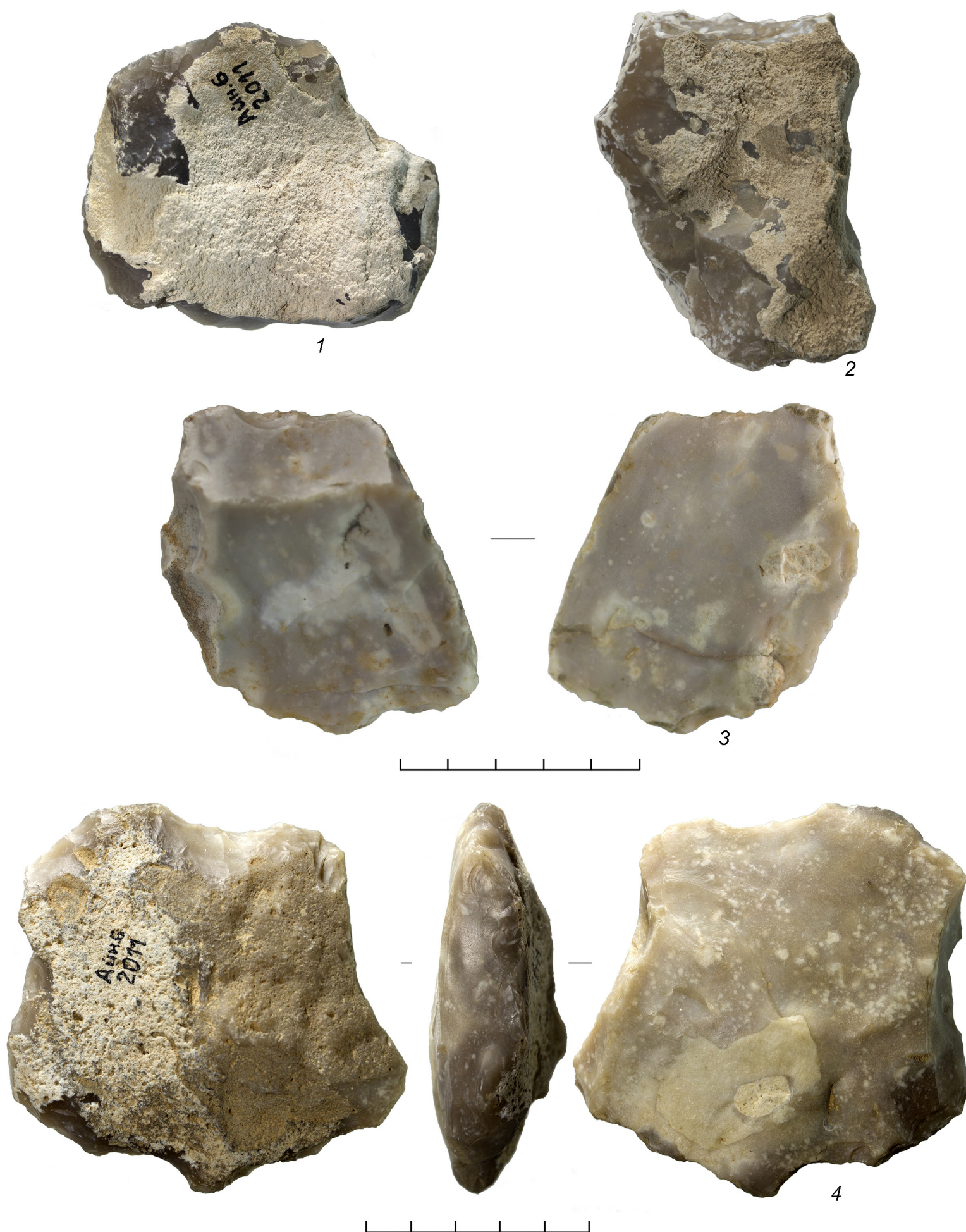


Рис. 10. Местонахождение Айникаб 6. Скребла из кремня

Fig. 10. Ainikab 6. Flint side-scrapers



Рис. 11. Местонахождение Айникаб 6. Образцы кремневых орудий: 1 – скребок; 2-3 – ножи

Fig. 11. Ainikab 6. Samples of flint tools: 1 – scraper; 2-3 – knives

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. 226 с.
2. Амирханов Х.А., Деревянко А.П. Разведки памятников каменного века в Дагестане в 2003 году // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005. С. 18–32.
3. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Аношкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.
4. Амирханов Х.А. Работы Северокавказской палеолитической экспедиции Института археологии РАН в Центральном Дагестане в 2006 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 3. С. 121–124.
5. Амирханов Х.А. В Центральном Дагестане открыты памятники раннего плейстоцена // Природа. 2007. № 4. С. 62–67.
6. Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М.: ТАУС, 2007. 52 с.
7. Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: МавраевЪ, 2016. 344 с.: ил.
8. Амирханов Х.А., Тесаков А.С., Ожерельев Д.В. К датировке стоянки олдована Мухкай 2а в Дагестане // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 2017. № 75. С. 5–10.
9. Ожерельев Д.В. Мухкай II, слой 80. Стоянка эпохи олдована на Северо-Восточном Кавказе. М.: ИА РАН, 2021. 160 с.: ил.
10. Таймазов А.И. Айникаб 1: стоянка олдована на Северо-Восточном Кавказе. Махачкала: МавраевЪ, 2021. 288 с., илл.
11. Amirkhanov H.A., Ozherelyev D.V., Gribchenko Y.N., Sablin M.V., Semenov V.V., Trubikhin V.M. Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in northern Caucasus // Comptes Rendus Palevol. 2014. Vol. 13. P. 717–725.
12. Amirkhanov H.A., Ozherelyev D.V., Sablin M.V., Agadzhanian A.K. Faunal remains from the Oldowan site of Mukhai II in the North Caucasus: potential for dating and palaeolandscape reconstruction // Quaternary International. 2016. Vol. 395. P. 233–241.
13. Таймазов А.И. Культурно-типологическая характеристика индустрии памятников 145-метровой террасы р. Усиша (Центральный Дагестан) // Новейшие
1. Kotovich VG. *Stone Age of Dagestan [Kamennyyi vek Dagestana]*. Makhachkala, 1964.
2. Amirkhanov HA, Derevianko AP. Exploration of Stone Age sites in Dagestan in 2003 [*Razvedki pamyatnikov kamennogo veka v Dagestane v 2003 godu*]. *Antiquities of the Caucasus and the Middle East*. Makhachkala, 2005: 18–32.
3. Derevianko AP, Amirkhanov HA, Zenin VN, Anoykin AA, Rybalko AG. *Problems in Dagestan Paleolithic [Problemy paleolita Dagestana]*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2012.
4. Amirkhanov HA. Works of the North Caucasian Paleolithic expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in Central Dagestan in 2006 [*Raboty Severokavkazskoi paleoliticheskoi ehkspeditsii Instituta arkheologii RAN v Tsentral'nom Dagestane v 2006 g.*]. *Bulleting of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2006, 3: 121–124.
5. Amirkhanov HA. Early Pleistocene sites discovered in Central Dagestan [*V Tsentral'nom Dagestane otkryty pamyatniki rannego pleistotsena*]. *Nature*. 2007, 4: 62–67.
6. Amirkhanov HA. *Investigation of Oldowan sites in North-eastern Caucasus (preliminary results) [Issledovanie pamyatnikov oldovana na Severo-Vostochnom Kavkaze (Predvaritel'nye rezul'taty)]*. Moscow: TAUS.
7. Amirkhanov HA. *North Caucasus: the beginning of prehistory [Severnyi Kavkaz: nachalo preistorii]*. Makhachkala: Mavraev, 2016.
8. Amirkhanov HA, Tesakov AS, Ozherelyev DV. On dating of Oldowan site Mukhkay 2a in Dagestan [*K datirovke stoyanki oldovana Mukhkai 2a v Dagestane*]. *Bulletin of the commission for the study of the Quaternary period*. 2017, 75: 5–10.
9. Ozherelyev DV. *The Oldowan site of Mukhkai II, layer 80 located in the Northeast Caucasus [Mukhkai II, sloi 80. Stoyanka ehpkhi oldovana na Severo-Vostochnom Kavkaze]*. Moscow, 2021.
10. Taymazov AI. *Ainikab 1: The Oldowan site in the Northeast Caucasus [Ainikab 1: stoyanka oldovana na Severo-Vostochnom Kavkaze]*. Makhachkala: Mavraev, 2021. 288 p. (In Russ)
11. Amirkhanov HA, Ozherelev DV, Gribchenko YN, Sablin MV, Semenov VV, Trubikhin VM.

открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации». XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Махачкала: МавраевЪ, 2012. С. 135–137.

14. Ренгартен В.И. Геологические наблюдения в Кайтаго-Табасаранском и Даргинском округах в Дагестане // Материалы Геологического комитета по общей и прикладной геологии. Л. 1927. Вып. 66. 55 с.

15. Дробышев Д.В. Хребет Лес в Даргинском округе Дагестана (геологическое описание района и обзор полезных ископаемых) // Труды Главного геолого-разведочного управления Высшего совета народного хозяйства СССР. 1931. Вып. 86.

16. Таймазов А.И. Работы на стоянках Айникаб 1 и Айникаб 6 в Центральном Дагестане // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 424–426.

17. Думитрашко Н.В. Основные проблемы геоморфологии Кавказа. М., 1960. 16 с.

18. Думитрашко Н.В., Лилиенберг Д.А., Панов Д.Г., Церетели Д.В. Денудационная хронология Кавказа // Современные проблемы географии. Научные сообщения советских географов по программе XX Международного географического конгресса (Лондон, 1964). М.: Наука, 1964. С. 236–239.

19. Варданянц Л.А. Постплиоценовая история кавказско-черноморско-каспийской области. Ереван, 1948. 184 с.

20. Isaac G.L. Studies of early culture in East Africa // World Archaeology. 1969. Vol. 1 (1). P. 1–28.

21. Leakey M.D. Olduvai Gorge. Excavations in Bed I and II, 1960–1963. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University press, 1971. 306 p.

22. Амирханов Х.А., Таймазов А.И. Раннеплейстоценовая крупноотщеповая индустрия Северо-Восточного Кавказа: стадийный статус // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 254. С. 13–33.

23. Ожерельев Д.В. Новые данные о каменной индустрии многослойной стоянки Мухкай II в конце раннего плейстоцена // Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез. Международная конференция. Тезисы докладов. М.: ИА РАН, 2020. С. 67–68. <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-305-3.67-68>.

Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in northern Caucasus. *Comptes Rendus Palevol*. 2014, 13: 717–725. <https://doi.org/10.1016/j.crpv.2014.06.004>

12. Amirkhanov HA, Ozherelyev DV, Sablin MV, Agadzhanian AK. Faunal remains from the Oldowan site of Muhkai II in the North Caucasus: potential for dating and palaeolandscape reconstruction. *Quaternary International*. 2016, 395: 233–241. <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2014.12.061>

13. Taymazov AI. Cultural and typological characteristics of the industry of sites on the 145-meter terrace of the Usisha river (Central Dagestan) [*Kul'turno-tipologicheskaya kharakteristika industrii pamyatnikov 145-metrovoi terrasy r. Usisha (Tsentral'nyi Dagestan)*]. The latest archaeological discoveries in the North Caucasus: Researches & Interpretations. The XXVII-th Krupnov's readings. Proceedings of the International Scientific Conference. Makhachkala, April 23–28, 2012. Makhachkala: Mavraev, 2012: 135–137.

14. Rengarten VI. Geological observations in the Kaitago-Tabasaran and Dargin districts in Dagestan [*Geologicheskie nablyudeniya v Kaitago-Tabasaranskom i Darginskom okrugakh v Dagestane*]. Proceedings of the Geological Committee on General and Applied Geology. Leningrad, 1927, p. 66.

15. Drobyshev DV. The Les Range in the Dargin region, Daghestan (Geological description of the region and a revision of its mineral resources) [*Khrebet Les v Darginskom okruge Dagestana (geologicheskoe opisanie raiona i obzor poleznykh iskopaemykh)*]. Transactions of the Geological and Prospecting Service of USSR. 1931, 86.

16. Taymazov AI. Works at the Ainikab 1 and Ainikab 6 sites in Central Dagestan [*Raboty na stoyankakh Ainikab 1 i Ainikab 6 v Tsentral'nom Dagestane*]. Archaeological discoveries of 2010–2013. 2015: 424–426.

17. Dumitrashko NV. The main problems of geomorphology of the Caucasus [*Osnovnye problemy geomorfologii Kavkaza*]. Moscow, 1960.

18. Dumitrashko NV, Lilienberg DA, Panov DG, Tsereteli DV. Denudation chronology of the Caucasus [*Denudatsionnaya khronologiya Kavkaza*]. Modern problems of geography.

Scientific Communications of Soviet Geographers under the Program of the XX International Geographical Congress (London, 1964). Moscow: Nauka, 1964: 236–239.

19. Vardanyants LA. *Post-Pliocene history of the Caucasian-Black Sea-Caspian region* [*Post-pliotsenovaya istoriya kavkazsko-chernomorsko-kaspiiskoi oblasti*]. Yerevan, 1948.

20. Isaac GL. Studies of early culture in East Africa. *World Archaeology*. 1969, 1 (1): 1–28.

21. Leakey M.D. *Olduvai Gorge. Excavations in Bed I and II, 1960-1963*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University press, 1971.

22. Amirkhanov HA, Taymazov AI. Early Pleistocene large flake industry of the Northeast Caucasus: Stadial status [*Rannepleistotsenovaya krupnootshchepovaya industriya Severo-Vostochnogo Kavkaza: stadial'nyi status*]. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2019, 254: 13–33. <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.13-33>.

23. Ozherelyev DV. New data on the stone industry of the multilayered site of Mukhkai II at the end of the Early Pleistocene [*Novye dannye o kamennoi industrii mnogoslonoj stoyanki Mukhkai II v kontse rannego pleistotsena*]. *Eastern Europe, Near East, Caucasus in the stone age: chronology, materials and culture genesis. International conference. Abstracts of reports*. Moscow: IA RUS, 2020: 67–68. <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-305-3.67-68>.

Поступила в редакцию 18.08.2022 г.

Принята к публикации 09.09.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183773-792>



Бурков Сергей Борисович
старший научный сотрудник
Институт истории и археологии РСО-Алания, Владикавказ, Россия
sergeyburkov59@yandex.ru

О НАКОНЕЧНИКАХ СТРЕЛ С «БОКОВЫМИ ШИПАМИ» В НОМЕНКЛАТУРЕ ВООРУЖЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II – НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н.Э.

Аннотация. В статье исследуются вопросы появления и развития традиции применения населением Центрального и Северо-Восточного Кавказа костяных и бронзовых наконечников стрел с так называемым «боковым шипом». Для этого привлекаются материалы из бытовых и погребальных памятников региона. Было установлено, что впервые наконечники с опущенными вниз лопастями («жальцами») появились на территории Закавказья во второй пол. II тыс. до н.э. Собранные нами материалы показывают, что наконечники с одним, либо дополнительными двумя боковыми «шипами» на черенке, в это время встречены пока только на территории Северного Кавказа. Первоначально они изготавливались из кости. Такие находки зафиксированы на территории Дагестана. В дальнейшем этот тип вооружения появился и в единичных образцах из бронзы в форме так называемых «площиков», исходным пунктом возникновения которых является территория Закавказья. Эта разновидность наконечников не стала популярной у народов, обитавших на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа. В дальнейшем боковой шип получил широкое распространение лишь на раннем этапе «скифского» периода, вначале на двулопастных наконечниках, а затем – на трех- и четырехлопастных наконечниках. Однако сама идея такого типа вооружения впервые появилась именно у кавказских племен ещё в период развитой бронзы, а их использование доживает до начала первой трети I тыс. до н.э.

Ключевые слова: Северный Кавказ; наконечники стрел; боковой шип; поздний бронзовый век; ранний железный век.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183773-792>



Sergey B. Burkov

Senior Researcher

Institute of History and Archeology of RNO-Alania, Vladikavkaz, Russia

sergeyburkov59@yandex.ru

ARROWHEADS WITH “SIDE SPIKES” IN THE MILITARY EQUIPMENT OF THE NORTH-CAUCASIAN POPULATION IN THE SECOND HALF OF THE II – EARLY I MIL. BC

Abstract. The article explores the issue of emergence and development of the practice of using bone and bronze arrowheads with the so-called “side spikes” by the population of the Central and North-Eastern Caucasus. For this purpose, materials from common and burial sites of the region were involved. We discovered that the arrowheads with blades (“stingers”) pointed down first appeared in the territory of Transcaucasia in the second half of the II millennium BC. Collected materials suggest that the arrowheads with one or two additional side “spikes” in that time period were recorded only on the territory of the North Caucasus. Originally, they were made from bone. Such finds were recorded on the territory of Dagestan. Subsequently, this type of armament was also found in single samples of bronze in the form of flat arrowheads, taking its origins from the territory of Transcaucasia. This kind of heads did not become popular among the peoples who lived in the Central and North-Eastern Caucasus. Later, the side spike became widespread only at the early stage of the “Scythian” period, first on two-blade heads, and then on three- and four-blade tips. However, the very idea of this type of weaponry first appeared among the Caucasian tribes back in the developed Bronze Age, and their use survived until the beginning of the first third of the 1st millennium BC.

Keywords: North Caucasus; arrowheads; side spike; Late Bronze Age; Early Iron Age.

Среди предметов наступательного вооружения так называемого «дистанционного» действия, или иначе – метательного оружия дальнего боя, начиная с финальной стадии эпохи бронзы, лук и стрелы начинают занимать важнейшее место. Их изучению посвящена обширная литература [1, с. 9–11, 14–32; 2; 3, с. 28–30; 4–9; 10, с. 67–73; 11, с. 60–62; 12, с. 66–77; 13, с. 13–17; 14, с. 6–26; 15; 16, с. 84–93, 244–246, рис. 17–19; 17, с. 114, 115; 18, с. 57, 58].

Источниковой базой этих трудов, в основном, служат находки наконечников стрел – наиболее массовый материал среди прочих предметов вооружения, обнаруживаемых как в погребальных, так и бытовых памятниках. В их перечне особое место занимают экземпляры, обладающие заметной конструктивной особенностью – так называемым «боковым шипом», который размещался на черешке, либо на втулке или являлся продолжением нижней части пера (шипа). Специальных исследований, посвященных данному типу наконечников, происходящих с территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа, нет, эти находки изучаются в общем контексте прочих подобных же предметов вооружения. В то же время, появление такого дополнительного элемента на наконечниках стрел в различные времена, вероятно, имело какие-то, пока не установленные, общие причины. Для того, чтобы изучить этот вопрос, необходимо, прежде всего, составить сводку подобных изделий, установить территорию, на которой они изготовлялись и применялись, определить хронологические рамки их появления и существования, соотнести полученные сведения с определенным кругом археологических культур, в которых они появились. Всё это является задачами, для решения которых и предпринимается настоящее исследование. Его основной целью является установление возможных причин, в связи с которыми на данном типе вооружения появляется этот дополнительный атрибут.

При исследовании темы, связанной с возникновением и использованием наконечников стрел с т.н. «боковым шипом» нами использовались такие методы исторического исследования, как историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, историко-хронологический, метод научного описания и идеографический метод.

Вначале следует определиться с терминологией. В ряде работ, в которых авторы предлагают свои типологии наконечников стрел, термины «шип»/«шпы» применяются при характеристике приостренных окончаний лопастей как нижней части пера [10, с. 63, 65–67; 14 с. 8–10; 19, с. 35, 39, 44, 45, 81, табл. 1; 20, с. 137–139]. А.В. Коробейников и Н.В. Митюгов применяют для описания приостренных окончаний лопастей боевой части наконечника термин «невозвратные шпы» [21, с. 17]. У А.И. Мелюковой окончания лопастей и шип, как на втулке, так и на концах граней, указаны как отдельные элементы наконечника [1, с. 11]. М.В. Горелик для описания лопастей наконечников применил термин «жало» [12, с. 72]. В.И. Козенковой боевая часть наконечника из гробницы I могильника Терезе описана как «лопасти пера», а относительно шипа, являющегося продолжением одной из лопастей, использовано определение «короткий

шип» [14, с. 11, табл. II, 6; 22, с. 20, 97, 186, рис. 14, 4, табл. 17, 9]. О.В. Кузьминой при описании одного из кремневых наконечников с выемкой в основании окончания лопастей они описаны как «два тонких усика» [10, с. 66]. Д.Г. Зданович для наконечников с одной лопастью, приостренной в её нижней части (тип IV – наконечники с пером асимметричной треугольной формы), использует термины «боковое острие» и «жальце». В то же время, для наконечников с двумя опущенными вниз приостренными в окончаниях лопастями им использован термин «шипы» [23, с. 148, 149]. По нашему мнению, приведенные выше определения неточны, т.к. в этой характеристике присутствует обозначение не отдельной конструктивной детали, а дается описание некоторой особенности самой лопасти наконечника как его элемента – боевой части (пера). Подобным же образом она представлена и в большинстве указанных выше работ. Мной применительно к описанию формы составных частей (элементов) лопастных наконечников термин «шип» будет использоваться исключительно в отношении дополнительной детали (деталей) в виде прикрепленного к черешку, втулке, либо лопасти наконечника стрелы одного или двух отдельных острий.

Обратимся теперь непосредственно к предмету нашего исследования.

Среди прочих форм наконечников стрел, которые применялись населением Центрального и Северо-Восточного Кавказа, были экземпляры с так называемым «боковым» шипом. Произведенные нами изыскания показали, что традиция появления наконечников с опущенными вниз приостренными окончаниями граней (жальцами) для костяных и бронзовых образцов имеет различную хронологию, хотя на каком-то этапе они стали дополнять друг друга. Вероятнее всего, это произошло в самом конце III тыс. до н.э. Появление же образцов, имеющих на черешке отходящий в сторону боковой шип, произошло ранее, чем в широком использовании появились бронзовые черешковые наконечники стрел с опущенными вниз приостренными лопастями. Традиция использования именно лопастных черешковых наконечников стрел на Северном Кавказе, скорее всего, ведет свое происхождение из Закавказья. По наблюдениям М.Н. Погребовой, с наступлением эпохи поздней бронзы ощутимо увеличивается слой военной аристократии, с представителями которой захоранивались лошади и различные предметы вооружения. Среди последних во II хронологическом периоде – с XIII в. до н.э. – появляются бронзовые двулопастные наконечники стрел с длинными черенками (в сечении – круглые, в верхней части – прямоугольные, длина – 11 см, длина черенка превышает длину пера примерно в 1,5 раза), с опущенными вниз приостренными окончаниями (табл. 1, 12). Наконечники с сильно загнутыми внутрь «жалами» появляются в конце XII–XI вв. до н.э. [24, с. 48, 92, 144, 337, табл. XL, 7–15]. В дальнейшем их присутствие в погребальных наборах нарастает. Вообще традиция бронзовых черешковых уплощенных двулопастных наконечников стрел впервые появляется на Переднем Востоке в третьей четверти II тыс. до н.э. (по некалиброванным датам), однако боковой шип на них так и не появился. В Сирии в материалах XII–XI вв. до н.э. известны черешковые наконечники стрел с опущенными вниз жальцами.

Впервые они фиксируются среди находок в Тарсе, в слое, датированном в промежутке от 1100 до 850 гг. до н.э., где были найдены и 2 втульчатых наконечника с боковыми шипами [25, tabl. 174, fig. 10, 11]. Однако условия их обнаружения были не совсем корректными, в связи с чем остается возможность их попадания в него из более верхнего слоя. По мнению А.И. Иванчика, материалы Тарса не дают никакой несомненной информации [26, с. 70]. В Северном Причерноморье такой тип наконечника датируется, начиная со второй половины – конца VIII в. до н.э. [9, с. 25, 26]. Примерно таким же временем (Хасанлу III В) датированы 3 двулопастных втульчатых наконечника, не имеющие жалцев, но с шипом на втулке, опубликованные Р. Гиршманом [27, v. XXXVI, p. 65, pl. XXIV, 4]. Два из них, судя по всему, не были миниатюрными копиями наконечников копий, тогда как третий экземпляр, с нервюрой, проходящей через всё перо, вполне мог быть изготовлен по их подобию. Однако стоит уточнить, что для Переднего Востока втульчатые копья нехарактерны. Практически идентичный двулопастной наконечник с боковым шипом т.н. «келермесского» типа был обнаружен в 1971 г. в Анатолии, в погребении раннескифского времени (вторая четверть – середина VII в. до н.э.) у дер. Имирлер близ Амасьи [26, с. 43, рис. 43, 6, с. 49]. Они же присутствуют и в стрелковом наборе из 250 наконечников, происходящих из полностью разрушенного погребения, обнаруженного примерно в том же районе (долина между Ташова и Лядиком, к северу от Амасьи [26, с. 52, рис. 23, 151, 186, 245, и др.; 28, p.70–78, abb. 3–7].

Помимо археологических источников, для изучаемой нами темы могут быть привлечены и иные, в частности – графические изображения на бронзовых поясах, которые начинают использоваться в Закавказье на этапе финальной стадии эпохи поздней бронзы. Ранее мы уже обращались к теме, связанной с изображениями воинских аксессуаров, в том числе – стрел, на предметах бронзовой пластики и графического искусства Закавказья [29–31]. Изображения наконечников на бронзовых поясах, которые датируются в рамках XII–VII вв. до н.э., довольно однообразны. Они имеют разведенные в стороны лопасти с опущенными вниз приостренными жалами. Вероятно, это может быть связано с тем, что на поясах, в основном, показаны сцены охоты, хотя в некоторых случаях – это эпизоды боевых действий. Насколько реалистичны подобные изображения, и можем ли мы привлекать подобные источники для анализа типологии стрел и их элементов? В монографии М. Касталлучиа 2017 г. были собраны как изображения, так и непосредственно сами наконечники стрел, обнаруженные в погребальных памятниках Закавказья, применяемые здесь в эпоху финальной бронзы и в раннем железном веке. Среди последних можно выделить, по крайней мере, 8 различных типов наконечников стрел, 6 из которых имеют приостренные и опущенные вниз лопасти – жала, изогнутые в различной степени. Однако их изображения, впрочем, как и наконечников копий у всадников и пехотинцев, однотипны. В то же время, головы змей, имеющие с наконечниками стел довольно похожую форму, на гравировках показаны не только заметно реалистичнее, но и разнообразнее [32, p. 81, fig. 132, A-C, p. 65,

fig. 94, A-C, p. 82, fig. 134, B, p. 320, 321, p. 268, fig. 31, 18, 19, p. 270, fig. 35, 9. 14, p. 274, fig. 41, p. 282, fig. 32, A, p. 315, fig. 96, 11-12, p. 322, fig. 105, E, F, p. 332, fig. 119, 1972, p. 334, fig. 122, p. 343, fig. 133, B, p. 346, fig. 136, 4, p. 370, fig. 171, p. 75, fig. 175, 2-6]. Это могло быть связано с тем, что их чеканкой занимались различные мастера, использовавшие свойственные только им приемы. В результате мы приходим к выводу, что особенности изображения таких предметов вооружения как наконечники стрел не могут быть использованы для выяснения вопросов их типологии. Одновременно с этим, формы луков, несмотря на их некоторую стилизацию в размерах составных частей, показаны настолько реалистично, что по изображениям на бронзовых поясах можно проследить не только способы их применения, но и типологию.

Однако вернемся к основному предмету и территории нашего изучения. Для Северо-Восточного Кавказа первые, наиболее ранние образцы черешковых костяных наконечников стрел с 1 и 2 боковыми шипами зафиксированы в склепе № 5 Ирганайского могильника. Известно не менее 5 экземпляров, часть из которых – во фрагментах. Дата погребения – последние века II тыс. до н.э. [33, с. 336, рис. 107, 6–19] (табл. 1, 6–9). Из среднего яруса склепа № 2 погребения № 31 могильника Гинчи (верхняя дата памятника – XIV в. до н.э. – С.Б.) происходит костяной наконечник стрелы, у которого отсутствует одна из граней. Предмет имеет общую форму типичного двулопастного черешкового наконечника [33, с. 336, рис. 107, 1]. Среди материалов поселения Ачису в Дагестане присутствуют, в том числе, костяные лопастные черешковые наконечники с боковыми шипами. Так, среди находок помещения № 3, которое прорезало пол жилища № 2, был найден костяной наконечник типа «площик» с опущенными вниз приостренными жалами и угловатым боковым шипом, отходящим вниз от длинного черешка. В раскопе II в заполнении мусорной ямы № 8 в полу помещения на глубине 1,4–1,65 м от ЦР найден костяной наконечник с опущенными вниз приостренными жалами с двумя боковыми шипами, отходящими вниз от длинного черешка, и еще один, частично фрагментированный, подобный же наконечник, с одним боковым шипом. Датировка находок произведена по костяному псалию, обнаруженному выше этого уровня, в слое от 0,33 до 0,65 м от ЦР, что дает дату XI–IX вв. до н.э. По стратиграфическим наблюдениям было отмечено, что каких-либо резких отличий в культурном облике находок нет, что подразумевает и отсутствие хронологических различий. Жилища №№ 2–4 вырыты в котловане, выполненном в культурном слое, образованном от завала жилища № 1, которое было возведено в материке, как и жилище № 5. О.М. Давудов заключает, что длинночерешковые костяные наконечники стрел с опущенным вниз жалами типа площадиков в основном встречены в памятниках конца II – начала I тыс. до н.э. до VII в. до н.э. Керамика памятника датирована автором раскопок от конца II тыс. до н.э. до VIII – середины VII вв. до н.э. Общая дата памятника – от конца II тыс. до н.э. до VIII–VII вв. до н.э. По его мнению, очаг производства костяных длинночерешковых наконечников типа площадиков располагался на Северо-Восточном Кавказе, где встречены их металлические

прототипы. Количество костяных наконечников уменьшается по мере продвижения с территории Дагестана на север [34, с. 103, 105, 108, 121, рис. 5, 11–13, 23] (табл. 1, 1–3). Среди прочих длинночерешковых костяных двулопастных наконечников стрел с упором, обнаруженным среди материалов погребения № 1 Зандакского могильника, имеется один с двумя боковыми, расположенными на черешке, прямыми шипами [35, рис. 15, 1] (табл. 1, 5). Еще один костяной черешковый двулопастной наконечник с опущенным вниз боковым шипом был зафиксирован в культурном слое Грушевского городища VIII – начала VII вв. до н.э. [36, с. 28, 33, рис. 1, 5] (табл. 1, 4). Среди находок основного слоя (конец XI – первая пол. VII в. до н.э.) Сержень-Юртовского поселения имеется костяной наконечник с боковым шипом, отходящим от нижней части прямого основания. По описанию, данному в монографиях В.И. Козенковой, это наконечник в форме сильно вытянутой пирамиды, в сечении – прямоугольный, основание разделено на два жальца, между ними – внутренняя втулка, отнесен он к типу V [13, с. 153, табл. X, 7; 37, с. 54, 76]. Среди металлических наконечников с «боковым» шипом типа плошка нам известен единственный экземпляр, происходящий из культурного слоя Бамутского поселения в Чечне. Он был вырезан из бронзового листа и отнесен В.И. Козенковой к типу II, вариант 4. Памятник датирован второй пол. X – концом VIII в. до н.э. [13, с. 15, 154, табл. XI, 25; 38, с. 121, рис. 6, 14] (табл. 1, 16).

Оставляя пока в стороне проблему появления бокового шипа на втульчатых наконечниках стрел у кочевых насельников степной зоны, отметим лишь находку бронзового литого втульчатого двухлопастного наконечника с боковым шипом, отходящим от нижней части лопасти пера, в гробнице № 1 могильника Терезе (табл. 1, 18). Он отнесен В.И. Козенковой к группе III, подгруппе 2 некавказских форм. О шипе сказано, что он расположен на конусовидной втулке. Прямых аналогий наконечнику автор раскопок не указала, но сопоставила его с наконечниками из курганов у Малой Цимбалки и у сел. Марьино в Северном Причерноморье, что позволило ей датировать находку временем не позднее середины VIII в. до н.э. [22, с. 20, 97, 141, 186, рис. 14, 4]. На наш взгляд, это не совсем корректное сравнение, т.к. шип у наконечника из Марьино расположен на верхней части втулки, а у наконечника из Малой Цимбалки шип отсутствует [39, с. 46, 54, рис. 18, 9, 27, 7]. У наконечника из гробницы № 1 могильника Терезе шип является продолжением нижней части лопасти стрелы. Подобный способ формирования шипа имеется на одном из наконечников, происходящих из дюны у дер. Терновка близ г. Камышина [40, с. 110, рис. 11, Б, 1]. Вероятно, В.И. Козенкова имела в виду общую форму данного предмета вооружения. В связи с тем, что погребальный обряд указанной гробницы был связан с трупосожжением, то все находки, сделанные в ней, следует считать внекомплексными, имея в виду, что установить, с каким из погребенных были связаны какие предметы, невозможно. В этой связи при установлении даты могилы придется опираться лишь на верхнюю и нижнюю даты ряда «реперных» находок, к которым автор отнес и оба втульчатые наконечника стрел. Они определяют

верхний рубеж – не позднее середины VIII в. до н.э. Нижняя дата захоронения по катушкообразным и Ф-образным пастовым бусам отнесена к XI–X вв. до н.э. [22, с. 140, 141].

Теперь обратимся к вопросам происхождения подобных наконечников. Их появление, на мой взгляд, может быть связано с общей тенденцией развития массивных костяных черешковых наконечников стрел, центром которого была территория современного Дагестана и шире – Северо-Восточного Кавказа. По мнению Р.А. Мимохода, передвижение носителей гинчинской и присулакской археологических культурных традиций в предкавказскую степь в финале среднебронзового века (СБВ) не только обусловило появление лопатинской археологической культуры, но и привело к появлению разнообразных, кавказских по происхождению, предметов вооружения в погребальном инвентаре синташтинской и покровской археологических культур. В их состав были включены и экземпляры наконечников с боковым шипом, которые имеют прямые прототипы среди кавказских материалов. Втульчатые экземпляры 3-х и 4-гранных в сечении костяных наконечников стрел финальной стадии СБВ встречаются в Гинчи и в раннелопатинских комплексах. Листовидные наконечники стрел из кости, которые встречаются в покровских и волго-уральских колесничных комплексах, своим происхождением также связаны с Предкавказьем. Исследователь отмечает, что в склепе № 2 Гинчи присутствует наконечник, полностью аналогичный синташтинским образцам. По нашему мнению, из погребения № 2 кургана № 1 могильника Лопатинский II происходят 3 костяных двулопастных черешковых наконечника стрел с упором, очень напоминающие образцы из Зандакского могильника. Но автор об этом ничего не пишет. Шипастые костяные наконечники известны из могильника Лопатинский II. По мнению Р.А. Мимохода, они полностью аналогичны стреле из склепа № 2 Гинчи. На наш взгляд, это не совсем так, т.к. у гинчинского наконечника четко виден упор в нижней части боевого отдела, тогда как в указанном образце из Лопатинского могильника его нет. В то же время, у двух других наконечников из этого могильника (курган № 2, погр. № 1) упор присутствует, но это двулопастные наконечники иного типа. Автор утверждает, что наконечники стрел из Гинчи, Потаповки и Синташты идентичны. Это помогает установить верхнюю границу бытования Гинчи. М.Г. Гаджиев омолодил её до XII в. до н.э. Р.А., Мимоход считает, что наконечник из Гинчи – это не гарпун, а именно наконечник стрелы. Он происходит из среднего яруса склепа. Склеп № 5 Ирганайского могильника содержал не менее 5 костяных наконечников стрел с длинным черешком. На это следует заметить, что это другой тип стрелы. Длинночерешковые наконечники стрел (площики) появляются в конце среднебронзового века (СБВ) и бытуют до эпохи раннего железного века (РЖВ). Дата существования Синташта-Потаповки – это рубеж СБВ/ПБВ – XX–XVIII вв. до н.э. Они либо синхронны финалу Гинчи, либо следуют за ним. Шипастые наконечники стрел из гинчинских склепов Северо-Восточного Кавказа являются более древними по сравнению с синташтинско-потаповскими. Поразительную схожесть обеих се-

рий следует интерпретировать как проявление южного (кавказского) импульса в формировании колесничных культур.

Костяные площадки есть среди находок в покровских захоронениях Юга Среднего Поволжья, а также среди материалов с поселений в комплексе с материалами начала ПБВ. Появление костяного ромбовидного в сечении наконечника с внутренней втулкой и с боковым шипом из погр. № 27 могильника Цаго-Усн – VII (табл. 1, 10) Р.А. Мимоход связывает с движением идеи втульчатых граненых и шипастых костяных наконечников с Кавказа на север. На Северо-Восточном Кавказе уже в финале СБВ бытовали 2-х и 3-гранные втульчатые шипастые наконечники. Исследователь приводит в качестве примеров трехгранный костяной наконечник с опущенными вниз острыми гранями из погр. № 39 Бельтинского могильника № 2 (Чечня) и костяные наконечники (2 экз.) из погр. № 8 Галашкинского могильника в Ассиновском ущелье (Ингушетия). У последних – прямое основание без всяких признаков шипов или острых граней, основание у них – уплощенно-овальное в сечении, втулка – внутренняя. Е.И. Крупнов в качестве аналогий для них указывал на костяные черешковые наконечники из могильника Беахни-Куп у с. Чми [41, с. 49, 88, рис. 23, 6]. По мнению Р.А. Мимохода, указанные выше экземпляры полностью аналогичны тем, которые получили широкое распространение в памятниках покровского типа начала ПБВ. Если при этом считать таковым экземпляр из Бельтинского могильника, то это – да, если из Галашкинского могильника – то нет. Костяных двухгранных втульчатых шипастых наконечников в памятниках Северного Кавказа мы не знаем. Кроме того, они могут быть только двулопастными, но не двугранными. Отмечается отсутствие в долинской культуре выемчатых наконечников стрел и использование их воинами только черешковых форм. Они обладали большей пробивной способностью, что придает вооружению дальнего боя посткатакомбных памятников Предкавказья вполне конкретную культурную специфику [20, с. 139–141, 326–330, 335].

Обратимся теперь к некоторым экземплярам, в отношении которых требуются некоторые дополнительные пояснения. Прежде всего, это касается наконечника с одной лопастью из склепа № 2 погребения № 31 могильника Гинчи. Р.Г. Магомедов посчитал его одноперым экземпляром – наконечником гарпуна [33, с. 336, рис. 107, 1]. Р.А. Мимоход считает его наконечником стрелы; аналогии ему данный автор находит среди древностей Южного Урала [20, с. 139–141, 511, илл. 68, 11, 16–21]. Для наконечников подобной формы, отнесенных Д.Г. Здановичем к выделяемому им типу IV, предполагается их промысловое использование, в частности, для лова рыбы, либо для охоты на водных промысловых животных или водоплавающую дичь [23, с. 149, сн. 1]. На наш взгляд, применение данного предмета в качестве приспособления для лова рыбы вполне вероятно, т.к. его баллистические свойства недостаточны для применения в качестве обычного наконечника стрелы.

Относительно бронзового экземпляра из Бамутского поселения (Чечня), на мой взгляд, следует обратиться к другой разновидности наконечников –

«площикам», вырезанным из листа, с раздвоенным на конце черешком в виде шипов (вариант 2 типа II по В.И. Козенковой). Они известны из погребений №№ 10 и 15 Зандакского могильника, из слоя Сержень-Юртовского поселения (раскопки 1962 г.), из погр. № 36 Агачевского могильника и погр. № 8 могильника Широкая Балка [13, с. 154, табл. XI, 24; 14, с. 136, табл. I, 29, 30; 35, с. 34, 43, рис. 23, 4–6, 28, 1] (табл. 1, 13–15, 17). При утрате одного из боковых нижних элементов (табл. 1, 15) и могла возникнуть разновидность бронзовых наконечников с так называемым «боковым шипом». Дата северокавказских погребений с такими находками не выходит за рамки VIII в. до н.э. Существуют и т. наз. «некавказские» формы таких наконечников, которые характерны для времени не позднее середины VIII в. до н.э. [14, с. 9–11]. Площики классического, так называемого «закавказского типа», обычные и для древностей Центрального Предкавказья (табл. 1, 11), в выработке данной формы, по нашему мнению, напрямую не участвовали, но послужили основной базой для выработки на их основе местными северокавказскими мастерами собственных форм.

В.В. Дворниченко считал, что появление на некоторых модифицированных наконечниках стрел новочеркасского типа шипа можно объяснить влиянием стрел срубного, но более всего – андроновского типа. По мнению К.А. Акишева и Г.А. Кушаева, уменьшение размеров наконечников, а также появление трехлопастных и трехгранных форм с опущенными вниз жалами было связано не только с усовершенствованием их изготовления путем литья в форму. На это повлияло и изобретение сложного лука с большей силой натяжения тетивы, увеличения дальности полета стрелы и её убойной силы и, видимо, сокращения его размеров. Хотя сами сложные луки, судя по находке у сел. Зимогорье, появились в предскифское время в эпоху крупных двулопастных наконечников стрел. Появление двулопастных втульчатых наконечников стрел с боковым шипом на территории Семиречья (могильник Бегазы) относится к IX–VIII вв. до н.э. [6, с. 54, 34, 120]. Среди прочих находок в карьере Асу-Булакского рудника в Уланском районе Восточно-Казахстанской области был найден двулопастной («листовидный») бронзовый наконечник стрелы с внутренней втулкой, у которого нижняя часть одной из лопастей опущена вниз в виде одностороннего шипа (табл. 1, 21). Подобные экземпляры относятся к наконечникам типа I и датируются в рамках XII–IX вв. до н.э. Н.Л. Членовой такие наконечники отнесены к VIII–VII вв. до н.э., Е.Е. Кузьмина датирует их VIII в. до н.э. По мнению автора, дата всего комплекса – IX–VIII вв. до н.э., некоторые находки – возможно, относятся к VII в. до н.э. [43, с. 119–125, рис. 1, 14]. Относительно интересующего нас наконечника точная дата не указана.

В контексте изучаемой темы интересной представляется находка костяного черешкового, с ромбовидным в плане пером, наконечника из погр. № 1 кургана № 5 могильника Солнце II (Челябинская область). У данного экземпляра боковой шип является продолжением нижней части одной из лопастей [44, с. 22–41, рис. 11, 9]. Этим он напоминает, с одной стороны, наконечник из гробницы № 1 могильника Терезе, с другой – наконечник из карьера Асу-Булакского

рудника. В своде Р.А. Мимохода он упомянут как экземпляр, примыкающий к группе наконечников с пером асимметричной треугольной формы с боковым острием [20, с. 139]. Северокавказский вариант этого способа образования шипа – наконечник из погр. № 3 могильника «Клин-Яр» (табл. 1, 24).

В заключении следует отметить, что, на наш взгляд, кавказская, в частности, закавказская линия в появлении представляемой здесь разновидности бронзовых наконечников стрел типа площика, является более вероятной. Их ранние образцы в виде плоских форм фиксируются на изучаемой нами территории уже к середине II тыс. до н.э. Традиция их использования продолжается вплоть до середины I тыс. до н.э. Для кавказских племен это не было связано с необходимостью выработки новой формы лука небольших размеров, характерного для кочевых сообществ раннего железного века конца VII – начала VI в. до н.э. Именно на это время приходится наиболее активное применение наконечников с боковым шипом, которые использовали для поражения противника без доспехов [12, с. 136, 143] (табл. 1, 19, 20). С началом массового применения защитного доспеха (VI в. до н.э.) эта функция для «скифского» сообщества перестает быть актуальной. Но у северокавказских племен «площики», выполненные уже из железа, но обладающие острыми опущенными вниз жалами, продолжали использоваться и в дальнейшем.

Относительно появления в колчаных наборах воинов степей крупных бронзовых втульчатых наконечников стрел, отметим следующее. По обоснованному мнению А.А. Иессена, для наконечников т. наз. «новочеркасского» типа прототипом послужили втульчатые наконечники копий небольшого размера [45, с. 120, 121; 38, с. 108] (табл. 1, 23). По наблюдениям И.Н. Медведской, формы копий из клада Эль-Хадр (Палестина), датированные XI в. до н.э., почти идентичны наконечникам стрел, отличаясь лишь большими размерами [9, с. 25]. По аналогии с этим можно обратиться к бронзовым же наконечникам копий с «ушками» и боковым крюком на втулке, происходящим из погребений эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Южной Сибири. Особенно показательны в этом отношении экземпляры из Сейминского и Турбинского могильников, у которых на втулке имелись 1 или 2 (в 70–80% от общего числа таких находок – С.Б.) т. наз. «ушек» округлой, овальной или треугольной (подтреугольной) формы (табл. II, 6, 7). К числу наконечников с боковым ушком относится и экземпляр из Бородинского клада, аналогии для которого В.А. Сафронов закономерно усматривал среди материалов Покровского и Сейминского могильников [47, с. 127, рис. 9, 1]. При «размыкании» ушка в его нижней части образуется форма, практически идентичная ранним двулопастным наконечникам стрел с боковым шипом округлой формы (табл. 1, 19). У других экземпляров наконечников копий сбоку на втулке фиксируются т. наз. «боковые крюки», окончания которых загнуты внутрь [48, с. 72, 110, 125, 127, рис. 3, 3, 7, 9, 8, 7 и др.] (табл. 2, 1–5). Наконечники дротиков и небольших копий с боковыми крюками по своей общей форме напоминают степные бронзовые двулопастные наконечники стрел ранних типов, у которых боковой шип вверху втулки в районе окончания

лопасти, имеет очень похожую конфигурацию [6, с. 57, табл. 1, 15–17; 7, с. 14, рис. 1; 40 с. 110, рис. 11, А – 3, 6, 7, 10, Б – 3, 4, 6, 9] (табл. 1, 19, 22). Практически такой же боковой шип имеется на наконечнике из Ставрополя (табл. 1, 4). Но он по своей датировке, вероятно, всё же более ранний, чем указанные выше бронзовые образцы. Р.А. Мимоход отмечает, что костяные площики встречены среди материалов покровских захоронений Юга Среднего Поволжья, а также среди материалов с поселений в комплексе с материалами начала ПБВ [20, с. 141, сн. 118]. Имеются они и в древностях кобяковской культуры, традиция изготовления которых, по мнению Э. А. Иерусалимской, была воспринята от племен кобанской культуры [49, с. 55, табл. XXXIII, 1, 2]. На наш взгляд, в данном случае имеет место некий «симбиоз» традиций, т.к. форма черешков подобных наконечников ближе к зандакским традициям, в которых присутствуют как закавказские, так и собственно кобанские (боевая часть) формы [24, с. 337, табл. XL, 7–15; 35, рис. 15, 1, 2, 24, 1–6, 8, 9, 42, 1, 65, 6].

Таким образом, мы приходим к заключению, что традиция изготовления и применения наконечников с боковыми шипами в своей основной части была свойственна племенам, обитавшим на Северо-Восточном Кавказе. Время их использования – от последних веков II тыс. до н.э. и вплоть до первой трети I тыс. до н.э. (по некалиброванным значениям). Появление костяных образцов и дальнейшее развитие таких форм связано в основном с территорией Дагестана. Многообразие типов таких наконечников, прежде всего самих шипов, вероятно, связано с тем, что они изготавливались различными мастерами. При этом на одном и том же памятнике могли быть вариации с одним или двумя шипами. Основой для «площиков» послужили закавказские образцы, которые были творчески переработаны населением Северо-Восточного Кавказа и отчасти Центрального Предкавказья. Экземпляры с боковым шипом, выполненные из бронзы, являются их творческой переработкой, основанной на утрате одной из частей черешка, однако они не получили дальнейшего развития. Появление бокового шипа на степных образцах можно связывать как с преобразованием одной из приостренных лопастей двулопастных наконечников в отдельный дополнительный элемент, так и с изготовлением самых ранних из них по подобию небольших наконечников копий с боковыми ушками или боковыми крюками. Возможно, что на различных территориях на начальном этапе оба приема могли существовать параллельно.

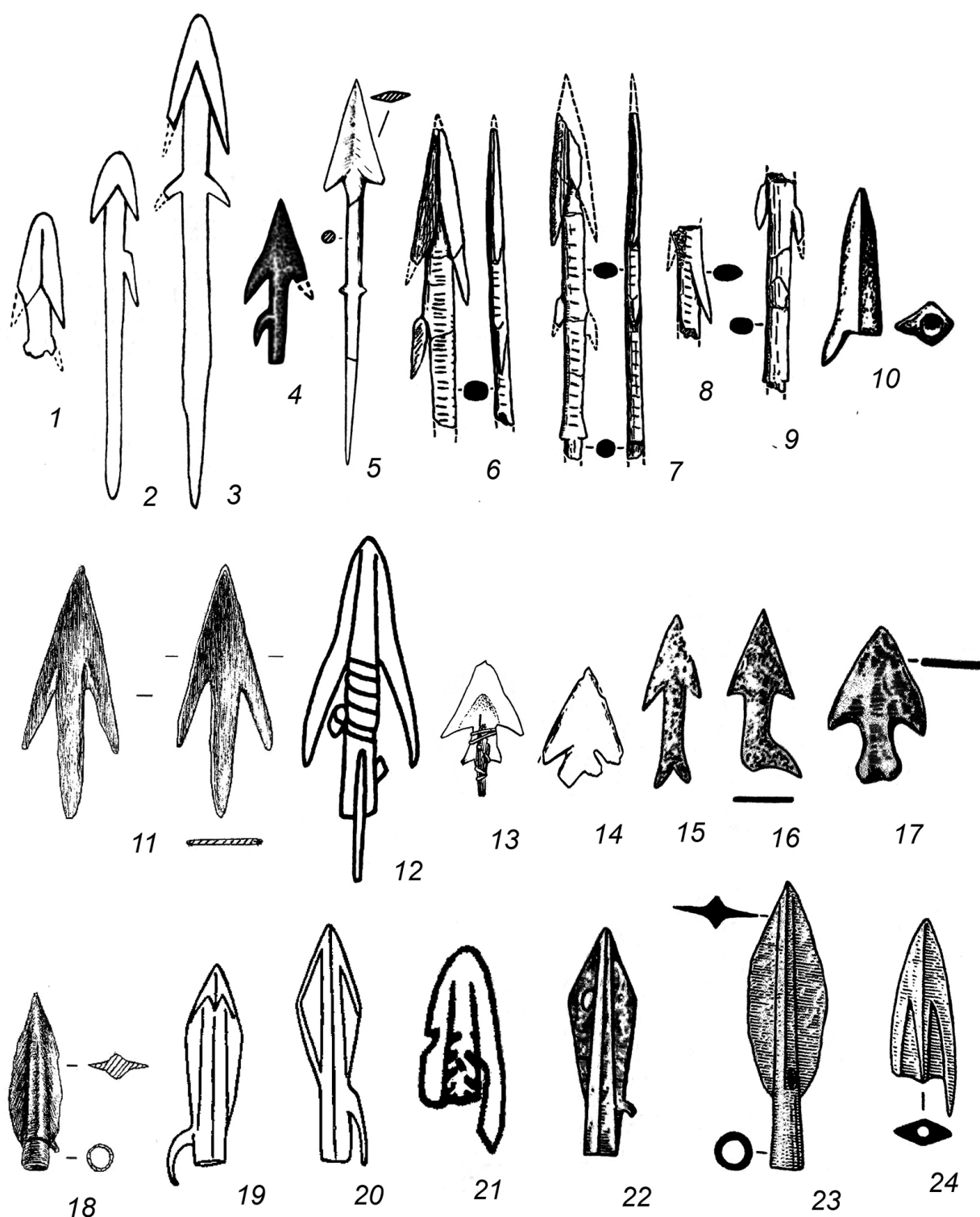


Табл. 1. Наконечники стрел с боковыми шипами (без масштаба):

1-3 - поселение Ачису (Дагестан), культурный слой; 4 - городище Грушевское (Ставропольский край), культурный слой; 5 - Зандакский могильник (Чечня), погр. № 1; 6-9 - Ирганайский могильник (Дагестан), склеп № 5; 10 - могильник Цаго-Усн - VII (Калмыкия), погр. № 27; 11 - могильник Терезе, гробница № 1 (Карачаево-Черкессия); 12 - могильник Сарычобан (Азербайджан); 13 - Зандакский могильник, погр. № 10; 14 - Зандакский могильник, погр. № 15; 15 - Сержень-Юртовское поселение, культурный слой; 16 - Бамутское поселение (Чечня), культурный слой; 17 - могильник Широкая балка (Ставропольский край), погр. № 8; 18 - могильник Терезе, гробница № 1; 19, 20 - с. Жаботин (Украина), кург. № 524; 21 - с. Асу-Булак (Восточный Казахстан); 22 - поселение Сержень-Юрт (Чечня), раскоп № 5, культурный слой; 23 - могильник Терезе, гробница № 1; 24 - могильник Клинь-Яр (Ставропольский край), погр. № 3.

(по: 1-3 - Давудов О.М. 1985; 4 - Прокопенко Ю.А. 2018; 5, 13, 14 - Марковин В.И. 2002; 6-9 - Магомедов Р.Г. 1998; 10 - Мимоход Р.А. 2013; 11, 18, 23 - Козенкова В.И. 2004; 12 - Погребова М.Н. 2011; 15, 16 - Козенкова В.И. 1982; 17, 24 - Козенкова В.И. 1995; 20 - Ильинская В.А. 1973; 21 - Арсланова Ф.Х. 1983)

Tab. 1. Arrowheads with side spikes (unscaled):

1-3 - Achisu settlement (Dagestan), cultural layer; 4 - ancient settlement Grushevskoe (Stavropolsky Krai), cultural layer; 5 - Zandaksky burial ground (Chechnya), Burial 1; 6-9 - Irganai burial ground (Dagestan), Burial 5; 10 - Tsago-Usn burial ground - VII (Kalmykia), Burial 27; 11 - Terese burial ground, Burial 1 (Karachay-Cherkessia); 12 - Sarychoban burial ground (Azerbaijan); 13 - Zandak burial ground, Burial 10; 14 - Zandaksky burial ground, Burial 15; 15 - Serzhen-Yurt settlement, cultural layer; 16 - Bamut settlement (Chechnya), cultural layer; 17 - Shirokaya Balka burial ground (Stavropolsky Krai), Burial 8; 18 - Terese burial ground, Burial 1; 19, 20 - Zhabotin village (Ukraine), Kurgan 524; 21 - Asu-Bulak village (East Kazakhstan); 22 - Serzhen-Yurt settlement (Chechnya), Excavation 5, cultural layer; 23 - Terese burial ground, Burial 1; 24 - Klin-Yar burial ground (Stavropolsky Krai), Burial 3.

(according to: 1-3 - Davudov O.M. 1985; 4 - Prokopenko Yu.A. 2018; 5, 13, 14 - Markovin V.I. 2002; 6-9 - Magomedov R.G. 1998; 10 - Mimokhod R.A. 2013; 11, 18, 23 - Kozenkova V.I. 2004; 12 - Pogrebova M.N. 2011; 15, 16 - Kozenkova V.I. 1982; 17, 24 - Kozenkova V.I. 1995; 20 - Ilyinskaya V.A. 1973; 21 - Arslanova F.Kh. 1983)

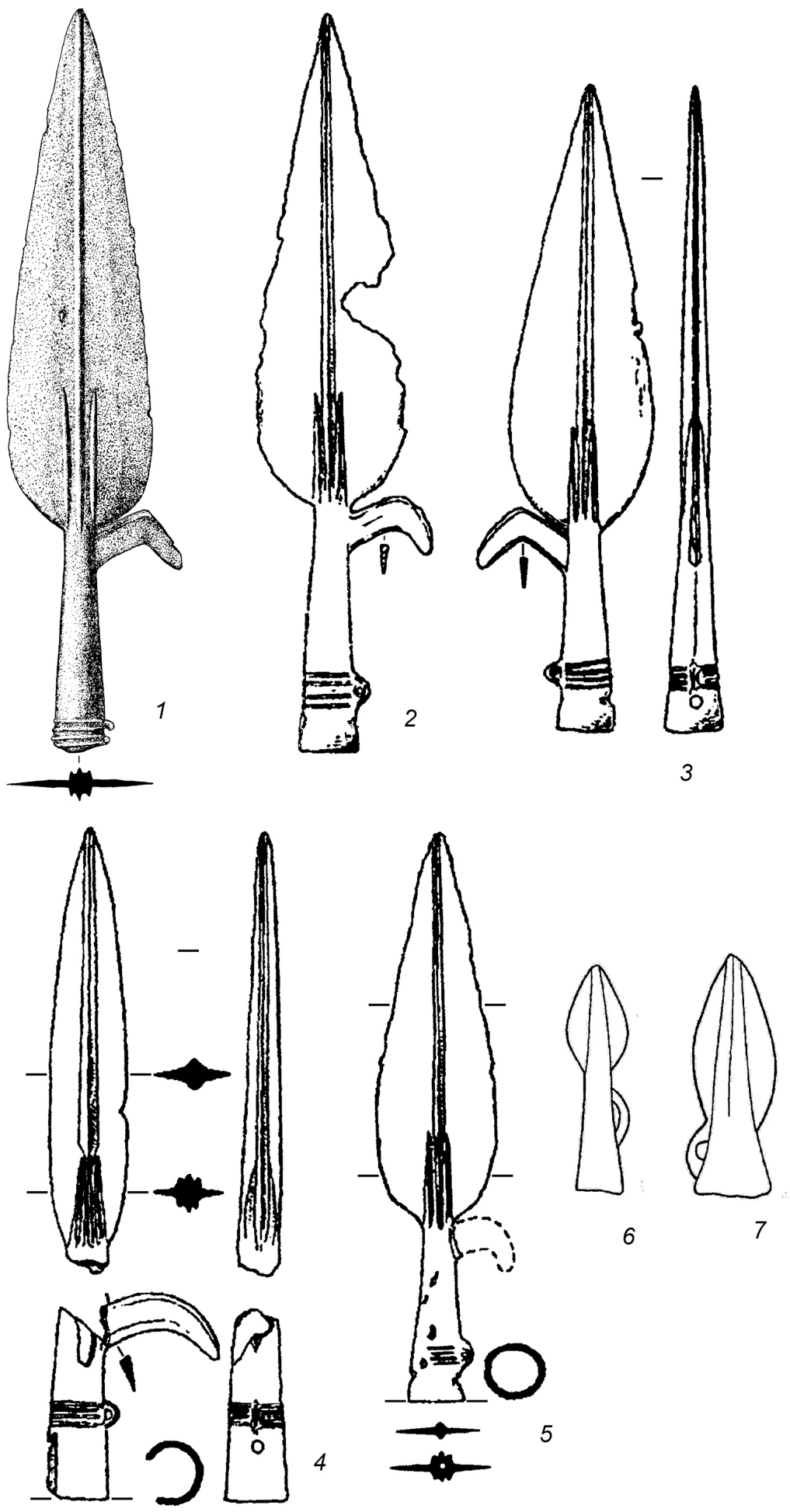


Табл. 2. Наконечники копий с ушками и боковыми крюками (без масштаба):
1 - Ростовкинский могильник, погр. № 34; 2, 3, 5 - Ростовкинский могильник; 4 - р. Чарыш; 6 -
Каменная Балка; 7 - Бочкаревка (по: Бочкарев В.С. 2010)

Tab. 2. Spearheads with ears and side hooks (unscaled):
1 – Rostovkinsky burial ground, Burial 34; 2, 3, 5 – Rostovkinsky burial ground; 4 – Charysh River; 6 –
Kamennaya Balka; 7 – Bochkarevka (according to: Bochkarev V.S. 2010)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. Свод археологических источников. Вып. Д1-4. М.: Наука, 1966. – 113 с.
2. Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев: Наукова Думка, 1981. – 168 с.
3. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. – 171 с.
4. Шишлина Н.И. Лук и стрелы срубной культуры // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конференции молодых ученых ИА РАН СССР. М., 1986. С. 178.
5. Шишлина Н.И. О сложном луке срубной культуры // Проблемы археологии Евразии. К 100-летию со дня рождения А.Я. Брюсова. Труды ГИМ. Вып. 74. М., 1990. С. 23-37.
6. Дворниченко В.В. К вопросу о происхождении стрел «новочеркасского» типа (по материалам коллекции П.Д. Дубагина из Волго-Уральской пустыни) // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 48-59.
7. Іллінська В.А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. 1973 № 12. С. 22-26.
8. Братченко С.Н. Лук та стріли епохи енеоліту-Півдня Східної Європи // Археологія. 1989. № 4. С. 70-82.
9. Медведская И.Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II –первой половины I тысячелетия до н.э. // Советская археология. 1980. № 4. С. 23-37.
10. Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара: СГПИ, 1992. – 128 с.
11. Нелин Д.В. Лук и стрелы населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы // XIII уральское археологическое совещание. Часть I. Уфа, 1996. С. 60-62.
12. Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тыс. до н.э. – IV в. до н.э.). М.: Восточная литература, 1993. – 352 с.
13. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ. Вып. В2-5. М.: Наука, 1982. – 175 с.
14. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. САИ. Вып. В2-5. Вып.4. М.: Наука, 1995. – 166 с.

REFERENCES

1. Melyukova AI. *Armament of the Scythians. A collection of archaeological sources* [Vooruzhenie skifov. Svod arkheologicheskikh istochnikov]. Issue D1-4. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ)
2. Chernenko EV. *Scythian archers* [Skifskie luchniki]. Kiev: Naukova Dumka, 1981. (In Russ)
3. Khazanov AM. *Studies on military affairs of the Sarmatians* [Ocherki voennogo dela sarmatov]. Moscow: Nauka, 1971. (In Russ)
4. Shishlina NI. The bow and arrows of log culture [Luk i strely srubnoi kul'tury]. *Economy and culture of pre-class and early class societies. Abstracts of reports of the III-d Conference of Young scientists of the IA RAS of the USSR*. Moscow: 1986: 178. (In Russ)
5. Shishlina NI. On the complex bow of the log culture [O slozhnom luke srubnoi kul'tury]. *Problems of archeology of Eurasia. To the 100th anniversary of the birth of A.Y. Bryusov. Proceedings of the State Historical Museum*. Moscow, 1990. 74:23-37. (In Russ)
6. Dvornichenko VV. On the question of the origin of arrows of the “Novocherkassk” type (based on the materials of P.D. Dubagin’s collection from the Volga-Uralskaya desert) [K voprosu o proiskhozhdenii strel «novocherkasskogo» tipa (po materialam kollektsii P.D. Dubagina iz Volgo-Ural'skoi pustyni)] *Problems of Scythian-Sarmatian archeology*. Moscow, 1990:48-59. (In Russ)
7. Illinska VA. Bronze tips of the so-called Jabotinsky and Novocherkassky bows [Bronzovi nakonechniki stril tak zvanogo zhabotin'skogo i novocherkas'kogo tiriv]. *Arkheologiya*. 1973, 12: 22-26. (In Russ)
8. Bratchenko SN. The bow and the arrows of the Eneolith of the south-eastern Europe [Luk ta strili epokhi eneolitu-Pivdnya Skhodnoi Evropi]. *Arkheologiya*. 1989, 4: 70-82. (In Russ)
9. Medvedskaya IN. Metal arrowheads of the Front East and the Eurasian steppes of the II–first half of the I millennium BC [Metallicheskie nakonechniki strel Perednego Vostoka i evraziiskikh stepei II –pervoi poloviny I tysyacheletiya do n.e.]. *Soviet Arkheologiya*. 1980, 4: 23-37. (In Russ)
10. Kuzmina OV. *Abashevskaya culture in the forest-steppe of Volga-Ural region* [Abashevskaya kul'tura v lesostepnom Volgo-Ural'e].

15. Клещенко А.А. Кремневые выемчатые наконечники стрел эпохи средней бронзы Предкавказья // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 89–92.
16. Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир: АГПИ, 1999. – 400 с.
17. Бурков С.Б. Лук и стрелы у племен Кавказа и Закавказья в конце II – начале I тыс. до н.э. по археологическим материалам // «Кавказ – прошлое-настоящее-будущее». 2019. № 5. С. 114–135.
18. Бурков С.Б. Стрелы как часть военного инструментария у племен Центрального Предкавказья в конце II – начале I тыс. до н.э. по археологическим данным // Вестник Академии Наук ЧР. 2019. № 4. С. 57–66.
19. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. – 184 с.
20. Мимоход Р.А. Лолинская культура: Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего бронзового века. Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. – 568 с.
21. Коробейников А.В., Митюгов Н.В. Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск: НОУ КИТ, 2007. – 140 с.
22. Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник «Терезе» конца XII–VII вв. до н.э. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V). М.: «Памятники исторической мысли», 2004. – 220 с.
23. Зданович Д.Г. Изделия из камня, кости, дерева в погребениях кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002. С. 144–158.
24. Погребова М.Н. История Восточного Закавказья: вторая половина II – начало I тыс. до н.э. (по данным археологии). М.: Восточная литература, 2011. – 422 с.
25. Goldman H. Excavations at Gözlü Kule, Samara: SGPI, 1992. (In Russ)
11. Nelin DV. The bow and arrows of the population of the Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan of the Bronze Age [Luk i strely nasele-niya Yuzhnogo Zaural'ya i Severnogo Kazakhstana epokhi bronzy] XIII Ural Archaeological Meeting. Part I. Ufa: 1996:60–62. (In Russ)
12. Gorelik MV. *Weapons of the ancient East (IV thousand BC – IV century BC) [Oruzhie drevnego Vostoka (IV tys. do n.e. – IV v. do n.e.)]*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1993. (In Russ)
13. Kozenkova VI. Typology and chronological classification of objects of Koban culture. The Eastern version [Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoi kul'tury. Vostochnyi variant]. SAI. Issue B2-5. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ)
14. Kozenkova VI. Weapons, military and horse equipment of Kobani culture tribes (systematization and chronology). Western version [Oruzhie, voinskoe i konskoe snaryazhenie plemen kobanskoi kul'tury (sistematizatsiya i khronologiya). Zapadnyi variant]. SAI. Issue B2-5. Issue 4. Moscow: Nauka, 1995. (In Russ)
15. Kleshchenko AA. Flint notched arrowheads of the Middle Bronze Age of the Caucasus. [Kremnevye vyemchatye nakonechniki strel epokhi srednei bronzy Predkavkaz'ya] *Caucasus in the system of cultural ties of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. XXX Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus. Materials of the International scientific conference*. Karachayevsk, April 22-29, 2018. Karachayevsk, 2018: 89–92. (In Russ)
16. Dudarev SL. *The relationships of the tribes of the North Caucasus with the nomads of Southeastern Europe in the pre-Scythian era (IX - the first half of the VII century BC) [Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo – Vostochnoi Evropy v predskifskuyu epokhu (IX – pervaya polovina VII v. do n.e.)]*. Armavir: AGPI, 1999. (In Russ)
17. Burkov SB. Bow and arrows of the tribes of the Caucasus and Transcaucasia in the late II – early I millennium BC according to archaeological materials [Luk i strely u plemen Kavkaza i Zakavkaz'ya v kontse II – nachale I tys. do n.e. po arkheologicheskim materialam]. *Caucasus – past-present-future*. 2019, 5: 114–135.
18. Burkov SB. Arrows as component of the military tools of the tribes of the Central Cau-

Tarsus, III. The Iron Age. Princeton: University Press (London: Oxford U.P.). 1963. P. 426

26. *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-Исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред – и раннескифского времени. Степные народы Евразии, II). М.: ООО «Новости». 2001. – 324 с.

27. *Ghirshman R.* Village Perse-Achéménide. Presse Universitaires de France, 1954. 102 p.

28. *Ünal V.* Zwei Grabber eurasischer Reiternomad en im nördlichen Zentraelanatolien.- BAVA 4. 1983 P.70-78.

29. *Burkov S.B.* Images of horses, chariots and horsemen on the Transcaucasian bronze belts of the end II – beginning i thousand years bc. sources and interpretation // East European Science Journal (Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe), 2018, № 6 (17) – P. 18-23.

30. *Burkov S. B. E. ə.* II minilliyin sonu – I minilliyin əvvəllərində Qafqazın diniplastikasında və qrafik sənətində kolesniçixanların, atların və atların təsviri mənbələri və tarixşünaslığı. I Hissə // Azerbaijan Archaeology and Ethnography. 2018 г. № 1. P.38-60.

31. *Бурков С.Б.* Лук и стрелы у племен Кавказа и Закавказья в конце II– начале I тысячелетия до н.э. в графическом искусстве и предметах бронзовой антропоморфной пластики // «Кавказ – прошлое-настоящее-будущее». Научный журнал Университета Жешува (Польша). 2019 г. № 5. С. 114–135.

32. *Castelluccia. M.* Transcaucasian Bronze Belts. With a preface by John Curtis. BAR International Series 2842. Publishing: Oxford. 2017. 419 p.

33. *Магомедов Р.Г.* Гинчинская культура: горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала: ДНЦ РАН, 1998. – 381 с.

34. *Давудов О.М.* Поселение Ачису // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. С.101-124.

35. *Марковин В.И.* Зандакский могильник эпохи раннего железного века на реке Ярык-Су (Северо-Восточный Кавказ). М.: Наука, 2002. – 154 с.

36. *Прокопенко Ю.А.* Находки предметов вооружения и конской упряжи предскифского времени в окрестностях г. Ставрополя // Oriental Studies (Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН). 2018. № 3. С. 23-36.

casus in the late II –early I millennium BC according to archaeological data [Strely kak chast' voennogo instrumentariya u plemen Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v kontse II – nachale I tys. do n.e. po arkheologicheskim dannym]. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Chechnya*. 2019, 4: 57–66. (In Russ)

19. *Medvedev AF.* Manual throwing weapons. Bow and arrows, crossbow. VIII-XIV centuries [Ruchnoe metatel'noe oruzhie. Luk i strely, samostrel. VIII-XIV vv.]. SAI. Issue E1-36. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ)

20. *Mimokhod RA.* *Lolinsky culture: The North-Western Caspian Sea area at the turn of the Middle and late Bronze Age. Materials of rescue archaeological research [Lolinskaya kul'tura: Severo-Zapadnyi Prikaspii na rubezhe srednego i pozdnego bronzovogo veka. Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy]*. Vol. 16. Moscow: IA RAS, 2013. (In Russ)

21. *Korobeynikov AV, Mityugov NV.* *Ballistics of arrows according to archeology: an introduction to the problem area [Ballistika strel po dannym arkheologii: vvedenie v problemnyuyu oblast']*. Izhevsk: NOU KIT, 2007. (In Russ)

22. *Kozenkova VI.* *Bi-ritualism in the funeral rite of the ancient "Kobans". The burial ground "Tereze" of the late XII-VII centuries BC (Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Issue V) [Biritualizm v pogrebal'nom obryade drevnikh «kobantsev». Mogil'nik «Tereze» kontsa XII-VII vv. do n.e. (Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. V)]*. Moscow: Monuments of historical thought, 2004. (In Russ)

23. *Zdanovich DG.* Products made of stone, bone, wood in the burials of the mound 25 of the Bolshekaragansky burial ground. Arkaim: necropolis (based on the materials of the mound 25 of the Bolshekaragansky burial ground) [Izdeliya iz kamnya, kosti, dereva v pogrebeniyakh kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika. Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika).]. Book 1. Chelyabinsk, 2002: 144-158. (In Russ)

24. *Pogrebova MN.* *History of the Eastern Transcaucasia: the second half of the II – beginning of the I millennium BC (according to archaeological data) [Istoriya Vostochnogo Zakavkaz'ya: vtoraya polovina II – nachalo I tys. do n.e. (po dannym arkheologii)]*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. (In Russ)

37. Козенкова В.И. Посёлок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: «Наука», 2001. – 198 с.
38. Магомедов А.Р. Бамутское поселение – новый памятник кобанской культуры // Советская археология. 1972. № 2. С. 110-126.
39. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова Думка, 1976. – 223 с.
40. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. № 101. М.: АН СССР, 1961. – 170 с.
41. Крупнов Е.И. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области // Краткие сообщения института материальной культуры. Вып. XXXII. 1950. С. 85-100.
42. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. – 297 с.
43. Арсланова Ф.Х. Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник. Челябинск – Уфа, 1983. С. 119-125.
44. Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996. С. 22-42.
45. Иессен А.А. Некоторые памятники VIII-VII в. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы Скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 112-131.
46. Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII-VII в. до н.э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // Советская археология. Вып. XVIII. 1953. С. 49-110.
47. Сафронов В.А. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Вып. 1. Абсолютная хронология энеолита и бронзового века Восточной Европы (Юго-Запад СССР). Сборник статей. Л., 1968. С. 75-128.
48. Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: «Инфо Ол», 2010. – 231 с.
49. Иерусалимская Э.А. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону. Кобяковская культура. Л.: Наука, 1980. – 128 с.
- 25 Goldman H. *Excavations at Gözlü Kule, Tarsus, III. The Iron Age*. Princeton: University Press (London: Oxford U.P.). 1963:426.
26. Ivanchik AI. *Cimmerians and Scythians. Cultural-historical and chronological problems of archeology of the Eastern European steppes and the Caucasus of the pre- and Early Scythian time. Steppe peoples of Eurasia, II*. Moscow: LTD Novosti, 2001. (In Russ)
27. Ghirshman R. *Persian-Achmenide Village*. University Press of France, 1954.
28. Unal V. Zwei Grabber eurasischer Reiternomad en im nördlichen Zentraelanatolien. BAVA 4. 1983:70-78.
29. Burkov SB. Images of horses, chariots and horsemen on the Transcaucasian bronze belts of the end II – beginning i thousand years bc. sources and interpretation. *East European Science Journal (Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe)*. 2018, 6(17): 18-23.
30. Burkov SB. Е. э. II minilliyin sonu – I minilliyin əvvəllərində Qafqazın dini plastikasında və qrafik sənətində kolesniçxanların, atların və atların Təsviri mənbələri və tarixşünaslığı. I Hissə. *Azerbaijan Archaeology and Ethnography*. 2018, 1: 38-60.
31. Burkov SB. Bow and arrows of the tribes of the Caucasus and Transcaucasia at the end of the II– beginning of the I millennium BC in graphic art and in the objects of the bronze anthropomorphic plastic [Luk i strely u plemen Kavkaza i Zakavkaz'ya v kontse II– nachale I tysyacheletiya do n.e. v graficheskom iskusstve i predmetakh bronzovoi antropomorfnoi plastiki]. *Caucasus – past-present-future. Scientific Journal of the University of Rzeszow (Poland)*. 2019, 5: 114–135.
32. Castelluccia. M. *Transcaucasian Bronze Belts*. With a preface by John Curtis. BAR International Series 2842. Publishing: Oxford, 2017.
33. Magomedov RG. *Ginchinskaya culture: the mountains of Dagestan and Chechnya in the Middle Bronze Age [Ginchinskaya kul'tura: gory Dagestana i Chechni v epokhu srednei bronzy]*. Makhachkala: DSC RAS, 1998. (In Russ)
34. Davudov OM. Achisu settlement. *Ancient cultures of the North– Eastern Caucasus [Poselenie Achisu [Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kavkaza]*. Makhachkala, 1985:101-124. (In Russ)
35. Markovin VI. *Zandak burial ground of the Early Iron Age on the Yaryk-Su riv-*

er (North-Eastern Caucasus) [Zandakskii mogil'nik epokhi rannego zheleznogo veka na reke Yaryk-Su (Severo-Vostochnyi Kavkaz)]. Moscow: Nauka, 2002. (In Russ)

36. Prokopenko YuA. Discoveries of items of weapons and horse harness of the pre-Scythian time in the vicinity of Stavropol. [Nakhodki predmetov vooruzheniya i konskoi upryazhi predskifskogo vremeni v okrestnostyakh g. Stavropol'ya] *Oriental Studies (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences)*. 2018, 3: 23–36. (In Russ)

37. Kozenkova VI. Village-refuge of Koban culture near the village of Serzhen-Yurt in Chechnya as a historical source (North Caucasus) [Poselok-ubezhishche kobanskoi kul'tury u aula Serzhen'-Yurt v Chechne kak istoricheskii istochnik (Severnyi Kavkaz)]. Moscow: Nauka, 2001. (In Russ)

38. Magomedov AR. Bamut settlement – a new monument of Kobans culture [Bamutskoe poselenie – novyi pamyatnik kobanskoi kul'tury]. *Soviet Archeology*. 1972, 2: 110–126. (In Russ)

39. Terenozhkin AI. *Kimmerians* [Kimmeritsy]. Kiev: Nukova Dumka, 1976. (In Russ)

40. Smirnov KF. *Armament of Savromats. Materials and research on the archeology of the USSR* [Vooruzhenie savromatov. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR]. Issue 101. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. (In Russ)

41. Krupnov EI. Archaeological works in Kabarda and the Grozny region [Arkheologicheskie raboty v Kabarde i Groznenskoj oblasti] *Brief reports of the Institute of Material Culture*. Issue XXXII. 1950:85–100. (In Russ)

42. Akishev KA, Kushaev GA. *Ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili River valley* [Drevnyaya kul'tura sakov i usunei doliny reki Ili]. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1963. (In Russ)

43. Arslanova FH. Archaeological finds in Kazakhstan [Arkheologicheskie nakhodki v Kazakhstane] *The Bronze Age of the steppe strip of the Ural-Irtysh inter-river. Interuniversity collection*. Chelyabinsk: Ufa, 1983:119–125.

44. Epimakhov AV. The burial mound Sun II – the necropolis of the fortified settlement of the Ust'e settlement of the Middle Bronze Age [Kurgannyi mogil'nik Solntse II – nekropol' ukreplennogo poseleniya Ust'e epokhi srednei

bronzy]. *Materials on archeology and ethnography of the Southern Urals. Proceedings of the Arkaim Museum-Reserve*. Chelyabinsk, 1996: 22-42. (In Russ)

45. Iessen AA. Some sites of the VIII-VII century BC in the North Caucasus [Nekotorye pamyatniki VIII-VII v. do n.e. na Severnom Kavkaze]. *Questions of Scythian-Sarmatian archeology*. Moscow, 1954:112-131. (In Russ)

46. Iessen AA. On the question of monuments of the VIII-VII century BC in the south of the European part of the USSR (Novocherkassk treasure 1939) [K voprosu o pamyatnikakh VIII-VII v. do n.e. na yuge Evropeiskoi chasti SSSR (Novocherkasskii klad 1939 g.)]. *Soviet archeology*. Issue XVIII. 1953:49-110. (In Russ)

47. Safronov VA. Dating of the Borodino treasure [Datirovka Borodinskogo klada]. *Problems of Archeology. Issue 1. Absolute chronology of the Eneolithic and Bronze Age of Eastern Europe (South-West of the USSR). Collection of articles*. Leningrad, 1968:75-128. (In Russ)

48. Bochkarev VS. *Cultural genesis and ancient metal production of Eastern Europe* [Kulturogenez i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoi Evropy]. St. Petersburg.: Info Ol, 2010. (In Russ)

49. Erusalimskaya EA. *Monuments of the pre-Scythian time on the Lower Don. Kobyakovskaya culture* [Pamyatniki predskifskogo vremeni na Nizhnem Donu. Kobyakovskaya kul'tura]. Leningrad: Nauka, 1980. (In Russ)

Поступила в редакцию 02.06.2022 г.

Принята к публикации 01.09.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183793-804>

Маммаев Мисрихан Маммаевич

д.иск., главный научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

misrixan37@mail.ru

ДВЕ ХУДОЖЕСТВЕННО ОТДЕЛАННЫЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ СТЕЛЫ XIV в. ИЗ ДАГЕСТАНСКОГО СЕЛЕНИЯ КУБАЧИ: К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И АВТОРСТВЕ

Аннотация. В статье описываются два надмогильных памятника XIV в. в виде высоких каменных плит трапециевидной формы (нижний конец уже верхней части) из крупнейшего художественного центра Дагестана – селения Кубачи. Они расположены на разных участках средневекового мусульманского кладбища «Бидахъ хуппе» (в пер. с кубач. – «Кладбища на той стороне») в 1,5-2 км к югу от старой части Кубачи, в нижней половине северного склона горы Цицила. Стелы исследуются в сравнительном плане с целью установления принадлежности их работе одного мастера-камнереза, а также для определения датировки надмогильного памятника № 1. Это важно для выяснения в последующем относительной датировки группы кубачинских средневековых стел, не содержащих даты их изготовления, что позволит более обоснованно осветить вопрос процесса исламизации с. Кубачи. Рассматриваемые памятники декорированы на высоком художественном уровне поздними куфическими рельефными арабскими надписями и растительным орнаментом. Надписи выполнены в разное время в стиле «цветущий куфи» одним и тем же мастером-камнерезом, каллиграфом и орнаменталистом, что доказывается общностью форм обоих памятников, техникой их резьбы, особенностями их декоративной отделки, орнаментального стиля, единством композиционных схем декора. Имя мастера, изготовившего данные памятники, неизвестно. В статье выясняются имеющиеся в декоре памятников определенные различия в начертании букв куфических надписей, деталях орнаментальных композиций центральных полей, которые, очевидно, связаны с разновременностью изготовления стел. На памятнике № 2 имеется дата – 783 г. хиджры / 1381-82 гг. (по григорианскому календарю); на памятнике №1 дата отсутствует. Автор статьи полагает, что памятник № 1 изготовлен на 12-15 лет ранее памятника № 2. В статье обе надмогильные стелы рассматриваются как высокохудожественные произведения мусульманского искусства исходя из особенностей декоративной отделки букв рельефных арабских надписей бордюрных полос, их соразмерности и пропорциональности, а также с учетом выразительного растительного орнамента центральных полей и обрамляющих бордюрных эпиграфических полос, единства и взаимосвязи деталей композиций центрального поля (стелы № 2) и верхних боковых углов.

Ключевые слова: Дагестан; Кубачи; средневековое исламское искусство; надмогильные памятники; резьба по камню; художественная отделка; датировка.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183793-804>

Misrikhan M. Mammaev,
Dr. Sci. (Fine Arts), Principal Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
Misrixan37@mail.ru

TWO ARTISTICALLY DECORATED MUSLIM STELES OF THE 14TH CENTURY FROM KUBACHI: ON DATING AND ITS AUTHOR

Abstract. The article describes two tombstones of the 14th century in the form of tall trapezoidal stone plates from the largest artistic center of Dagestan – the village of Kubachi. The plates are located in different parts of the medieval Muslim cemetery of “Bidakh Khuppe” (Kubach. – “Cemeteries on the other side”), 1.5-2 km south of the old district of Kubachi, in the lower half of the northern slope of Mount Tsitsila. The steles are examined in comparative terms in order to establish their belonging to the work of one stone-cutting master, as well as to determine the dating of Stele 1, which will allow to answer the question of the process of Islamization of Kubachi. The monuments under consideration are decorated at a high artistic level with late Kufic relief Arabic inscriptions and floral ornaments. The inscriptions were made in the “Blooming Kufi” style by the same stone cutter, calligrapher and ornamentalist, which is proved by the commonality of the forms of both monuments, the technique of their carving, the peculiarities of their decorative finishes, ornamental style, and the unity of compositional decor schemes. The name of the master who made these monuments is unknown. The article reveals certain differences in the decor of the monuments in the style of the letters of the Kufic inscriptions, the details of the ornamental compositions of the central fields, which are clearly associated with the different times of the creation of the steles. Stele 2 is dated 783 AH / 1381-82; Stele 1 has no date. The author of the article believes that Stele 1 is 12-15 years older than Stele 2. In the article, both steles are considered as highly artistic works of Islamic art based on the characteristics of the decorative finish of the letters of the relief Arabic inscriptions of the curb strips, their proportionality, as well as taking into account the expressive floral ornament of the central fields and the framing border epigraphic stripes, the unity and interconnection of the details of the compositions of the central field (Stele 2) and the upper side corners.

Keywords: Dagestan; Kubachi; Medieval Islamic art; tombstone; stele; stonecutting; artistic decoration; dating.

В селении Кубачи, крупнейшем художественном центре Дагестана, в XIV–XV веках получили яркое развитие различные виды исламского декоративно-прикладного искусства – художественная обработка камня, дерева, бронзолитейное производство и др. Здесь создавались великолепные образцы исламского искусства, которые по праву занимают подобающее им место в национальном культурно-художественном наследии Дагестана, в сокровищнице мировой художественной культуры. Это каменные, богато орнаментированные рельефы, детали архитектурного декора с арабской эпиграфикой и изобразительными сюжетами, надмогильные стелы с декоративными арабскими надписями и растительным орнаментом, литые бронзовые котлы с различными орнаментальными и изобразительными композициями и арабскими надписями, памятники искусной резьбы по дереву – минбар, резные двери, опорные столбы, подбалки и т.д.; образцы холодного оружия и др. (обзор литературы, в которой опубликованы перечисленные выше памятники искусства, см. [1–14]).

Описываемые ниже две стелы XIV века из сел. Кубачи относятся к числу таких выразительных произведений художественной резьбы по камню – составной части средневекового исламского искусства Дагестана. Они расположены на средневековом мусульманском кладбище «Бидахъ хуппе», находящемся в 1,5–2 км к югу от старой части сел. Кубачи, на нижней части горного склона Цицила и по левую сторону пешеходной дороги из нижнего квартала селения в ныне необитаемый аул Амузги (о нем см.: [5, с. 61–63]). Оно огорожено низким каменным забором и металлической сеткой. Кладбище заросло лесом, колючками, кустами, сорной травой и крапивой.

Вдоль забора северо-западной стороны кладбища стоят покосившиеся надмогильные стелы, которые были давно подобраны и перенесены сюда с различных участков кладбища местными жителями со своих первоначальных мест. Многие из могильных плит поломались у низа (основания) из-за воздействия атмосферных явлений. Некоторые стелы обломались в средней части. Большинство надмогильных памятников покрылось лишайником, из-за чего декор их порой плохо различим. Само кладбище находится на сильно пересеченной местности, имеет размеры 86×230 м. Оно использовалось для захоронений довольно долгое время. Об этом свидетельствует наличие на нем надмогильных памятников, датируемых от начала XIV в. вплоть до XVIII в.

Самые поздние памятники находятся в нижней (по склону горы Цицила) части кладбища. На кладбище и вдоль его забора нами зафиксировано (сфотографировано, а с декора большинства из них сняты эстампажные отпечатки) более 90 стел, которые характеризуются высокой художественной отделкой – растительными орнаментальными композициями и декоративными арабскими надписями, часто выполненными в стиле позднего цветущего куфи. До начала 2000 г. они оставались очень слабо изученным. Лишь три-четыре памятника из них стали объектом исследования искусствоведов и историков.

Описываемые стелы расположены, как уже отметили, на разных участках кладбища «Бидахъ хуппе».

Памятник № 1 (рис. 1), публикуемый впервые, находится в центральной части юго-западного участка кладбища. Стела представляет собой вертикально установленную трапециевидную плиту, изготовленную из местной разновидности горного сланца. Параметры стелы: высота декорированной части 103 см, ширина поверху 75 см, внизу 66 см, толщина плиты 7 см.

Лицевая сторона хорошо отесанного и сглаженного надмогильного памятника декорирована рельефной арабской надписью и растительным орнаментом. По верхнему и боковым краям стелы располагается широкая (19 см с учетом свободных от декора боковых полос) эпиграфическая полоса, имеющая форму высокой полуциркульной арки. В полосу заключена декоративная арабская надпись, выполненная в стиле позднего цветущего куфи, с соразмерно вырезанными буквами. Текст ее гласит:

لا اله الا الله الملك لله لا له الا الله الواحد القهار لا اله الا الله عزيز

Перевод: «Нет божества, кроме Аллаха. Царство принадлежит Аллаху. Нет божества кроме Аллаха, единственного, всепобеждающего. Величие принадлежит Аллаху»¹.

Некоторые свободные интервалы между буквами дополнены отдельными элементами растительного орнамента – трилистниками и полутрилистниками с мелкой узорной резьбой. Сами буквы отделаны декоративно – на их плавно расширяющиеся верхние концы нанесены полутрилистники и мелкие врезные двойные дужки. В левом конце рельефной арабской надписи эпиграфической полосы на оставшееся после нанесения надписи небольшое свободное место помещен крупный трилистник. Боковые лепестки его выполнены в виде вытянутых в стороны полутрилистников.

Полуциркульная полоска, окаймляющая сверху надпись, украшена узкой узорной лентой, представляющей мелкий растительный орнамент в виде выюнка – волнистого, выщегося слева направо побега стебля, от которого в обе стороны отходят полупальметты. Верхние лепестки их оформлены в виде полутрилистников, обращенных в противоположную полупальметтам сторону. В местах, где от стебля отходят полупальметты, находятся закругленные в концах короткие отростки.

Нижняя часть центрального поля декорирована рельефной стрельчатой аркой с фигурными верхними краями. В нее заключена другая, меньшего размера, подобная арка. Арки являются, очевидно, условными изображениями михраба. Верхняя часть большего размера арки заполнена рельефным растительным орнаментом. На верх этой арки «насажена» фигура в виде полумедальона, заполненного внутри растительным орнаментом. От верхнего конца полумедальона отходит рельефный трилистник, заполненный внутри плетенью растительного орнамента. По сторонам трилистника, полумедальона и в верхней части стрельчатой арки расположены крупные полутрилистники,

¹ Переводы надписей на рассматриваемых в статье памятниках выполнены арабистом-востоковедом, проф. А.Р. Шихсаидовым (1928–2019 гг.).

соединенные с бордюрной эпиграфической полосой и отделанные рельефными полупальметтами и полутрилистниками.

Верхняя часть центрального поля стелы украшена двумя, обращенными вниз крупными полутрилистниками. Отходящие от них кверху фигурные полосы соединяются и завершаются заостренным выступом в конце центрального поля, образуя, таким образом, фигурную стрельчатую арку. Фон арки имеет очертания крупного трилистника. Концы полутрилистников отделаны растительным орнаментом в виде вьюнка, выполненным в низком рельефе, а на отходящие фигурные полосы арки нанесена рельефная эпитафия на арабском языке с домусульманским, трудным для чтения (из-за отсутствия диакритических знаков, обозначающих гласные звуки) именем погребенного: «Это могила К. х. ф. в., сына Ф. д. р. си (?)».

Фон центрального поля и верхние боковые углы памятника обработаны точечной фактурой.

Резьба на рассматриваемом надмогильном памятнике характеризуется высоким художественным уровнем. На это указывает точно и четко выполненная декоративная арабская надпись эпиграфической полосы, буквы которой размещены с равными интервалами между собой. Буквы надписи отделаны мастерски орнаментальными элементами, усиливая декоративную выразительность всей надписи вместе с узорными элементами между её буквами. Оригинально и на высоком уровне декорировано и центральное поле памятника, связав в единую, взаимосвязанную композицию её составные части – крупные полутрилистники, трилистники и полумедальон, отделанные мелким растительным орнаментом. Декоративную роль выполняет и точечная фактурная обработка фона центрального поля и верхних боковых углов стелы.

По своей форме, характеру декоративной отделки, стилю растительного орнамента, общей композиционной схеме памятник № 1 близок к описываемому ниже памятнику № 2, датируемому 783 г. хиджры / 1381-1382 г. Но памятник № 1 изготовлен, как представляется, несколько ранее памятника № 2, о чем будем сказано ниже.

Памятник № 2 (рис. 2) находится на северной стороне покатого склона, обращенного в сторону сел. Кубачи. Он лежал упавшим на землю декорированной стороной кверху, покрытый тонким слоем земли и дерна. Из земли выступал верхний конец его. После расчистки с его декора был снят эстампажный отпечаток, точно скопированы арабские позднекуфические надписи и растительный орнамент. Фотография самого памятника, к сожалению, получилась неудачная. Памятник обратно был засыпан небольшим слоем земли и дерна, полагая, что в таком виде он сохранится лучше.

Памятник издавался неоднократно без подробного описания [5, с. 161. Рис. 54; 8, с. 499. Рис. 148]. В данной статье он переиздается с детальной характеристикой его декоративной отделки. Кроме того, он сопоставляется с другим, близким ему по декоративному оформлению, памятником № 1 более раннего

времени, что позволяет считать их произведениями одного мастера-камнереза, каллиграфа и орнаменталиста.

Стела изготовлена из хорошо отесанного светлого мелкозернистого песчаника и также имеет трапециевидную форму. Параметры памятника: высота декорированной части 118 см, ширина по верху 77 см, ширина в основании 65 см, толщина плиты 6 см.

С передней, хорошо выровненной и заглаженной лицевой стороны стела украшена на высоком художественном уровне.

На передней стороне ее, как и на вышерассмотренном памятнике № 1, расположена широкая (20 см) орнаментально-эпиграфическая полоса с рельефной декоративной арабской надписью в стиле позднего цветущего куфи. Текст ее гласит:

لا اله الا الله الملك الحق لا اله الا الله الواحد القهار العظمة لله

Перевод: «Нет божества, кроме Аллаха, царя прославленного(?). Нет божества, кроме Аллаха, единственного, всепобеждающего. Нет божества, кроме Аллаха, всесильного(?)».

Буквы надписи с большим мастерством проработаны орнаментально: плавно расширяющиеся верхние концы их отделаны врезными завитками, а нижние концы ряда букв оформлены в виде полутрилистников и полупальметт. Свободное пространство между буквами дополнено элементами растительного орнамента – полутрилистниками, трилистниками, проработанными мелкой узорной резьбой.

Буквы надписи располагаются с равными интервалами между собой и четко выделяются на ровном и гладком фоне плиты. Эпиграфическая полоса с закругленным верхом имеет, как и у памятника № 1, форму полуциркульной арки.

Декоративная арабская надпись окаймлена узкими полосками, плотно заполненными мелким растительным орнаментом в виде вьюнков – волнистых стеблей, вьющихся с двух нижних углов плиты к центру верхней части стелы, где они и соединяются. От стеблей отгибаются влево и вправо полупальметты, в основании которых изображены небольшие отростки-листки с закругленным верхом.

Обрамляющая центральное поле надмогильного памятника узорная полоска с вьюнками расширяется в средней части, образуя по обеим сторонам поля крупные полутрилистники, заполненные искусным рельефным растительным орнаментом-вьюнком, включающим плавно изогнутые стебли, фигурные листки, трилистники, полутрилистники.

В противоположных верхних боковых углах стелы помещены крупные полупальметты, также покрытые мелким растительным узором, представляющим комбинацию описанных элементов орнаментального вьюнка.

В середине верхней части центрального поля расположена фигурная стрельчатая арка, образованная лентами, соединяющимися вверху и завершающимися внизу полутрилистниками. Контур этих лент и полутрилистников создает внутренний фон арки в виде крупного трилистника, обращенного вершиной

вверх. На эти ленты и полутрилистники помещена рельефная арабская надпись-эпитафия, выполненная насхом с элементами куфи.

Текст ее гласит: *الله محمد صاحب هذا القبر قدر بن بحد الملك الله الواحد القهار*

Перевод: «Аллах, Мухаммед. Эта могила К.д.р., сына Б.х.д. (?). Царство принадлежит Аллаху – единственному, всепобеждающему».

В нижней части стелы по центру изображена фигурная трехлопастная килевидная арка, представляющая символическое изображение михраба. На арку нанесена арабская надпись, сделанная в низком рельефе небольшими буквами почерком насх в сочетании с элементами куфи и содержащая дату смерти погребенного и изготовления надмогильной стелы – 783 г. хиджры / 1381-1382 гг. На вершину фигурной арки «насажен» полумедальон с орнаментальной плетенкой внутри. От полумедальона вверх тянется высокий стебель, который завершается трилистником, внутреннее пространство которого заполнено мелким растительным узором. Фон центрального поля обработан точеной фактурой.

Декоративно отделанные буквы надписи эпиграфической полосы бордюра, их соразмерность и пропорциональность, размещение с равномерными интервалами между собой, весьма выразительный растительный орнамент, обрамляющий эпиграфическую полосу, превосходно отделанное центральное поле стелы, единство и взаимосвязь деталей композиции центрального поля и верхних боковых углов – все это служит показателями высокого уровня художественной отделки памятника № 2. Как и памятник № 1, памятник № 2 представляет яркий образец камнерезного искусства, арабской каллиграфии и по праву относится к числу высокохудожественных творений исламского искусства, созданных в Кубачи в период Развитого Средневековья. Ценность и значимость этого памятника усиливается тем, что на нем представлена точная дата его изготовления – 783 г. хиджры / 1381-1382 гг. В Кубачи насчитывается только несколько экземпляров датированных мусульманских надмогильных стел XIV–XV вв. [6, с. 356–358; 8, с. 499–500. Рис. 148–151, 153].

Памятники №№ 1 и 2 изготовлены, как уже отмечалось, одним и тем же мастером-камнерезом, каллиграфом и орнаменталистом. Об этом свидетельствуют общность всей композиционной схемы декора обеих стел, единство их орнамента в виде выюнок. Общей для них является и техника резьбы – приемы выполнения надписей и орнамента.

Но в резьбе стел имеются и определенные различия – в начертании букв позднекуфических надписей, в деталях орнаментальных композиций центральных полей памятников. В верхних боковых углах памятника № 1 нет полупальметт, как у памятника № 2. Различия их объясняются тем, что памятник № 1 изготовлен, как было отмечено выше, несколько ранее памятника № 2, стиль надписей и орнамента которого более развитый, чем у первого памятника.

Памятник № 1 был установлен, очевидно, над могилой рядового члена сельской общины Кубачи, в том время, как памятник № 2 был поставлен над погребением усопшего, занимавшего при жизни высокий социальный статус – будь

это видный представитель мусульманского духовенства или общественный деятель. Размеры памятника и качество его декоративной отделки определялись в средние века и позднее (вплоть до современности) прижизненным социальным положением погребенного.

Если памятник № 2 датируется 783 г. хиджры / 1381-1382 гг., то памятник № 1, как отмечалось, изготовлен, по моему мнению, несколько лет ранее. Это находит подтверждение не только в особенностях декоративной отделки стел, но и в том, что памятник № 2 расположен значительно ниже на склоне горы Цицила, где находится кладбище «Бидахъ хуппе», и демонстрирует вместе с другими надмогильными стелам направление расширения кладбища. Более ранние памятники располагаются в верхней части названного некрополя. На это обратил внимание еще в 1970-е годы А.А. Иванов [4, с. 170]. Разницу в годах изготовления памятников точно установить трудно. Но можно допустить, что она составляет приблизительно 12–15 лет с учетом занимаемой погребениями территории между обоими памятниками и имея ввиду различия в стиле декоративных арабских надписей бордюрных полос. Мастер, выполнивший резьбу рассматриваемых стел, декорировал, без сомнения, и другие надмогильные памятники. Но зафиксировать их нам не удалось. Как уже отмечалось, многие памятники на кладбище, обломавшиеся у основания под воздействием атмосферных процессов (дождь, снег, ветер, смена температур), по прошествии значительного времени оказались в грунте и ныне не видны.

Памятник № 1 может служить эталоном при датировке значительной группы надмогильных памятников Кубачи с поздними куфическими надписями, что важно для освещения спорного вопроса времени исламизации селения Кубачи.

Рассмотренные в статье стелы представляют большой интерес и в аспекте выяснения эволюции куфического письма на Кубачинско-даргинском нагорье. Но это – тема специального самостоятельного исследования, нуждающаяся в привлечении значительного количества надмогильных памятников с куфическими надписями.

Мастера, изготавлившие надмогильные стелы, могли изготавливать и архитектурные детали с арабскими надписями и растительным орнаментом. В XV в. искусство резьбы по камню в Кубачи достигло большого совершенства. В это время наблюдается специализация мастеров по архитектурно-декоративным работам и по высокохудожественной отделке надмогильных памятников [7, с. 117–131]. На архитектурных деталях, датируемых XV в., выявлены имена около десятка изготовивших их мастеров [7, с. 117–131]. На стелах лишь однажды встречено имя мастера – Джарак. Почему-то на надмогильных памятниках не было принято вырезать имена изготовивших их мастеров.

Как хорошо известно, в средневековых восточных письменных источниках и дагестанских исторических хрониках Кубачи фигурирует под названием Зирихгеран (перс. «кольчугоделатели»). С XV в. он стал именоваться Кубачи (тюрк. название с тем же значением). Жители этого селения по сравнению с

жителями окружающих его селений несколько позднее приняли ислам. Датой окончательного принятия кубачинцами ислама считается 705 г. хиджры / 1305-06 г. Со второй половины XIV в. и в XV в. ислам в Кубачи настолько упрочился, что это селение становится одним из известных центров мусульманской образованности и духовности, а также крупным центром художественной культуры. Одним из ярких свидетельств этого служат описанные выше памятники – высокохудожественные произведения мусульманского искусства.



Рис. 1. Памятник № 1

Fig. 1. The tombstone № 1



Рис. 2. Памятник № 2

Fig. 2. The tombstone № 2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. СПб.: Издание императорского Русского археологического общества с предисл. В. Розена. СПб. 1895. 9с. текста, 26 листов илл. Табл. XIV, рис. 1–27; Табл. XV, рис. 1–12; Табл. XVI, рис. 1–2; Табл. XVII, рис. 1–3; Табл. XVIII, рис. 1–2; Табл. XX, рис. 1–3.

2. Башкиров А.С. Искусство Дагестана. Резные камни. М.: РАНИОН, 1931. –118 с., 107 табл. илл. Табл. 5–9, 11–20, 24–38, 43–49, 51–55, 57–76, 78–83.

3. Кильчевская Э.В. Декоративное искусство аула Кубачи. М.: Госиздат местной промышленности и художественных промыслов РСФСР, 1962. – 84 с. Табл. III–VI, 1–3.

4. Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Альбом / Сост. А. Иванов. Л.: Художник РСФСР, 1976. С. 164–207. Илл. 26–34, 36–50, 123–134.

5. Маммаев М.М. Зирихгеран-Кубачи. Очерки по истории и культуре. Махачкала: Издание Института ИАЭ ДНЦ РАН, 2005. –250 с.

6. Маммаев М.М. Точно датированные мусульманские надгробия XIV–XV вв. с узорно-эпиграфическим декором из пос. Кубачи (находки последних лет) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012. С. 356–358.

7. Маммаев М.М. Резные камни XV в. из с. Кубачи с именами изготовивших их мастеров // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 4. С. 117–131.

8. Маммаев М.М. Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: Изд-во «Эпоха», 2014. –592 с.

9. Маммаев М.М. Новые каменные рельефы – архитектурные детали XIV–XV вв. из с. Кубачи с изобразительными сюжетами // История, археология и этнография Кавказа. Махачкала, 2020. Т. 16. № 3. С. 661–681.

10. Dimand M.S. A stone relief from the Kubachi in the Province of Dagestan in the Cau-

1. *Atlas to the journey of B.A. Dorne in the Caucasus and the southern coast of the Caspian Sea [Atlas k puteshestviyu B.A. Dorna po Kavkazu i yuzhnomu poberezh'yu Kaspiiskogo morya]*. St. Petersburg: Edition of the Imperial Russian Archaeological Society with a preface by W. Rosen. Saint Petersburg, 1895.

2. Bashkirov AS. *The Art of Dagestan. Carved stones [Iskusstvo Dagestana. Reznnye kamni]*. Moscow: RANION, 1931. Tab. 5-9, 11-20, 24-38, 43-49, 51-55, 57-76, 78-83.

3. Kilchevskaya EV. *Decorative art of the village of Kubachi [Dekorativnoe iskusstvo aula Kubachi]*. Moscow: State Publishing House of Local Industry and Artistic Crafts of the RSFSR, 1962.

4. Ivanov AA. On the dating of the Kubachi monuments [O datirovke kubachinskikh pamyatnikov]. *The Art of Kubachi. Album*. A. Ivanov (comp.). Leningrad, 1976, p. 164–207, ill. 26–34, 36–50, 123–134.

5. Mammaev MM. *Zirikhgeran-Kubachi. Essays on history and culture [Zirikhgeran-Kubachi. Ocherki po istorii i kul'ture]*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS Publ., 2005.

6. Mammaev M.M. Precisely dated Muslim tombstones of the 14th-15th centuries with patterned epigraphic decoration from the village. Kubachi (findings of recent years) [Tochno datirovannnye musul'mansknye nadgrobiya XIV–XV vv. s uzorno-epigraficheskim dekorom iz pos. Kubachi (nakhodki poslednikh let)]. *The latest discoveries in the archeology of the North Caucasus: Research and interpretation. XXVII Krupnov Readings: Proceedings of the International Scientific Conference*. Makhachkala, April 23–28, 2012. Makhachkala, 2012: 356–358.

7. Mammaev MM. Carved stones of the 15th century from the village of Kubachi with the names of the craftsmen inscribed on them [Reznnye kamni XV v. iz s. Kubachi s imenami izgotovivshikh ikh masterov]. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2018, 14(4): 117–131.

8. Mammaev MM. *Art of Zirikhgeran-Kubachi XIII–XV centuries and its place in the system of artistic cultures of East and West [Iskusstvo Zirikhgerana-Kubachi XIII–XV vv. i ego mesto v sisteme khudozhestvennykh kul'tur Vostoka i Zapada]*. Makhachkala: Epoha, 2014.

casus // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. Vol. XXXIII. № 12. New-York, 1938. P. 260–263. Fig. 1.

11. Rice D.T. Islamic Art. London, 1977. – 288 p. P. 54–55, ill. 48.

12. Rzemiosło artystyczne Dagestanu od czasów najdawniejszych do naszych dni. Katalog Wystawy. Warszawa. 1970. Ryc. 27–32.

13. Salmony A. Daghestan sculptures // *Ars islamica. The research seminary in Islamic Art, institute of fine Arts, University of Michigan*. Vol. X, 1943. P. 153–163. Fig. 1–8.

14. The Metropolitan Museum of Art. Guide. New-York, 1992. P. 319. Fig. 20.

9. Mammaev MM. New stone reliefs from Kubachi – architectural details of the XIV–XV centuries with graphic subjects. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(3): 661–681.

10. Dimand MS. A stone relief from the Kubachi in the Province of Dagestan in the Caucasus. Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. Vol. XXXIII, 12. New-York, 1938:260–263. Fig. 1.

11. Rice DT. *Islamic art*. London, 1977, p. 54–55, ill. 48.

12. *Rzemiosło artystyczne Dagestanu od czasów najdawniejszych do naszych dni. Catalog Wystawy*. Warsaw. 1970. Ryc. 27–32.

13. Salmony A. Daghestan sculptures. *Ars islamica. The research seminary in Islamic Art, Institute of Fine Arts, University of Michigan*. Vol. X, 1943. p. 153–163. Fig. 1–8.

14. *The Metropolitan Museum of Art. Guide*. New-York, 1992: 319. Fig. 20

Поступила в редакцию 06.04.2022 г.

Принята к публикации 01.06.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183805-822>



Сефербеков Руслан Ибрагимович

д.и.н., главный научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

ruslan.seferbekov@yandex.ru

Разаханов Саид Сефербекович

аспирант

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

S.razakhanov@ya.ru

Галбацов Сурхай Магомедович

преподаватель кафедры общеобразовательных и правовых дисциплин

Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

skf@rpa-mjust.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ АВАРЦЕВ ГУМБЕТА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI В.)

Аннотация. Написанная на основе полевого материала, с применением общих и специальных методов исторической науки, статья посвящена описанию сохранившихся до советского послевоенного и новейшего времени мифологических персонажей бывшего пантеона и пандемониума аварцев Гумбета – олицетворяемых небесных светил и атмосферных явлений, ряженных и кукол, патронов диких животных и охоты, верховных божеств; «домовых змей», проникающих в жилище и душащих человека во время сна злых демонов, антагонистов беременных, шайтанов. Источниками этих представлений служат фольклор (мифология, клятвы, благопожелания, поговорки), лексика и фразеология, календарные, семейные и общественные обряды, обычаи и верования. С принятием аварцами Гумбета мусульманской религии большинство мифологических персонажей их языческого пантеона и пандемониума было предано забвению, а некоторые из сохранившихся, в виду устойчивости традиционных религиозных верований в духовной культуре этноса, были исламизированы и приняли форму синкретического и «бытового ислама». Некоторые из исламизированных мифологических персонажей стали медиаторами между человеком и Всевышним, что противоречит доктрине ислама. Немалую роль в закреплении домонотеистических верований в духовной культуре аварцев и других народов Дагестана в советское и новейшее время сыграли присущий всем дагестанцам здоровый консерватизм и особенности их менталитета – приверженность к традиционному укладу жизни. Подобное обстоятельство вселяет определенную уверенность в сохранности их религиозной, культурной и этнической идентичности в эпоху глобализации.

Ключевые слова. Мифологические персонажи; традиционные верования; аварцы; советское и новейшее время.

© Сефербеков Р.И., Разаханов С.С., Галбацов С.М., 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183805-822>



Ruslan I. Seferbekov
Dr. Sci. (History), Professor, Principal Researcher
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
ruslan.seferbekov@yandex.ru

Said S. Razakhanov
postgraduate student
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
S.razakhanov@ya.ru

Surkhay M. Galbatsov
Lecturer of the Department of General Education and Legal Disciplines
North Caucasian Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala, Russia
skf@rpa-mjust.ru

MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN TRADITIONAL BELIEFS OF THE GUMBET AVARS (SECOND HALF OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

Abstract. Based of field material, using general and specific methods of historical science, the article describes mythological characters of the former pantheon and pandemonium of the Gumbet Avars: personified heavenly bodies and atmospheric phenomena, mummers and dolls, patrons of wild animals and hunting, supreme deities; “house snakes”, demons intruding the dwelling and strangling a sleeping person, antagonists of pregnant women, shaitans. The sources for these characters are folklore (mythology, oaths, good wishes, sayings), vocabulary and phraseology, calendar, family and social rituals, customs and beliefs. With the adoption of Islam, most of the mythological characters of Gumbets’ pagan pantheon and pandemonium were forgotten, and some of the surviving ones, due to the stability of traditional religious beliefs in the spiritual culture of the ethnos, were Islamized and took the form of syncretic, “everyday Islam”. Some of the Islamized mythological characters have become mediators between man and the God, which contradicts the doctrine of Islam. A significant role in consolidation of pre-monotheistic beliefs in the spiritual culture of the Avars and other peoples of Dagestan in Soviet and modern times was played by the healthy conservatism inherent in all Dagestanis and the peculiarities of their mentality – adherence to traditional values. Such a circumstance inspires some confidence in the preservation of their religious, cultural and ethnic identity in the era of globalization.

Keywords: Mythological characters; traditional beliefs; Avars; Soviet and modern times.

Введение

Одной из задач российской этнологии является фиксация сохранившихся до нашего времени традиционных верований этносов с выявлением причин их консервации в духовной культуре того или иного народа в эпоху глобализации. Целью данной статьи является описание сохранившихся до нашего времени мифологических персонажей традиционных верований аварцев Гумбета. Источниками этих верований служат фольклор, лексика и фразеология, календарные, семейно-бытовые и общественно-бытовые обряды и обычаи, которые донесли до нас реликты образов времен культа природы, пантеона и пандемониума аварцев.

При написании статьи были использованы как общие методы исторической науки (историко-типологический, ретроспективный, функциональный, диахронного анализа, системный), так и специальные методы этнологии (опрос, наблюдение, пережитков). Статья написана на основе полевого материала, собранного нами у аварцев сс. Киялтль, Верхнее и Нижнее Инхо и Чирката Гумбетовского района Республики Дагестан в ноябре 2021 г.

Указанные селения входили в прошлом в состав общества Бактлулал (*Бакъ-лъулал*) [1, с. 28]. До начала XIV в. поселения этого микрорегиона входили в состав государства Сарир, население которого исповедовало христианство. Примерно в 1302 г. здесь был принят ислам, и на протяжении всего XIV столетия происходила исламизация жителей левого берега реки Андийское Койсу, которая завершилась к концу этого века [2, с. 31; 3, с. 29]. К этому же периоду, вероятно, следует отнести и исламизацию селений общества *Бакъ-лъулал*. На это же время выпадает и вторжение в этот регион войск Тимура, с именем которого связано окончательное утверждение ислама в Дагестане [2, с. 31; 4, с. 18].

Несмотря на то, что аварцы Гумбета приняли ислам еще в XIV в., в их духовной культуре наблюдаются многочисленные реликты прежних верований, которые сохранились до нашего времени.

Мифологические персонажи традиционных верований аварцев Гумбета

Наиболее древние верования аварцев Гумбета относятся ко временам культа природы и олицетворений небесных светил, атмосферных явлений и стихий. В соответствии с их космогоническими представлениями, солнце («бакъ») – это девушка, а луна («моцI») – юноша. Существовала примета: если беременной во сне приснится солнце, значит, родится девочка, а если луна – мальчик. Были и другие подобные приметы: если беременной снятся посуда и постельные принадлежности, – к рождению девочки, а если лошадь – к мальчику. Иногда в гадании пола будущего ребенка использовали божью коровку. Будущая мать

усаживала божью коровку на кисть своей левой («левая сторона олицетворяет прошлое» [5, с. 178]) руки и когда та, собираясь улететь, переходила с одного пальца на другой, женщина задавала ей вопрос: «Васиш–ясиш?» («Мальчик или девочка?»). То, с какого пальца насекомое взлетало в момент гадания, и определяло пол будущего ребенка (сел. Верхнее Инхо).

Персонифицировали аварцы Гумбета не только небесные светила, но и атмосферные явления. При раскатах грома («гъугъай») взрослые говорили детям: «Гъугъу-дада гъугъадулев вуго» («Гром-отец гремит») (сел. Килятль), «Гъугъу-дада ватІина вуго» («Гром-отец идет») (сел. Чирката). Молнию («пири») представляли в виде летящего «огненного топора» («цІадал гІашти»), которым Всевышний бросался в грешников, наказывая их. Существовало представление, что молния чаще всего ударяет в грецкий орех (сс. Нижнее Инхо, Чирката) и грушу (сел. Чирката). Хваршины также олицетворяли молнию («гІарчІи») в образе огненного топора, которым Всевышний в гневе бросался в грешников [6, с. 68]. Итак, как это видно, молния у аварцев Гумбета представлялась в качестве «огненного топора» – атрибута Всевышнего (громовержца).

Олицетворялись и другие атмосферные явления, например, радуга. Радугу в сел. Килятль называли «Нур» («Сияние»), а в сел. Верхнее и Нижнее Инхо – «Нуралъул кІамури» («Сияющая арка»). Последнее название исходит из представления о радуге, как образе связи разных точек сакрального пространства [7, с. 116], соединяющий землю с небом, верх с низом, человека с Богом [8, с. 117].

У гумбетовцев бытовало мнение, что в радуге 7 цветов, но преобладают красный, синий и желтый (сел. Килятль). При появлении радуги дети кричали: «Нур чІчІун [буго]!» («Сияние [то есть радугу] видно!»).

В сел. Килятль при появлении радуги дети произносили следующую фразу:

«БагІараб – гІурусазе!

ГІурчинаб – дие!».

«Красный («цвет огня, войны, ада» [9, с. 31–32]) – русским!

Зеленый (цвет жизни, весны, растительности, обновления, молодости, возрождения, священный цвет пророка Мухаммеда и самого ислама [9, с. 30–31]) – мне!».

При неожиданном появлении радуги произносили следующую фразу: «ЛъикІалъе батайги!» («[Пусть будет] К добру!»).

С радугой были связаны житейские и метеорологические приметы. Например, если один конец радуги упирался в дом, где жила беременная женщина, то у нее должен был родиться сын. Видимо, радуга воспринималась как позитивное атмосферное явление, дарующее своим прикосновением желанного (особенно для отцов семейств) ребенка – сына – продолжателя рода, воина и защитника семьи и сельской общины. Возможно, что эта примета косвенно указывает на мужской пол этого природного явления по аналогии с приметами о небесных светилах. Подтверждением данного предположения является происшедший недавно в Гумбете случай с одной женщиной, которая увидела во сне расколотую надвое луну, после чего у нее умер сын.

Существовала еще примета, что, если напугать беременную, угрожая ей топором или ножом (мужские атрибуты), – то у нее родится мальчик. Такая же примета была, если эти предметы незаметно для нее положить под подушку (сел. Нижнее Инхо).

Появление радуги после дождя было предвестием ясной погоды. Если же радуга раскинулась вдоль реки – это было к дождю, а если поперек нее – к ясной погоде. Если небо ночью было освещено красным заревом – к ясной погоде, а если же утром – к дождю (сел. Киялтль).

Итак, как это видно из приведенного материала, культ природы аварцев Гумбета был представлен олицетворяемыми в антропоморфном облике солнце (девушка) и луны (юноша), грома (Гром-отец Гъугъу-дада) и атрибутом бога-громовержца – молнией (огненный топор). Радуга представлялась образом, связывавшим разные точки священного пространства. Подобные представления бытовали и у других аварцев [10, с. 19–24] и народов Дагестана [7, с. 42–117].

Для аварцев Гумбета – древних земледельцев и скотоводов горно-долинной зоны Дагестана [11, с. 17, 33; 12, с. 47] – осадки имели важное значение. Засушливый климат этой зоны породил ряд обрядов вызывания дождя. Наиболее популярным из них был обряд «вызывания дождя» («цІад гъари» – «дождь просить»), в котором участвовал ряженный «цІадал хІама» («дождевой осел») (сел. Чирката) или «ххарил хІама» («травяной осел») (сел. Верхнее и Нижнее Инхо). Им обычно бывал мальчик-сирота 10–15 лет, которого раздевали догола и обряжали в листья лопуха и длинные стебли «дождевой травы» («цІадал ххер»). В сопровождении детей и подростков ряженого водили по дворам селения с песенкой, в которой просили Всевышнего послать дождь:

«Байги, Аллагъ, чваххун цІад!

Чабхилъа ицц баккизе,

Чваххаги гонгал,

ГІадамал лъалъадизе!».

«Дай, Аллах, чтоб пролился ливень!

Чтоб из-под камней вышла вода,

Чтоб из водостока полилась вода,

Чтоб люди могли заняться поливом!».

Заслышав песенку, к участникам обряда выходила хозяйка дома и окатывала ряженого ведром воды, а сопровождавших его детей и подростков одаривала продуктами (фрукты, хлеб, халва, орехи). Обойдя все дворы села, процессия с ряженным собиралась за селом у родника и устраивала там пиршество из собранных продуктов. В сел. Чирката этот обряд проводился до середины 60-х гг. XX в., а в сел. Верхнее Инхо – до 1985 г.

Следует отметить, что ряженого в обрядах вызывания дождя называли «дождевым ослом» и другие аварцы [10, с. 24–25; 7, с. 254–262]. Название ряженого «травяной осел» демонстрирует его связь с «духами растительности» и «вегетативными демонами» [13, с. 47–50]. Участвующих в обрядах метеорологической

магии ряженных можно рассматривать и в качестве медиаторов между людьми и божествами, ведавшими погодой [7, с. 296].

Помимо обряда с ряженным имелись и другие ритуалы по вызыванию дождя. Например, в сел. Верхнее Инхо этот обряд проводили на северной окраине села, в местности «Къолон чІаби» («Место, на котором закреплен плоский камень»). Это была холмистая местность, заканчивающаяся пропастью. На самом краю этой местности была установлена надмогильная стела (кенотаф) с надписями арабским шрифтом и солярной символикой. Бытовало мнение, что именно в этой местности были заложены первые камни жилищ поселения. В ритуале по вызову дождя участвовали только женщины, возглавляемые знающей мусульманскую обрядность старшей из них. Женщины направлялись к указанному месту рано утром, прихватив с собой как милостыню («садакъя») продукты (пресные лепешки и сушеные абрикосы). Достигнув местности «Къолон чІаби», женщины при помощи мотыг расчищали от мелких камней дорогу, по которой сельский скот утром направлялся на пастбище и вечером возвращался с него. После очистки от камней дороги, женщины усаживались на поляне у дороги и проводили обряд «зикр» [14, с. 77]. После проведения этого обряда, женщины раздавали лепешки и абрикосы присутствовавшим здесь детям и прохожим. Затем все расходились по домам. В последний раз указанный обряд проводили весной 2021 г.

Существовали и другие приемы вызова осадков. Повсеместно в Гумбете во время засухи для вызывания дождя в реку клали лошадиный череп. Перед тем, как опустить череп в воду, произносили мусульманскую молитву «Ясин». В сел. Чирката это действие обычно поручали одному из богобоязненных пожилых мужчин села, который проводил его вплоть до своей смерти в 90-е гг. XX в.

Кроме ритуалов по вызыванию дождя были и противоположные обряды – по вызыванию солнца. К ним прибегали тогда, когда нужно было приостановить затяжные дожди, ливни и град, могущие нанести вред садам, посевам и домашним животным. Вплоть до 70-х гг. XX в. в сел. Чирката бытовал обычай, когда при проливных дождях для их приостановления во двор дома выходила женщина без головного платка и с распущенными волосами. В повседневной жизни такое поведение женщины было недопустимо и осуждаемо, но в экстраординарных ситуациях к нему прибегали с целью побудить Всевышнего приостановить нежелательные осадки.

Во время града для его прекращения во дворе устанавливали топор («гІа-штІи») острием лезвия вверх, а также выбрасывали очажный треножник («къ-аникъ махх») вверх ножками.

Итак, в обрядах вызывания дождя у аварцев Гумбета участвовали ряженные «цІадал хІама» («дождевой осел») и «ххарил хІама» («травяной осел»). Помимо обрядов с ряженными были и другие приемы вызывания дождя и солнца.

Ряженные участвовали в обрядовой культуре аварцев Гумбета не только при вызывании дождя. Вплоть до недавнего времени они присутствовали также на свадьбах и выступлениях канатоходцев. Ряженные надевали на голову

войлочные или тряпичные маски с прорезями для глаз и рта и с пришитыми к голове войлочными ушами (как у осла). Ряженные носили вывернутые наизнанку шубы. В сел. Киялтль, Верхнее и Нижнее Инхо ряженных называли «гІиндуш» («ушастый»), а в сел. Чирката – «гІарци бер» («серебряный глаз»). Ряженными обычно бывали местные жители. На свадьбах они выступали бесплатно, а на представлениях канатоходцев их нанимали за плату. Ряженные старались быть неузнанными. Основной их функцией на семейных торжествах и общественных мероприятиях было веселить публику и отвлекать на себя возможный «злой глаз» недоброжелателей от жениха с невестой и канатоходцев. Ряженные танцевали, кувыркались, мазались сажей и бросались мукой в зрителей, присутствовавших на свадьбах и представлениях канатоходцев. За это на них не обижались. Ряженные участвовали в семейно-бытовых и общественно-бытовых обрядах аварцев Гумбета вплоть до 70-х гг. XX в.

Подводя итог участию ряженных в календарных, семейно-бытовых и общественно-бытовых обрядах аварцев и других дагестанцев, следует отметить, что у некоторых народов Северо-Восточного Кавказа в ритуалах метеорологической магии вместо обрядового ряжения человека применялась кукла, что свидетельствует об «определенной деградации обряда в сторону его упрощения и символизации, что, вероятно, связано с процессами и изменениями в хозяйственном и общественном быту и религиозном сознании» [7, с. 298].

Применение куклы в упомянутых обрядах у аварцев не зафиксировано. Однако она применялась в некоторых общественно-бытовых обрядах. По существующему издревле обычаю взаимопомощи, при строительстве дома для новой семьи гумбетовцы, как и другие аварцы [15, с. 388–392] и народы Дагестана [16], устраивали помочи («гвай»), в которых участвовали соседи и родственники жениха. На заключительном этапе строительства, при обмазке глиной полов и стен жилища, женщины лепили из нее «грязевую куклу» («хІаршул ясикІо») и молча отправляли ее в дом родителей невесты. Те принимали куклу, а в ответ посылали участвовавшим в «гвае» поднос с едой – вареное мясо, *чуду* («цІурал чадал»), мучную халву («бахъухъ»).

В доме невесты тоже устраивала «гвай» с участием женщин для подготовки постельных принадлежностей для молодоженов. По его завершении из локутков и остатков материи готовили «тряпичную куклу» («чІартІил ясикІо») и так же молча отправляли ее в дом жениха. Родители жениха в свою очередь отправляли женщинам поднос с яствами.

Итак, как это видно, на стадии предсвадебных обрядов у аварцев Гумбета применялся обычай взаимопомощи при строительстве дома и подготовке постельных принадлежностей для молодых. Примечателен обычай свадебного дарообмена, в котором фигурируют «грязевая» и «тряпичная» куклы.

В обыденной жизни слабовольного и мягкотелого мальчика обзывают «тряпичным мальчиком» («чІартІил васикІо») (сел. Киялтль).

Как нам кажется, применяемые в обрядовой культуре и общественном быту аварцев и других народов Дагестана куклы являлись «ипостасями божеств,

связанных с аграрным производством, покровительством семье и культом плодородия» [7, с. 345].

Наряду с ряжеными и куклами – медиаторами между богами и человеком, олицетворениями связанных с культом плодородия патронов хозяйственных занятий, семьи и брака, в мифологии аварцев Гумбета сохранились представления об обитающих в горах мифологических персонажах – Будулаал, покровительствующих диким животным и охоте. С принятием ислама они стали восприниматься в качестве мусульманских святых, посредников между человеком и Всевышним. По облику они будто бы напоминают людей, облаченных в белые одежды. Живут на вершинах неприступных гор, в скалах и пещерах. Питаются мясом дичи. Туры – их любимые животные. Они убивают диких животных, съедают их мясо, не ломая при этом костей, которые затем кладут в шкуры убитых ими животных и потом оживляют их. Охотники убивают ту дичь, которую уже съели, а затем оживляют *Будулаал* (сел. Киялтль, Верхнее и Нижнее Инхо).

Горные духи якобы помогают найти дорогу заблудившимся в горах людям, если те обратятся к ним за помощью: «Я, Будулаал, кумек гъабе!» («О, Будулаал, помогите!»).

Примечательно, что за помощью к Будулаал обращаются и в наши дни. Например, во время вторжения международных террористов в Дагестан, в августе–сентябре 1999 г., пожилые женщины сел. Верхнее Инхо поднялись на крышу мечети и, воздев руки к небу, взмолились ко Всевышнему, призывая его о помощи: «Будулаал, гъаре Аллагъасда нижеде тIаде гъел тушбаби риччагеян!» («Будулаал, попросите Аллаха, чтобы он не допустил врагов до нас!»). Одна из этих женщин увидела во сне своего покойного отца-устаза, который якобы сказал ей: «Аллагъас къабул гъабуна нужер гъари, ва тушбаби нижеде рачIине гъечIо» («Аллах принял (услышал) вашу молитву, и враги к вам не придут»). В данном случае Будулаал выступают в роли посредников между человеком и Всевышним, что противоречит доктрине ислама, не признающего сотоварищей Аллаха.

На юго-западной окраине сел. Нижнее Инхо находится «Родник Будулаал» («Будулаазул ицц»). Его называли так, потому что имелись люди, которые якобы видели, как Будулаал совершали у этого родника омовение перед утренним намазом. Там у родника на камнях будто бы были видны следы их мокрых босых ног. Женщины, которые шли утром на полевые работы и возвращались вечером с них, умывали свое лицо водой из этого родника, так как по поверью, она обладала способностью снимать усталость и придавать силы.

Итак, в верованиях аварцев Гумбета сохранилась вера в исламизированных антропоморфных горных духов Будулаал, которые покровительствовали диким животным и охоте, помогали заблудившимся в горах людям, если те обращались к ним за помощью. Представляет интерес то обстоятельство, что к Будулаал (как посредникам между человеком и Всевышним) аварцы Гумбета обращаются в экстраординарных ситуациях и в наши дни.

Представления о горных духах Будулаал сохранились в мифологиях и других аварцев [17, с. 37–38, 41–42; 18, с. 301–302].

Стадиально наиболее поздно у народов Дагестана сформировались представления о верховных богах пантеона. Этот процесс выпадает на эпоху «качественно нового этапа в развитии земледелия и скотоводства, производящего хозяйства, приходящегося на период широкого распространения железа, железных орудий труда, явившихся важнейшим фактором и движущей силой процесса социально-экономического развития, обусловившего переход от варварства к цивилизации, к классовому обществу и государственным формам общественной жизни» [7, с. 187].

Будучи частью аварского этноса, лексика и фразеология языка аварцев Гумбета сохранила теонимы былых верховных божеств пантеона. Так, в аварском языке понятия «Владыка», «Господь», «бог» обозначаются как БетІергъан и Бечед [19, с. 61]. При любой просьбе, мольбе или пожелании аварцы Гумбета обращаются следующим образом: «Я, БетІергъан-Аллагъ!» («О, Господь-Аллах!»). Жена, уважительно отзываясь о своем муже, говорит «дир БетІергъан-чи», в смысле «мой господин».

По мнению М.А. Агларова, понимаемое ныне как «божья милость» аварское слово «цІоб» является трансформацией доисламского аваро-андо-дидойского божества ЦІоб [20, с. 67]. Имя ЦІоба встречается у аварцев Гумбета в клятвах и благопожеланиях: «ЦІоб гІатІидав!» («Бесконечно милостивый [о божестве]»), «Аллагъасул ЦІоб лъеги!» («Да смилостивится Аллах!»), «Бичасул ЦІоб лъеги!» («Да смилостивится Бечед!»). Последняя фраза, помимо ЦІоба, упоминает и другое аварское верховное божество – Бечед, имя которого довольно часто можно услышать в поговорке «Бичас бичани!» («Если Бечеду будет угодно [то это случится]!»). У гумбетовцев понятия «Аллагъасул авараг» («Аллаха пророк») и «Бичасул авараг» («Бечеда пророк») идентичны, хотя это противоречит доктрине ислама о строгом единобожии, считающего Аллаха единственным богом, у которого нет сотоварищей.

Итак, как это видно из представленного материала, лексика и фразеология аварцев Гумбета сохранила имена былых верховных богов пантеона – БетІергъан, Бечед, ЦІоб. С принятием ислама первые два теонима стали синонимами Аллаха, а третье – трансформировалось в понятие «божья милость».

Имена былых верховных языческих богов, отождествляемых с принятием ислама с Аллахом, сохранились и у других аварцев и народов Дагестана [21, с. 39; 7, с. 155–156, 157–205].

Таким образом, приведенный материал по фольклору, лексике и фразеологии, календарным, семейным и общественным обрядам аварцев Гумбета донес до нас образы былых божеств пантеона аварцев.

Демонология аварцев Гумбета представлена как добродетельными по отношению к человеку, так и злокозненными персонажами. К первым относятся так называемые «домовые» или «фундаментные змеи». Аварцы Гумбета верили в существование «фундаментной змеи» («кьорчІол борохъ»), якобы

обитающей в фундаменте дома. В сел. Киятль эту змею называли *Хоно-борохъ* («Яйцо-змея»). По описаниям, она серого цвета, а на голове у нее два оранжевых пятна. Для человека она безвредна, поэтому её не убивают. От наличия этой змеи в фундаменте жилища будто бы зависело благополучие и достаток («баракат») населяющей его семьи.

К другим же змеям аварцы Гумбета относятся негативно: при встрече с ними их стараются убить. Но осенью существовал запрет на убийство змей. В противном случае они будто бы взвалит на тебя все свои тяготы и заботы. Нельзя было также ранить змею вблизи водоема: «если она раненная сумеет доползти до воды, то тебя ожидают крупные неприятности вплоть до смерти». Если же змею убивали во время засухи, ее нужно было обязательно похоронить, а у изголовья поставить маленький надмогильный памятник (сел. Нижнее Инхо).

Итак, можно отметить, что в мифологии гумбетовцев существовала вера в «фундаментных змей», с которыми связывались благополучие и достаток семьи. К обычным же змеям они относились негативно. С ними были связаны сезонная, казуальная и календарно-обрядовая табуация.

Вера в добродетельных человеку «фундаментных змей» существовала и у других народов Дагестана [22, с. 16–60; 18, с. 232].

Помимо добродетельных демонов мифология народов Дагестана представлена и злокозненными духами. К ним относятся демоны, проникающие в ночное время в жилище и душащие человека во время сна. В демонологии аварцев Гумбета сохранилось представление о таком персонаже – *ХъегIело*. Это – злой демон неопределенного облика. Он проникал в жилище в полночь («ночь символизирует хаос, смерть, безумие, разрушение» [5, с. 218]) и наваливался своей тяжестью на человека, сковывая его дыхание и движения тела. В сел. Верхнее Инхо считали, что *ХъегIело* наваливается только на спящих на животе людей, а в сел. Киятль – что он садится на грудь лежащих на спине мужчин.

Как рассказывают очевидцы, демон давил и душил людей не только дома, но и вне его. По словам жителя сел. Нижнее Инхо Исадибира Магомедова, в 90-х гг. XX в. из-за поломки своего грузового автомобиля «Камаз» на Харибском перевале он был вынужден заночевать в его кабине. Ночью сквозь сон он услышал, как открылась запертая им дверь машины, и кто-то навалился на него своей тяжестью и долго душил его. Он догадался, что это был *ХъегIело*. Спустя некоторое время демон сполз с него, открыл дверь машины и захлопнув ее, исчез. В другой раз на том же Харибском перевале Исадибир остановился для совершения намаза в придорожном домике. После совершения намаза он завернулся в тулуп и заснул, лежа на спине. И на этот раз к нему явился *ХъегIело* и долго давил и душил его. Часто демон донимает спящего Исадибира и дома, поэтому он вынужден засыпать при включенном свете и телевизоре.

Рассказывают, что *ХъегIело* обладает волшебными предметами – золотом («месед») (сел. Верхнее Инхо), золотой короной («меседи таж») (сел. Нижнее Инхо), золотыми ножницами («меседил кIвекьмах») (сел. Киятль).

Говорили также, что радуга «Нур» («Сияние») – это отсвет от сияния «золотых ножниц» *ХъегІело* (сел. Килятль). Существует представление, что, если какому-либо человеку удастся завладеть волшебными предметами демона *ХъегІело*, то он станет обладателем несметного и неиссякаемого богатства. Перед тем как навалиться на человека *ХъегІело* будто бы кладет свои волшебные предметы в нишу над дверным проемом («нуцил къоно»). Через эту нишу раньше закладывали щеколду, которой запирали дверь. Существовало поверье, что, если человеку удастся встать, неся на себе *ХъегІело*, и завладеть оставленными им в нише над порогом волшебными предметами, то он разбогатеет. Схватив золотые предметы, нужно было бежать с ними за дверной порог («проход от профанного к сакральному», «вхождение в новый мир» [5, с. 256]) на улицу. Но, как говорят, сделать это никому не удавалось, так как демон настигал похитителя, отбирал у него свое золото и с размаху бил пятерней по человеческому задку. На том месте, куда ударил домовый, оставался отпечаток его пятерни, который невозможно было скрыть никакой, даже железной, одеждой: материя на этом месте постоянно рвалась. И в наши дни, когда видят на каком-либо человеке порванную одежду, говорят ему: «*ХъегІелояль хъат бана?*» («*ХъегІело* лапой ударил что ли?»).

Навалившись на человека своей тяжестью, *ХъегІело* давил и душил его. Изнемогавший под тяжестью демона, спящий человек хрипел и задыхался, но не мог при этом пошевелиться. Существовали приемы и обереги, при помощи которых люди старались избавиться от посещений *ХъегІело*. Для этого произносили вслух или про себя мусульманские молитвы («дугІа»). Полагали, что избавиться от навалившегося на человека демона можно было, если сумеешь сделать вдох и выдох, пошевелить пальцем руки или ноги, издать какой-нибудь звук. Для того, чтобы застраховать себя от визитов демона, нужно было, находясь в туалете, съесть что-нибудь. Оберегом от демона служил положенный под подушку нож.

Вера в злого духа, проникающего в жилище, чтобы душил человека, и обладающего волшебными предметами, бытовала и у других народов Дагестана [23, с. 131–147; 24, с. 26–27; 22, с. 61–139; 25, с. 111–113].

Другим злым духом был демон-антагонист беременных. В мифологиях большинства аварцев Гумбета он назывался *ХудучІ*. Он проникал в жилище так же ночью и крал плод из утробы богобоязненных и благочестивых беременных женщин. Они при этом не испытывали никакой боли. Похитив плод, демон оставлял на пороге жилища одну (сел. Верхнее Инхо) или несколько капель крови (сел. Килятль). Куда затем демон уносил украденный им плод – неизвестно.

В сел. Нижнее Инхо считали, что плод у беременных женщин крадет не *ХудучІ*, а *Будулаал*, которые уносили его на вершины обитаемых ими гор. На пороге жилища *Будулаал* оставляли несколько капель крови. В пути они якобы останавливались и делали привалы. Украденный плод они клали на ствол дерева. Верили, что, если плод клали на зеленое дерево – женщина,

у которой он был украден, сможет в дальнейшем иметь детей, а если на сухое – будет бесплодной.

Рассказывают, что в 60-х гг. XX в. в сел. Верхнее Инхо *ХудучI* украл плод у одной из жительниц этого села, у которой до этого случая уже умерли в младенчестве двое детей. В сел. Киятль помнят о нескольких случаях, связанных с кражей плода у беременных. Говорят, что после смерти этих женщин у ворот рая их встретят украденные у них дети, которые за руку введут своих матерей в эту обитель праведников. Считается, что любой ребенок, умерший до достижения совершеннолетия (15 лет), на том свете стоит у ворот ада и не допускает того, чтобы его родители туда попали.

В случае смерти детей у гумбетовцев принято выражать соболезнование их родителям следующими словами: «Алжан кьачIазе, арав ватаги!» («Да обустроит он [то есть умерший ребенок] тебя в раю!»).

Итак, как это видно, в некоторых селениях Гумбета бытовала вера в демона-антагониста беременных – *ХудучI*. В других селениях считали, что плод у беременных крадет не *ХудучI*, а горные духи *Будулаал*. Следует отметить, что такая неопределенность свойственна и другим аварцам, что связано с амбивалентностью функций отдельных мифологических персонажей и расщеплении их образов на добродетельных и однозначно враждебных человеку.

Мифологические представления о демонах-антагонистах беременных и рожениц существовали и у других народов Дагестана [26, с. 81; 10, с. 35–36; 27, с. 33–34, 44; 22, с. 140–190].

Большое место в демонологии аварцев Гумбета занимали представления о мусульманских мифологических персонажах – шайтанах («*шайтIан*») [28, с. 509]. Следует отметить, что эти персонажи с принятием ислама поглотили местные мифологические образы со сходными ипостасями и функциями. По внешнему облику шайтаны будто бы подобны людям, но только разрез глаз у них не вдоль, а поперек, и такую же форму имеет зрачок (сел. Киятль). Иногда встречаются шайтаны в обличье косоглазых («косоглазие – знак злого человека» [29, с. 204]) людей. По всеобщему мнению, локусами обитания шайтанов были горы, ущелья, пропасти, мельницы, места выброса мусора и нечистот. Помимо них в каждом селении были местности, которые людская молва приписывала к местам, где обитает нечистая сила. Так, на северной окраине сел. Верхнее Инхо, по дороге на сел. Читль, расположена скала, называемая «ГанчIи куру» («Каменная скала»). Внутри этой скалы якобы обитали шайтаны. Если поздно ночью кто-нибудь шел мимо этой скалы, шайтаны якобы бросались в него камнями. На юго-западной окраине сел. Нижнее Инхо находится «Огненное ущелье» («БухIила кIал»), в котором будто бы обитали шайтаны. Шайтанов в обличье косоглазых людей чабаны видели в скалах и гротах местности «Рукъалиб», что на восточной окраине этого села.

Шайтаны будто бы водились на южной окраине сел. Киятль, где находилась мусорная свалка. Проходя мимо нее, нужно было читать мусульманскую молитву «Къулгъу». Они якобы обитали также в местности «Исува жаниб»,

расположенной на юго-восточной окраине села, в ущелье, заканчивающимся оврагом и ореховой рощей. За селом, в садах местности «Макказул бусен» («Голубинные гнезда»), как говорят, находилось село шайтанов (сел. Киятль).

В сел. Чирката бытовало верование, что шайтаны водятся на мельницах. В 60-х гг. XX в. в этом селении еще функционировала общественная мельница «Шабал-гъобо», при которой имелся мельник. Говорят, что он частенько жаловался на то, что, если ему по работе приходилось ночевать на мельнице, то его донимала нечистая сила. Чтобы оградить себя от их влияния он произносил молитву «Къулгъу» и проклятие в адрес «имевших злой глаз» («носитель смертоносного взгляда различных фантастических существ» [9, с. 244–245]) и нечестивых *Илбиса* и шайтанов» («Бер хІарамазде, хІал хъубазде, *Илбисазде, шайтІабазде*»), после чего плевался налево и направо от себя.

Имеется множество быличек о контактах человека с нечистой силой. Например, в сел. Верхнее Инхо помнят о случае, который произошел с возвращавшимся домой ночью чабаном из их села. Этот чабан был подпоясан кинжалом. В местности «Бакъвараб къулгІа» («Иссякший родник») его неожиданно окружили какие-то люди, многократно повторявшие следующую фразу: «Бакъуль бугеб квешаб жо гІодоб рехе кІанцІеро!» («Плохую вещь, которая [находится у тебя] посередине, выброси, попрыгунчик!»). Под «плохой вещью» подразумевался кинжал. Несмотря на их настойчивые просьбы, чабан не снял с пояса кинжал, что спасло ему жизнь. На прощание эти люди подарили чабану коня. Доехав верхом до селения, он спешился и, зайдя во двор своего дома, привязал коня к коновязи. После того, как чабан зашел к себе домой, он попросил жену покормить коня. Через некоторое время жена вернулась и сообщила ему, что там нет никакого коня. Подойдя к коновязи, чабан увидел, что к ней вместо коня привязана ветка сосны. Тут он догадался, что встреченные им в горах люди были шайтаны.

По словам бабушки Сабигат из сел. Киятль, в нескольких километрах к северо-западу от села, в лесу, вблизи тропинки у скалы, расположена местность «БургІал кІалтІа» («Ворота Бургала»), которая якобы является местом сбора шайтанов. Как только Сабигат доходит до этого места, с ней случается эпилептический припадок. После припадков она долго болеет и приходит в себя. Лекарь из сел. Нижнее Инхо Газимагомед считает, что Сабигат одержима нечистой силой. Однажды он попытался прийти к ней домой, чтобы при помощи мусульманских молитв излечить ее от недуга. Однако, как говорят, дойти до дома Сабигат Газимагомеду не удалось, так как у сельского родника он был якобы схвачен шайтанами и избит ими до синяков – они всячески препятствовали излечению этой женщины.

Говорят также, что в сел. Тлох был алім Салман, который обладал властью над шайтанами: он заставлял их работать у себя в саду. Шайтаны будто бы много раз жаловались Салману на свою нелегкую долю и просили его отпустить их, но он был неумолим.

Люди старались избежать контакта с нечистой силой, невзначай не задеть ее, так как шайтаны в отместку могли наказать этого человека, наслав на него порчу и другие болезни. Например, в сел. Верхнее Инхо взрослые не разрешали детям ночью бросать камешки в кучи мусора, места выброса нечистот и навоза, в ущелья и пропасти, говоря им: «Не бросайте камешки, иначе разобьете посуду и покалечите детей шайтанов, и тогда они навредят нам!» («Нужеца чИмхал речІуге, гъез гъезул цІарагІ-матахІ бекизе бегъула, ва шайтІабазул лъималазе зарал гъабизеги бегъула, гъелъул хІасилалда гъез нилъееги зарал гъабизе рес буго»).

Если ребенок неожиданно заболел, то считали, что, играя в определенной местности, он ненароком задел шайтанов. Для того чтобы излечить ребенка, на это место несли мучную халву («бахъухъ») и оставляли ее там, прося шайтанов принять это подношение и простить их ребенка (сел. Верхнее Инхо).

Если у кого-либо случался паралич лица, сопровождавшийся искривлением рта («кІал цІан буго» – «рот искривляется»), то предполагали, что этот человек, справляя малую нужду, обрызгал шайтанов и те в отместку ударили его по лицу. Для того чтобы излечить больного и задобрить шайтанов, резали черную курицу и завернув ее в саван хоронили на том месте, где помочился больной. В сел. Верхнее Инхо этот обряд проводили вплоть до середины 90-х гг. XX в.

Говорят, что в сел. Нижнее Инхо был психически больной человек по прозвищу «ШайтІан-ГІахІмад» (Шайтан-Ахмед). Он будто бы случайно ударил шайтана, за что был наказан им психической болезнью. В сел. Килятль была известна девочка, у которой наблюдалась бессвязная речь, она часто заикалась. Говорят, что это произошло с ней после того, как шайтаны завели ее в угол хлева и били головой о камни стены.

Взрослые не разрешали детям вечером играть на улице, пугая тем, что их заберет шайтан. Впрочем, помимо шайтана непослушных детей вечером пугали и тем, что их «придет и заберет БогІоло» («БогІоло бачІуне буго, вачун ина»). *БогІоло* представляли существом с большими глазами и рогами. Детей пугали и тем, что их придет и украдет *Шагъав* – мифический мужчина высокого роста и в бурке.

Верования, связанные с шайтаном и злыми духами, бытовали и у других народов Дагестана [30, с. 134–151; 22, с. 258–325].

Итак, как это видно из приведенного материала, демонология аварцев Гумбета представлена различными мифологическими персонажами – добродетельными («фундаментные змеи») и враждебными (большинство демонов) человеку.

Заключение

Таким образом, анализ лексики и фразеологии, фольклора и обрядовой культуры аварцев Гумбета показал многообразие сохранившихся до советского и новейшего времени мифологических персонажей былого пантеона и

пандемониума аварцев. Они представлены множеством различных олицетворяемых образов: персонифицируемыми небесными светилами и атмосферными явлениями, ряженными и куклами, горными духами, верховными божествами; «фундаментными змеями», проникающим в жилище и душащим человека злым демоном, демоном-антагонистом беременных, шайтанами. Большинство этих персонажей находят свои аналогии в мифологиях других народов Дагестана, что свидетельствует об общности происхождения и складывания основных черт их духовной культуры еще в древности. С принятием ислама некоторые из этих персонажей были исламизированы, их имена стали отождествляться с Аллахом. Это обстоятельство свидетельствует о синкретизме религиозных верований аварцев Гумбета, других аварцев и народов Дагестана, сохранивших в своей духовной культуре реликты прежних форм религии.

Причины сохранности домонотеистических мифологических персонажей и ранних форм религий в условиях более чем шестисотлетнего исповедания ислама аварцами Гумбета, урбанизации и глобализации советского и новейшего времени следует объяснять присущим всем дагестанцам здоровым консерватизмом, а также особенностями их менталитета – «патриархальности, приверженности к традиционному укладу, стабильным системам ценностей, устойчивым поведенческим стереотипам» [31, с. 4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Б.Г. Горные общества Дагестана в политике России в конце XVIII – первой четверти XIX в. и вступление в подданство Российской империи. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; Алеф, 2007. 256 с.
2. Агларов М.А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: «Юпитер», 2002. 304 с.
3. Хapизов Ш.М. Из истории сельских общин Горного Дагестана: селение Цилитль Гумбетовского района // Вестник Дагестанского научного центра. 2021. № 80. С. 17–33.
4. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV в.: Очерк политической истории. М.: «ТАУС», 2007. 228 с.
5. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой век», 1995. 399 с.
6. Мусаева М.К. Хваршины. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1995. 251 с.
7. Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология,

REFERENCES

1. Aliev BG. *Mountain societies of Dagestan in the policy of Russia at the end of the 18th – the first quarter of the 19th century. and entry into the citizenship of the Russian Empire [Gornye obshhestva Dagestana v politike Rossii v konce XVIII – pervoj chetverti XIX v. i vstuplenie v poddanstvo Rossijskoj imperii]*. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS; Alef, 2007. 256 p. (In Russ)
2. Aglarov MA. *The Andeans: A Historical and Ethnographic Study [Andijcy: Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie]*. Makhachkala: «Jupiter», 2002. 304 p. (In Russ)
3. Hapizov ShM. From the history of rural communities of Mountainous Dagestan: the village of Tsilitl, Gumbetovsky district [Iz istorii sel'skih obshhin Gornogo Dagestana: selenie Cilitl' Gumbetovskogo rajona] *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2021. No. 80: 17-33. (In Russ)
4. Krishtopa AE. *Dagestan in the 13th – early 15th century: An outline of political history [Dagestan v XIII – nachale HV v.: Oчерk politicheskoy istorii]*. Moscow: «TAUS», 2007. 228 p.

характеристика, персонификации). Махачкала, 2009. 407 с.

8. Топоров В.Н. Мост // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 176–177.

9. Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций. М.: «Вече», 2005. 383 с.

10. Алигаджиева З.А. Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев в XIX – начале XX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2012. 172 с.

11. Агларов М.А. Хиндалал: Аварцы горных долин Центрального и Западного Дагестана: Очерки традиционной культуры и этноэкономики. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; МавраевЪ, 2018. 152 с.

12. Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1996. 315 с.

13. Seferbekov R.I. Herbaceous Characters in the Popular Beliefs of the Peoples of Dagestan // Iran and the Caucasus. Leiden-Boston, 2014. № 18 (1). P. 47–50.

14. Акимушкин О.Ф. Зикр // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Проzorov. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 77.

15. Исламмагомедов А.И. Аварцы: Историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2002. 432 с.

16. Эльмурзаев А.Д. Обычай взаимопомощи в хозяйственной деятельности народов Дагестана. XIX – начало XX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 175 с.

17. Агларов М.А. Языческое святилище на вершине горы Бахарган (К изучению общинных и региональных культов в Дагестане) // Мифология народов Дагестана. Махачкала: Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1984. С. 36–42.

18. Традиционный фольклор народов Дагестана / Отв. ред. Г.Г. Гамзатов, У.Б. Далгат. М.: Наука, 1991. 496 с.

19. Русско-аварский словарь / Сост. М.С. Саидов и М. Микаилов. Ред. М.С. Саидов. Махачкала: Изд-е Дагестанского филиала АН СССР, 1961. 1041 с.

20. Агларов М.А. Из верований народов Западного Дагестана (божество ЦЮб) // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала: Институт ЯЛИ Даг. филиала АН СССР, 1988. С. 67–71.

(In Russ)

5. Kuper Dzh. Encyclopedia of symbols [Jenciklopedija simvolov]. Moscow: Association of Spiritual Unity “Golden Age”, 1995. 399 p.

6. Musaeva MK. *Khvarshiny. XIX – early. XX century: Historical and ethnographic research [Hvarshiny. XIX – nach. XX v.: Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie]*. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 1995. 251 p. (In Russ)

7. Seferbekov RI. *Pantheon of pagan deities of the peoples of Dagestan (typology, characteristics, personifications) [Panteon jazycznych bozhestv narodov Dagestana (tipologija, harakteristika, personifikacii)]*. Makhachkala, 2009. 407 p. (In Russ)

8. Toporov VN. Bridge [Most] *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia*. In 2 vols. 2nd ed. / Ch. ed. S.A. Tokarev. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994. V. 2:176–177. (In Russ)

9. Vovk OV. *Signs and symbols in the history of civilizations [Znaki i simvolj v istorii civilizacij]*. Moscow: “Veche”, 2005. 383 p. (In Russ)

10. Aligadzhieva ZA. *Survivals of pre-monotheistic beliefs and rituals among the Andalal Avars in the 19th – early 20th centuries [Perezhitki domonoteisticheskikh verovanij i obrjadov u avarcev-andalal'cev v XIX – nachale XX v.]*. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2012. 172 p. (In Russ)

11. Aglarov MA. *Hindalal: Avars of the mountain valleys of Central and Western Dagestan: Essays on traditional culture and ethno-economics [Hindalal: Avarcy gornyh dolin Central'nogo i Zapadnogo Dagestana: Ocherki tradicionnoj kul'tury i jetnojekonomiki]*. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS; Mavraev, 2018. 152 p. (In Russ)

12. Osmanov MO. *Economic and cultural types (areas) of Dagestan [Hozjajstvenno-kul'turnye tipy (arealy) Dagestana]*. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 1996. 315 p. (In Russ)

13. Seferbekov RI. Herbaceous Characters in the Popular Beliefs of the Peoples of Dagestan Iran and the Caucasus. Leiden-Boston, 2014;18 (1):47-50.

14. Akimushkin OF. Dhikr [Zikr] *Islam: encyclopedic dictionary* / responsible ed. S.M. Prozorov. M.: Nauka, GRVL, 1991: 77. (In Russ)

15. Islammagomedov AI. *Avars: Historical and ethnographic study of the XVIII – early 20th century [Avarcy: Istoriko-jetnogra-*

21. Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII–XIX веках (аварцы, даргинцы, лакцы). Махачкала, 1999. 220 с.
22. Сефербеков Р.И. Персонажи низшей мифологии народов Дагестана. Махачкала: Институт ИАЭ ДФИЦ РАН, 2019. 360 с.
23. Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1990. 266 с.
24. Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.: Наука, 1991. 182 с.
25. Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала: Институт ЯЛИ ДНЦ РАН, 1992. 273 с.
26. Абдинова А.Г. Реликты домонотеистических верований в семейной обрядности народов Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2010. 164 с.
27. Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2006. 221 с.
28. Энциклопедия сверхъестественных существ / Сост. К. Королев. М.: «Миф»; «Локид», 1997. 592 с.
29. Энциклопедия суеверий / Сост. Э. и М.А. Рэдфорд; Е. Миненок. М.: «Миф»; «Локид», 1995. 560 с.
30. Ибраилова З.А. Пантеон и пандемониум даргинцев. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2010. 177 с.
31. Гаджимурадова З.М. Этническое самосознание дагестанцев на пороге XXI века (на материале сравнительного исследования этностереотипов старшего и младшего поколений аварцев и кумыков). 2-ое доп. и испр. изд. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет; Изд-во «Алеф», 2020. 276 с.
- ficheskoe issledovanie XVIII – nach. XX v.].* Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2002. 432 p.
16. Jel'murzaev AD. *The custom of mutual assistance in the economic activities of the peoples of Dagestan. 19th – early 20th centuries [Obychaj vzaimopomoshhi v hozjajstvennoj dejatel'nosti narodov Dagestana. XIX – nachalo XX v.].* Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2009. 175 p. (In Russ)
17. Aglarov MA. Pagan Sanctuary on the Top of Mount Bakhargan (On the Study of Community and Regional Cults in Dagestan) [Jazycheskoe svjatilishhe na vershine gory Bakhargan (K izucheniju obshhinnyh i regional'nyh kul'tov v Dagestane)] *Mythology of the peoples of Dagestan.* Makhachkala: Institute of IYAL, Dagestan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1984:36-42. (In Russ)
18. *Traditional folklor e of the peoples of Dagestan [Tradicionnyj fol'klor narodov Dagestana]* / Rep. ed. G.G. Gamzatov, U.B. Dalgat. M.: Nauka, 1991. 496 p. (In Russ)
19. *Russian-Avar dictionary [Russko-avar-skij slovar'] / Comp. M.S. Saidov and M. Mikailov. Ed. M.S. Saidov.* Makhachkala: Publishing house of the Dagestan branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. (In Russ)
20. Aglarov MA. From the beliefs of the peoples of Western Dagestan (deity TsIob) [Iz verovanij narodov Zapadnogo Dagestana (bozhestvo CIob)] *Problems of mythology and beliefs of the peoples of Dagestan.* Makhachkala: Yali Institute of the Dagestan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1988: 67-71. (In Russ)
21. Bulatov B.B., Luguev S.A. *Spiritual culture of the peoples of Dagestan in the XVIII–XIX centuries (Avars, Dargins, Laks) [Duhovnaja kul'tura narodov Dagestana v XVIII–XIX vekah (avarcy, dargincy, lakcy)].* Makhachkala, 1999. 220 p. (In Russ)
22. Seferbekov RI. *Characters of the lower mythology of the peoples of Dagestan [Personazhi nizshej mifologii narodov Dagestana].* Makhachkala: Institute of IAE DFRC RAS, 2019. 360 p. (In Russ)
23. Bulatov AO. *Survivals of pre-monotheistic beliefs of the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries [Perezhitki domonoteisticheskikh verovanij narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.].* Makhachkala, 1990. 266 p. (In Russ)

24. Gadzhiev GA. *Pre-Islamic beliefs and rituals of the peoples of Nagorno-Dagestan* [Doislamskie verovanija i obrjady narodov Nagornogo Dagestana]. Moscow: Nauka, 1991. 182 p. (In Russ)

25. Halidova MR. *Mythological and historical epos of the peoples of Dagestan* [Mifologicheskij i istoricheskij jepos narodov Dagestana]. Makhachkala: Institute of Yali DSC RAS, 1992. 273 p.

26. Abdinova AG. *Relics of pre-monotheistic beliefs in the family rituals of the peoples of Dagestan (XIX – early XX century)* [Relikty domonoteisticheskikh verovanij v semejnoj obrjadnosti narodov Dagestana (XIX – nachalo XX v.)]. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2010. 164 p.

27. Musaeva MK. *Traditional customs and rituals of the peoples of Nagorno-Dagestan associated with the birth and upbringing of children* [Tradicionnye obychai i obrjady narodov Nagornogo Dagestana, svjazannye s rozhdeniem i vospitaniem detej]. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2006. 221 p. (In Russ)

28. *Encyclopedia of Supernatural Beings* [Jenciklopedija sverhestestvennyh sushhestv] / Comp. K. Korolev. Moscow: "Myth"; Lokid, 1997. 592 p. (In Russ)

29. *Encyclopedia of Superstitions* [Jenciklopedija sueverij] / Comp. E. and M.A. Radford; E. Minenok. Moscow: "Myth"; Lokid, 1995. 560 p. (In Russ)

30. Israpilova ZA. *Pantheon and pandemonium of the Dargins* [Panteon i pandemonium dargincev]. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2010. 177 p. (In Russ)

31. Gadzhimuradova ZM. *Ethnic self-consciousness of Dagestanis on the threshold of the 21st century (based on a comparative study of the ethno-stereotypes of the older and younger generations of Avars and Kumyks)* [Jetnicheskoe samosoznanie dagestancev na poroge XXI veka (na materiale sravnitel'nogo issledovanija jetnostereotipov starshego i mladshogo pokolenij avarcev i kumykov)]. 2nd supplemented and corrected ed. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University; Publishing house "Aleph", 2020. 276 p. (In Russ)

Поступила в редакцию 01.08.2022 г.

Принята к публикации 03.10.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183823-842>



Капустина Екатерина Леонидовна

к.и.н., зав.отделом этнографии Кавказа

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера),

Санкт-Петербург, Россия,

parlel@mail.ru

МЯСО ИЗ ДОМА: РЕЖИМЫ И СМЫСЛЫ ДВИЖЕНИЯ МЯСНЫХ ПРОДУКТОВ ИЗ ДАГЕСТАНА В ГОРОДА РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Аннотация. Транслокальный режим трудовой миграции между Республикой Дагестан и арктическими и субарктическими городами Западной Сибири порождают специфические практики материальности, связанные с перевозкой вещей между отправляющим и принимающим обществами. Продукты питания в этом ряду занимают самое заметное место и по масштабам трансфертов, и по значимости в повседневной жизни мигрантов из Дагестана в северных городах. В статье анализируются различные варианты и механизмы перемещения мяса и мясных продуктов по дагестанским мигрантским сетям. Внимание будет уделено передвижению мяса как многоступенчатому процессу – от заготовки его в Дагестане до организации системы хранения в семье мигрантов. При этом интерес будут представлять как коммерческие трансферты, так и семейные и земляческие посылки, поскольку в обоих случаях могут использоваться схожие схемы и задействоваться те же самые сети. Мясо, предназначенное, прежде всего, для мигрантов, в процессе пересылки само становится мигрантом, его появление в месте миграции наделяется смыслами и характеристиками, связанными с миграцией между указанными регионами в целом. Через роль и масштаб использования дагестанского мяса в повседневных практиках питания мигрантов демонстрируется один из аспектов конструирования транслокального мира дагестанцев, работающих в арктических городах. В частности, интерес представляют режим реципрокности как внутри мигрантского сообщества, так и между мигрантами и немигрантами в Дагестане, а также конструирование символических представлений о покинутом доме и о доме, построенном в миграции, рефлексия о степени комплиментарности материальных миров Дагестана и севера, их принципиальных отличий и преимуществ.

Ключевые слова: миграция; антропология пищи; Дагестан; Арктика; пищевые посылки; транслокальность.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183823-842>



Ekaterina L. Kapustina

Cand. Sci. (History), Head of Dep. of Ethnography of the Caucasus

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS

Saint Petersburg, Russia

parlel@mail.ru

MEAT FROM HOME: MODES AND MEANINGS OF MEAT PRODUCTS FLOW FROM DAGESTAN TO THE CITIES OF THE RUSSIAN ARCTIC

Abstract. The translocality of labor migration between the Republic of Dagestan and the Arctic and subarctic cities of Western Siberia gives rise to specific practices of materiality associated with the transportation of things between the sending and receiving parties. Food products occupy the most prominent place in this line both in terms of the scale of transfers and in terms of their importance in the daily life of migrants from Dagestan in northern cities. The article analyses various options and mechanism of transportation of meat and meat products via Dagestan migration networks. We pay close attention to the transportation of meat as a multi-stage process – from purchasing it in Dagestan to organizing a storage system in a migrant family. In this case, both commercial transfers and family and compatriot parcels will be of interest, since in both cases similar schemes are used and the same networks are involved. Meat, intended primarily for migrants, becomes a “migrant” itself in the process of shipment; its appearance in the place of migration is endowed with meanings and characteristics associated with migration between these regions as a whole. Through the role and scale of the use of Dagestan meat in the daily migrants’ diet, one of the aspects of constructing the translocal world of Dagestanis working in Arctic cities is demonstrated. In particular, of interest are the reciprocity mode both within the migrant community and between migrants and non-migrants in Dagestan, as well as the construction of symbolic representations of an abandoned house and a house built in migration, reflection on the degree of complementarity of the material worlds of Dagestan and the North, their fundamental differences and benefits.

Keywords: migration; food anthropology; Dagestan; Arctic; food parcels; translocality.

Во время полевой работы в Новом Уренгое мне неоднократно доводилось бывать в гостях у информантов и испытывать на себе безапелляционную хлебосольность хозяев. Нередко задавая вопрос про происхождение продуктов на столе, я получала ответ – «здесь все/почти все из Дагестана». При дальнейших расспросах стало понятно, что продукты, главным образом, либо привезены членами семьи при движении из родного населенного пункта в Дагестане на север, либо, что чаще, присланы в посылках с родины.

Присылать время от времени с оказией продукты из деревни в город – давняя практика, безусловно, зависящая от многих причин, среди которых историческая или региональная специфика снабжения городов, специфика миграции и другие факторы. Для арктических городов посылки с «большой земли» также были характерным способом взаимодействия между отправляющим мигрантов и принимающим обществами. Значительную роль здесь очевидно сыграла специфика снабжения северных городов – сложность или невозможность получить определенные продукты, дороговизна, ухудшение качества продуктов, доставляемых на север [1–5].

Одновременно с этим для дагестанских мигрантов и их семей и родственников отправка посылок в крупные города в последние годы стала весьма распространенной практикой. Активно, в том числе в результате задействования социальных сетей в интернет, развивается логистическая система с Москвой, Санкт-Петербургом и другими миграционными магнитами, значимыми для дагестанцев.

Итак, продуктовые посылки – не эксклюзивная практика дагестанцев и в целом характерна для севера, да и в других регионах трансферты продуктов из Дагестана в города за пределами Кавказа также не редкость. Тем не менее, опыт пищевых трансфертов именно между Дагестаном и арктическими городами достоин быть предметом специального исследовательского интереса. Во-первых, этот интерес может быть оправдан масштабами явления – количество и разнообразие продуктов, частота поставок, сложность доставки вследствие региональной специфики делают эту практику значимой для социального мира живущих на севере дагестанцев. Во-вторых, и это более значимая причина, интерес представляет то, как через продуктовые трансферты конструируется и осмысливается транслокальный мир дагестанских мигрантов в арктических городах.

Информанты, работающие в Арктике с начала 2000-х, говорили, что активные перевозки продуктов между Дагестаном и ЯНАО осуществляются в последние 10 лет, до этого продукты попадали в Арктику окказионально, когда к мигрантам приезжали родственники с большой земли¹ (по совместительству малой родины). Появление регулярных поставок продуктов в арктические

¹ Термин «большая земля» или «земля» часто выступает бинарной оппозицией «северу», а между ними, как правило, подразумевается разрыв – географический, логистический (часто передвижение между точкой а и б затруднено из-за нерегулярности транспортных артерий), социальный, экономический и т.п. (подробнее об это см. [6])



города оказало влияние на экономические и пищевые стратегии поведения мигрантов из Дагестана, долговременно живущих на севере.

Изучая транслокальную миграцию, я могу отметить важную роль посылок не только в организации быта мигрантов при помощи вещей с малой родины, но и в самом конструировании специфического транслокального мира, состоящего из арктического города и дагестанского селения и/или города, в котором продолжают жить люди (подробнее об этом [7; 8; 9]). Основываясь на моих полевых наблюдениях и данных интервью, можно сделать вывод, что именно миграция пищи играет здесь одну из основных ролей.

Как уже писалось ранее, несмотря на то, что перечень продуктов питания, которые посылают из Дагестана в арктические города, весьма внушителен, самым распространенным продуктом, который везут из республики, является мясо, его количество многократно превышает все остальные пищевые посылки в год.

В статье будет описана схема потребления мяса в мигрантских семьях в контексте транслокальности как специфического режима миграции. Внимание будет обращено на специфику логистики поставок мяса из Дагестана в арктические города, трансформацию его в ходе миграции с юга на север. Важным фокусом в работе будет характеристика дагестанского мяса как специфического продукта и отношение к нему со стороны потребителей и продавцов.



Отдельное внимание будет уделено значению мясных трансфертов в социальной жизни дагестанских мигрантов-северян и членов их транслокального сообщества.

Мясо-мигрант: логистика и трансформация

Многие информанты, живущие на Севере, отмечали, что употребляют в пищу преимущественно мясо, которое привезено из Дагестана, некоторые говорили, что фактически не покупают мясо в месте миграции и обходятся посылками с малой родины.

В настоящее время у живущих в крупных городах ЯНАО дагестанцев есть несколько способов получить в арктических городах мясо из Дагестана. Рассмотрим эти возможности на примере Нового Уренгоя.

Один из распространенных вариантов попадания дагестанского мяса на стол новоуренгойцев, приехавших из Дагестана, – посылки родственников. Все мои информанты рассказывали о том, что получают такие посылки от родителей и другой близкой родни, постоянно живущей в республике. При этом некоторые семьи получают такие посылки пару раз в год, тогда как другие – с завидной частотой и постоянством. Регулярны именно посылки с продуктами, другие вещи



отправляются окказионально – мебель во время обустройства жилья на новом месте, детская одежда и посуда пересылаются самими мигрантами перед возвращением их из отпуска, который почти всегда проводится в Дагестане (подробнее об этом см. [10, с. 8]). В последнем случае собирающаяся возвращаться на север хозяйка с родственницами-представительницами других семей заранее договариваются с поставщиками, что к определенному числу (как правило, дате отъезда) они приедут забирать заказ (сушеное мясо и самодельная сушеная колбаса, а также многие другие продукты). Мигранты, выезжающие на своих автомобилях, также порой перевозят с собой продукты, как правило в этом случае небольшие посылки, но в условиях доступности посылок на газелях и больших объемов пересылаемого такой способ уже непопулярен.

Семья Эльмиры² живет в Новом Уренгое уже более 15 лет. У Эльмиры и Эльдара есть там постоянная работа, квартира в собственности, однако помимо этого они купили квартиру в Москве, где учится их сын, а также родительский дом в одном из сел Кизилюртовского района Дагестана. Эльдар ездит в Дагестан время от времени, обычно по делам, Эльмира приезжает реже, она чаще бывает в Москве у сына. Эльдар и Эльмира заказывают мясо в хозяйстве дяди Эльмиры, живущего в их родном селе. Лишь изредка они покупают мясо в другом селении, когда по какой-то причине дядя не может удовлетворить их спрос. Семья покупает корову целиком осенью, причем заказ делает уже летом, приезжая в республику в отпуск или по делам (так был сделан заказ на очередную телку во время моего посещения их семьи в Дагестане в августе 2021 г.).

Дядя Эльмиры Мурад не участвовал в миграции на север и всю жизнь проработал в Дагестане – в советское время на заводе, затем занялся фермерством, специализировался на молочном скоте, а потом и на откормочном производстве. Тем не менее, он плотно встроен в миграционную систему, в которую вовлечен круг его родственников (несколько тухумов) и уезжающие в миграцию односельчане. По его словам, около половины всех забитых туш он отправляет в миграцию землякам, в большинстве своем, в Арктику.

2 Все имена информантов изменены.

«Мясо на точки сдавал. Потом процесс стал увеличиваться. Племянники, племянницы разъехались – Москва, Новый Уренгой, Нижневартовск, Покачи. И стали тушами покупать, попробовали вкус мяса: «Отправь нам, дядя!». И газель перевозочная у меня (для мяса – авт.). За 1 кг берут 50 рублей за перевозку. Я мясо замораживаю и в банановые ящики кладу. Замороженное летом, а зимой охлажденное»³. Поскольку при пересылке газелями из Дагестана на север посылки упаковываются в коробки из-под бананов, и тариф назначается за коробку, то пересылать тяжелые предметы выгоднее, чем легкие и объемные. При такой тарификации трансфертов мясо, тяжелое и относительно компактное, т.к. туша разделяется поставщиком, считается выгодной посылкой: так пересылка туши 100 кг обходилась в 2021 г. примерно в 5 тысяч рублей.

Чтобы оценить масштабы поставок мяса из хозяйства Мурада в Новый Уренгой приведу цитату из беседы с его племянником на севере:

– В позапрошлом вот году мы вот заказывали, нам-то он отправил сразу, но многие ждали почти месяц, потому что у него именно с севера 30 с чем-то заказов было, под 40 заказов.

Соб.: И это все родственники?

– В основном. Ну, как бы, если там 40 человек – из них человек 30 родственников, 7–8 – это просто сельчане или знакомые, соседи⁴.

Значительные поставки мяса на север только из этого хозяйства показывают и степень связи отправляющего и принимающего обществ, в частности, через практики питания и масштаб самой миграции. Действительно, по оценкам активиста дагестанской земляческой организации только из этого селения в Новом Уренгое проживает более 100 семей, при этом в самом селении осталось жить около 1000 человек.

Не имея постоянных поставщиков мяса от родственников, мигранты делают заказы через хорошо развитую сеть частных поставщиков, транспортирующих посылки из республики во многие города ЯНАО, где значима миграция из Дагестана. У многих моих информантов в списке контактов есть телефон водителя «газели» или «фуры», регулярно привозящего мясо из республики. Подобные перевозчики нередко везут мясо для своих нужд, а помимо этого берут мясо на реализацию и продают по сети земляков и не связанных с Дагестаном соседей и коллег.

Существуют и стационарные торговые точки, торгующие дагестанским мясом. Прежде всего, это место стоянки вышеупомянутых водителей газелей, которая расположена у новой мечети города, торговые места на Южном рынке города, несколько магазинов, специализирующихся на продуктах из Дагестана, а также мясной склад на одном из рынков Нового Уренгоя.

Подробнее опишу именно мясной склад. В городе это место было известно всем моим информантам, о нем всегда вспоминали, когда говорили о возможности достать мясо, не прибегая к прямым заказам с Дагестана.

3 ПМА 2021, Мурад, 62, Кумторкалинский район.

4 ПМА 2021, Заур 43, Новый Уренгой.

Этот бизнес организован выходцем из Ногайского района Дагестана Тимуром. Тимур организовал поставки мяса из Ногайского района в Новый Уренгой в начале 2010-х гг. Начав как торговый представитель по продаже напитков, он затем переключился на продажу мяса сначала из Ногайского района, затем мясо также стали покупать в соседних районах республики и в Ставрополье (преимущественно баранина, но также говядина, птица, рыба). В момент расцвета бизнеса продавалось до 1000 туш баранов в месяц. После переориентирования российского, в том числе и дагестанского, мяса на продажу в Иран возить продукцию на север стало не так выгодно и с 2018 г. Тимур уходит с рынка, продав бизнес своему помощнику. Тот продолжает торговлю дагестанским мясом и сейчас⁵.

Примечательно, что мясной бизнес Тимура в своей основе семейный: его дядя выращивает скот, братья, живущие в Ногайском районе, отвечают за подготовку туш и логистику (нанимали фуры у земляков) до севера, Тимур реализовывал мясо в Новом Уренгое и других городах ЯНАО. Выбор мясного бизнеса как основного, в некоторой степени, стал вынужденной мерой: Тимур по образованию нефтяник и приехал в Новый Уренгой работать по специальности, но из-за дискриминационных практик, с которыми ему пришлось столкнуться в регионе, он не смог получить желаемую работу и реализовал себя через связи с малой родиной.

Для понимания масштаба перевозки мяса с Дагестана на север, стоит привести пример одной дагестанской семьи, живущей в Новом Уренгое уже несколько лет, Замира и Алжанат. Алжанат в интервью рассказала, что недавно ей из родного селения мать прислала 37 кг говядины. Этого количества ее семье не хватило даже на месяц: (в семье нет детей, однако в тот месяц с ними в квартире проживали еще два брата – ее и мужа). Столько мяса, по словам Алжанат, ушло из-за постоянных гостей в доме – родственников и земляков, а также сослуживцев мужа. Другая семья из Нового Уренгоя в ноябре получила из Дагестана тушу телки весом 105 кг, этого мяса семье из 5 человек хватило лишь до конца февраля, что подвигло их заказать к марту еще одну тушу. Здесь следует учитывать и специфику кухни народов Дагестана, которой практически всегда отдают предпочтение мигранты, основные блюда в ней почти всегда предполагают наличие мяса.

Как правило, основной объем мяса, баранины и говядины⁶ привозится на север осенью и зимой, после осеннего забоя в Дагестане. Связано это не только с традициями забоя скота и приготовления сушеного мяса, но и со спецификой места отправления. Поскольку из республики на север посылки могут идти больше недели, мясо проще довести в условиях низких температур. На начальном этапе развития бизнеса мигрантских трансфертов критически важно было, чтобы мясо без холодильника не испортилось в пути,

⁵ Материал 2021 года.

⁶ Помимо говядины и баранины из Дагестана часто привозят курицу, другую птицу, а также сушеное мясо и самодельную сушеную колбасу – знаменитый дагестанский горный деликатес.

поэтому возили его преимущественно зимой. В настоящее время, как правило, все перевозчики, берущие продуктовые посылки, оборудуют свой транспорт холодильными установками, и мясо можно заказывать и в летний период, однако ориентация на осенний забой сохраняется. Исключение составляют люди, уехавшие в Дагестан в период летних отпусков. В этом случае они нередко сами готовят продуктовые посылки и отправляют, не дожидаясь холодного сезона. К тому же многие потенциальные покупатели – транслокальные мигранты – уезжают в Дагестан в летний период и, следовательно, в мясе не нуждаются. Поскольку большая часть моих информантов была занята в арктических городах на постоянной работе, то на летний период выезжать получается не у всех членов семьи (чаще это женщины и пожилые люди с детьми). Оставшиеся в городах летом, как правило, не делают заказов на мясо из республики и покупают преимущественно дагестанское, но в меньших объемах, на вышеназванных городских торговых точках.

Хранение мяса в миграции

Начиная работать в городах ХМАО и ЯНАО, я нередко удивлялась, что в малогабаритных квартирах и даже балках часто можно было увидеть огромные холодильники и напольные морозильные камеры. Как правило, эти морозильные камеры заполняются подвергающимися заморозке продуктами, присланными или привезенными из Дагестана. Здесь может храниться не только мясо и мясные продукты, но и масло, овощи, ягоды, травы и т.д., однако очевидно, что мясо – в первую очередь. Информанты также отмечали, что считают большой морозильник характерной чертой своей «северной» квартиры.

Для хранения мяса также используются «народные» северные холодильники. В первую очередь, это сумки, вывешиваемые в зимний период за окно или специальные клетки, крепящиеся к окнам. Однако попадались описания и более экзотических морозильников: так некоторые информанты имели по две машины и вторую, неосновную, использовали как морозильник во дворе, что в условиях долгой стабильной зимы считалось очень удобным. Правда с такими «морозильниками» случались и курьезы: один из информантов рассказывал про родственника, который решил продать Ладу и только после сделки, отдав машину новому хозяину, узнал от жены, что она хранила в багажнике замороженное мясо.

«Отсюда тоже свежее приходит, хоть и шесть дней едет»: трансформация мяса и ее восприятие

Как уже было описано, большая часть продуктов в настоящее время прибывает на север по автомобильным дорогам – в частных автомашинах, а также в

газелях и фурах. Отправляют продукты и через автобусы, которые перестали быть самым предпочтительным способом передвижения для самих мигрантов⁷ и стали специализироваться на гибридных перевозках, когда помимо людей брались небольшие грузы – помимо багажа мигрантов, не купивших багаж в самолете, преимущественно продуктовые посылки. Продукты едут несколько дней – от 6 до 10 дней до Нового Уренгоя. Новый Уренгой – конечная точка маршрута, до него перевозчик останавливается в различных городах ХМАО и ЯНАО, выгружая заказы и распродавая товар, если он есть.

Примечательно, что, по словам одной из информанток, уже около 20 лет живущей между Новым Уренгоем, дагестанским селением и Москвой, в начале 2000-х, когда автомобильные перевозки из республики были неразвиты, мясо было приоритетным багажом: «Раньше когда летели самолетом, то багаж старались не брать и 20 кг разрешенных мясо везли. Там же тоже холодно, за несколько часов мясо не разморозится»⁸.

Продолжительность перевозки определяет специфику подготовки мяса к отправке. Мне не приходилось слышать, чтобы в Новый Уренгой присылали живой скот из Дагестана, очевидно, это нерентабельно. Все мясо, которое отправляют в Арктику, подвергается заморозке. Обычно мясо после забоя остывает и затем замораживается в больших морозильниках продавца мяса. И только, полежав несколько дней, оно отправляется на север в газели или фуре с оборудованным холодильником. «Они еще замораживают два дня мясо, чтобы оно до тебя свежим доехало»⁹.

Интересно, что, говоря о преимуществах мяса, привезенного с Дагестана, перед другим, купленным в Новом Уренгое, я несколько раз слышала выражение «первая свежесть». Применяется это к замороженному мясу. Поскольку парное мясо из Дагестана в ЯНАО не привозится, свежим мясом называется то, которое быстро замораживается после забоя и больше не размораживается. В условиях обилия предложения парного мяса в Дагестане невозможно представить, чтобы свежим назвали замороженный продукт, но в условиях арктической миграции очевидно понятия свежести претерпевают изменения.

Вместо времени забоя (парное-замороженное), выбор которого для мигрантов невозможен, на первый план выходит вопрос об условиях выращивания скота. Например, говоря о высоких качествах купленной у Мурада говядины, мои информанты подчеркивали, что точно знают как именно он кормил своих телок. Подчеркивалось, что Мурад не добавляет в корм ускорители роста и кормит его люцерной, которую сам вырастил, поэтому его бычки набирают вес дольше, но в естественные сроки. Именно эти условия кормления, по мнению

7 Появились более доступные билеты на самолет, помимо этого дагестанцы нередко передвигаются между местом отправления и местом миграции на личных машинах, в меньшей степени на поезде, т.к. этот способ предполагает наличие пересадки (подробнее см. [10])

8 ПМА 2021, Заира 36, Новый Уренгой.

9 ПМА 2021, Эльмира, 46, Кумторкалинский район.

Мурада и его клиентов, и определяют то, что вкус мяса не портится даже после заморозки.

Несколько раз, описывая высокое качество заказываемого у постоянного поставщика мяса, информанты использовали слово «чистое», противопоставляя мясо из других источников, которое при варке может быть «как вата», «резинovým», дает «грязный бульон».

Продавец мяса Тимур утверждает, что замороженное в Дагестане и отправленное на север мясо вкуснее и ценнее, чем парное с местных северных боен, поскольку решающим для вкусовых качеств является не то, что мясо парное или мороженное, а то, как и чем откармливали животное – здесь, по его мнению, нет конкурентов у солончаков Ногайской степи: «самые многокалорийные травы у нас, разнотравье самое хорошее у нас в Ногайском районе»¹⁰.

Объясняя предпочтения мигрантами именно мяса с малой родины, не следует также сбрасывать со счетов и экономическую причину, хотя никто из информантов не назвал ее в качестве определяющей их выбор. «Мясо не дешевле здесь, все равно за доставку платишь. Но у нас вот что – лучше взять не напичканное и натуральное, без химии. И хочется что-то вкусное попробовать»¹¹.

Ахмет, отправляющий мясо из Ногайской степи на реализацию в ЯНАО, отмечает, что дагестанское мясо дороже другого привозного, но дешевле «магазинного». Семьи многочисленных племянников Мурада, живущие в Новом Уренгое, заказывают мясо только у него также и по той причине, что родство с ним позволяет им порой оплачивать мясо в рассрочку.

Внимание к качеству пищи и дискурс о качестве продуктов на севере, по моим наблюдениям, в миграции актуализируется, что очевидно не является спецификой дагестанской миграции. Так антрополог А. Аппадурай, говоря о проблеме подлинности пищи, отмечает, что это – не проблема для местных жителей, но становится таковой, лишь когда они уезжают, аутентичность как критерий всегда возникает сразу после значительной трансформации культуры [11, с. 25].

Такое внимание к мясу, про которое известно «почти все», на мой взгляд, можно также рассматривать не столько через объективные качества мяса или экономическую выгоду, сколько через проблему доместикации нового места жительства через понятность прежнего социального мира. В условиях неопределенности в миграции и атомизации арктического городского пространства человек выстраивает новую систему и нуждается в известных, безопасных элементах для нее. Транслокальный мигрант часто привлекает для жизни в новом мире социальные сети из мира отправляющего, пользуется социальным капиталом и репутациями, построенными на основе отправляющего общества, и инкорпорирует их в общество принимающее. В среде незнакомых людей мигрант через пищевые послышки продолжает жить рядом с прежними, известными ему

¹⁰ Ахмет 50, 2021, Ногайский район.

¹¹ ПМА 2021, Марьям 36, Коркмаскала.

соседями: «...вот соседка, ты знаешь, что это ее корова, нормально кормит, пасет»¹². В этих условиях возможность контролировать все стадии производства и перевозки продуктов не просто дает уверенность в качестве потребляемой пищи, но и дает чувство контроля за собственной жизнью, даже в предлагаемой дискретности жизни в условиях миграции на север.

Если по каким-то причинам невозможно заказать или купить мясо у известных поставщиков, все равно торговцы дагестанским мясом являются однозначно более предпочтительным вариантом, чем другие продавцы. Для дагестанцев, живущих в Новом Уренгое, качество мяса из республики априори воспринимается более высоким, своеобразным знаком качества. «Земляки. Вкус-то другой. Они начали возить фурами потом. Потом они организовали склады. Я вас повезу, вы увидите. Этот склад, он забитый там тушами мяса. Люди уже привыкают», говорит Заур, живущий в Новом Уренгое более десятка лет¹³. «Районское мясо узнают наши», утверждает торговец Ахмет и, озвучивая иерархию качества мяса, продаваемого в регионе, отдает первое место не просто своей продукции (напомню, что он также покупает скот в Ставрополье), а именно выращенному в Ногайском районе.

Существует, однако, и некоторое недоверие моих информантов к мясу, привезенному перекупщиками из Дагестана, поскольку люди не могут проследить, что происходит с мясом по пути из Дагестана на север, и действительно ли оно из Дагестана. И хотя время от времени мои информанты все же покупают мясо у этого поставщика, но как «промежуточный вариант» – когда заказанное мясо уже закончилось, а новое еще не приехало, или заказывать его нет смысла (к примеру, перед отъездом в отпуск в республику).

Интересно, как меняется оценка приемлемости мяса при описании времени начала миграции, которое для большинства моих информантов пришлось на рубеж веков и первые годы 2000-х гг. Например, рассказывая о жизни в деревяшках в начале века (деревянные бараки, из которых состояла половина Нового Уренгоя еще 20 лет назад), Эльмира говорит о дружеских посиделках с земляками и соседями и упоминает покупку в местном магазине куриц-бройлеров как удачу и блюда из них как пир горой. Рассказывая уже о современной жизни в Новом Уренгое, ее родственница Айша сетует, что даже купленная у дагестанских поставщиков мяса баранина с трудом используется в пищу: «Он у нас был в холодильнике. Когда нам даже привезли (заказанное мясо от родственников из Дагестана – *авт.*), ... *просто мы его вообще... это не то*. Я по маленькому кусочку вот так кидала, чтобы просто так мясо не выкинуть. Вот, например, полива, мясо наше вот да, и из того пакета кусочек туда кидала. Вот так вот и еле закончили. Еле-еле закончили»¹⁴.

Как уже было показано, семьи, как правило, покупают мясо целыми тушами и платят за живой вес. Однако редко когда до Арктики доезжает вся туша цели-

12 ПМА 2021, Марьям 36, Коркмаскала.

13 ПМА 2021, Заур 43, Новый Уренгой.

14 ПМА 2021, Айша 36, Новый Уренгой.

ком. Когда Мурат или его родственники-клиенты говорили об отправке туши, они подчеркивали, что мясо перед заморозкой разделявают и отправляют частями в коробках из-под бананов. Одна из племянниц Мурада отмечала, что он не просто посылает тушу частями, а уже изначально замораживает ее такими кусками, чтобы из них уже можно было что-то готовить, не разрубая – суповыми наборами. Объясняет она это тем, что в Новом Уренгое у нее нет возможности самой разделявать большой кусок мяса: «...у нас же в квартирах нет там условий, топоров нет, они прямо суповыми наборами, косточки маленькие, в кастрюлю помещаются»¹⁵. «Мы можем позвонить, в селении они знают, когда у них газель едет, они могут и сами фарш тоже сделать, или ты говоришь «вы мне это разделайте топором». Они отправляют через холодильник туда, а мы уже получаем и фарш делаем. Он отправляет фото, говорит сколько весит и сколько платить»¹⁶.

Старается минимизировать работу с мясом в городской квартире Нового Уренгоя и другая семья – они сами покупают мясо перед отъездом из Дагестана в конце отпуска и подготавливают его не только к транспортировке, но и к последующему употреблению в пищу в миграции. «Делаем фарш на курзе, тефтели. Маленькие кусочки в мешочках замораживаем – на плов, кусочки на суп борщ, на хинкал»¹⁷.

Теперь следует уделить внимание тому, в полном ли объеме потребление мяса в Дагестане воспроизводится в северной миграции. Говоря о пищевых трансфертах, отправляющихся из Дагестана в северные города, я всегда подчеркивала разнообразие и масштабы перевозимых продуктов, которые позволяют почти полностью воспроизводить традиционное для семьи меню в условиях Арктики. При этом есть такие продукты, которые в силу разных обстоятельств с трудом перемещаются из отправляющего мира в принимающий, это касается и мясных продуктов.

По моим данным, не все части туши, которые обычно употребляют в пищу в Дагестане, посылаются на север. Например, по словам описываемых в статье продавцов и производителей мяса Мурада и Ахмета, очень редко приходится отправлять на север голову – говяжью и баранью. В качестве объяснений того, почему голову очень редко отсылают в Арктику, встречались неудобство долго варить ее на кухне в квартире (главная причина – специфический и сильный запах), дороговизна пересылки (большой вес головы, но мало мяса) и в целом непопулярность данного типа еды у мигрантов. Информанты определяли вареную голову как пищу, которую предпочитает старшее поколение, которое в минимальной степени участвует в миграции на север. Также часто при покупке туши не отправляют некоторые субпродукты – прежде всего рубец (его разделка в городской квартире также воспринимается как неуместная из-за запаха и излишних хлопот). «Голову – нет. Ну куда я эту голову на севере дену? Там

15 ПМА 2021, Эльмира, 46, Кумторкалинский район.

16 ПМА 2021, Заур, 43, Новый Уренгой.

17 ПМА 2021, Умукусум, 70, Кизилюрт.

такая вонь стоит, когда эту голову варишь. Никто эту голову туда не брал (не заказывал), мы ее оставляем. Здесь еще как-то, свекровь любит»¹⁸.

Дозволенность для мигранта: проблема халяльности мяса на севере

Упрощение возможности перевозок, произошедшее в регионе в последнее десятилетие, также меняет устоявшиеся практики питания и концептуализирует их, позволяя акцентировать внимание на таких критериях как дозволенность с точки зрения ислама. В этой связи один из ответов информантов на вопрос, почему они везут или заказывают мясо из Дагестана: *«потому что (отправляют – прим. Е.К.) мусульмане, здесь знаем, что (заколото – прим. Е.К.) правильно»*¹⁹.

Репутация поставщика мяса при решении вопроса, халяльным ли был забой скота, является важным элементом торговли мясом. Ахмет отмечает, что его покупатели не сомневаются в халяльности его товара. «Я же сам на севере жил, работал, ...в Уренгое все наши земляки меня знают, (брата) знают и тут в основном на доверии, на авторитете»²⁰.

Халяльность может быть связана не только и не столько с репутацией конкретных поставщиков, сколько с оценкой всей территории Дагестана как халяльной зоны. Формальной сертификации при этом может и не проводиться. К тому же, как пишет Р. Тураева, на постсоветском пространстве халяльные практики не всегда определяются точно с точки зрения права или морали, сертификация не всегда подкреплена непрерываемым авторитетом института, ее выдающего [12, с. 301–302].

Следует отметить, что отношение к обязательному употреблению в пищу именно халяльной продукции у мигрантов, работающих на севере, претерпело со временем некоторые изменения. В условиях ограниченности поставок в 1990 – начале 2000-х практически невозможно было на постоянной основе покупать только халяльное мясо. С появлением боен в Тюменской области, которые предоставляли халяльный забой, с изменением системы трансфертов и появлением магазинов и торговых точек, предлагающих халяльное мясо, позиции моих информантов изменились. Теперь принцип халяльности продукции они определяют как важнейший и нерушимый. По этой причине в отсутствие присланного мяса из дома они покупают его на дагестанском складе, в других дагестанских магазинах, в магазинах при мечети. Так же из-за особенностей забоя северного оленя его мясо также считается нехаляльным и не употребляется.

Очевидно, обязательный критерий халяльности для мяса появился в связи с изменением отношения к религии в семьях моих информантов, которые в

18 ПМА 2021, Марьям, 36, Коркмаскала

19 ПМА 2021, Умукусум, 70, Кизилюрт.

20 ПМА 2021, Ахмет, 40, Ногайский район.

последние годы стали более строго относиться и к другим религиозным предписаниям – посту, пятикратной молитве, ношению хиджаба и т.д.

Возможность личного контакта между покупателем и производителем, возможность узнать его репутацию, в том числе и религиозную, в селении позволяет легче довериться его утверждениям о халяльном забое животных: «даже принципиально мы покупаем только халяль, то, что мы знаем, то, что мы видим»²¹. Личный контроль здесь становится важнее официальной сертификации со стороны религиозных авторитетов (сертификаты халяльности), которая порой в разговорах подвергается сомнению (приходилось слышать сомнения, что надпись «халал» на фабричной продукции действительно не заслуживает доверия).

Примечательно, что халяльная продукция может двигаться не только с юга на север, но и с севера на юг: так женщина, работающая в мясной лавке, торгующей дагестанским товарами и халяльной продукцией из других регионов, поделилась, что возит для себя и родственников из Нового Уренгоя в родной Ногайский район во время визитов на родину колбасу халяль, сделанную в Башкирии. Она делает это, т.к. помимо вкусовых качеств у нее не возникает сомнений в халяльности колбасы, которую произвели в «мусульманском» регионе России.

Следует отметить, что посылки с мясом, как и остальные посылки из Дагестана на север, не являются мерой по спасению адресатов от голода и нищеты. Арктические города в настоящее время не имеют проблем с поставками. Однако и в этих условиях мигранты обозначают желание жить в подобном транслोकальном социальном пространстве, задействуя для этого, в том числе, и практику пищевых трансфертов.

«Посылка от мамы – это святое»: символическая роль трансфертов мяса на север

«Свекровь могла отправить, свекор, когда был живой, ехал на машине, и она отправляла, грузила машину. Он приезжал и все складировал, я все это делила на 5 детей, поровну... И мужья приезжали, забирали или если морозы – на такси могла им отправить»²².

Мясо, заказанное мигрантами у родственников, делится на несколько семей, т.к. в городских квартирах может не быть достаточно места для хранения целой туши, несмотря на огромные морозильники в каждой семье и дополнительные места холодного хранения. Однако вместе с этим через деление большой продуктовой посылки между родственниками происходит пересборка семьи в миграции, актуализация родственных связей в атомизированном мире арктического города. Как замечает Р. Ахетес Гонсалес, продовольственные посылки

21 ПМА 2021, Заур, 43, Заира, 36, Новый Уренгой.

22 ПМА 2021, Марьям, 36, Коркмаскала.

служат сильными маркерами принадлежности и преемственности в географической и социальной раздробленности, вызванной миграцией [13, с. 8].

Движение людей между отправляющим и принимающим обществами в рамках транслокальной семьи влияет и на интенсивность и частотность пищевых трансфертов. Так, когда остававшиеся в селении люди включаются в миграционный процесс, уже находящиеся в миграции родственники могут терять налаженные каналы отправки посылок. Например, одна из моих информанток сетовала, что в последние пару лет количество продуктовых посылок уменьшилось, поскольку жившие в Дагестане родители перебравшись на север.

Отправка продуктов на север актуализирует и вопрос об экономическом значении самой миграции. Нередко миграцию представляют как вынужденную меру, связанную исключительно с необходимостью заработать деньги для семьи в условиях невозможности сделать это в изначальном месте проживания. Мигрант уезжает на заработки и предполагается, что он будет обеспечивать деньгами и тех членов семьи, которые остались дома. Однако если рассмотреть случаи продуктовых посылок внутри большой семьи, то можно заметить необязательную направленность денежных потоков именно с севера на юг. Семьи, которые жили на севере и регулярно получали продуктовые посылки из Дагестана, могли и не оплачивать ни их пересылку, ни стоимость их содержимого. Как правило, эти посылки высылали близкие старшие родственники: родители, тети, дяди. Таким образом, оставшиеся в Дагестане родственники как будто опровергают саму идею движения материальных благ из места миграции в отправляющее общество. Примечателен один из случаев из моей полевой практики. В одном из сел Кумторкалинского района Дагестана я разговаривала с пожилой женщиной, два сына которой уже 20 лет жили с семьями в Новом Уренгое. Женщина утверждала, что, регулярно отправляя пищевые посылки с мясом и сыром, она сама оплачивает их пересылку. Позже, разговаривая с ее сыном и невесткой, я услышала противоположное мнение – что они всегда переводят ей деньги за стоимость посылки и ее содержимого. На мой взгляд, это противоречие можно объяснить через представление всех участников трансферта о своей агентности. Мать, в прошлом руководящий работник в селении, хочет видеть себя значимой, имеющей важную функцию в большой и уже давно транслокальной семье, независимой от мигрантских денег. Ее сын, живя в миграции, оплачивая посылку, показывает свою финансовую успешность (иначе зачем он там?) и заботу о матери, оставшейся на малой родине. В этой системе для антрополога не так и важно, кто в действительности оплатил посылку, важны актуализируемые через это противоречие отношения реципроктности, которые достигаются через пищевой трансферт и его оплату. Посылки с едой, таким образом, становятся сообщениями, наделяемыми новыми смыслами, которые к ним добавляются, от чувства признательности до отношений власти или выражения заботы, признания взаимозависимости [14; 15].

Пища из Дагестана и особенно мясо как самый популярный продукт-мигрант ценны еще и по мемориальной причине – как часть покинутого дома, семьи

или в целом республики, как способ приблизить к себе и родное пространство, и выразить свою этничность [16]. В этой ситуации продуктовая посылка становится возможностью прикоснуться к тому, чего не хватает в миграции. «*Посылка от мамы это святое, что-то с Дагестана приехало, нужно-не нужно – мне!*»²³.

Ценность мяса, привезенного из Дагестана, может использоваться информантом для выстраивания позитивного образа родины в условиях потенциального риска быть подвергнутым дискриминации. Непререкаемое «объективное» высокое качество дагестанского мяса, выраженное через, казалось бы, нейтральный экологический дискурс, повышает статус дагестанца на севере через его пищевую избирательность и принципиальность. Дополнительный авторитет дагестанской мясной продукции в терминах халальности дает информанту возможность продемонстрировать и свою принципиальность в исполнении религиозных предписаний.

Выводы

Выстроенная система транслокальной мобильности [10] между Дагестаном и арктическими городами, центрами нефтегазового добывающего комплекса, самим фактом своего существования порождает специфические практики, в том числе касающиеся пищевых трансфертов [17]. Однако многодневная миграция пищи «неизбежно влияет на физические качества продуктов, так как происходит изменение технологий их перемещения и хранения, трансформируются их вкусовые качества» [18, с. 70–71].

В этих условиях мигранты переформулируют критерии качества продуктов, предлагают ее оптимальную физическую модификацию, через мобильность продуктов актуализируют и создают различные социальные отношения.

Перевозка продуктов в ЯНАО – само по себе сложное и затратное предприятие. Иногда информанты говорят об этом как об экономической стратегии, когда покупка туши целиком даже вместе с транспортировкой оказывается выгодным решением. Однако чрезвычайным упрощением было бы смотреть на продуктовые трансферты только через призму экономической целесообразности. В интервью информанты часто говорят, что им важно именно происхождение того мяса, которое они употребляют в пищу в миграции – необходимо знать поставщиков или хотя бы покупать привезенное из республики.

Говоря о том, почему дагестанское мясо предпочтительнее употреблять в пищу, информанты указывали на его высокие вкусовые качества и натуральность, которые достигались качеством среды, где рос скот, качеством местных кормов. Качество мяса проверяется через возможность личного (или через оставшихся «на земле» родственников) контроля за выращиванием скота. Знание поставщика и его хозяйства становится для мигранта и его транслокальной

23 ПМА 2021, Марьям, 37, Коркмаскала.

семьи важным ресурсом, позволяющим гарантировать мясо нужного качества. Интересно, что категорией натуральности могут наделяться не только продукты от лично известных моим информантам производителей, но и порой вся продукция, привезенная из республики. Особенно это актуально при определении дозволенности мяса с точки зрения ислама.

Интенсивные пищевые трансферты между местом отправления мигранта и местом миграции актуализируют родственные связи и в Дагестане (выбор, покупка и организация отправки мяса ложится на родственников, живущих в республике), и на севере (часто одна посылка предназначена для нескольких родственных семей).

Важность оставшихся в Дагестане людей как источников ценного ресурса повышается, отправка мяса в города Арктики может стать основой и для бизнеса транслокального мигранта.

Живя «разделенной» жизнью, мигранты и их семьи создают прочные и значимые транснациональные связи через продукты питания и практику, связанную с пищевыми продуктами. Приготовление, отправка, употребление, продажа, совместное использование или раздача пищи становятся важными транснациональными связями, напоминаниями о взаимных обязательствах, а также знаками семейной любви [13, с. 11].

Миграция мяса как частный пример посылок между Дагестаном и городами ЯНАО, центрами добывающей промышленности, может стать отличной иллюстрацией масштабности транслокального образа жизни дагестанских мигрантов на севере. Вместе с этим, через изучение трансфертов мяса можно показать специфику функционирования транслокальной семьи как института, изучить варианты бизнеса на основе земляческого сообщества, показать вариативность культурных и религиозных норм в миграции. При этом отработанная система трансфертов очень быстро меняется и, возможно, ее последующая трансформация позволит сформулировать новые исследовательские вопросы.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 19-78-10002 «Питание в Российской Арктике: ресурсы, технологии и инновации»).

Acknowledgments. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 19-78-10002 “Feeding the Russian Arctic: Resources, Technologies and Innovations”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Davydova E.A., Davydov V.N. Diet of the North-Eastern Chukotka Reindeer Herders: The Change of Food Autonomy Regime // 5th International Multi-disciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Conference Proceedings, Vol. 5. Ancient Science, Issue 2.2. Anthropology, Archaeology, History, Philosophy, Medieval and Renaissance Studies. Sofia. P. 27–34.
2. Liarskaya E. “Where Do You Get Fish?”: Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes // *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. 2017. Vol. 3. No 3. Pp. 125–149.
3. «Дети девяностых» в современной Российской Арктике. СПб, 2020.
4. Змеева О.В. «Я поеду в отпуск домой» (Северяне в гостях у родственников) // Труды Кольского научного центра РАН. 2011. Т.3. Вып. 6. С. 29–41.
5. Васильева В.В. Инфраструктура вне государства: «дикие» зимники и вывоз промышленной продукции на Таймыре // Этнографическое обозрение. 2019, 4. С. 61–75.
6. Болотова А. «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда»: взаимодействие с природой в северных промышленных городах // *Неприкосновенный запас*. 2014. № 5 (97). С. 170–188.
7. Levitt P. *Transnational village*. 2001.
8. Kapustina E. The boundaries of the djamaat: the particular features of Dagestan's translocal communities in the context of migration flows within the Russian Federation // *Журнал исследований социальной политики*. 2019, 1. С.103–118. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-103-118>
9. Капустина Е.Л. «Самый Северный Кавказ»: особенности организации транслокальной жизни мигрантов из Дагестана в Западную Сибирь // «Жить в двух мирах»: Переосмысляя транснационализм и транслокальность. М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2021. С. 374–440. EDN AEVRES.
10. Капустина Е.Л. Между Севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // Социологические исследования. 2017. № 5(397). С. 26–34. EDN YQRHCX.
1. Davydova EA, Davydov VN. Diet of the North-Eastern Chukotka Reindeer Herders: The Change of Food Autonomy Regime. *Fifth International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Conference Proceedings, Vol. 5. Ancient Science, Issue 2.2. Anthropology, Archeology, History, Philosophy, Medieval and Renaissance Studies*. Sofia, p. 27–34.
2. Liarskaya E. “Where Do You Get Fish?”: Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes. *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. 2017, 3(3): 125–149.
3. “Children of the nineties” in the modern Russian Arctic [*«Deti devyanostykh» v sovremennoy Rossiyskoy Arktike*]. St. Petersburg, 2020.
4. Zmeeva OV. “I’ll go home on vacation” (Northerners visiting relatives) [*«Ya poyedu v otpusk domoy» (Severyane v gostyakh u rodstvennikov)*]. *Proceedings of the Kolsky Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2011, 3(6): 29–41.
5. Vasilyeva VV. Infrastructure outside the state: “wild” winter roads and the export of commercial products in Taimyr [*Infrastruktura vne gosudarstva: «dikiye» zimniki i vyvoz promyslovoy produktsii na Taymyre*]. *Ethnographic Review*. 2019, 4: 61–75.
6. Bolotova A. “If you fall in love with the North, you will never stop loving it”: interaction with nature in northern industrial cities. *Neprikosnovenny zapas*. 2014, 5(97): 170–188.
7. Levitt P. *Transnational village*. 2001.
8. Kapustina E. The boundaries of the djamaat: the particular features of Dagestan's translocal communities in the context of migration flows within the Russian Federation. *The Journal of Social Policy Studies*. 2019, 17(1): 103–118.
9. Kapustina E. “The Northernmost Caucasus”: features of the organization of translocal life migrants from Dagestan to Western Siberia [*“Samyy Severnyy Kavkaz”: osobennosti organizatsii translokal'noy zhizni migrantov iz Dagestana v Zapadnuyu Sibir'*]. In: *Brednikova O, Abashin S. (eds.). Transnationalism. Living in two worlds*. Moscow: Novoe Litarturnoe Obozrenie, 2021: 374–441.

11. Appadurai A. On Culinary Authenticity // *Anthropology Today*, Vol. 2. No. 4 (Aug., 1986). Pp. 24–25.
12. Turaeva, R., & Brose. Halal Markets in non-Muslim Secular Societies // *Sociology of Islam*. 8(3-4). Pp. 295–306. doi:https://doi.org/10.1163/22131418-08030001
13. Ajetes Gonzalez R. Thank You for the Cured Meat, but Is It Grass-Fed? Contested Meanings of Food Parcels in a New Nutrition Transition // *Food Parcels in International Migration*. Ed. By D. Mata-Codesal and M. Abranches, 2018. Pp. 47–70.
14. Pratt, J. Luetchford, P. *Food for Change: The Politics and Values of Social Movements*. London: Pluto Press 2014.
15. Ajates Gonzalez, R. Esnetik, or How to Make a Complex Cheese Out of Ethics, Trust and Transparency. In *Action Research for Food Systems Transformation*, ed. T. Wakeford, M. Chang, and C. Anderson. Centre for Agroecology, Water and Resilience. Coventry University.
16. Rabikowska, M. The Ritualisation of Food, Home and National Identity Among Polish Migrants in London. *Social Identities* 2010 16 (3): 377–398. doi: 10.1080/13504630.2010.482432.
17. Капустина Е. Л. Пищевые трансферты в жизни мигранта: специфика миграции между Дагестаном и городами Западной Сибири // *Кунсткамера*. 2020. № 2(8). С. 191–200. DOI 10.31250/2618-8619-2020-2(8)-191-200. – EDN APHTDH
18. Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Пути пищи: перемещение и распределение продуктов на Чукотке // *Кунсткамера*. 2020, 1. С. 67–73.
10. Kapustina E. Between the North and the land: road from west Siberia to Dagestan as an element of social space of translocal migrant [Mezhdu Severom i zemley: doroga iz Zapadnoy Sibiri v Dagestan kak element sotsial'nogo prostanstva translokal'nogo migranta]. *Sociological Studies*. 2017, 5: 26–34.
11. Appadurai A. On Culinary Authenticity. *Anthropology Today*. 1986, 2(4): 24–25.
12. Turaeva R, Brose M. Halal Markets in non-Muslim Secular Societies. *Sociology of Islam*. 2020, 8(3-4): 295–306. doi: https://doi.org/10.1163/22131418-08030001
13. Ajetes Gonzalez R. Thank You for the Cured Meat, but Is It Grass-Fed? Contested Meanings of Food Parcels in a New Nutrition Transition. In: *Mata-Codesal D, Abranches M. (eds.). Food Parcels in international migration*. 2018, p. 47–70.
14. Pratt J. Luetchford P. *Food for Change: The Politics and Values of Social Movements*. London: Pluto Press, 2014.
15. Ajates Gonzalez R. Esnetik, or How to Make a Complex Cheese Out of Ethics, Trust and Transparency. In: *Wakeford T, Chang M, Anderson C. (eds.). Action Research for Food Systems Transformation*. Centre for Agroecology, Water and Resilience. Coventry University.
16. Rabikowska M. The Ritualisation of Food, Home and National Identity Among Polish Migrants in London. *Social Identities*. 2010, 16(3): 377–398. doi: 10.1080/13504630.2010.482432.
17. Kapustina E. Food Transfers in the Context of Translocal Migration from Dagestan to Western Siberia [Pishchevyye transferty v zhizni migranta: spetsifika migratsii mezhdu Dagestanom i gorodami Zapadnoy Sibiri]. *Kunstkamera*. 2020, 2(8): 191–200.
18. Davydova EA, Davydov VN. Food routes: movement and distribution of food in Chukotka [Puti pishchi: peremeshcheniye i raspredeleniye produktov na Chukotke]. *Kunstkamera*. 2020, 1: 67–73.

Поступила в редакцию 28.04.2022 г.
Принята к публикации 29.05.2022 г.
Опубликована 10.10.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183843-860>



Anton G. Evstratov

Lecturer at the Department of World History and Foreign Regional Studies

Russian-Armenian university, Yerevan, Armenia

anton_nastoyashiy@mail.ru

PROBLEMS AND PECULIARITIES OF THE INTEGRATION OF ETHNIC MINORITIES INTO THE ARMENIAN SOCIETY ON THE EXAMPLE OF THE ASSYRIANS

Abstract. In the context of the current, in general, extremely problematic situation with the integration of ethnic minorities that have appeared on the territory of certain countries, both as a result of recent migrations (European countries) and traditionally living on their territory (the states of the post-Soviet space, Asia, and also, with some reservations, USA), the positive experience in this regard looks especially relevant. Armenia, being presented in common discourse as a mono-ethnic state, however, not only has a number of ethnic minorities on its territory, but also is the very example of their successful integration within the framework of a single social structure and a single state. In this regard, the relevance of our research is seen in understanding the self-identification and self-perception of the ethnic minorities of the Republic of Armenia in this capacity, on the one hand, and as citizens of the republic, on the other. We have studied this problem through consideration of the self-description of these communities and their historical memory. This research, being part of a larger project, is directly dedicated to the self-identification of the Assyrian ethnic minority of the Republic of Armenia. As sources, the author used interviews with secular and religious leaders of the Assyrian community in Armenia (see “Applications”), as well as publications in the media and thematic publics of the community on social networks.

Keywords: Assyrian; Armenia; minority; identification; integration; nation

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183843-860>



Евстратов Антон Григорьевич
преподаватель кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения
Российско-армянский университет, Ереван, Армения
anton_natoyashiy@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В АРМЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО НА ПРИМЕРЕ АССИРИЙЦЕВ

Аннотация. В условиях сложившейся в целом крайне проблемной ситуации с интеграцией этнических меньшинств, появившихся на территории разных стран как в результате недавних миграций (страны Европы), так и традиционно проживающих на их территории (государства постсоветского пространства, Азии, а также, с некоторыми оговорками, США), положительный опыт в этом отношении выглядит особенно актуальным. Армения, представленная в обыденном дискурсе как моноэтническое государство, тем не менее, не только имеет на своей территории ряд этнических меньшинств, но и является тем самым примером их успешной интеграции в рамках единой социальной структуры и единого государства. В связи с этим актуальность нашего исследования видится в осмыслении самоидентификации и самовосприятия этнических меньшинств Республики Армения в этом качестве, с одной стороны, и как граждан республики, с другой. Мы изучили эту проблему через рассмотрение самоописания данных сообществ и их исторической памяти. Настоящее исследование, являясь частью более крупного проекта, непосредственно посвящено самоидентификации ассирийского этнического меньшинства Республики Армения. В качестве источников автор использовал интервью со светскими и религиозными лидерами ассирийской общины в Армении, а также публикации в СМИ и тематических пабликах общины в социальных сетях.

Ключевые слова: ассирийцы; Армения; меньшинств; идентификации; интеграция; нация:

Introduction

According to the generally accepted definition, a national minority is a numerically non-dominant group of people with ethnic, linguistic and religious characteristics that distinguish it from the rest of the population. At the same time, members of this community should show, at least implicitly, a sense of solidarity aimed at preserving a common culture, tradition, religion and language (see F. Capotari. Study on the Rights of Persons belonging to Ethnic, Religions and Linguistic Minorities, 1991, #568). In other words, the status of a minority is determined not only and not so much by its identity, endowment with certain distinctive features, self-consciousness, etc., but by the collective wishes of its members. However, considering ethnic minorities, it is impossible not to first touch on the term “ethnos” and its difference from the concept of “nation”.

The concept of “ethnic minority” is relevant only in the presence of a politically organized ethnic dominant, i.e. when there is a state-forming or, so to speak, titular nation. Otherwise, national units, regardless of their size, in formations without a politically dominant ethnic group should be considered as part of the general population mosaic of a given territory. Consequently, the national minority is explicated only within the framework of a political subject - the state, autonomy, etc. Only a citizen of the subject or, in certain cases, an individual with a long-term residence permit can be considered a representative of a national minority.

Another central term of this study is identity. It also does not have an unambiguous definition, not only in general, but also within the framework of individual scientific disciplines. Thus, the Oxford Dictionary defines this term as the self-identification of a person or thing over time and under various circumstances¹. It is identity, and not anything else, according to this definition, that characterizes a person. For the first time, the term “identity” was introduced into scientific circulation by J. Locke in the 18th century and was characterized as an individual’s awareness of his own personal identity, extending to any past action or thought². There are psychological definitions of identity (established by E. Erickson and Z. Freud and others), economic definitions (in particular, they relate to corporate identity). However, we are interested in ethnic identity, which is characterized by a set of behavioral mechanisms and automatisms with their characteristic speech features, gestures and other forms. It is formed at an early stage of personality socialization as a common paradigm for all speakers of a given specific language and a given specific ethnic culture³.

Sources and research methods

Since our research is interdisciplinary, we used a wide range of methods – sociological (survey and expert assessment when working with respondents,

¹ Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Oxford University Press, 2000.

² Locke J. Works in three volumes. Vol. 2., M., 1985, p. 560.

³ Speech communication: Problems and prospects: Sat. scientific-analytical reviews. M., 1983, p. 192-193.

information analysis when systematizing the data obtained and working on conclusions), historical (in particular, the retrospective method when analyzing the history of the formation of the Assyrian diaspora in Armenia, where we also used the historical-system method and partly the method of historical periodization), ethnological (in particular, we are talking about the method of observation used both in sociology and ethnology). Describing the features of self-identification of the Assyrians in the Republic of Armenia, we also applied socio-psychological research methods.

Literature and sources on our subject can be divided into 2 parts – general, considering issues of identity and ethnic minorities, as well as characterizing the Assyrian ethnos as a whole, and dedicated directly to the Assyrians of Armenia. Among the general ones, we will single out dictionaries (in particular, Oxford dictionary), philological studies⁴, as well as the works of K.P. Matveev devoted to the history of the Assyrian people⁵, both in historical retrospective and at the present stage. A number of researches used by us concerned Assyrian issues in Russia and the Ottoman Empire⁷ - in particular, we are talking about the researches of P. C. Lavoe⁸ and E.A. Lalayan⁹.

About the Assyrians of Armenia, at present, there are mainly reference materials of an overview nature, the most notable of which are “National Minorities of Armenia” by G. Asatryan and V. Arakelova and the works of the German researcher Ilona Schulze. To obtain the necessary factual material, we used the data of the state census of the Republic of Armenia, as well as mass media materials. Significant work was done in the course of our interviews.

Main part

There are currently 5 Assyrian communities in Armenia – in four villages and in Yerevan. The main markers of Assyrian self-identification, during the conversation with activists (Father Nikodim Yukhanaev, the spiritual head of the Assyrian Church of the East, active in Armenia, representatives of youth and intelligentsia) are identified by language, national customs and traditions (mainly related to religion - holidays, etc.), and appearance, anthropological features that distinguish the Assyrians from the Armenians and other ethnic groups inhabiting the RA. The last is especially true for members of the community of pure, not mixed origins. At the same time, the mixing of Assyrians with Armenians takes place.

4 Speech communication: Problems and prospects: Sat. scientific-analytical reviews. M., 1983, p. 192-193.

5 Matveev K.P., Matveev A.K. Assyrians: history and ethnography of the Assyrians. Moscow: Institute of Ethnology and Ethnic. Anthropology, 1990. 257 p.

6 Matveev K.P. Assyrians and Assyrian problem in modern and modern times. M.: Thought, 1979. 284 S.

7 Averyanov P.I. Ethnographic and military-political review of the possessions of the Ottoman Empire. SPb.: Ed. General Staff, 1912. 312 p.

8 Lavoe P.C. The culture of the Assyrians of Russia: past present - future. Krasnodar: KGUKI, 2000. 147 p.

9 Lalayan E.A. Aisors of the Babylonian Vilayet // Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Tiflis, 1914. - T. XXVIII. - Issue 4. - S.197-223.

Remarkable, identifiable only in the format of the Armenian community, is the fact that some Assyrians speak Armenian with a characteristic pronunciation. Basically, the Armenian language is not their native language. Moreover, the Assyrians of Armenia, for the most part, receive a Russian education in Russian schools, they study Armenian as a foreign language, and insist on just such an order. Variants are possible – in the village of Dvin, computer science is taught in Armenian due to the lack of Russian-speaking teachers, but in general, there is a desire for Russian-speaking. In this aspect, the Assyrians of Armenia, first of all, are the Assyrians, and then the citizens of the Republic of Armenia. This can be seen in the teaching of their languages – first comes their own, Assyrian, and only then – Armenian, and often the second, and even more often the first language is Russian, as Armenian is already studied at school as a foreign language. That is why one of the distinctive features of the Assyrians is the mentioned characteristic accent. This sequence of identifications was partly reflected in the first years of independence of the Republic of Armenia, when several thousand Assyrians (about half of the population of the villages of Arzni and Dvin) left for Russia.

This is also confirmed by official statistics – according to the 2011 census, 1,126 respondents who identified themselves as Assyrians were fluent in Armenian, while 1,193 citizens were fluent in Russian. Interesting that only 82 citizens were fluent in Assyrian and used it as a first language¹⁰.

The Assyrians of Russia, Ukraine and the communities of the Middle East have their own press, but in Armenia at the moment, there is none, which makes it impossible to analyze the texts. Previously, the Assyrians of Armenia were informed by the Assyrian News newspaper published in Ukraine – most of its materials were published in Russian, but some were also translated into Assyrian. Due to the situation in Ukraine, the website of the newspaper is blocked, and at the moment the Assyrians of the Republic of Armenia do not have their own press. At the same time, programs about the Assyrians of Armenia are periodically shown on the central Armenian channels. Basically, we are talking about cultural and educational programs.

An important marker of the identity of the Assyrians of the RA and its difference between this ethnic community and the Armenian environment is the confessional affiliation, which is heterogeneous, however, differing from the AAC dominating in the territory of the RA. According to representatives of the Assyrian Church of the East, the most of the Assyrians of the Republic of Armenia now belong to the Nestorian Assyrian Church of the East, and only the Assyrian population of the village of Dimitrov (about 5% of the community) belongs to the ROC. This situation in the religious sphere among the Assyrians of Armenia was uncertain until the early 2000s. The Assyrian Church of the East did not have its own priest in the RA, and many of its parishioners, since the Soviet times, went to Russian Orthodox churches according to a peculiar tradition. Since 2003, this situation has been corrected, a holy father was sent from Iraq, whose disciple is the current primate of the Assyrian Church of the East in Armenia, Father Nikodim Yukhanaev. A noteworthy point is that the

10 Population census of Armenia, 2011. // <https://armstat.am/file/doc/99484893.pdf> . P. 278.

worships in Dimitrov are in Russian, and in the temples of the Assyrian Church of the East – in Assyrian¹¹.

However, this information seriously contradicts the available official data – the 2011 census suggests that out of 2556 believing Assyrians, 601 people identified themselves as Orthodox of the Russian rite, and about 900 – to the Assyrian Church of the East (this answer does not appear in the statistics, being attributed to general definition of “other” religions and denominations, representatives of which were fixed among the Assyrians in the amount of 946 people). It is noteworthy that 935 Assyrians identified themselves as members of the Armenian Apostolic Church¹².

Partially, the difference in data can be explained by the rather old data of the official census, which took place just in 2011, and the active processes of introducing the Assyrians of Armenia to the rite of the Assyrian Church of the East, although in the ratio of parishioners of the ACV and the ROC (95 to 5%) named by its representatives, makes us doubt.

It is also necessary to mention that many of the Assyrians are secular and don't feel any contradiction between 2 churches and even see their religious practice as “similar”. To confirm this thesis, they cite the same dates of religious holidays of 2 churches.

However, the rivalry between the Assyrian Church of the East and the Russian Orthodox Church, as such, still takes place in Armenia.

The Assyrians, having moved to the Russian Empire from Iran after the Turkmanchay Treaty, were forced to accept Orthodoxy. Non-Orthodox were not accepted. And, in fact, from 1828 to 1920, all the Assyrians of Armenia were Orthodox. However, as Father Nikodim Yukhanaev told us, many of them still considered themselves adherents of the Assyrian Church of the East – this can be seen in the example of their temples, which are not very similar to Orthodox ones, sometimes prayers were read in Assyrian. It was only in 1992 that the Assyrians saw the ACV clergyman live for the first time – then a bishop from the United States arrived in Armenia. After the collapse of the USSR, the Assyrians were seized with a sense of patriotism, an understanding came of the need to turn to their roots, and in 2003 they got their own priest from Iraq. Since then, the Assyrian Church of the East in Armenia has been active. At the same time, our interlocutor representing the Assyrian Church noted several activists who stubbornly position themselves as Orthodox. Father Nikodim noted the rivalry with the Russian Orthodox Church, which is of an implicit nature – for example, there have not yet been meetings between representatives of the Assyrian clergy and the Orthodox priest who ministers to Dimitrov's flock. The situation between the Assyrian Church of the East and the Georgian Orthodox Church in Georgia looks just as tense.

At the same time, the Assyrian Church of the East never had problems with the Armenian Apostolic Church. The Armenian Apostolic Church is for Assyrians to have their own church in Armenia, for all Assyrians of Armenia to be parishioners of the

¹¹ See Application 1.

¹² Population census of Armenia, 2011. P. 288.

Assyrian Church of the East. When the Assyrians did not have a priest in Armenia, the priests of the Armenian Apostolic Church came to them, baptized their children, served liturgies on holidays. However, they stopped doing this and do not seek wining over the flock.

The data on the number of Assyrians in Armenia are also seriously different – according to the mentioned census there are 2769 Assyrians, and according to the data for 2019 of the Organization of Nations and Peoples without representation – more than 7000¹³. Asatryan/Arakelova Reference book of ethnic minorities of Armenia, written in 2002, even informs about 8 000 citizens¹⁴. Assyrians have many mixed marriages with Armenians¹⁵. Basically, Assyrians in Armenia are identified by their surnames. If a surname ends with “ov”, “ev”, then it refers to the Assyrians; if it ends in “yan” – to the Armenians. Many Assyrians with Armenian surnames have thus been identified as Armenians. The problem is that such Assyrians do not know that they are officially considered Armenians. It happens especially often in mixed marriages. Given these factors, our Assyrian interlocutors argue that the figure of 8,000 Assyrians in Armenia is perhaps insufficient¹⁶.

As for the Assyrian language, it is taught in the schools of the mentioned villages from grades 1 to 12. In the center of Yerevan, the school named after Pushkin also teaches the Assyrian language. Also a radio program is broadcasted in Assyrian (from 18-00 to 18-15) in the center of Yerevan on weekdays (except Sundays).

From grades 1 to 3, textbooks by Taisiya Arsentieva Yakubova are used. They are updated annually and the government finances their reprint. From grades 4 to 12, students study according to textbooks by foreign authors, but, according to teachers, they have an old methodology that does not correspond to modern features of teaching the Assyrian language in Armenia. Among the Assyrian intelligentsia of Armenia, the idea of publishing new educational materials is popular, but this might take long. There are no special textbooks on history and literature – teachers use their own lectures.

We cannot fail to mention the visual symbols of the Assyrians of Armenia. In particular, in the Aparan Sculpture Park, just a few days ago, the Assyrian sculptor Simon Yakubov presented a sculpture of a lamasu – a mythical guardian spirit of man and home¹⁷. This image spread throughout the Middle East in the Neo-Assyrian era of the 10th-7th centuries BC, and from time to time is exploited as a marker of identity by modern Assyrians, who have long professed Christianity¹⁸.

Equally characteristic is the flag used by the Assyrians of Armenia, as well as by most of the Assyrians of the world. It is a golden round on a white background, from

13 Assyria/Unpresented nations and people organization // <https://unpo.org/members/7859>

14 Asatryan G., Arakelova V. The national minorities of Armenia // <https://kavkaz-uzel.eu/articles/30125/>

15 Shultze I. Topology of Ethnic minorities of Armenia // *Iran and The Caucasus*, 21(4) P.: 362-375, DOI:10.1163/1573384X-20170403.

16 See Appendix 3.

17 See Appendix 4.

18 Symposium of sculptors in Aparan contributes to the development of art tourism in the region // <https://ru.armeniasputnik.am/20220612/simpozium-skulptorov-v-aparane-sposobstvuet-razvitiyu-art-turizma-v-regione-43069699.html>

which three-color waves diverge to the corners of the canvas, which expand as they move away from the center. In this case, the white background means the blessing and purity of Assyria. The disk in the center is the sun, and the diverging rays are the four cardinal points. There is also a four-pointed star on the flag, which is a symbol of the Earth. At the same time, in the times of ancient Assyria, this star was a symbol of the god Shamash. The three colors of the waves diverging from the face of the sun symbolize the main rivers of Assyria – the Tigris, Euphrates and Zab. Each of them, in turn, also has its own semantics. The dark blue Euphrates indicates wealth and abundance, the red Tiger indicates courage, pride and glory, and the white Zab indicates peace, joy and tranquility.

There is another interpretation of the stripes – according to it, these are the roads along which the Assyrians, scattered throughout the world, must return to their homeland.

Like the lamasu, this flag goes back to the traditional archetypes of ancient Assyria, and practically does not contain Christian symbols. It was developed by George Bit Atanus in 1968 and is now used by organizations such as the Assyrian National Federation, the World Alliance of Assyrians (which also has a representative office in Armenia), and the Bet-Nahrain Democratic Party¹⁹.

There are, of course, Christian symbols, mostly crucifixes. All Assyrians have crosses in their homes. Basically, these are three-headed crosses, with an abbreviation denoting the god Yahweh (“I am the one who is”), the Trinity and Monotheism in the middle. They have a deep semantics – at the bottom there is a round earth, on the sides – four cardinal points, nine ranks of angels, 9 degrees of priesthood, a crown symbolizing Christ. At the same time, there are no crucifixes, icons and icon veneration in the Assyrian Church of the East.

The Assyrians of Armenia are generally well educated. They have a significant percentage of the intelligentsia among them: honored artists, scientists and cultural figures. According to the 2011 census, 1035 Assyrians have a secondary education, 230 have a higher education²⁰.

Many Assyrian men took part in the 1991-1994, 2016 and 2020 wars. The exact number of dead and missing Assyrian soldiers in the last war is unknown²¹.

Along with other Christian peoples (particularly Armenians), the Assyrians were subject of genocide in the Ottoman Empire. The Armenian and Assyrian peoples have always been united by a centuries-old commonwealth and a historical community of destinies.

In Yerevan, at the intersection of Nalbandyan and Moskovyan streets, there is a monument to the victims of the Assyrian genocide. Every year, on August 7, the Assyrians gather there and honor the memory of their martyrs. August 7 is the day of remembrance of the Assyrian martyrs of all genocides. On August 7, 1933, 5,000

19 Bet-Nahrain Democratic Party's Declaration Archived 2012-02-06 at the Wayback Machine, Assyrian Times.com, 2006-08-26, accessed on 2007-02-19.

20 Population census in Armenia, 2011 // <https://armstat.am/file/doc/99484898.pdf> . P. 283.

21 See Appendix 2.

Assyrians were burned in one day. It happened in the village of Simele in Iraq. The people who fled from the 1915 genocide in Turkey were exterminated – they fled to Iraq. Then those who escaped after the new genocide fled from Iraq to Syria. All Assyrian organizations, Assyrian intellectuals, political and public figures agreed that August 7 was the day of remembrance of the Assyrian victims. At the same time, on April 24, the Assyrians honor the memory of the victims of the Genocide in the Ottoman Empire and, together with the Armenians, also climb Tsitsirnakaberd and lay flowers at the memorial. Cultural events are also held in Assyrian villages on this occasion.

Preserving their cultural identity, the Assyrians of Armenia are well integrated into the Armenian society – mixed marriages are frequent, and, in general, there are practically no interethnic conflicts involving Assyrians. In addition, a number of traditions and, in particular, cuisine are similar. Moreover, the Assyrian community is involved in the political processes in the RA, and has supported the opposition rallies that have been taking place lately.

Conclusions

On the example of the Assyrians, it can be noted that in Armenia there are obvious elements of the liberal model of integration of ethnic minorities in its version, when the minority is not completely dissolved in the host society, but is not fenced off from it either. Ethno-cultural groups, coexisting, interact on the basis of consensus on generally accepted and generally significant in the society of basic civil and political values. Such a consensus allows different groups to create a single integral social organism, within which they can maintain their identity. In the case of the Assyrians, their ethnic identity is evident, marked by a number of cultural, ideological, social, domestic and even anthropological features, which does not exclude their involvement in the Armenian society as full-fledged citizens of the Republic of Armenia, contributing to all aspects of the life of this society. This thesis is confirmed by the absence of conflicts between the Assyrians and the Armenian majority, as well as the presence of interethnic marriages and family ties with it, which, however, also does not completely erode the community. At the same time, the indicated conclusions in the format of a separate article are preliminary, and need to be confirmed by further research based on various disciplines, as well as an interdisciplinary nature. In this regard, it makes sense to make a few recommendations for future research into the problems of the identity of Armenia and, in particular, its Assyrian minority.

Recommendations

1. For a more complete characterization of the identity of the Assyrian ethnic minority in Armenia, it makes sense to conduct linguistic research in their environment.
2. It is necessary to deepen the cultural studies of the Assyrian ethnic minority of the Republic of Armenia.

3. Taking into account the problems of accounting for the Assyrians of Armenia discussed in the article, it would be useful to conduct a sociological study to establish their exact number.

4. Using the conclusion about the liberal nature of the integration of the Assyrians of Armenia into the fabric of the Armenian society, compare it with other ethnic minorities of the country, as well as with the Assyrian diasporas abroad.

5. A full study of this issue provides an opportunity to prepare a monograph.

At the same time, the results of the work currently available can be used both as a basis for creating other studies in the format of articles or analytics, and for preparing statistical and review materials and can be useful both for academic scientists and for sociologists and politicians-practitioners.

Приложения ***Applications***

Application 1. Интервью с отцом Никодимом Юханаевым ***(Ч.1. 12.03.2022.)***

Каковы основные маркеры идентичности ассирийской общины Армении?

Ассирийцы Армении идентифицируются языком, национальными обычаями и традициями (связанными в основном с религией – праздники и т.д.), и внешним видом, антропологическими чертами, отличающими ассирийцев от армян и других этносов, населяющих РА. Последнее особенно актуально для членов общины чистого, не смешанного происхождения.

Есть ли у ассирийцев Армении собственная пресса, литература?

Ассирийцы России, Украины и общин Ближнего Востока имеют собственную печать, однако в Армении ее на данный момент, фактически, нет, что делает невозможным анализ текстов. Ранее ассирийцы Армении ориентировались на газету «Ассирийские новости», выходившую на Украине – основная часть ее материалов выходила на русском, но некоторые переводились и на ассирийский язык. В связи с ситуацией на Украине, сайт газеты заблокирован, и на данный момент своей прессы у ассирийцев РА нет.

Какие религиозные конфессии наиболее популярны среди ассирийцев РА?

Основная масса ассирийцев РА принадлежит к несторианской Ассирийской церкви Востока, и лишь ассирийское население Дмитрова (примерно 5% общины) относится к РПЦ. Некоторая неопределенность в религиозной сфере у ассирийцев Армении было до начала 2000-х гг., т.к. Ассирийская церковь востока не имела в РА своего священника, и многие ее прихожане еще с советских

времен по сложившейся своеобразной традиции ходили в русские православные церкви. С 2003 года эта ситуация была исправлена, был прислан святой отец из Ирака, учеником которого является и действующий предстоятель Ассирийской церкви Востока в Армении.

Application 2. Интервью с общественным активистом Лидией Гиваргизовой

Каковы основные маркеры самоидентификации для ассирийцев Армении как для этноса вообще и этнического меньшинства в РА в частности?

В Армении есть 5 общин, где проживают ассирийцы, - в четырёх сёлах и в Ереване. Но, я не смогу ответить за все общины. В целом, я не думаю, что самоидентификация действует на всех. Потому что каждый живёт своей жизнью и занят своими делами. Возможно, есть и такие, которые хотели бы быть привязаны к другому человеку и восхищаться этим человеком. Обладать его качествами и чертами, которыми он сам бы хотел обладать. Что касается на счёт диаспоральной прессы и литературы, периодически ассирийцев Армении показывают по центральному общественному каналу. Показывают кто такие ассирийцы, откуда и в каком году появились на территории Армении. О том, какой у них быт, культура, язык, религия. В школах преподают ассирийский язык с 1 по 12 классы. В центре Еревана в школе имени Пушкина так же преподают ассирийский язык. Так же в центре Еревана по будням (кроме воскресенья) вещается радио на ассирийском языке (с 18-00 по 18-15).

Что происходит в религиозно-конфессиональной жизни сообщества - какая конфессия сейчас доминирует и есть ли какое-то конфессиональное противостояние между, ассирийцами, принадлежащими к РПЦ и непосредственно Ассирийской церковью Востока?

Разногласие в религии большое, так как в Советское время проповедовали Православную религию. Разные люди, разные понятия и разный подход к религии. Многие люди остались при своём мнении и продолжают до сих пор чтить Православную религию. Это идёт от того, что у нас не было священника, который бы мог показать какая должна быть религия ассирийцев. С 2001-го года по настоящее время в Армении есть ассирийский священнослужитель и он проповедует на ассирийском языке для всех ассирийцев Армении. В данный момент в Армении для ассирийцев доминирует одна конфессия - Ассирийская Церковь Востока.

Каковы маркеры самоописания и самоидентификации ассирийцев как граждан Армении?

Так как есть современные гаджеты, ассирийцы Армении самоописываются и не плохо проинформированы, что творится в Армении и во всем мире. Не отделяются, как отдельный народ, также многие ассирийские мужчины принимали

участие во время войны 2020 года. Точное количество погибших и пропавших без вести пока не известно.

Насколько интегрированы ассирийцы в армянское общество?

Ассирийцы Армении активно интегрированы в армянское общество. Хорошо ладят друг с другом. Браки смешанные и очень часты. Разницы не ставят, вот он(она) армянин(ка) или ассирийец(ка). Живут дружно и в согласии. Кухни схожи.

Каковы перспективы данного этнического меньшинства в РА?

Перспективы такие же, как и любого гражданина РА. Все зависит от социально-экономической ситуации в стране. Отделять и отдельно об этническом меньшинстве сказать, невозможно. Занимают должности в разных государственных структурах, есть заслуженные народные артисты, музыканты и т.п.

Application 3. Интервью с отцом Никодимом Юханаевым (Ч. 2 - 27.06.2022.)

По каким учебникам учатся в ассирийских школах Армении?

С 1 по 3 класс учебники авторства Таисии Арсентьевны Якубова. С 2005 года наши школьники проходят ассирийский язык по этим учебникам. Они ежегодно обновляются, и правительство финансирует их переиздание. С 3 по 12 класс ученики занимаются по учебникам зарубежных авторов, но у них старая, несоответствующая современным особенностям преподавания ассирийского языка в Армении, методология. Мы думаем над изданием новых учебных материалов, но это займет много времени.

Речь об учебниках по ассирийского языка или есть также материалы по истории, литературе ассирийского народа?

В Койласаре и школе им. Пушкина в Ереване мы проходим только ассирийский язык и плюс с 6 класса – литературу и историю. Но мы должны укладываться в 3 часа, которые выделяются в неделю каждому классу. Специальных учебников по истории и литературе у нас нет – стараемся делать выжимки из разных книг. Остальные предметы, т.к. ассирийцы учатся в основном в русских школах, проходятся на русском. Проблемой является то, что учебники по ним вынуждены в основном закупать родители учеников, т.к. на это государственного финансирования нет.

При этом многие ассирийцы не владеют ассирийским языком...

Да, это связано с тем, что на более-менее серьезном уровне учить язык мы стали лишь в 1997 году (В Советском Союзе это началось с 1972 г.). До того были лишь факультативные часы, не было достаточного количества квалифицированных преподавателей. Кстати, сейчас тоже у нас есть эта проблема. В Армении лучшее преподавание ассирийского языка сейчас в селе Двин. Мы проводим там экзамены с очень сложными билетами. Как раз в этом году были экзамены в 4-м и в 9-м классах, дети показали очень высокий уровень подготовки.

Сейчас любой ученик, заканчивающий школу, свободно умеет читать, писать, сочинять на ассирийском языке и, конечно, правильно разговаривать, выражать мысли. А более старшее поколение в основном этого не может.

Почему столь велика разница в численности ассирийцев Армении у разных источников – если официальная перепись 2011 года говорит о 2769 ассирийцев, то некоторые более поздние оценки доводят эту цифру до 7-8 тысяч?

Дело в том, что у нас с армянами множество смешанных браков. В основном ассирийцев здесь определяют по фамилии. Если фамилия заканчивается на «ов», «ев», - то, дескать, ассирийцы, если на «ян» - уже армяне. И у нас много ассирийцев с армянскими фамилиями, и их считают армянами. Проблема в том, что такие ассирийцы часто не знают, что их официально считают армянами. Так часто бывает в смешанных браках – например, отец армянин, мать ассирийка, дети берут фамилию отца, да еще и говорят на армянском – и ЗАГС их считает армянами. И их мать тоже без ее ведома записывают в армяне. При этом и мать, и дети могут считать себя ассирийцами. И если учесть все эти случаи, возможно, цифра в 8 тысяч ассирийцев в Армении – еще и мала.

А сами такие дети кем себя считают?

И ассирийцами, и армянами.

Каковы демографические перспективы и динамика ассирийской общины Армении? На ваш взгляд, она увеличивается или уменьшается?

Я могу сказать, что увеличивается. В эти последние годы, слава Богу, стали рожать больше детей.

С чем это связано?

Точно не знаю, возможно, со льготами, которые дают сейчас в Армении многодетным семьям... Кроме того, многие ассирийцы – сельские жители, они рожают больше детей, чем в городе...

Что касается визуальной символики ассирийцев Армении... В основном символика ассирийцев – дохристианская. При этом ассирийцы – в основном христиане. Используете ли вы какие-то символы, связанные с христианством?

Хороший вопрос. Конечно, ассирийцы хотят быть причастными той великой, древнеассирийской, культуре, цивилизации... отсюда и использование соответствующей символики. Это повод для гордости. Есть, конечно, и христианская, церковная, символика. В основном это кресты. У всех ассирийцев в домах есть кресты.

Чем отличаются эти кресты?

У нас много разновидностей крестов, но в основном – трехглавые кресты, с аббревиатурой, обозначающей бога Яхве («Я есть тот, кто есть»), Троицу и Единобожие... посередине. Они имеют глубокую семантику – внизу круглая земля, по сторонам – четыре стороны света, девять чинов ангельских, 9 степеней

священства, корона – Христос и упомянутая аббревиатура. У нас нет крестов-распятый, икон и иконопочитания.

Несмотря на то, что ассирийцы разбросаны по всему миру, в их среде действует сразу несколько партий (от левых до праволиберальных), а также ряд общественных движений. Представлены ли какие-то из них в Армении?

Слава Богу, у нас политических организаций в Армении нет. Я очень рад этому, ведь там, где есть политические организации, там распри, разделение... У нас ассирийцы в политику не вовлечены, но есть общественные организации. Например, Assyrian Universal Alliance (AUA) Но этот орган сейчас очень слабый. В свое время он являлся одним из главных ассирийских институтов, но на данный момент серьезно утратил влияние. Ранее он поднимал вопрос геноцида ассирийцев, занимался культурными и образовательными вопросами, платил стипендии студентам.

Что касается геноцида ассирийцев – мы знаем, что они пережили его также, как и армяне... Как это события отражены в культуре или бытовой жизни?

В Ереване, на перекрестки улиц Налбандяна и Московяна, есть памятник жертвам геноцида ассирийцев. Каждый год, 7 августа, мы собираемся там и чтим память наших мучеников. 7 августа – день памяти ассирийских мучеников всех геноцидов. 7 августа 1933 года в один день было сожжено 5 тысяч ассирийцев. Это случилось в селе Сумеле в Ираке. Это были люди, бежавшие от геноцида 1915 г. в Турции – они бежали в Ирак. Затем те, кто спаслись после нового геноцида, уже из Ирака бежали в Сирию. Все ассирийские организации, ассирийские интеллектуалы, политические и общественные деятели договорились о том, что именно 7 августа стало днем памяти ассирийских жертв. При этом 24 апреля мы чтим память жертв Геноцида в Османской империи и вместе с армянами – также поднимаемся на Цицирнакаберд, возлагаем цветы к мемориалу... В наших деревнях также проходят по этому поводу культурные мероприятия...

Какие связи есть между ассирийцами Армении и их соплеменниками из других стран?

Такого тесного общения нет – разве что индивидуальные контакты. Сейчас интернет дает в этом плане много возможностей. Люди общаются, заводят друзей, даже создают семьи. Вообще, во времена Советского Союза связи не было практически никакой, а затем, в особенности после развития интернета, процесс пошел. Есть еще специальные христианские туры из Ирака в Армению, и один день они дают туристам на посещение нашей общины, участие в наших литургиях, общение с нами. Кроме того, последние 20 лет – вплоть до пандемии коронавируса, проводились общеассирийские спортивные состязания в Иране, в Урмии. Там участвовали ассирийцы из Ирана, Ирака, Сирии, Армении, Грузии, России, Украины... Основной идеей этих игр было укрепление взаимоотношений ассирийцев, их общение друг с другом.

Вы говорите, что ассирийцы – вне политики, но время от времени в местной, армянской политике они-таки засвечиваются. Вот, например, на недавних протестных акциях можно было видеть и ассирийцев.

У нас в армянском парламенте есть представитель с 2017 года. Здесь такая странная система избрания этих представителей, что по факту сами ассирийцы не могут решать, кто будет их представлять. Люди попадают туда по ротационной системе. Победившие на выборах партии «разбирают» депутатов от нацменьшинств по пропорциональной расстановке сил. Ранее дважды наш депутат принадлежал к партии власти. В этот раз у нас были представители обеих сторон, но в парламент в итоге прошел депутат от оппозиции. Но мы очень довольны этой девушкой, ее зовут Земфира Мирзоева – она поднимает многие важные вопросы. Среди нас много и тех, кто поддерживает ее оппозиционные политические взгляды. Ранее был Арсен Михайлов, он сейчас помощник премьер-министра, и это тоже очень хорошо.

Есть какая-то современная литература, журналистика, публицистика на ассирийском языке, либо в среде ассирийцев Армении?

Есть учительница ассирийского языка в Двине – она сочиняет стихи. Мы их используем на наших школьных праздниках. В основном они связаны с геноцидом, темой родины, традиций, бывает и лирика. Есть еще Соня Леонидовна Алексеева, ее произведения изданы за границей.

Есть ли какой-то антагонизм между Армянской апостольской церковью, Русской православной церковью и Ассирийской церковью Востока в Армении?

Ассирийцы, переселившись в пределы Российской империи из Ирана после Туркманчайского договора, вынуждены были принять православие. Не православных не принимали. И, фактически с 1828 по 1920-й годы все ассирийцы Армении были православными. Однако многие из них все равно считали себя приверженцами Ассирийской церкви Востока – это можно увидеть на примере их храмов, которые не очень похожи на православные, иногда молитвы читались на ассирийском. Но лишь в 1992 году мы впервые увидели вживую священнослужителя АЦВ – тогда в Армению прибыл епископ из США. После развала СССР ассирийцев охватила волна патриотизма, пришло понимание необходимости обратиться к своим корням, и в 2003 году у нас появился свой священник – из Ирака. С тех пор Ассирийская церковь Востока в Армении действует. Однако у нас есть несколько ассирийцев – даже активистов, которые упорно позиционируют себя как православные. Я скажу так – они в душе больше русские, чем ассирийцы. Но их мало. И у нас есть неявное соперничество с РПЦ, я ни разу не встречался с православным священником, который окормляет паству Димитрова. Также и в Грузии есть священнослужитель, монах Грузинской православной церкви, который чинит нам некоторые неудобства. А с Армянской апостольской церковью у нас никогда не было проблем, они за то, чтобы у нас была своя церковь в Армении, за то, чтобы все ассирийцы Армении

были прихожанами Ассирийской церкви Востока. Когда у нас не было священника, священники ААЦ приходили к нам, крестили детей, служили литургии на праздники, но сейчас они не делают этого, не стремятся перетянуть к себе паству. У нас с Армянской апостольской церковью хорошие отношения.

В какое подразделение АЦВ входит Армения?

Мы вместе с Россией входим в епархию Северного Ирана. Впрочем, возможно, Армении уже в этом году присоединят к иранской епархии.

Application 4. Интервью со скульптором Симоном Якубовым (20.06.2022 г.)

Насколько часто изображение ламасу используется именно ассирийцами в Армении? Оно ведь дохристианское, связанное с шумерским язычеством, как минимум 7 века до н.э. Как это воспринимается церковью и верующими ассирийцами?

Ламассу или шеду - бесспорный и самый узнаваемый символ Ассирии и признан абсолютно всеми ассирийцами, верующими и неверующими. Церковь не принимает древних изображений, их никогда не встретишь в церкви. Но, вместе с тем, церковь никогда не высказывалась против этого символа. Напротив, это часть нашей истории, и мы ею гордимся. Среди важных символов также флаг Ассирии – он принят как флаг всемирного Ассирийского сообщества в 60-ых годах. В основе флага лежит изображение звезды Ашура, символизирующее верховного бога древней Ассирии.

Что касается религии - в Армении ассирийцы принадлежат к Ассирийской церкви Востока (несторианской) и Русской православной церкви. Каково соотношение между ними и к какой конфессии принадлежите лично вы?

Ассирийцы Армении принадлежат к Ассирийской церкви Востока, что очень близко к Русской православной церкви. В частности, все церковные праздники совпадают по дате.

Известно, что с 1980-х в Армении изучают ассирийский язык в школах, а также в ЕГУ на факультете востоковедения. Есть ли учебники ассирийского языка, которые печатаются здесь? И помимо языка, проходятся ли ассирийская история и культура? Есть ли по ним тоже учебники?

Ассирийский язык изучают в школах сел Арзни и Верхний Двин, также в ереванской школе им. Пушкина. Есть учебники ассирийского языка.

Есть ли сейчас какие-то газеты или журналы ассирийской диаспоры Армении?

С печатными изданиями на ассирийском я не знаком, так как не умею читать на ассирийском.

REFERENCES

1. *Bet-Nahrain Democratic Party's Declaration*. Archived in 2012-02-06 at the Wayback Machine, Assyrian Times.com, 2006-08-26.
2. Assyria/Unpresented nations and people organization // <https://unpo.org/members/7859>
3. Asatryan G, Arakelova V. *The national minorities of Armenia*. Available at: <https://kavkaz-uzel.eu/articles/30125/>
4. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Oxford University Press, 2000.
5. Locke J. *Works in three volumes*. Vol. 2., Moscow, 1985, p. 560.
6. *Speech communication: Problems and prospects*: Col. scientific-analytical reviews. Moscow, 1983, p. 192–193.
7. Mukomel V. Demographic Problems of Russian Adaptation in the Republics of the Former Soviet Union. In: *Shlapentokh V, Sendich M, Payin E. (eds). The new Russian Diaspora. Russian Minorities in the Former Soviet Republics*. Armonk, NY, 1994, p. 155–168.
8. Schulze I, Shultze W. *A Handbook of the Minorities of Armenia: A Sociocultural and Sociolinguistic Survey*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2016, p. 572.
9. Shultze I. Topology of Ethnic minorities of Armenia. *Iran and The Caucasus*, 21(4): 362–375. DOI:10.1163/1573384X-20170403.
10. *Symposium of sculptors in Aparan contributes to the development of art tourism in the region*. Available at: <https://ru.armeniasputnik.am/20220612/simpozium-skulptorov-v-aparane-sposobstvuet-razvitiyu-art-turizma-v-regione-43069699.html>
11. *Population census of Armenia*, 2011. Available at: <https://armstat.am/file/doc/99484893.pdf>
12. Averyanov PI. *Ethnographic and military-political review of the possessions of the Ottoman Empire*. Saint Petersburg, 1912.
13. Arsanis BG. *History of the Assyrians in connection with the Kurds*. Mosul: Atura-niya, 1922.
14. Gadiliya KT. Review by Ilona Schulze, Wolfgang Schulze. *A Handbook of the Minorities of Armenia: A Sociocultural and Sociolinguistic Survey*. In collaboration with Garnik Asatryan, Viktoria Arakelova, Vardan Voskanian and others. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2016. *Native language*, 2020, 2: 230–300.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декларация Демократической партии Бет-Нахрейн // Assyrian Times.com, 26 августа 2006 г.
2. Ассирия/Организация непредставленных наций и народов // <https://unpo.org/members/7859>
3. Асатрян Г., Аракелова В. Национальные меньшинства Армении. Доступно по ссылке: <https://kavkaz-uzel.eu/articles/30125/>
4. Оксфордский словарь для учащихся. Издательство Оксфордского университета, 2000.
5. Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 2. М., 1985.
6. Речевое общение: Проблемы и перспективы. Сб. научно-аналитических обзоров. М., 1983.
7. Мукомель В. Демографические проблемы русской адаптации в республиках бывшего СССР. В: Шлапентох В., Сендич М., Пайин Э. (ред.). Новая русская диаспора. Русские меньшинства в бывших советских республиках. Армонк, Нью-Йорк, 1994. С. 155–168.
8. Шульце И., Шульце В. Справочник меньшинств Армении: социокультурный и социолингвистический обзор. Гамбург: Verlag Dr. Kovač, 2016.
9. Шульце И. Топология этнических меньшинств Армении // *Iran and Caucasus*, 21(4). С. 362–375. DOI: 10.1163/1573384X-20170403.
10. Симпозиум скульпторов в Апаране способствует развитию арт-туризма в регионе. Режим доступа: <https://ru.armeniasputnik.am/20220612/simpozium-skulptorov-v-aparane-sposobstvuet-razvitiyu-art-turizma-v-regione-43069699.html>
11. Перепись населения Армении, 2011. Режим доступа: <https://armstat.am/file/doc/99484893.pdf>.
12. Аверьянов П.И. Этнографический и военно-политический обзор владений Османской империи. Санкт-Петербург, 1912 год.
13. Арсанис Б.Г. История ассирийцев в связи с курдами. Мосул: Атура-ния, 1922.
14. Гадилля К.Т. Обзор И. Шульце, В. Шульце. Справочник меньшинств Армении: социокультурный и социолингвистический обзор. В сотрудничестве с Гарником Асатряном, Викторией Аракеловой, Варданом Восканяном и другими. Гамбург: Verlag Dr. Kovač, 2016. Родной язык, 2020, 2: 230–300.

15. Dumbis M. *Aisory. New East*. 1923, 3: 59–70.
16. Lavoe P.C. *The culture of the Assyrians of Russia: past present – future*. Krasnodar: KGU-KI, 2000.
17. Lalayan E.A. *Aisors of the Babylonian Vilayet. Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Tiflis, 1914. Vol. XXVIII, Issue 4, p. 197–223.
18. Matveev K.P., Matveev A.K. *Assyrians: history and ethnography of the Assyrians*. Moscow: Institute of Ethnology and Ethnic Anthropology, 1990.
19. Matveev K.P. *Assyrians and Assyrian problem in modern and modern times*. Moscow: Mysl, 1979.
20. Hakobyan A. *Features of modern ethnic processes in Armenia*. Available at: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2009-11/1837.html>
15. Дамбис М. Айсоры. Новый Восток. 1923, 3: 59–70.
16. Лаво П.С. Культура ассирийцев России: прошлое настоящее – будущее. Краснодар: КГУКИ, 2000.
17. Лалаян Э.А. Айсоры Вавилонского вилайета // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1914. Вып. XXVIII, выпуск 4, с. 197–223.
18. Матвеев К.П., Матвеев А.К. Ассирийцы: история и этнография ассирийцев. Москва: Институт этнологии и этн. антропология, 1990.
19. Матвеев К.П. Ассирийцы и ассирийский вопрос в новое и новейшее время. Москва: Мысль, 1979.
20. Акопян А. Особенности современных этнических процессов в Армении. Режим доступа: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2009-11/1837.html>

Поступила в редакцию 10.08.2022 г.
Принята к публикации 06.10.2022 г.
Опубликована 10.10.2022 г.

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183861-873>



Кочкаров Умар Юсуфович
к.и.н., заведующий научным архивом
Институт археологии РАН, Москва, Россия
umar_k@mail.ru

Малашев Владимир Юрьевич
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
malashev@yandex.ru

Ахмаров Азамат Усманович
младший научный сотрудник
Институт гуманитарных исследований АН ЧР, Грозный, Россия
acztec@mail.ru

Горланов Сергей Сергеевич
специалист Научно-отраслевого архива
Институт археологии РАН, Москва, Россия
gorlanoussergserg@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ИТУМ-КАЛИНСКОМ РАЙОНЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2021 г.

Аннотация. В статье приводятся результаты археологических разведок, проведенных в 2021 г. на территории земель, отводимых под хозяйственное освоение по проекту: «Строительство Башенной МГЭС на р. Аргун в Итум-Калинском районе Чеченской республики». В ходе работ обследованы ранее известные объекты культурного наследия Ушкалойские сторожевые башни-близнецы, Ушкалойский могильник и выявлены два новых объекта культурного наследия: Комплекс памятников археологии Башин-Кали, включающий остатки укрепления времени Кавказской войны Башин-Кали XIX в., два разрушенных погребения могильника раннего железного века – Средневековья и поселение эпохи бронзы, а так же Могильник Гучум-Кали. Работы включали исследование земледельческих террас хозяйственной территории сел. Гучум-Кали. Достаточно высокая насыщенность археологическими памятниками относительно небольшого участка, на котором были проведены исследования, отражают процессы освоения в древности, Средневековье и в Новое время населением Аргунского ущелья, которое являлось одним из путей контактов между Северным и Южным Кавказом.

Ключевые слова: Чеченская республика; Итум-Калинский район; р. Аргун; разведки; керамика; могильник; поселение.

EXPEDITIONS

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183861-873>



Umar Yu. Kochkarov,
Cand. Sci. (History), Head of the Scientific Archive
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
umar_k@mail.ru

Vladimir Yu. Malashev,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
malashev@yandex.ru

Azamat U. Akhmarov,
Junior Researcher
Institute for Humanitarian Research
Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia
acztec@mail.ru

Sergey S. Gorlanov,
Specialist of the Scientific and Branch Archive
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
gorlanovsergserg@mail.ru

ARCHEOLOGICAL EXPLORATION IN THE ITUM-KALINSKY REGION OF THE CHECHEN REPUBLIC IN 2021

Abstract. The article presents the results of archaeological surveys, conducted in 2021 on the territory of lands allocated for economic development under the project “Construction of a Tower Hydroelectric Power Station on the Argun River in the Itum-Kalinsky Region of the Chechen Republic”. In the course of the work, the previously known objects of cultural heritage “Ushkaloy Watchtowers-twins”, “Ushkaloy Burial Ground” were examined and two new objects of cultural heritage were revealed: the complex of archaeological sites “Bashin-Kali”, including the remains of the fortification of the time of the Caucasian war “Bashin-Kali” of the 19th century, two destroyed burials of the burial ground of the early Iron Age – the Middle Ages and the settlement of the Bronze Age, as well as the burial ground “Guchum-Kali”. The explorations included the study of agricultural terraces of the economic territory of the village of Guchum-Kali. The relatively high richness of archaeological sites on a relatively small area on which the research was conducted reflects the processes of development in antiquity, the Middle Ages and in Modern times by the population of the Argun Gorge, which was one of the contact zones between the North and South Caucasus.

Keywords: Chechen Republic; Itum-Kalinsky region; Argun river; surveys; ceramics; burial ground; settlement.

Итум-Калинский район расположен на юге Чеченской Республики. На севере он граничит с Шатойским и Ачхой-Мартановским районами, на востоке с Шаройским районом Чеченской Республики, на западе – с Республикой Ингушетия и на юге – с Грузией, протяженность границы с которой составляет 30 км (рис. 1). На его территории находится Аргунский архитектурный и природный заповедник.

Изучение памятников археологии горных районов Чечни имеет давнюю историю [1; 2; 3], однако вследствие вынужденного разрыва в течение двух десятилетий в исследовании данных древностей, эта работа была возобновлена относительно недавно [4, с. 50–54; 5, с. 72–81]. Целью предлагаемой публикации является уточнение информации о некоторых ранее известных памятниках и введение в научный оборот материалов на впервые выявленных объектах, которые являются результатом работ, проведенных в 2021 г. сотрудниками Института археологии РАН и ООО «Археологическое наследие Кавказа» (г. Грозный) в рамках обследования территории под строительство Башенной МГЭС на р. Аргун в Итум-Калинском районе (рис. 2). В зону исследования попали хорошо известные памятники – Ушкалойские сторожевые башни-близнецы и Ушкалойский могильник, кроме того выявлены новые – Могильник Гучум-Кали и Комплекс объектов археологического наследия (ОАН) Башин-Кали, включающий Укрепление Башин Кали XIX в., грунтовый могильник Башин-Кали раннего железного века – Средневековья и поселение Башин Кали эпохи бронзы.

Ушкалойские сторожевые башни-близнецы встроены в естественную нишу скалы и находятся в местности Пхоччу (в пер. с чеч. – «в поселении»), между селениями Гучум-Кале и Ушкалой на правом берегу р. Аргун, под козырьком горы Селин-Лам (рис. 3). Башни расположены в самом узком месте ущелья, где ширина прохода не превышает 37 м, занимая, тем самым, важное стратегическое место, позволявшее контролировать проход по ущелью. В 30 м от башен, на противоположной стороне реки, проходит дорога Грозный – Итум-Кале. Башни четырёхэтажные, высотой около 12 м, имеют по три стены, четвёртую стену образует скала. Башни сложены из обработанных камней на известковом растворе. Кровлей служит каменный козырёк скалы. Северная и южная стены башен выложены по рельефу скалы, к которой они примыкают.

Сведения о строительстве башен отсутствуют; литературные источники о дате и истории их создания не сохранились. По преданию, записанному А.С. Сулеймановым, в этих башнях заседал Совет мудрецов, куда обращались ищущие правды и справедливости горцы всех этнических обществ – от Хевсуретии (чеч. Пхейн-Мохк) до предгорной равнины. По всей вероятности, это легенда. В.И. Марковин называет Ушкалойские башни убежищами и относит к постройкам полубоевого типа [6, с. 184–270]. По мнению Л.М. Ильясова [7, с. 111, 293] они ни по месту расположения, ни по форме, ни по функциям убежищами не являются, и считает их сторожевыми башнями. Подтверждением этому может служить то, что в прежние времена дорога в этом месте проходила по правому

берегу реки, а не по левому как сейчас. Недалеко от башен находился каменный арочный мост. Стража, которая находилась в башнях, контролировала дорогу и мост. В настоящее время сохранились лишь элементы моста. Р.Д. Арсанукаев также называет Ушкалойские башни сторожевыми [8, с. 100, 104]. В настоящее время башни отреставрированы, однако, в результате постоянных камнепадов и смещения грунта с автомобильной трассы Р-217 происходит и смещение русла р. Аргун. Так по сравнению с фотофиксацией 2013 г. – русло сместилось не менее чем на 3 м к башням, и в настоящее время проходит непосредственно у их подножия, а в периоды паводков подтапливает их нижнюю часть.

Ушкалойский могильник расположен в 1,25 км к северу от сел. Ушкалой (чеч. Чиннахой) и в 1,52 км к юго-западу от сел. Гучум-Кале и находится на склоне горы, прилегающем к автодороге Шатой – Итум-Кале, на левом берегу р. Аргун. Первые данные о памятнике содержатся в отчете М.Х. Багаева¹, которым был составлен план-схема могильника, а также расчищены 4 каменных ящика и катакомбы. В 2013 г. на могильнике и прилегающем поселении (в настоящее время полностью уничтожено карьером по добыче гипса) проводил археологические разведки М.А. Тангиев². Приведено описание поселения «Ушкалой (Чиннахой) (XIV–XVI вв.) и могильника «Ушкалой (Чиннахой)» (XIV–XVI вв.). В ходе визуального обследования территории были выявлены погребения, обнажившиеся в осыпи склона вследствие строительных работ. Зафиксировано 13 полностью разграбленных погребений, имеющих признаки катакомбных. В 2021 г., в рамках обследования территории под строительство Башенной МГЭС, на территории могильника зафиксировано 12 поврежденных погребений. В результате проведенных работ определены границы территории памятника, площадь которого составила 3,5 га. Могильник представляет интерес сочетанием двух разных форм погребальных сооружений – каменных ящиков и катакомб. Судя по материалам раскопок 1972 г., каменные ящики, предназначенные преимущественно для одиночных захоронений, датируются концом Развитого – началом Позднего Средневековья. Красноглиняная круговая посуда по морфологии и орнаментации находит аналогии в синхронных погребениях от Нагорного Дагестана до Центрального Кавказа. Катакомбные погребения встречаются на большей части региона.

Несколько ниже по течению р. Аргун, на левом берегу, у сел. Башин-Кали (рис. 5), выявлены остатки (три стены и башня) одноименного (Башин-Кали) укрепления, известного по архивным материалам и картографическому материалу, время сооружения которого относится к 1858 г. Литературные сведения о нем содержатся в работах А.А. Головлева [9, с. 82] и А. П. Ипполитова [10, с. 1–62]. В обресте склона, образовавшемся в результате прокладки грунтовой дороги, выявлено 2 нарушенных погребения. По сообщениям местных жителей

¹ Багаев М.Х. Отчет отряда археологической экспедиции Чечено-Ингушского НИИЯЛИ за 1972 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. № 5314, 5134а - Альбом иллюстраций к отчету.

² Тангиев М.А. Отчет об археологических разведках, проведенных в Итум-Калинском районе Чеченской Республики в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. № 59179.

здесь строителями был обнаружен ряд находок, в том числе железный кинжал. Датировка погребений может рассматриваться в рамках от раннего железного века до Средневековья.

На склоне, прилегающем к дороге Шатой – Итум-Кали, обнаружена керамика, относящаяся к поселению эпохи бронзы. Поселение расположено в нижней части склона ниже сел. Башин-Кали. Поселение выявлено М.Х. Ошаевым в 1969 г.³ Автором был составлен план-схема памятника и собран подъемный материал. На тот момент поселение распространялось в восточном направлении до берега р. Аргун и было больше на 60–80 м, нежели сегодня, вследствие разрушения автодорогой Шатой – Итум-Кали. Подъемный материал и шурфы содержали, преимущественно, керамику эпохи бронзы (рис. 4). Кроме того, обнаружены фрагменты сосудов Раннего и Развитого Средневековья, а также Нового времени. Из индивидуальных находок отметим фрагмент каменного оселка, каменную пробку и др. Керамику эпохи бронзы предварительно можно отнести к каякентско-хорочоевской культуре. В пользу этого свидетельствуют технологические (лепные элементы, неравномерный обжиг с преобладанием коричневато-охристых и коричневато-серых оттенков, шамот в тесте и наличие грубой обмазки, сопровождающейся параллельными бороздками и пальцевыми расчесами) и морфологические (отогнутые венчики с утолщенным краем, отсутствие выраженных орнаментальных мотивов и композиций, за исключением нескольких фрагментов, декорированных налепным валиком с насечками, а также сетчатой композицией) признаки.⁴ Таким образом, речь идет о комплексе памятников «Башин-Кали», включающем укрепление XIX в., могильник раннего железного века – Средневековья и поселение эпохи бронзы (каякентско-хорочоевской культуры).

На правом берегу р. Аргун, напротив сел. Башин-Кали, расположен небольшой хребет с крутыми склонами, с одной стороны ограниченный обрывом к руслу р. Аргун, с другой ущельем, образованным течением р. Похмерка. В верхней части находится основание башни, по сообщениям местных жителей определяемое как современная постройка начала 2000-х гг. На склоне, к востоку от данной постройки, фиксируются руины средневековой жилой башни. В результате прокладки дороги землеройной техникой образовался ряд обнажений грунта, в которых прослеживаются каменные конструкции погребений выявленного в 2021 г. нового памятника – могильника «Гучум-Кали». Адресные ориентиры могильника: 250 м к северу от п. Гучум-Кали (чеч. Гучан-кхелли) и в 470 м от трассы Шатой – Итум-Кали. На могильнике зафиксированы 6 поврежденных погребений и определены границы его территории. Общая площадь составила 0,6 га. Могильник относится к эпохе Средневековья.

3 Ошаев М.Х. Отчет Четвертого отряда археологической экспедиции ЧИ НИИИЯЛ за 1969 г. // Архив ИА РАН, Ф-1; Р-1; Д. №5019, № 5019а - Альбом иллюстраций к отчету.

4 Авторы выражают благодарность к.и.н. Р.Г. Магомедову (ИИАЭ ДФИЦ РАН, г. Махачкала) за предварительный анализ и атрибуцию керамического материала.

Большая часть обследуемой территории правобережья р. Аргун занята террасами (рис. 6), относящимися к хозяйственной территории сел. Гучум-Кали; настоящее время террасы не используются. По высоте террасы варьируют в пределах 8–15 м. Здесь фиксируются несколько фундаментов жилых и хозяйственных построек, по сообщениям местных жителей, относящихся к периоду 30–40-х гг. XX в. Закладка шурфов на террасах выявила наличие материалов, относящихся к XIX–XX вв.

Достаточно высокая насыщенность археологическими памятниками относительно небольшого участка, на котором были проведены исследования, отражают процессы освоения в древности, Средневековье и в Новое время населением Аргунского ущелья, которое являлось одним из путей контактов между Северным и Южным Кавказом.

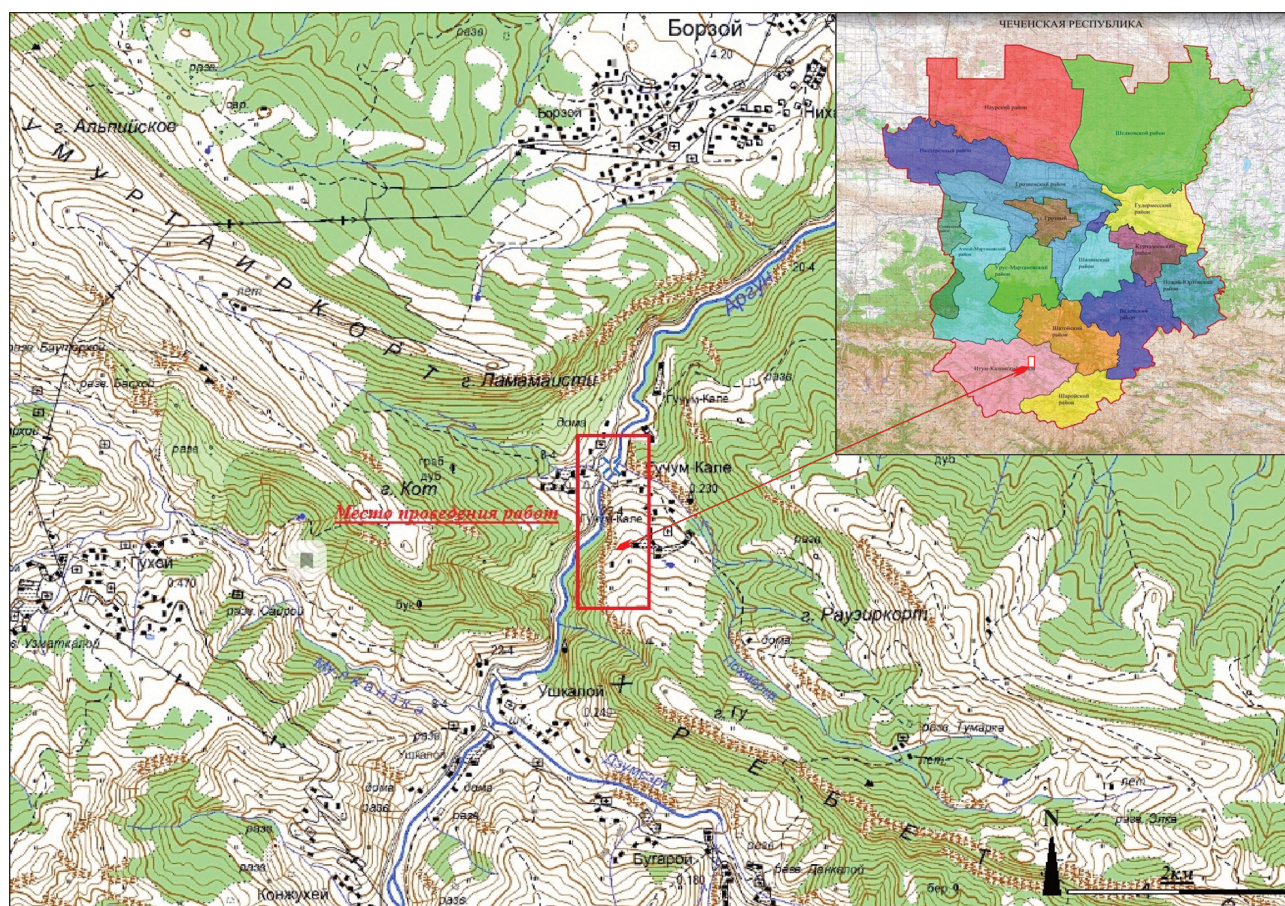


Рис. 1. Место проведения работ

Fig. 1. Exploration site

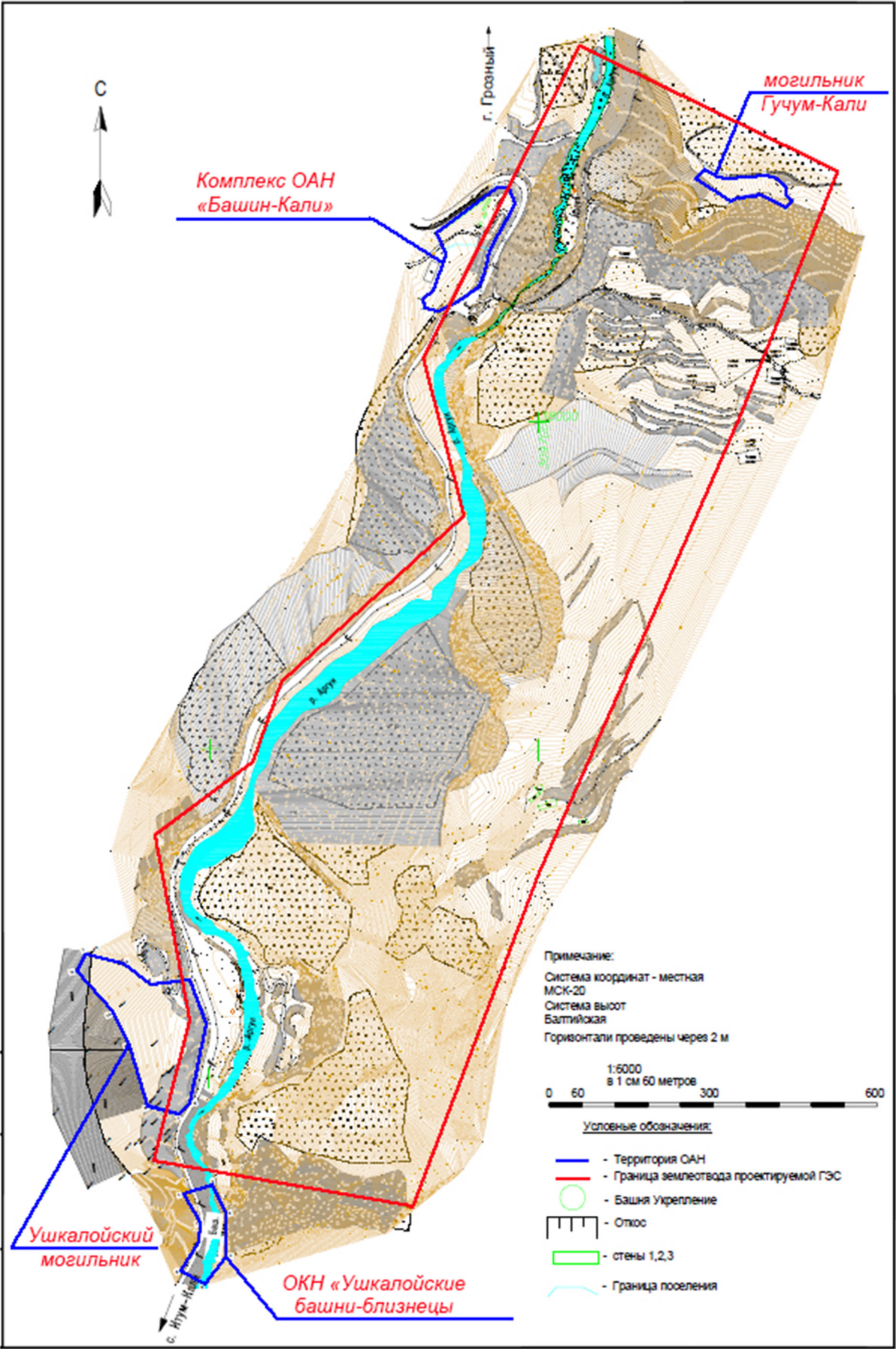


Рис. 2. Топоплан участка исследований с указанием обследованных памятников

Fig. 2. Topographic plan of the survey area with indication of the studied monuments



Рис. 3. Башни-близнецы после реконструкции. Фотография 2021 г.

Fig. 3. Twin towers after reconstruction. Photo of 2021.



Рис. 4. Керамический материал пос. Башин-Кали: 1-12 – фрагменты сосудов эпохи бронзы;
13-16 – фрагменты средневековой керамики

Fig. 4. Ceramic material from the Bashin-Kali settlement: 1-12 – fragments of Bronze Age vessels;
13-16 – fragments of medieval ceramics

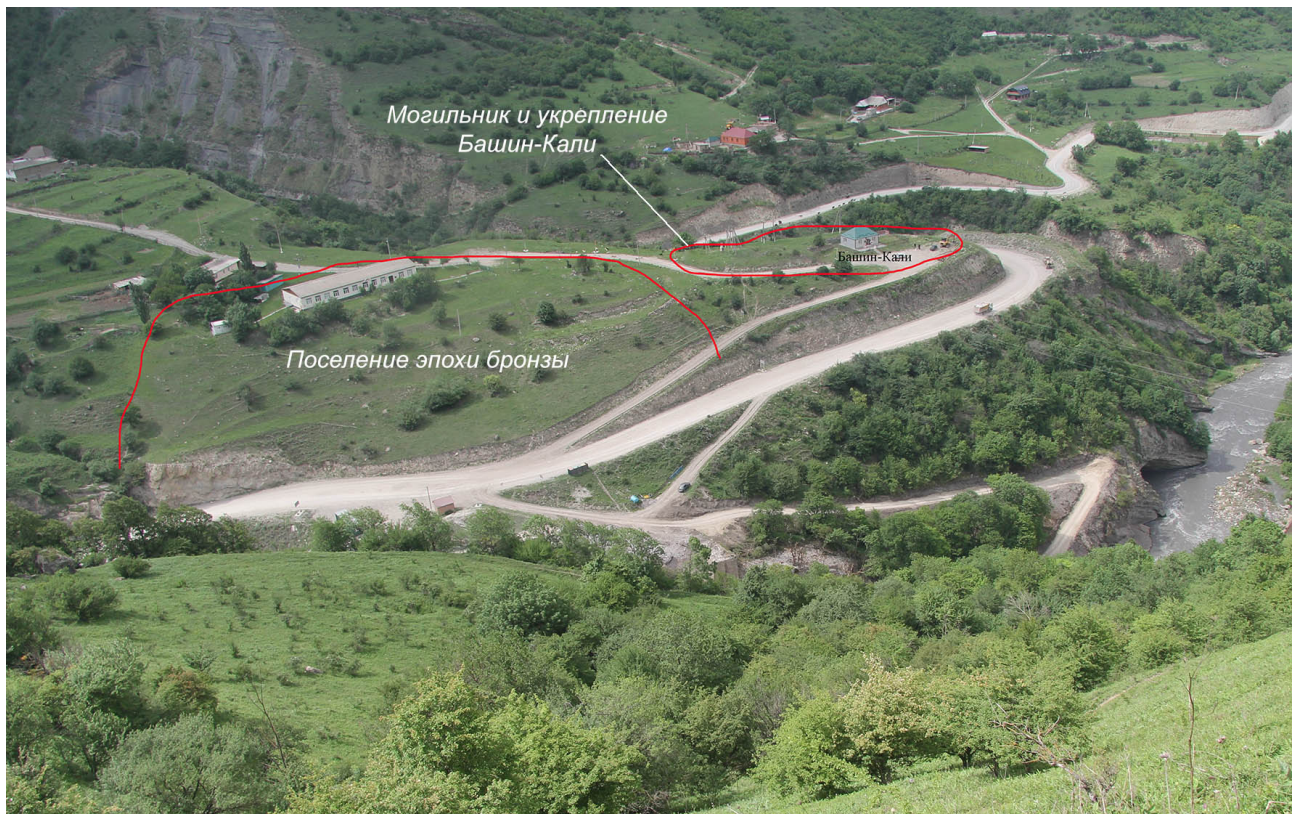


Рис. 5. Вид на комплекс памятников Башин-Кали. Фотография 2021 г.

Fig. 5. View of the complex of monuments of Bashin-Kali. Photo of 2021.



Рис. 6. Вид на сельскохозяйственные террасы Гучум-Кали. Фотография 2021 г.

Fig. 6. View of the agricultural terraces of Guchum-Kali. Photo of 2021.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник Гатын-Кале) // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 49–135.
2. Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М.: Наука, 1965. 125 с.
3. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР: (Материалы к археологической карте) / Труды Чечено-Ингуш. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы при Совете Министров Чечено-Ингуш. АССР; Т. 10). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966. 149 с.
4. Исаев С.Х., Мамаев М. Х., Тангиев М.А. Археологические памятники Шаройского района ЧР (материалы к археологической карте) // Вестник Академии наук Чеченской республики. № 4 (21). 2013. С. 50–54.
5. Исаев С.Х., Дачаев И.С.-Х., Ахмаров А.У. Археологические памятники Ножай-Юртовского района ЧР (материалы к археологической карте) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 2 (49). 2020. С. 72–81.
6. Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957-1965гг.). // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.-1980. С. 184–270.
7. Ильясов Л.М. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М.: Пантори, 2004. 384 с.
8. Арсанукаев Р.Д. Чеченские петроглифы. Париж, 2005. 128 с.
9. Головлев А.А. Николай Яковлевич Динник, как исследователь природы Чечни (К 115-летию выхода в свет труда «по Чечне и Дагестану») // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. Т. 29. № 4. 2020. С. 75–103.
10. Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис: Типография Главного Управления Кавказского Наместника, 1868. С. 1–62.
1. Markovin VI. A new site of the Bronze Age in mountainous Chechnya (Gatyn-Kale burial ground) [Novyi pamyatnik epokhi bronzy v gornoi Chechne (mogil'nik Gatyn-Kale)] *Antiquities of Chechen-Ingushetia*. Moscow: Academy of sciences of the USSR, 1963: 49-135. (In Russ)
2. Markovin VI. *In the gorges of Argun and Fortanga* [V ushchel'yakh Arguna i Fortangi]. Moscow: Nauka, 1965. (In Russ)
3. Vinogradov VB, Markovin VI. Archaeological sites of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic: (Materials for the archaeological map) [Arkheologicheskie pamyatniki Checheno-Ingushskoi ASSR: (Materialy k arkheologicheskoi karte)] *Works of Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature under the Council of Ministers of Chechen-Ingush ASSR*. Vol. 10). Grozny: Chechen-Ingush Publishing House, 1966. (In Russ)
4. Isaev SKh, Mamaev MKh, Tangiev MA. Archaeological sites of the Sharoysky district of the Chechen Republic (materials for the archaeological map) [Arkheologicheskie pamyatniki Sharoiskogo raiona ChR (materialy k arkheologicheskoi karte)]. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2013, 4(21): 50-54.
5. Isaev SH, Dachayev IS-H, Akhmarov AU. Archaeological sites of Nozhai-Yurtovsky district of the Czech Republic (materials for the archaeological map) [Arkheologicheskie pamyatniki Nozhai-Yurtovskogo raiona ChR (materialy k arkheologicheskoi karte)]. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2020, 2(49): 72-81.
6. Markovin VI. Architectural monuments in Mountainous Chechnya (based on research materials 1957-1965) [Pamyatniki zodchestva v gornoi Chechne (po materialam issledovaniy 1957-1965gg.)] *North Caucasus in Antiquity and in the Middle Ages*. Moscow: Nauka, 1980, p. 184–270.
7. Ilyasov LM. *Shadows of Eternity. Chechens: architecture, history, spiritual traditions* [Teni vechnosti. Chechentsy: arkhitektura, istoriya, dukhovnye traditsii]. Moscow: Pantori, 2004.
8. Arsanukaev RD. *Chechen petroglyphs* [Chechenskie petroglify]. Paris, 2005.
9. Golovlev AA. *Nikolay Yakovlevich Dinnik as a researcher of the nature of Chechnya (To the 115th anniversary of the publication of the work "On Chechnya and Dagestan")* [Nikolai

Yakovlevich Dinnik, kak issledovatel' prirody Chechni (K 115-letiyu vykhoda v svet truda «po Chechne i Dagestanu»)]. Samara Luka: *Problems of regional and global ecology*. 2020, 29(4): 75–103.

10. Ippolitov AP. Ethnographic essays of the Argun district [Etnograficheskie ocherki Argunskogo okruga] *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Issue 1. Tiflis: Printing House of the Main Directorate of the Caucasian Governor, 1868, p. 1–62.

*Поступила в редакцию 06.05.2022 г.
Принята к публикации 03.07.2022 г.
Опубликована 10.10.2022 г.*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183873-877>



Гезалова Нигяр Ровшан гызы
д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник
Институт Истории НАНА, Баку, Азербайджан
nigar22@gmail.com

РЕЦЕНЗИЯ на сборник «Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722-1735 гг.): сборник архивных документов» (Махачкала: Мавраевъ, 2020)

Аннотация. Важнейшим фактором развития кавказоведческой науки являются расширение источниковедческой базы на основе привлечения архивного материала, разработка методов анализа и их обработки. Сегодня кропотливое и детальное изучение новых архивных документов помогает внести свои коррективы и проливает свет на ряд вопросов по истории региона, оставшихся вне поля зрения исследователей. В связи с этим предлагаемые в сборнике материалы, собранные из архивов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД) представляют огромный интерес при исследовании общественно-политической, социально-экономической картины в регионе в первой трети XVIII в. С помощью новых подходов, впервые вводимых в научный оборот источников, материалы сборника позволяют по-новому реконструировать российскую имперскую политику в Прикаспийском регионе. Рецензируемый сборник является существенным вкладом в развитие историографии российской имперской политики на Кавказе в 1722–1735 гг. и позволяет расширить исследовательскую проблематику.

Ключевые слова: источниковедение; архивные документы; Российская империя; Дагестан; Азербайджан; Северный Иран; рецензия.

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183873-877>



Nigar R. Gozalova

Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher

Institute of History of ANAS, Baku, Azerbaijan

nigar22@gmail.com

REVIEW

of the book “Western Caspian region as part of the Russian Empire (1722-1735): Collection of archival documents” (Makhachkala: Mavraev, 2020)

Abstract. The most important factor in the development of Caucasian studies is the expanding of the source base through the use of archival material, the development of methods of analysis and its processing. Today, the careful and detailed study of new archival documents helps to make corrections and sheds light on a number of questions about the history of the region that have been overlooked by researchers. In this connection, the materials collected from the archives of the Russian State Archive of Ancient Acts, the Russian State Military Historical Archive, and the Central State Archive of the Republic of Dagestan are of great interest when studying the political, social and economic situation in the region in the beginning of the 18th century. The collection under review is a major contribution to the development of historiography of imperial Russian policy in the Caucasus in 1722-1735 and makes it possible to widen the scope of research issues. With the help of new approaches and new sources, which are being researched for the first time, the materials of this collection allow a new reconstruction of the Russian imperial policy in the Caspian region. This book is a major contribution to the development of historiography of Russian imperial policy in the Caucasus between 1722 and 1735 and allows us to extend the scope of our research.

Keywords: source study; archival documents; Russian Empire; Dagestan; Azerbaijan; Northern Iran; review.

Благодаря публикации сборников архивных документов источники, в основном известные специалистам, становятся доступными более широкой аудитории исследователей не только в России, но и за рубежом. Публикация сборника архивных документов при их всестороннем и критическом анализе и сопоставлении на основе научных принципов источниковедения и археографии дает возможность сделать новый шаг в осмыслении вопросов истории Кавказа XVIII в. С помощью новых подходов и впервые вводимых в научный оборот источников материалы сборника позволяют по-новому реконструировать российскую имперскую политику в Прикаспийском регионе. Составители рецензируемого сборника, кандидаты исторических наук [Е.И. Иноземцева], Ш.А. Магарамов и Н.Д. Чекулаев продолжили традицию специальных документальных изданий по истории Северного Кавказа. Апеллируя к исключительной роли восточной политики во внешнеполитической доктрине Петра I, авторы убедительно обосновывают необходимость издания полной и систематизированной тематической, документальной публикации, посвященной истории завоевания Российской империей Западного Прикаспия (современных прикаспийских территорий Дагестана, Азербайджана и Северного Ирана) в первой четверти XVIII в. Сборник открывает предисловие, включающее краткий историографический обзор и изложение основных этапов политического процесса в регионе в 1722–1735 гг.

В сборнике опубликовано около 300 документов и иллюстраций, извлеченных из различных архивных фондов. Это 49 документов и 4 иллюстрации из фонда «Кабинет Петра Великого» (Ф. 9, РГАДА), 6 иллюстраций из фондов «Рукописного отдела МГАМИД» (Ф. 181, РГАДА), 3 иллюстрации из фонда «Картографический отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел (коллекция)» (Ф. 192. Оп. 1 (Кавказ), РГАДА), 10 документов из фонда «Дела Правительствующего Сената» (Ф. 248, РГАДА), 4 документа из фонда «Оружейная палата» (Ф. 396, РГАДА), 21 документов из фонда «Военная коллегия» (Ф. 20, РГВИА), 2 иллюстрации из фонда «Военно-ученый архива» (Ф. 846, РГВИА). Основой массив опубликованных источников был выявлен в фондах ЦГА РД, так 123 документа из фондов «Дербентский комендант» (Ф. 18, ЦГА РД), 3 документа из фонда «Бакинский комендант» (Ф. 301, ЦГА РД), 1 документ из фонда «Комендант крепости Астара» (Ф. 329, ЦГА РД), 48 документов из фонда «Комендант крепости Терки» (Ф. 335, ЦГА РД), 16 документов из фонда «Походная канцелярия генерал-лейтенанта В.Я. Левашова» (Ф. 340, ЦГА РД), 3 документа из фонда «Кизлярская комендантская канцелярия» (Ф. 379, ЦГА РД), 10 документов из фонда «Комендант крепости Святого Креста» (Ф. 382, ЦГА РД).

Опубликованные документы (ордена, выписки, прошения, указы, приказы, донесения, рапорты и т.д.) характеризуют деятельность военно-экспедиционного Низового корпуса, созданного для управления и хозяйственно-экономического освоения завоеванных прикаспийских земель Сефевидского государства, его взаимодействие с кавказскими политическими элитами. Огромный

интерес представляют также документы, характеризующие масштабную политику российского командования по обеспечению полного контроля и безопасности каспийской прибрежной зоны. В своей совокупности, опубликованные в сборнике документы довольно полно и точно характеризуют структуру и освещают имперский опыт управления и экономического освоения Западного Прикаспия, раскрывают цели и задачи российской дипломатии при взаимодействии с Сефевидским государством и Османской империей, показывают политику выстраивания отношений с кавказскими правящими элитами, дают представление о механизмах формирования и динамике формирования главных направлений кавказской политики Российской империи, а также позволяют определить роль и место местных кавказских элит в этом процессе. Опубликованные документы позволяют рассмотреть, как появление российских войск вызвало поляризацию политических симпатий кавказских владетелей Дагестана и Ширвана. Архивные документы показывают особенности политической географии Кавказа, что позволяет понять причины лавирования местных элит между разными государствами, проявлявшими интерес к расширению здесь своей сферы влияния. Выявленные и введенные в научный оборот архивные документы также проливают свет на ранее не известные или малоизвестные аспекты комплектования, снабжения, финансирования имперских войск, сведения о доходах и расходах с «новозавоеванных» земель, а также на торгово-экономическое освоение региона.

Документы в опубликованном сборнике архивных документов систематизированы по хронологическому принципу. Несомненно, именно многогранность содержания опубликованных документов не позволила составителям разделить публикуемые документы по проблемно-хронологическому принципу в столь внушительном по объему сборнике. При этом из предисловия не ясно насколько составители сборника полно представили материалы названных архивов в данных хронологических рамках. К сожалению, не оговариваются и критерии отбора материалов, а лишь указывается, что историки-архивисты выявили по теме 300 архивных документов. Кроме того, не поясняется и новизна данного издания в сравнении с неоднократно выходившими в свет сборниками [1; 3; 4; 5; 6; 7].

Примечательно, что большинство архивных документов впервые вводятся в научный оборот. Научно-справочный аппарат издания включает также комментарии по содержанию документов, именной и географический указатели – плод кропотливого исследования исторических источников. Несомненным украшением сборника являются опубликованные карты «новозавоеванных» Россией земель и Каспийского моря, планы и чертежи военных крепостей, укреплений и гаваней составленные военными инженерами и картографами.

В этом плане сборник документов, подготовленный сотрудниками Института истории, археологии этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, представляется своевременным и содержательным в плане обобщения и в определенной степени воспроизведения позитивного контекста

в современных условиях. Коллектив авторов-составителей – ученые, известные своей активной научно-исследовательской деятельностью не только в России, но и за рубежом.

В целом, рецензируемый сборник является самой объёмной из имеющихся на сегодняшний день подборкой архивных документов для изучения одного из важнейших периодов истории как Южного, так и Северного Кавказа в 1722–1735 гг. Полагаем, что данное издание будет востребовано специалистами в области истории Кавказа, России и Ирана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. – Тбилиси: Мецниереба, 1968.
2. Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722-1735 гг.): сборник архивных документов. сост. [Е.И. Иноземцева], Ш.А. Магарамов, Н.Д. Чекулаев. – Махачкала: Мавраевъ, 2020.
3. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М.: ИВЛ, 1958.
4. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. Том 2.
5. Рахаев Дж.Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в. Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг. Российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII в. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012.
6. Русско-дагестанские отношения XVII–первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Составитель: Маршаев Р.Г. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1958.
7. Русско-дагестанские отношения в XVIII–начале XIX вв. Сборник документов. М.: Наука, 1988.

REFERENCES

1. *Documents on Georgia's relations with the North Caucasus in the 18th century.* – Tbilisi: Metsnereba, 1968. (In Russ.).
2. *Western Caspian Sea coast as a part of the Russian Empire (1722-1735): collection of archival documents.* [E.I. Inozemtseva], Sh.A. Magaramov, N.D. Chekulaev. – Makhachkala: Mavraev, 2020. (In Russ.).
3. *History, Geography and Ethnography of Daghestan in the 18th - 19th Centuries. Archival materials.* – Moscow: IVL, 1958. (In Russ.).
4. *Kabardian-Russian Relations in XVI-XVIII centuries. Documents and materials.* – Moscow: Acad. of Sciences of the USSR, 1957. Vol. 2 (In Russ.).
5. Rakhayev, J. Y. *Russian policy in the North Caucasus in the first quarter of the 18th century. Archival and narrative sources 1699 – 1725. Russian-Ottoman and Russian-Persian treaties of the first quarter of the 18th century.* – Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2012. (In Russ.).
6. *Russian-Dagestan Relations in the Seventeenth and First Quarter of the Eighteenth Centuries. Documents and materials. Compiled by R.G.Marshaev.* – Makhachkala: Dag. kn. izdvol. 1958. (In Russ.).
7. *Russian-Dagestani relations in the 18th and early 19th centuries. Collection of Documents.* – Moscow: Nauka, 1988. (In Russ.).

Поступила в редакцию 31.07.2022 г.
Принята к публикации 13.09.2022 г.
Опубликована 10.10.2022 г.

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капанова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 30.09.2022. Формат 60x84 ¹/₈
Гарнитура Georgia.